

ЛИТЕРАТУРА

Часть 1

9

ЛИТЕРАТУРА

9 класс

Учебник

В двух частях

Часть 1

Под редакцией В. Я. Коровиной

*Допущено Министерством просвещения
Российской Федерации*

11-е издание, переработанное

Москва
«Просвещение»
2023

УДК 373.167.1:821.09+821.09(075.3)
ББК 83.3(0)я721
Л64

Учебник допущен к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования организациями, осуществляющими образовательную деятельность, в соответствии с Приказом Министерства просвещения Российской Федерации № 858 от 21.09.2022 г.

Авторы:

В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин, И. С. Збарский

Л64 Литература : 9-й класс : учебник : в 2 частях / В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин, И. С. Збарский ; под ред. В. Я. Коровиной. — 11-е изд., перераб. — Москва : Просвещение, 2023.

ISBN 978-5-09-102517-0.

Ч. 1. — 399 с. : ил.

ISBN 978-5-09-102518-7.

Учебник переработан в соответствии со всеми требованиями ФГОС ООО, утверждённого Приказом Министерства просвещения № 287 от 31.05.2021 г. Примерной рабочей программы основного общего образования.

Учебник входит в учебно-методический комплект для 5—9 классов завершённой предметной линии под редакцией В. Я. Коровиной, призванной обеспечить достижение личностных, метапредметных и предметных результатов, определённых во ФГОС ООО по предмету «Литература», овладение системой универсальных учебных действий. Учебник способствует развитию творческих и коммуникативных способностей обучающихся.

Девятый класс завершает этап основного общего образования, поэтому полученные ранее знания обобщаются, выстраиваются в учебнике в стройную систему, охватывающую развитие литературы от древности до середины XIX века. Глубину содержания произведений помогут понять вопросы и задания, справочный раздел учебника, фонохрестоматия, электронная форма учебника, а также книги учебно-методического комплекта для девятого класса под редакцией В. Я. Коровиной.

УДК 373.167.1:821.09+821.09(075.3)

ББК 83.3(0)я721

ISBN 978-5-09-102518-7 (ч. 1)
ISBN 978-5-09-102517-0

© АО «Издательство «Просвещение» 2014, 2023
© Художественное оформление.
АО «Издательство «Просвещение» 2014, 2023
Все права защищены

Введение

В школе предмет «Литература» входит в число изучаемых наук, таких как математика, физика и другие. Но в отличие от других учебных предметов, литература — предмет эстетический. Следовательно, на уроках литературы изучается *искусство письменного художественного слова*. И это обстоятельство имеет множество особенностей.

Прежде всего в литературе мы встречаемся с жизнью, вымышленной писателями при помощи *воображения*. Но зачем человечеству понадобилось воображать какую-то несуществующую жизнь и делать её интересной, значительной для других людей?

Писателями, философами давались разные ответы. Один из них состоял в том, что обществу необходимо осмыслить свой исторический жизненный опыт, понять, правильно ли оно устроено и что надо сделать, чтобы жизнь стала лучше, плодотворнее и счастливее. Писатели изображали её не в форме сухих и холодных понятий, а *в виде живых картин и полнокровных образов*. Так из вымысла, благодаря воображению, родилась художественная литература, которую стали называть *мышлением в образах* или *образным мышлением*. Она взывала одновременно и к разуму, и к чувствам человека, она обращалась непосредственно к каждому, чтобы он делал добро и искоренял зло в себе и в жизни. Жизнь предстала в художественной литературе очищенной от всяких ненужных, посторонних наслоений, досадных мелочей, которые затемняют её сущность. Вымышленные картины и образы стали восприниматься людьми почти наравне с картинами жизни, с реальными людьми — нашими друзьями и знакомыми. И мы часто невольно сравниваем: он очень похож на скептического Онегина или на наивного, но восторженного Ленского; он настоящий Чичиков или вылитый Плюшкин, хранитель ненужного хлама. Больше того, читая то или иное произведение, мы волнуемся за любимых героев. Мы уже не мыслим свою жизнь без литературных персонажей, хотя и чувствуем ту грань, которая отделяет нас от них.

На этих особенностях художественной литературы основано её воздействие на нас. Когда мы говорим, что *литература имеет воспитательное значение*, — мы не лукавим. Это действительно так. При этом совершенно необязательно непосредственно подражать литературным героям. Лучше жить своей жизнью, но учитывать их опыт.

Бывали в истории времена, когда произведения литературы вдохновляли весь народ. Так было в Великую Отечественную войну 1941—1945 годов, когда стихотворения А. Т. Твардовского и К. М. Симонова были в памяти и на устах у всех. А с наступлением мирного времени жизнь и смерть перестали быть столь же близкими, как в военные годы. И литература, не переставая влиять на нас, изменила способы и формы своего воздействия.

Когда мы читаем художественное произведение и получаем удовольствие, эстетическое наслаждение от чтения, мы невольно растём над собой, становимся лучше, стремимся сделать прекрасной и счастливой жизнь своей страны и даже всего мира. Это чувство может возрождаться вновь и вновь. Пушкин справедливо поставил себе в заслугу:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Пушкин не наставлял людей проповедью добра, как это делает священник в храме, не учил нравственности, подобно родителям и учителям, не исправлял сердца, а пробуждал чувства добрые, таившиеся в душах. Читатели, повинувшись его художественному гению, сами свободно, добровольно пробуждались к добру, становились свободными в своих лучших желаниях и стремлениях.

Русская литература следовала этим заветам Пушкина, признавая его эстетические принципы эталонными, образцовыми. Те, кто читал сочинения Бальзака, не могли не почувствовать, что писатель наслаждается роскошью своих персонажей — аристократов и богачей. Те, кто восхищался гением Гёте, вероятно, замечали, что философские идеи иногда преобладали в его созданиях над образностью. *У Пушкина, как и у Шекспира, мы наблюдаем чистую художественность, в которой этическое и эстетическое слиты в единое прекрасное и совершенное.* Русская литература при всём многообразии талантов держалась пушкинских традиций. В наиболее полной мере их воплощением стала проза Чехова.

Значение русской литературы состоит в том, что её «воспитательные» возможности вытекали не из одних идей и не из одной формы, а из их гармонии, согласия. Поэтому она стала для России и великим классическим искусством, и философским размышлением, и социологическим исследованием, и нравственным заповедным словом.

* * *

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О древнерусской литературе

Словесное искусство Древней Руси берёт своё начало в Средние века — в конце X — начале XI века. Для того чтобы проникнуть в этот далёкий книжный и культурный мир, надо знать историю, религию, особенности эстетических представлений человека той эпохи.

С принятием христианства, православия как государственной религии, пришедшей к нам из Византии через земли южных славян, главным образом через Болгарию, в Древней Руси появились книги — церковно-служебные и повествовательно-исторические. Они были написаны на церковнославянском языке. Так Древняя Русь приобщалась к греческой и общеславянской православной письменности и культуре.

В основе церковнославянских текстов лежала система религиозных представлений о мире, согласно которой Бог — Творец всего сущего.

Приступая к своему сочинению, писатель того времени прежде всего заручался поддержкой Бога, прося Его в своих молитвах оказать помощь в предпринимаемом труде.

Древнерусская литература описывала различные исторические события — походы князей, сражения против печенегов и половцев, битвы князей за киевский престол. Средневековый писатель хорошо знал причину происшедших событий: все они были для него проявлениями Божьей воли.

Древнерусская литература отличается высокой духовностью. Её главный интерес сосредоточен на жизни человеческой души, на воспитании и совершенствовании нравственного начала в человеке, тогда как внешнее, предметное отступает на второй план. Подобно тому как на иконе весь первый план занимают лик и очи (лик — свет души, очи — вход во внутренний мир и отражение внутреннего света), так и в литературе древнерусский писатель прославляет извечно ценные душевные качества — милосердие, скромность, бескорыстие, душевную прямоту и открытость.

Древнерусская литература носила исключительно исторический характер. Она не допускала художественно-

го вымысла. Вымысел допускается не ранее XVII века, когда начинает складываться светская литература.

Средневекового писателя не интересует частный человек с его глубоко земными заботами, печалью и радостями. Он занят событиями государственного масштаба и значения, и поэтому в центре его внимания оказываются князья, бояре, воеводы, священнослужители высокого сана. Они пребывают в историческом освещении в двух планах — реально-историческом и религиозно-символическом. Древний человек на Руси верил, что князь Владимир крестил Русь и что существуют бесы чёрные, с крыльями и хвостами, соблазняющие на негодные поступки.

Древнерусский книжник не мог писать, «добру и злу внимая равнодушно». Он страстно и открыто выражал свою политическую и нравственную позицию.

Ещё одна особенность древнерусской литературы заключается в том, что она всегда соблюдает этикет — этикет миропорядка, этикет поведения и этикет словесный. По словам Д. С. Лихачёва, писатель того времени ясно представлял себе, «как должен был совершаться тот или иной ход событий», «как должно было вести себя действующее лицо», «какими словами должен описывать писатель совершающееся». Древнерусский писатель дорожил общим, повторяющимся, легкоузнаваемым и избегал всего непривычного, частного, случайного. Вот почему обильные цитирования из разных источников, к которым прибегали средневековые книжники, — свидетельство высокой образованности, начитанности и культуры. Писатель мог воспользоваться разными письменными и устными традициями, чем и отличается «Слово о полку Игореве».

Содержание и эстетика древнерусской литературы воплощены в своеобразной системе жанров. Каждый жанр был непосредственно связан с практической жизнью и обслуживал свою область деятельности. *Летописание* было вызвано потребностью государства иметь свою письменную историю. *Богослужебная литература* с её жанрами (Пролог, Апостол, Часослов и др.) предназначалась для отправления церковных служб (треб) и обрядов. Ратные подвиги изображались в *воинских повестях*. Путешествия — в *хождениях*. Описания жизни святых или князей — в *житиях*, также имевших свои отличия. Для каждого жанра был установлен свой канон¹. Письменная литература развивала эпические жанры (*повесть, сказание*), лирические (*поучение*), лиро-эпические (*слово, житие*).

Среди жанров существовала строгая иерархия: главным жанром считалось Священное Писание, за ним шли гимнография и «слова»,

¹ *Канон* — строгие правила, нормы.

толкующие Писание и разъясняющие смысл христианских праздников, затем — жития святых. В XVII веке древнерусская литература обогатилась стихотворными формами, жанрами сатиры и драмы, а житие святого перерастает в повесть бытового или мемуарно-автобиографического характера.

Древнерусская литература, насчитывая семь веков, прошла долгий и впечатляющий путь развития.

Её первый период — XI — первая треть XII века, когда в Древней Руси существуют два центра — Киев и Новгород. Главная идея произведений — превосходство христианства над язычеством («Повесть временных лет», «Житие Феодосия Печерского», «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона, «Хождение игумена Даниила», «Поучение Владимира Мономаха»).

Второй период — вторая треть XII — первая треть XIII века. Появление областных литературных центров (Владимир, Ростов, Смоленск, Галич, Полоцк, Туров). Основные произведения — «Слово о полку Игореве», Киево-Печерский патерик, «Слово» Кирилла Туровского, «Моление» Даниила Заточника.

Третий период — трагический, связанный с монгольским нашествием и борьбой с ним (вторая треть XIII — конец XIV века). Здесь господствует одна тема — героическая, сопряжённая с верой в национальное возрождение.

Четвёртый период — конец XIV — XV век — время подъёма национального самосознания, проявившегося в идее собирания земель, в формировании нравственного идеала. Это нашло отражение в житиях святых, написанных Епифанием Премудрым.

Пятый период — эпоха Московского централизованного государства (конец XV — XVI век) — слияние областных литератур в общерусскую. Здесь достигает необычайного расцвета публицистика. Основные произведения — «Повесть о Петре и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

«...и поиде на половецкыи
земли...»
«...и поиде на половецкыи
земли...»
«...и поиде на половецкыи
земли...»

Летописная повесть о походе Игоря. Игорь Святославич выступает в поход. Миниатюра мирового летописного свода XII в.

тина, «*Великие Четы-Минеи*¹», «*Домострой*», переписка *Ивана Грозного с Андреем Курбским*.

Шестой период — Смутное время, столкновение старых и новых принципов письма. Это период с начала до конца XVII века. Разрушается старый метод изображения действительности и обновляется жанровая система, литература расчленяется на демократическую и официальную, усиливается внимание к человеку. Основные сочинения — «*Повесть о Шемякином суде*», «*Повесть о Ерше Ершовиче*», «*Житие протопопа Аввакума*». XVII век завершает историю древнерусской литературы, а с XVIII века начинается история светской художественной литературы.

В истории русской и мировой культуры невозможно переоценить значение древнерусской литературы. Усвоив европейский опыт, она стала прочной основой национальной литературы XVIII—XXI веков. Её отличают высокие нравственные идеалы, чувство любви к отчизне, родной земле, языку. Она ценила человека, верила в совершенствование и обогащение его душевных качеств и духовного мира. Древнерусская литература выступала за единение людей.

Не изучив произведений древнерусской литературы, нельзя понять творчество писателей золотого века — от Пушкина до Чехова, искусства и литературы серебряного века и последующих за ними эпох.

Древнерусская литература, следуя высоким представлениям об общем благе, создала характеры, отвечающие идеалам духовной красоты человека, отдающего все свои силы интересам родимой земли, — храбрых воинов, стойких в вере «святителей», подвижников и праведников. Без знания древнерусской литературы нельзя понять ни русского классицизма Ломоносова, Фонвизина и Державина, ни русского сентиментализма Радищева и Карамзина, ни русского романтизма Жуковского, Батюшкова и декабристов, ни русского реализма и его великих писателей.

Пушкин обращается к традициям древнерусской литературы ещё в Лицее и остаётся верен своему интересу к ним в «*Песни о вещем Олеге*», трагедии «*Борис Годунов*» и других произведениях. «Характер Пимена не есть моё изобретение, — писал он. — В нём собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умильная кротость, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, можно сказать, набожное к власти царя, данной ему Богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия — дышат в сих драгоценных памятниках времён давно минувших».

Лермонтова всегда занимали древнерусские исторические сказания и предания о вольном Новгороде. Гоголь обратил внимание на учи-

¹ *Четы-Минеи* — книга, в которой на каждое число каждого месяца приведены рассказы о жизни святых, память которых празднуется церковью в соответствующий день.

тельную древнерусскую письменность, считая, что самобытность древнерусской литературы заключается «в слове церковных пастырей — слове простом, некрасноречивом...».

Во второй половине XIX века древнерусская литература становится опорой русских писателей в нравственных поисках и источником новых форм художественного повествования. Здесь уместно назвать имена Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. К. Толстого, Н. С. Лескова, А. П. Чехова и других мастеров слова.

Л. Н. Толстого привлекла древнерусская литература и как писателя, и как педагога. В романе «Война и мир» он использует эпические традиции русских летописей и воинских повестей. При создании «Азбуки»¹ он читал Четьи-Минеи и жития, в которых чувствовал «русскую настоящую поэзию» и особенно ценил язык древнерусского оригинала с его простотой и ясностью изложения. Его пленяла духовная красота христианских подвижников, их честность, трудолюбие, бескорыстие.

Образы русичей в древнерусской литературе вдохновляли А. К. Толстого на написание знаменитых баллад, Н. С. Лескова на создание образов праведников, А. П. Чехова на описания церковных служащих, символистов на религиозные поиски, футуристов на особое отношение к новому слову. В XX веке живая связь с древнерусской литературой не угасла: достаточно вспомнить И. А. Бунина, А. Н. Толстого, А. М. Ремизова, И. С. Шмелёва, А. Т. Твардовского, В. П. Астафьева, В. Г. Распутина, А. И. Солженицына и др. Древнерусская литература и ныне жива в произведениях многих наших писателей.

Проверьте себя

1. Что лежало в основе церковнославянских текстов и что отличало древнерусскую литературу?
2. Какие существовали жанры древнерусской литературы?
3. Какие произведения древнерусской литературы известны вам по курсам 6—8 классов? Назовите героев изученных ранее произведений древнерусской литературы. Расскажите об одном из них.
4. Какие периоды прошла в своём развитии древнерусская литература?
5. Письменно составьте подробный план текста статьи учебника, по плану подготовьте устный пересказ, приведите в качестве примеров произведения древнерусской литературы, изученные в 6—8 классах.

¹ «Азбука» (1872) — учебное пособие Л. Н. Толстого для начальной школы.

О «Слове о полку Игореве»

«Слово о полку Игореве» выросло на плодотворной почве русской культуры XII века. Оно глубокими корнями связано с народной культурой, народным языком, народным мировоззрением, отвечало народным чаяниям. Оно создано в годы, когда процесс феодального дробления Руси достиг наибольшей силы. Множество мелких феодальных «полугосударств»-княжеств враждуют между собой, оспаривая друг у друга владения, старшинство, втягиваясь в братоубийственные войны во имя эгоистических княжеских интересов.

«Слово о полку Игореве» — яркий пример единства культуры Руси XII века, величайший памятник литературы Руси. Оно обращено к будущему, а не к прошлому. Из всех произведений XI—XII веков именно в нём яснее всего видны элементы будущих литератур — русской, украинской и белорусской.

«Слово о полку Игореве» посвящено походу против половцев в 1185 году малозначительного Новгород-Северского князя Игоря Святославича.

Призыв к единению перед лицом внешней опасности пронизывает собой всё «Слово...» от начала и до конца. Необходимость этого единения автор доказывает на примере неудачного похода Игоря многочисленными историческими сопоставлениями, изображением последствий княжеских усобиц, рисуя широкий образ Русской земли, полной городов, рек и многочисленных обитателей. «Слово о полку Игореве» обращало свой призыв не только к русским князьям, но и к общественному мнению *всего русского народа*. Свои суждения автор «Слова...» не отделяет от общественного мнения. Выразителем этого мнения он себя и признаёт, стремясь передать свою оценку событий, свою оценку современного положения Руси как оценку общенародную.

Автор занимал независимую патриотическую позицию, по духу своему близкую русскому народу. Его произведение — горячий призыв к единству Руси перед лицом внешней опасности, призыв к защите мирного созидательного труда русского населения — земледельцев и ремесленников. Его художественная система тесно связана с русским народным творчеством.

По Д. С. Лихачёву

Сло́во — жанр древнерусской литературы, продолжающий традиции проповеди. Для **жанра слова** характерно прославление, воспевание, чаще всего патриотического содержания, нравственная и политическая проблематика, насыщенность выразительными художественными средствами: риторическими вопросами и восклицаниями, аллегориями, эпитетами, сравнениями, метафорами.

Размышляем о прочитанном

1. Составьте цитатный план статьи Д. С. Лихачёва, выделив её главные мысли.
2. Как охарактеризовать годы, в которые создавалось произведение «Слово о полку Игореве»?

Образ автора — понятие, введённое в научный оборот академиком В. В. Виноградовым в 1920-е годы. Под образом автора понимается монологическая речь лица, ведущего повествование и композиционно его организующего. Эта речь отлична от речей действующих лиц и не может быть приравнена к речи какого-либо персонажа. Образ автора всегда присутствует в художественном произведении и не тождествен «реальному» писателю. Речь автора — не речь, например, Гоголя, и образ автора — не образ Гоголя. По мнению В. В. Виноградова, писатель создаёт образ автора подобно тому, как актёр играет роль непохожего на себя человека. Образ автора реконструируется читателем или исследователем на основе текста, и вследствие этого главная задача состоит в установлении способов и приёмов такой реконструкции.

Из истории рукописи

Драгоценнейший памятник старинной русской литературы «Слово о полку Игореве» написан по поводу неудачного похода на половцев северского князя Игоря Святославича в союзе с его братом Всеволодом из Трубчевска, сыном Владимиром из Путивля и племянником Святославом Ольговичем из Рыльска. Поход состоялся в конце апреля — начале мая 1185 года. Кроме «Слова о полку Игореве», о нём рассказывается в Лаврентьевской, Ипатьевской, а также в позднейших летописях. «Слово...» написано вскоре после похода. Открыто оно в конце XVIII века собирателем и любителем древностей графом А. И. Мусиным-Пушкиным. Вскоре была снята копия для Екатерины II. Впервые «Слово о полку Игореве» опубликовано в 1800 году в Москве. В 1812 году во время нашествия Наполеона среди других рукописей Мусина-Пушкина, хранившихся в его московской библиотеке, погибла рукопись, содержащая текст памятника. Таким образом погиб единственный старый список «Слова...», и мы обладаем теперь лишь поздней екатерининской копией с него конца XVIII века и первопечатным текстом памятника.

На первых порах, ещё до гибели рукописи, сделано было несколько переводов его, в том числе стихотворных, на современный русский язык.

Немногочисленные попытки изучения памятника сводились преимущественно к комментированию его тёмных мест. Были и споры о древности текста, некоторые даже считали его подделкой. Появились труды Н. С. Тихонравова, А. А. Потебни, В. Н. Перетца, В. Ф. Ржиги и других исследователей. Огромно число переводов — Я. О. Пожарского, П. Г. Буткова, Н. С. Арцыбашева, позднее — В. А. Жуковского, И. И. Козлова, А. Н. Майкова, Н. А. Заболоцкого, Д. С. Лихачёва, В. А. Кожевникова, И. И. Шкляревского и др.

По Н. К. Гудзию

Спыт литературоведческого исследования

Используя ресурсы Интернета и материалы словаря «Литература Древней Руси», подготовьте устное сообщение об истории открытия, публикации и перевода «Слова о полку Игореве».

Слово о полку Игореве

ВСТУПЛЕНИЕ

Не пора ль нам, братия, начать
 О походе Игоревом слово,
 Чтоб старинной речью рассказать
 Про деянья князя удалого?
 А воспеть нам, братия, его —
 В похвалу трудам его и ранам —
 По былинам времени сего,
 Не гоняясь мыслью за Бояном.
 Тот Боян, исполнен дивных сил,
 Приступая к вещему напеву,
 Серым волком по полю кружил,
 Как орёл, под облаком парил,
 Растекался мыслию по древу¹.
 Жил он в громе дедовских побед,
 Знал немало подвигов и схваток,
 И на стадо лебедей чуть свет
 Выпускал он соколов десятк².
 И, встречая в воздухе врага,
 Начинали соколы расправу,
 И взлетала лебедь в облака,
 И трубила славу Ярославу,
 Пела древний киевский престол,
 Поединок славил старинный,
 Где Мстислав Редедю заколол
 Перед всей косожскою дружиной,
 И Роману Красному хвалу
 Пела лебедь, падая во мглу.
 Но не десять соколов пускал
 Наш Боян, но, вспомнив дни былые,
 Вещие персты он подымал
 И на струны возлагал живые, —
 Вдрагивали струны, трепетали,
 Сами князям славу рокотали.

Мы же по иному замышленью
 Эту повесть о године бед
 Со времён Владимира княженья

¹ *Растекáться мыслию по дрéву* — рассказывать подробно.

² Сравнение пения и игры на гуслях древнего певца с соколиной охотой.

Доведём до Игоревых лет
 И прославим Игоря, который,
 Напрягая разум, полный сил,
 Мужество избрал себе опорой,
 Ратным духом¹ сердце поострил
 И повёл полки родного края,
 Половецким землям угрожая.

О Боян, старинный соловей!
 Приступая к вещему напеву,
 Если б ты о битвах наших дней
 Пел, скача по мысленному древу;

«Слово о полку Игореве». Затмение солнца.
 Художник В. Фаворский

¹ *Ратный дух* — воинский дух.

Если б ты, взлетев под облака,
 Нашу славу с дедовскою славой
 Сочетал на долгие века,
 Чтоб прославить сына Святослава;
 Если б ты Траяновой тропой
 Среди полей помчался и курганов, —
 Так бы ныне был воспет тобой
 Игорь-князь, могучий внук Траянов:
 «То не буря соколов несёт
 За поля широкие и доли,
 То не стаи галочки летят
 К Дону на великие просторы!»
 Или так воспеть тебе, Боян,
 Внук Велесов, наш военный стан:
 «За Сулою кони ржут,
 Слава в Киеве звенит,
 В Новеграде трубы громкие трубят,
 Во Путивле стяги бранные стоят!»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Игорь-князь с могучею дружиной
 Мила брата Всеволода ждёт.
 Молвит буй-тур Всеволод: — Единый
 Ты мне брат, мой Игорь, и оплот!
 Дети Святослава мы с тобою,
 Так седлай же борзых коней, брат!
 А мои давно готовы к бою,
 Возле Курска под седлом стоят.

2

А куряне славные —
 Витязи исправные:
 Родились под трубами,
 Росли под шеломами,
 Выросли, как воины,
 С конца копья вскормлены.
 Все пути им ведомы,
 Все яруги¹ знаемы,

¹ *Яруги* — овраги, буераки.

Луки их натянуты,
 Колчаны отворены,
 Сабли их наточены,
 Шеломы позолочены.
 Сами скачут по полю волками
 И, всегда готовые к борьбе,
 Добывают острыми мечами
 Князю — славы, почестей — себе!

3

Но, взглянув на солнце в этот день,
 Подивился Игорь на светило:
 Середь бела-дня ночная тень
 Ополченья русские покрыла.
 И, не зная, что сулит¹ судьбина,
 Князь промолвил: — Братья и дружина!
 Лучше быть убиту от мечей,
 Чем от рук поганых полонёну!
 Сядем, братья, на лихих коней
 Да посмотрим синего мы Дону! —
 Вспала князю эта мысль на ум —
 Искусить неведомого края,
 И сказал он, полон ратных дум,
 Знаменьем небес пренебрегая:
 — Копие хочу я преломить
 В половецком поле незнакомом,
 С вами, братья, голову сложить
 Либо Дону зачерпнуть шеломом!

4

Игорь-князь во злат-стремень вступает,
 В чистое он поле выезжает.
 Солнце тьмою путь ему закрыло,
 Ночь грозою птиц перебудила,
 Свист зверей несётся, полон гнева,
 Кличет Див² над ним с вершины древа,
 Кличет Див, как половец в дозоре,
 За Сулу, на Сурож, на Поморье,
 Корсуню и всей округе ханской,
 И тебе, болван тмутороканский!

¹ *Сулить* — обещать, предрекать.

² *Див* — демонический персонаж восточнославянской языческой мифологии.

5

И бегут, заслышав о набеге,
 Половцы сквозь степи и яруги,
 И скрипят их старые телеги,
 Голосят, как лебеди в испуге.
 Игорь к Дону движется с полками,
 А беда несётся вслед за ним:
 Птицы, поднимаясь над дубами,
 Реют с криком жалобным своим,
 По оврагам волки завывают,
 Крик орлов доносится из мглы —
 Знать, на кости русские скликают
 Зверя кровожадные орлы;
 Уж лиса на щит червлёный¹ брешет,
 Стон и скрежет в сумраке ночном...
 О Русская земля!
 Ты уже за холмом.

6

Долго длится ночь. Но засветился
 Утренними зорями восток.
 Уж туман над полем за клубился,
 Говор галок в роще пробудился,
 Соловьиный щёкот приумолк.
 Русичи, сомкнув щиты рядами,
 К славной изготовились борьбе,
 Добывая острыми мечами
 Князю — славы, почестей — себе.

7

На рассвете, в пятницу, в туманах,
 Стрелами по полю полетев,
 Смяло войско половцев поганых
 И умчало половецких дев.
 Захватили золота без счёта,
 Груды аксамитов² и шелков,
 Вымостили топкие болота
 Епанчами³ красными врагов.
 А червлёный стяг с хоругвью белой,

¹ Червлёный — красный.

² Аксамит — бархат.

³ Епанча — род плаща.

Чёлку и копьё из серебра
 Взял в награду Святославич смелый,
 Не желая прочего добра.

8

Выбрав в поле место для ночлега
 И нуждаясь в отдыхе давно,
 Спит гнездо бесстрашное Олега —
 Далеко подвинулось оно!
 Залетело храброе далече,
 И никто ему не господин —
 Будь то сокол, будь то гордый кречет,
 Будь то чёрный ворон — половчин.
 А в степи, с ордой своею дикой
 Серым волком рыская чуть свет,
 Старый Гзак на Дон бежит великий,
 И Кончак¹ спешит ему вослед.

9

Ночь прошла, и кровавые зори
 Возвещают бедствие с утра.
 Туча надвигается от моря
 На четыре княжеских шатра.
 Чтоб четыре солнца не сверкали,
 Освещая Игореву рать,
 Быть сегодня грому на Каяле,
 Лить дождю и стрелами хлестать!
 Уж трепещут синие зарницы,
 Вспыхивают молнии кругом.
 Вот где копьям русским преломиться,
 Вот где саблям острым притупиться,
 Загремев о вражеский шелом!
 О Русская земля!
 Ты уже за холмом.

10

Вот Стрибожьи вылетели внуки² —
 Зашумели ветры у реки,
 И взметнули вражеские луки
 Тучу стрел на русские полки.

¹ Гзак, Кончак — половецкие ханы.

² Стрибожьи... внуки — ветры; Стрибог — русский языческий бог воздушных стихий — бури, ветра.

Стоном стонет мать-земля сырая,
 Мутно реки быстрые текут,
 Пыль несётся, поле покрывая,
 Стяги плещут: половцы идут!
 С Дона, с моря, с криками и с воем
 Валит враг, но, полон ратных сил,
 Русский стан сомкнулся перед боем —
 Щит к щиту — и степь загородил.

11

Славный яр-тур¹ Всеволод! С полками
 В обороне крепко ты стоишь,
 Прыщешь стрелы, острыми клинками
 О шеломы ратные гремишь.
 Где ты ни проскачешь, тур, шеломом
 Золотым посвечивая, там
 Шишаки земель аварских с громом
 Падают, разбиты пополам.
 И слетают головы с поганых,
 Саблями порублены в бою,
 И тебе ли, тур, скорбеть о ранах,
 Если жизнь не ценишь ты свою!
 Если ты на ратном этом поле
 Позабыл о славе прежних дней,
 О златом черниговском престоле,
 О желанной Глебовне своей!

12

Были, братья, времена Траяна,
 Миновали Ярослава годы,
 Позабылись правнуками рано
 Грозные Олеговы походы.
 Тот Олег мечом ковал крамолу²,
 Пробираясь к отчему престолу,
 Сеял стрелы и, готовясь к брани,
 В злат-стремень вступал в Тмуторокани.
 В злат-стремень вступал, готовясь к сече,
 Звон тот слушал Всеволод далече,
 А Владимир за своей стеною
 Уши затыкал перед бедою.

¹ *Яр-тур* — эпитет (яростный, грозный и могучий, как дикий бык), которым наделял Всеволод Святославич, князь Трубчевский и Курский, брат Игоря Святославича Новгород-Северского; ещё он назван в «Слове о полку Игореве» *мил брат, буй-тур*.

² *Ковать крамолу* — ссориться (*крамóла* — ссора, предательство).

13

А Борису, сыну Вячеслава,
 Зелен-саван у Канина берега
 Присудила воинская слава
 За обиду храброго Олега.
 На такой же горестной Каяле,
 Протянув носилки между вьюков,
 Святополк отца увёз в печали,
 На конях угорских убаюкав.
 Прозван Гориславичем в народе,
 Князь Олег пришёл на Русь, как враг,
 Внук Даждь-бога бедствовал в походе,
 Век людской в крамолах стал недолог.
 И не стало жизни нам богатой,
 Редко в поле выходил оратай,
 Вороны над пашнями кружились,
 На убитых с криками садились,
 Да слетались галки на беседу,
 Собираясь стаями к обеду...
 Много битв в те годы отзвучало,
 Но такой, как эта, не бывало.

14

Уж с утра до вечера и снова —
 С вечера до самого утра
 Бьётся войско князя удалого,
 И растёт кровавых тел гора.
 День и ночь над полем незнакомым
 Стрелы половецкие свистят,
 Сабли ударяют по шеломам,
 Копья харалужные¹ трещат.
 Мёртвыми усеяно костями,
 Далеко от крови почернев,
 Задымилось поле под ногами,
 И взошёл великими скорбями
 На Руси кровавый тот посев.

15

Что там шумит,
 Что там звенит
 Далеко во мгле, перед зарёю?

¹ Харалужные — стальные, булатные.

Игорь, весь израненный, спешит
 Беглецов вернуть обратно к бою.
 Не удержишь вражескую рать!
 Жалко брата Игорю терять.
 Бились день, рубились день, другой,
 В третий день к полудню стяги пали,
 И расстался с братом брат родной
 На реке кровавой, на Каяле.
 Недостало русичам вина,
 Славный пир дружины завершили —
 Напоили сватов допьяна
 Да и сами головы сложили.
 Степь поникла, жалости полна,
 И деревья ветви приклонили.

16

И настала тяжкая година,
 Поглотила русичей чужбина,
 Поднялась Обида от курганов
 И вступила девой в край Траянов.
 Крыльями лебяжьими всплеснула,
 Дон и море оглашая криком,
 Времена довольства пошатнула,
 Возвестив о бедствии великом.
 А князья дружин не собирают,
 Не идут войной на супостата,
 Малое великим называют
 И куют крамолу брат на брата.
 А враги на Русь несутся тучей,
 И повсюду бедствие и горе.
 Далеко ты, сокол наш могучий,
 Птиц бия, ушёл на сине море!

17

Не воскреснуть Игоря дружине,
 Не подняться после грозной сечи!
 И явилась Карна и в кручине
 Смертный вопль исторгла, и далече
 Заметалась Желя¹ по дорогам,
 Потрясая искромётным рогом.
 И от края, братья, и до края

¹ *Карна* и *Желя* (*Жля*) — русские языческие погребальные божества; *Карна* — олицетворение кары и скорби; *Желя* — плач по убитым.

Пали жёны русские, рыдая:
 — Уж не видеть милых лад нам боле!
 Кто разбудит их на ратном поле?
 Их теперь нам мыслию не смыслить,
 Их теперь нам думою не сдумать,
 И не жить нам в тереме богатом,
 Не звенеть нам серебром да златом!

18

Стонет, братья, Киев над горою,
 Тяжела Чернигову напасть,
 И печаль обильною рекою
 По селеньям русским разлилась.
 И нависли половцы над нами,
 Дань берут по белке со двора,
 И растёт крамола меж князьями,
 И не видно от князей добра.

19

Игорь-князь и Всеволод отважный —
 Святослава храбрые сыны —
 Вот ведь кто с дружиною бесстрашной
 Разбудил поганых для войны!
 А давно ли мощною рукою
 За обиды наши покарав,
 Это зло великою грозой
 Усыпил отец их Святослав!
 Был он грозен в Киеве с врагами
 И поганых ратей не щадил —
 Устрашил их сильными полками,
 Порубил булатными мечами
 И на Степь ногою наступил.
 Потоптал холмы он и яруги,
 Возмутил течение быстрых рек,
 Исушил болотные округи,
 Степь до лукоморья пересек.
 А того поганого Кобяка
 Из железных вражеских рядов
 Вихрем вырвал — и упал, собака,
 В Киеве, у княжьих теремов.

20

Венецейцы, греки и моравы
 Что ни день о русичах поют,

Величают князя Святослава,
 Игоря отважного клянут.
 И смеётся гость земли немецкой,
 Что, когда не стало больше сил,
 Игорь-князь в Каяле половецкой
 Русские богатства утопил.
 И бежит молва про удалого,
 Будто он, на Русь накликав зло,
 Из седла, несчастный, золотого
 Пересел в кашеево седло...
 Приумолкли города, и снова
 На Руси веселье полегло.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

В Киеве далёком, на горах,
 Смутный сон приснился Святославу,
 И объял его великий страх,
 И собрал бояр он по уставу.
 — С вечера до нынешнего дня, —
 Молвил князь, поникнув головою, —
 На кровати тисовой меня
 Покрывали чёрной пеленою.
 Черпали мне синее вино,
 Горькое отравленное зелье,
 Сыпали жемчуг на полотно
 Из колчанов вражьего изделия.
 Златоверхий терем мой стоял
 Без конька, и, предвещая горе,
 Серый ворон в Плесенске кричал
 И летел, шумя, на сине-море.

2

И бояре князю отвечали:
 — Смутен ум твой, княже, от печали.
 Не твои ли два любимых чада
 Поднялись над полем незнакомым —
 Поискать Тмуторокани-града
 Либо Дону зачерпнуть шеломом?
 Да напрасны были их усилья.
 Посмеявшись на твои седины,

Подрубили половцы им крылья,
А самих опутали в путины.

3

В третий день окончилась борьба
На реке кровавой, на Каяле,
И погасли в небе два столба,
Два светила в сумраке пропали.
Вместе с ними, за море упав,
Два прекрасных месяца затмились —
Молодой Олег и Святослав
В темноту ночную погрузились.
И закрылось небо, и погас
Белый свет над Русскою землёю,
И, как барсы лютые, на нас
Кинулись поганые с войною.
И воздвиглась на Хвалу Хула,
И на волю вырвалось Насилье,
Прянул¹ Див на землю, и была
Ночь кругом и горя изобилье.

4

Девы готские у края
Моря синего живут.
Русским золотом играя,
Время Бусово поют.
Мечь лелеют Шаруканью,
Нет конца их ликованью...
Нас же, братия-дружина,
Только беды стерегут.

5

И тогда великий Святослав
Изронил² своё златое слово,
Со слезами смешано, сказав:
— О сыны, не ждал я зла такого!
Загубили юность вы свою,
На врага не вовремя напали,
Не с великой честью в бою
Вражью кровь на землю проливали.
Ваше сердце в ковanej броне

¹ *Прянуть* — внезапно прыгнуть.

² *Изронить* (устар.) — выронить, проронить, выпустить. Здесь: произнести.

Закалилось в буйстве самочинном.
 Что ж вы, дети, натворили мне
 И моим серебряным сединам?
 Где мой брат, мой грозный Ярослав,
 Где его черниговские слуги,
 Где татраны, жители дубрав,
 Топчаки, ольберы и ревуги?
 А ведь было время — без щитов,
 Выхватив ножи из голенища,
 Шли они на полчища врагов,
 Чтоб отмстить за наши пепелища.
 Вот где славы прадедовской гром!
 Вы ж решили бить наудалую:
 «Нашу славу силой мы возьмём,
 А за ней поделим и былую».
 Диво ль старцу — мне помолодеть?
 Старый сокол, хоть и слаб он с виду,
 Высоко заставит птиц лететь,
 Никому не даст гнезда в обиду.
 Да князья помочь мне не хотят,
 Мало толку в силе молодецкой.
 Время, что ли, двинулось назад?
 Ведь под самым Римовым кричат
 Русичи под саблей половецкой!
 И Владимир в ранах, чуть живой, —
 Горе князю в сече боевой!

6

Князь великий Всеволод! Доколе
 Муки нам великие терпеть?
 Не тебе ль на суздальском престоле
 О престоле отчет порадеть?
 Ты и Волгу вёслами расплещешь,
 Ты шеломом вычерпаешь Дон,
 Из живых ты луков стрелы мечешь,
 Сыновьями Глеба окружён.
 Если б ты привёл на помощь рати,
 Чтоб врага не выпустить из рук, —
 Продавали б девок по ногате,
 А рабов — по резани на круг.

7

Вы, князья буй-Рюрик и Давид!
 Смолкли ваши воинские громы.

А не ваши ль плавали в крови
 Золотом покрытые шелома?
 И не ваши ль храбрые полки
 Рыкают, как туры, умирая
 От калёной сабли, от руки
 Ратника неведомого края?
 Встаньте, государи, в злат-стремень
 За обиду в этот чёрный день,
 За Русскую землю,
 За Игоревы раны —
 Удалого сына Святославича!

8

Ярослав, князь галицкий! Твой град
 Высоко стоит под облаками.
 Оседлал вершины ты Карпат
 И подпёр железными полками.
 На своём престоле золотом
 Восемь дел ты, князь, решаешь разом,
 И народ зовёт тебя кругом
 Осмомыслом — за великий разум.
 Дверь Дуная заперев на ключ,
 Королю дорогу заступая,
 Бремена ты мечешь выше туч,
 Суд вершишь до самого Дуная.
 Власть твоя по землям потекла,
 В Киевские входишь ты пределы,
 И в салтанов с отчего стола
 Ты пускаешь княжеские стрелы.
 Так стреляй в Кончака, государь,
 С дальних гор на ворога ударь —
 За Русскую землю,
 За Игоревы раны —
 Удалого сына Святославича!

9

Вы, князя Мстислав и буй-Роман!
 Мчит ваш ум на подвиг мысль живая.
 И несётесь вы на вражий стан,
 Соколом ширясь сквозь туман,
 Птицу в буйстве одолеть желая.
 Вся в железе княжеская грудь,
 Золотом шелом латинский блещет,
 И повсюду, где лежит ваш путь,

Вся земля от тяжести трепещет.
 Хинову вы били и Литву;
 Деремела, половцы, ятвяги,
 Бросив копья, пали на траву
 И склонили буйную главу
 Под мечи булатные и стяги.

10

Но уж прежней славы больше с нами нет.
 Уж не светит Игорю солнца ясный свет.
 Не ко благу дерево листья уронило:
 Поганое войско грады поделило.
 По Суле, по Роси счёту нет врагу.
 Не воскреснуть Игореву храброму полку!
 Дон зовёт нас, княже, кличет нас с тобой!
 Ольговичи храбрые одни вступили в бой.

11

Князь Ингварь, князь Всеволод!¹ И вас
 Мы зовём для дальнего похода,
 Трое ведь Мстиславичей² у нас,
 Шестокрыльцев княжеского рода!³
 Не в бою ли вы себе честном
 Города и волости достали?
 Где же ваш отеческий шелом,
 Верный щит, копье из ляшской стали?
 Чтоб ворота Полю запереть,
 Вашим стрелам время зазвенеть
 За Русскую землю,
 За Игоревы раны —
 Удалого сына Святославича!

¹ *Князь Ингварь, князь Всеволод* — имеются в виду сыновья Ярослава Изяславича Луцкого.

² *Трое ведь Мстиславичей* — имеются в виду Роман, Святослав и Всеволод, сыновья Мстислава Изяславича, князя Волынского.

³ *Шестокрыльцев княжеского рода* — Мстиславичи (Роман, Святослав и Всеволод), возможно, сравниваются здесь с соколами, у которых каждое крыло (особенно это видно при парении) делится на три части; автор хотел сказать, что руки каждого Мстиславича подобны крыльям сокола, поэтому Мстиславичи названы «шестокрыльцами».

12

Уж не течёт серебряной струёю
 К Переяславлю-городу Сула.
 Уже Двина за полоцкой стеною
 Под клик поганых в топи утекла.
 Но Изяслав, Васильков сын, мечами
 В литовские шеломы позвонил,
 Один с своими храбрыми полками
 Всеславу-деду славы прирубил.
 И сам, прирублен саблею калёной,
 В чужом краю, среди кровавых трав,
 Кипучей кровью в битве обагрённый,
 Упал на щит червлёный, простонав:
 — Твою дружину, княже, приодели
 Лишь птичьи крылья у степных дорог,
 И полизали кровь на юном теле
 Лесные звери, выйдя из берлог. —
 И в смертный час на помощь храбру мужу
 Никто из братьев в бой не поспешил.
 Один в степи свою жемчужну душу
 Из храброго он тела изронил.
 Через золотое, братья, ожерелье
 Ушла она, покинув свой приют.
 Печальны песни, замерло веселье,
 Лишь трубы городенские поют...

13

Ярослав и правнуки Всеслава!
 Преклоните стяги! Бросьте меч!
 Вы из древней выскочили славы,
 Коль решили честью пренебречь.
 Это вы раздорами и смутой
 К нам на Русь поганых завели,
 И с тех пор житья нам нет от лютой
 Половецкой проклятой земли!

14

Шёл седьмой по счёту век Траянов.
 Князь могучий полоцкий Всеслав
 Кинул жребий, в будущее глянув,
 О своей любимой загадав.
 Замышляя новую крамолу,
 Он опору в Киеве нашёл
 И примчался к древнему престолу,

И копьём ударил о престол.
 Но не дрогнул старый княжий терем,
 И Всеслав, повиснув в синей мгле,
 Выскочил из Белгорода зверем —
 Не жилец на Киевской земле.
 И, звеня секирами на славу,
 Двери новгородские открыл,
 И расшиб он славу Ярославу,
 И с Дудуток через лес-дубраву
 До Немиги волком проскочил.
 А на речке, братья, на Немиге
 Княжью честь в обиду не дают —
 День и ночь снопы кладут на риге,
 Не снопы, а головы кладут.
 Не цепом — мечом своим булатным
 В том краю молотит земледел,
 И кладёт он жизнь на поле ратном,
 Веет душу из кровавых тел.
 Берега Немиги той проклятой
 Почернели от кровавых трав —
 Не добром засеял их оратай,
 А костями русскими — Всеслав.

15

Тот Всеслав людей судом судил,
 Города Всеслав князьям делил,
 Сам всю ночь, как зверь, блуждал в тумане,
 Вечер — в Киеве, до зорь — в Тмуторокани,
 Словно волк, напав на верный путь,
 Мог он Хорсу бег пересягнуть.

16

У Софии в Полоцке, бывало,
 Позвонят к заутрене, а он
 В Киеве, едва заря настала,
 Колокольный слышит перезвон.
 И хотя в его могучем теле
 Обитала вещая душа,
 Всё ж страданья князя одолели
 И погиб он, местию дыша.
 Так свершил он путь свой небывалый.
 И сказал Боян ему тогда:
 «Князь Всеслав! Ни мудрый, ни удалый
 Не минуют Божьего суда».

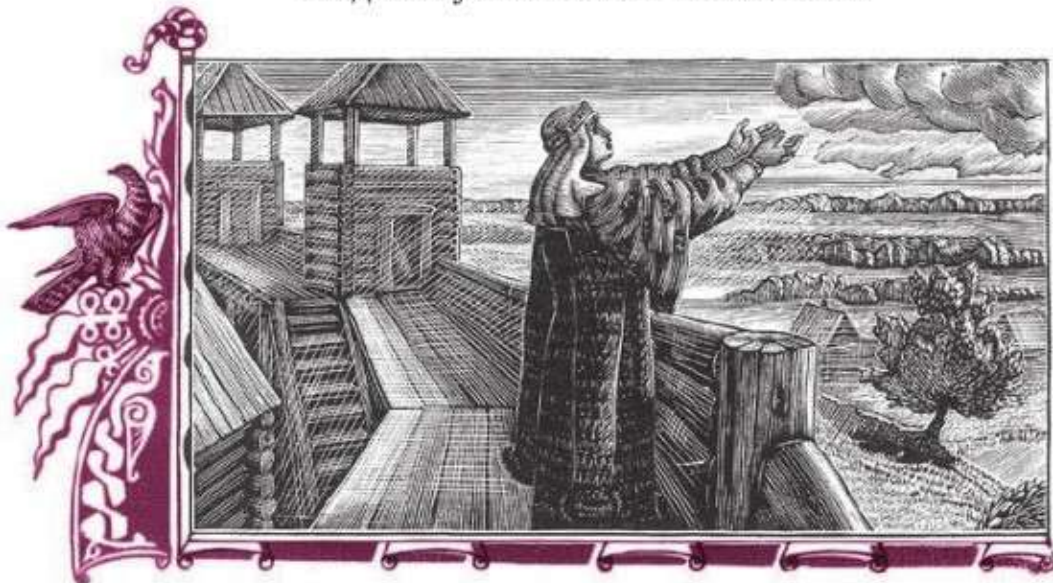
17

О, стонать тебе, земля родная,
 Прежние години вспоминая
 И князей давно минувших лет!
 Старого Владимира уж нет.
 Был он храбр, и никакая сила
 К Киеву б его не пригвоздила.
 Кто же стяги древние хранит?
 Эти — Рюрик носит, те — Давид,
 Но не вместе их знамёна плещут,
 Врозь поют их копия и блещут.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Над широким берегом Дуная,
 Над великой Галицкой землёй
 Плачет, из Путивля долетая,
 Голос Ярославны молодой:
 — Обернусь я, бедная, кукушкой,
 По Дунаю-речке полечу
 И рукав с бобровою опушкой,
 Наклонясь, в Каяле омочу.
 Улетят, развеются туманы,
 Приоткроет очи Игорь-князь,
 И утру кровавые я раны,
 Над могучим телом наклонясь.

«Слово о полку Игореве». Плач Ярославны. Художник В. Фаворский

Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займётся поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:

— Что ты, Ветер, злобно повеваешь,
Что клубишь туманы у реки,
Стрелы половецкие вздымаешь,
Мечешь их на русские полки?
Чем тебе не любо на просторе
Высоко под облаком летать,
Корабли лелеять в синем море,
За кормою волны колыхать?
Ты же, стрелы вражеские сея,
Только смертью веешь с высоты.
Ах, зачем, зачем моё веселье
В ковылях навек развеял ты?

На заре в Путивле причитая,
Как кукушка раннею весной,
Ярославна кличет молодая,
На стене рыдая городской:

— Днепр мой славный! Каменные горы
В землях половецких ты пробил,
Святослава в дальние просторы
До полков Кобяковых носил.
Возлелей же князя, господине,
Сохрани на дальней стороне,
Чтоб забыла слёзы я отныне,
Чтобы жив вернулся он ко мне!

Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займётся поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:

— Солнце трижды светлое! С тобою
Каждому приветно и тепло.
Что ж ты войско князя удалое
Жаркими лучами обожгло?
И зачем в пустыне ты безводной
Под ударом грозных половчан
Жаждою стянуло лук походный,
Горем переполнило колчан?

2

И взыграло море. Сквозь туман
Вихрь промчался к северу родному —

Сам Господь из половецких стран
 Князю путь указывает к дому.
 Уж погасли зори. Игорь спит —
 Дремлет Игорь, но не засыпает.
 Игорь к Дону мыслями летит,
 До Донца дорогу измеряет.
 Вот уж полночь. Конь давно готов.
 Кто свистит в тумане за рекою?
 То Овлур. Его условный зов
 Слышит князь, укрытый темнотою:
 — Выходи, князь Игорь! — И едва
 Смолк Овлур, как от ночного гула
 Вздогнула земля,
 Зашумела трава,
 Буйным ветром вежи¹ всколыхнуло.

В горностаю-белку обратясь,
 К тростникам помчался Игорь-князь

И поплыл, как гоголь, на волне,
 Полетел, как ветер, на коне.

Конь упал, и князь с коня долой,
 Серым волком скачет он домой.

Словно сокол, вьётся в облака,
 Увидав Донец издалека.

Без дорог летит и без путей,
 Бьёт к обеду уток-лебедей.

Там, где Игорь соколом летит,
 Там Овлур, как серый волк, бежит,

Все в росе от полуночных трав,
 Борзых коней в беге надорвав.

3

Уж не каркнет ворон в поле,
 Уж не крикнет галка там,
 Не трещат сороки боле,
 Только скачут по кустам.

¹ *Вéжа* — шатёр, палатка, шалаш.

Дятлы, Игоря встречая,
 Стуком кажут путь к реке,
 И, рассвет весёлый возвещая,
 Соловьи ликуют вдалеке.

4

И, на волнах витязя лелея,
 Рёк Донец: — Велик ты, Игорь-князь!
 Русским землям ты принёс веселье,
 Из неволи к дому возвратясь.
 — О, река! — ответил князь. — Немало
 И тебе величья! В час ночной
 Ты на волнах Игоря качала,
 Берег свой серебряный устлала
 Для него зелёною травой.
 И когда дремал он под листвою,
 Где царила сумрачная мгла,
 Страж ему был гоголь над водою,
 Чайка князя в небе стерегла.

5

А не всем рекам такая слава.
 Вот Стугна, худой имея нрав,
 Разлилась близ устья величаво,
 Все ручьи соседние пожрав,
 И закрыла Днепр от Ростислава,
 И погиб в пучине Ростислав.
 Плачет мать над тёмною рекою,
 Кличет сына-юношу во мгле,
 И цветы поникли, и с тоскою
 Приклонилось дерево к земле.

6

Не сороки во поле стрекочут,
 Не вороны кличут у Донца —
 Кони половецкие топочут,
 Гзак с Кончаком ищут беглеца.
 И сказал Кончаку старый Гзак:
 — Если сокол улетает в терем,
 Соколёнок попадёт впросак —
 Золотой стрелой его подстрелим. —
 И тогда сказал ему Кончак:
 — Если сокол к терему стремится,
 Соколёнок попадёт впросак —

Мы его опутаем девицей.
 — Коль его опутаем девицей, —
 Отвечал Кончаку старый Гзак, —
 Он с девицей в терем свой умчится,
 И начнёт нас бить любая птица
 В половецком поле, хан Кончак!

7

И изрёк Боян, чем кончить речь
 Песнотворцу князя Святослава:
 — Тяжко, братья, голове без плеч,
 Горько телу, коль оно безглаво. —
 Мрак стоит над Русскою землёй:
 Горько ей без Игоря одной.

8

Но восходит солнце в небеси —
 Игорь-князь явился на Руси.

Вьются песни с дальнего Дуная,
 Через море в Киев долетая.

По Боричеву восходит удалой
 К Пирогощей Богородице Святой.

И страны рады,
 И веселы грады.

Пели песню старым мы князьям,
 Молодых настало время славить нам:

Слава князю Игорю,
 Буй-тур Всеволоду,
 Владимиру Игоревичу!

Слава всем, кто, не жалея сил,
 За христиан полки поганых бил!

Здрав будь, князь, и вся дружина здрава!
 Слава князьям и дружине слава!

Перевод Н. А. Заболоцкого

Размышляем о прочитанном

1. Подумайте, в чём основная мысль произведения. Как проявляется идея автора в тексте «золотого слова» Святослава и почему оно получило такое название? Каким вы представляете себе автора «Слова о полку Игореве»?
2. Какие приёмы помогают автору «Слова...» создать характеры героев, выразить мысль о единении сил перед лицом внешней опасности?
3. В. Г. Белинский в «Статьях о народной поэзии» пишет: «...Плач Ярославны дышит глубоким чувством. Это не жена, которая после гибели мужа осталась горькою сиротою, без угла и без куска... это... любящая душа тоскливо порывается к своему милому, к своей *ладе*, чтобы омочить в Каяле-реке бобровый рукав и отереть им кровавые раны на теле возлюбленного». Согласны ли вы с мнением знаменитого критика? Каким вам представляется образ Ярославны?
4. Каково значение князей Игоря и Всеволода в борьбе за единение сил русского воинства? Подготовьте рассказ об одном из них, опираясь на текст «Слова о полку Игореве».

Литература и другие виды искусства

1. Известна ли вам опера А. Бородина «Князь Игорь»? В чём сходство и в чём различия в сюжетах литературного памятника «Слово о полку Игореве» и оперного либретто (текста оперы)? Как вы думаете, почему либретто оперы отличается от содержания эпической поэмы?
2. Рассмотрите внимательно иллюстрации к «Слову о полку Игореве». Какими представляет себе художник-иллюстратор портреты героев и что подчёркивает в них?

Развиваем дар слова

1. Составьте предполагаемый диалог с автором об особенностях «Слова о полку Игореве», о героях, их поступках, идее произведения.
2. Введите выражения «растекался мыслию по древу», «ковал крамолу», «изронил своё золотое слово» в устные сообщения о сюжете и героях «Слова о полку Игореве».
3. Какую роль в тексте произведения играют слова и словосочетания:
сложить песнь, отвагою запалил себя, заострил сердце, накликают, грозу суля, ковал крамолу, изронил золотое слово, молит, величать, за-

причитала, вспала мысль, знаменем небес пренебрегая, к славной из-готовились борьбе? Объясните их смысл.

Творческое задание

1. Подготовьте развёрнутые планы сочинений на темы: «Ярославна — героиня „Слова о полку Игореве“»; «В чём пафос памятника „Слова о полку Игореве“?»; «В чём актуальность „Слова о полку Игореве“ в наши дни?»; «Моё отношение к героям „Слова о полку Игореве“» (на выбор).
2. Подготовьте похвальное слово Ярославне в духе поэтики «Слова о полку Игореве».

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

«Слово о полку Игореве»

1. Драгоценный памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» написан по поводу неудачного похода на половцев князя Игоря Святославича. Вслушаемся в актёрское чтение текста. Настраивает ли вступление на восприятие «Слова...»? Какие слова звучат в чтении актёров особенно торжественно? Какие чувства окрашивают чтение (сочувствие, сострадание, грусть...)?
2. Почему интонация и эмоциональный фон «золотого слова Святослава» так резко отличаются от звучания вступления? Какими интонациями сменяются скорбь, печаль, досада, прозвучавшие в устах князя в начале «золотого слова», в тот момент, когда он обращается к русским князьям с призывом к объединению для защиты родных земель? Помогает ли музыка передать страстность призыва старого князя Святослава? Как меняется ритм актёрской речи вместе с ритмом музыкального сопровождения?
3. Что особенно запомнилось вам в актёрском чтении и что вы использовали бы при подготовке собственного чтения?
4. Какие чувства передаёт в своём чтении «Плача Ярославны» А. Покровская? Усиливает ли восприятие музыкальное сопровождение?
5. Какими средствами художественного чтения актриса передаёт динамику, стремительное движение в сцене побега Игоря?
6. Подготовьте выразительное чтение «Слова о полку Игореве», постарайтесь при чтении передать особенности эмоционального содержания произведения.

ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА

Классицизм

Классицизм (от лат. *classicus* — образцовый) — художественный стиль и эстетическое направление в европейской литературе и искусстве XVII—XVIII веков, одной из важнейших черт которого являлось обращение к образцам античной литературы и искусства как к эстетическому эталону.

Поэтика классицизма начинала складываться в эпоху позднего Возрождения в Италии, сформировалась в XVII веке во Франции. Классицисты считали, что в искусстве необходимо строгое соблюдение правил, которые почерпнуты из античной поэтики Аристотеля, Горация. Эстетика классицизма устанавливает строгую иерархию жанров: «высокие» жанры — трагедия, эпопея, ода; «низкие» жанры — комедия, сатира, басня.

Во Франции особого развития достигли «низкие» жанры — басня (Ж. Лафонтен), сатира (Н. Буало). Комедии Ж.-Б. Мольера перестали быть «низким» жанром, его лучшие пьесы получили название высокой комедии. После Великой французской революции (конец XVIII века) классицизм в Европе пришёл в упадок.

Законы и правила классицизма получили теоретико-художественное воплощение в стихотворном трактате Никола́ Буало́-Депре́ «Поэтическое искусство», написанном в 1674 году. В нём приведены в систему, полно и всесторонне обобщены законы и правила классицизма, изложенные в простой, доступной и вместе с тем изящной и увлекательной форме. «Поэтическое искусство» обладает высокими эстетическими достоинствами: ясным, точным языком, часто афористичным и метким, выверенной логикой построения. Не приходится говорить, что популярность этого произведения во всех европейских странах, в том числе и в России, была колоссальной. Авторитет Буало велик до сих пор, многие его мысли сохраняют своё значение и ныне.

Классицизм в России. В начале XVIII столетия, в Петровскую эпоху, Россия стала стремительно развиваться благодаря преобразованиям во всех областях государственной и культурной жизни. Эти преобразования привели к централизации самодержавной государственности и сами содействовали ей. В это время укрепилась независимость России, возросла её военная мощь, произошло культурное сближение державы со странами Европы и усилилось её влияние на европейской арене.

Широко используя достижения отечественной и мировой науки, культуры, техники, промышленности, образования, Пётр I своими реформами открыл новые пути для русской литературы. Несмотря на то что движение России по пути прогресса после кончины Петра Великого замедлилось, русское общество достигло в XVIII веке огромных успехов в области культуры и образования. Русские монархи, в особенности Пётр I и Екатерина II, отчётливо понимали, что двинуть вперёд страну, разрушить косные патриархальные порядки, застарелые суеверия, создававшие помехи росту материальных ценностей и новым общественным отношениям, утвердить новые светские государственные и моральные нормы и понятия можно только с помощью образования, просвещения, культуры, печати.

В этой связи литературе уделялось исключительное внимание.

Различные слои русского общества в этих условиях получили возможность для широкой умственной и художественной деятельности: были открыты Московский университет, общеобразовательные школы и профессиональные училища, введён новый календарь, основана первая русская газета, учреждены Академия наук, Академия художеств, Вольное экономическое общество, первый постоянный русский театр. Общество получило возможность высказывать свои мнения, критиковать дела правительства, вельмож и сановников.

Русская литература XVIII века унаследовала от древнерусской литературы высокое представление об искусстве слова и о миссии писателя, о могучем воспитательном воздействии книги на общество, на умы и чувства сограждан. Она придала этим исторически сложившимся особенностям новые формы, используя возможности европейского классицизма и просвещения.

Главной идеей развития литературы в эпоху классицизма стал пафос государственного строительства и преобразований. Поэтому на первый план в литературе выдвинулись высокая гражданско-патриотическая поэзия и обличительно-сатирическая критика пороков общества и государства, обстоятельств и людей, мешавших прогрессу. Центральным жанром высокой гражданской поэзии была ода. Критическое направление представляли жанры высокой сатиры, близкой к оде, басня и бытовая комедия нравов.

Эти основные направления развития русской литературы определились в начале века. В первой трети столетия сформировался клас-

сицизм, рождению которого способствовал один из высших иерархов Православной церкви — писатель *Ф. Прокопович*. Основоположниками классицизма в русской литературе стали *А. Д. Кантемир*, *В. К. Тредиаковский* и *М. В. Ломоносов*. Кроме них, крупнейшим писателем, чьё творчество началось в первой половине XVIII века, был *А. П. Сумароков*.

Во второй половине XVIII века, примерно с 1760-х годов, в литературе наступил новый период. В это время появляются новые жанры: прозаический роман, повесть, комическая опера и «слёзная драма».

Поскольку социальные противоречия углублялись, то всё большее распространение получала сатира. Чтобы смягчить её воздействие на общество, Екатерина II сама стала негласной издательницей сатирического журнала «*Всякая всячина*». Императрица хотела уменьшить роль общественной сатиры и увеличить значение правительственной сатиры, служащей политическим интересам монархии. Она пригласила следовать её примеру писателей и издателей. Русское общество воспользовалось этим. В России сразу же появилось несколько сатирических журналов («*И то, и сие*», «*Смесь*», «*Адская почта*», «*Трутень*», «*Ни то, ни сие в прозе и стихах*», «*Подёнщина*»). Самыми радикальными журналами, воевавшими с екатерининской «*Всякой всячиной*», были журналы выдающегося русского просветителя *Н. И. Новикова* — «*Трутень*» и «*Живописец*».

Сатирическое направление почти целиком господствовало в стихотворениях («*Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке*», «*Лисица-кознодей*») и комедиях («*Корион*», «*Бригадир*», «*Недоросль*») *Д. И. Фонвизина*, в комедиях *Я. Б. Княжнина* («*Хвастун*», «*Чудаки*»), в комедии «*Ябеда*» *В. В. Капниста*, в прозе и комедиях *И. А. Крылова* («*Проказники*», «*Трумф, или Подципа*» и написанных уже в начале XIX века «*Модной лавке*» и «*Уроке дочкам*»).

В это же время не остывает интерес и к высоким жанрам литературы. После трагедий *А. П. Сумарокова* в последней четверти XVIII века к этому жанру обращаются *Я. Б. Княжнин* («*Рослав*», «*Вадим Новгородский*») и другие драматурги.

Во второй половине XVIII века жанровая система классицизма начинает сковывать творческую мысль писателей, и они пытаются её разрушить и реформировать. Героическая поэма, характерная для Кантемира («*Петрида*»), Ломоносова («*Пётр Великий*»), Сумарокова («*Димитриада*»), теперь отходит на второй план. С тех пор излюбленными для русских авторов становятся жанры «ироикомической» поэмы, шутливой поэмы и комической оперы, в которых иронически перелицовывался жанр героической поэмы («*Игрок ломбера*», «*Елисей, или Раздражённый Вакх*» *В. И. Майкова*; «*Душенька*» *И. Ф. Богдановича*).

Те же тенденции исчерпанности классицизма как литературного направления заметны и в творчестве крупнейшего поэта XVIII века *Г. Р. Державина*, обновившего принципы классицизма и предварившего возникновение романтизма.

В конце XVIII века в литературе возникает новое литературное направление — *сентиментализм*. Он оказал сильное влияние на *А. Н. Радищева*, крупнейшего русского мыслителя и гневного писателя, чувство которого было возмущено народными бедами, угнетённым положением крестьян и простого русского человека вообще. Основное его сочинение — «Путешествие из Петербурга в Москву» — написано в любимом сентименталистами жанре «путешествия» и вызвано душевным потрясением автора от увиденных им картин несправедливости и беззакония. Эта «чувствительность», сердечная озабоченность чрезвычайно близка сентименталистам.

Основоположителем сентиментализма и крупнейшим писателем этого направления был *Н. М. Карамзин* — поэт, прозаик, публицист, журналист, «последний летописец и первый наш историк», по словам Пушкина, и реформатор русского литературного языка. Многие стихотворения, баллады и повести принесли ему всероссийскую известность. Наибольшие его заслуги связаны с такими произведениями, как «Письма русского путешественника», повесть «Бедная Лиза», «История государства Российского», а также с преобразованием литературного языка. Карамзин наметил и осуществил реформу, благодаря которой устранялся разрыв между устным, разговорным и письменным, книжным языком русского общества. Карамзин хотел, чтобы русский литературный язык столь же ясно и точно выражал новые понятия и представления, сложившиеся в XVIII веке, как и язык французский, на котором говорило русское образованное общество.

Русская литература XVIII века в своём стремительном развитии обеспечила будущие великие достижения искусства слова, последовавшие в XIX столетии. Она почти догнала ведущие европейские литературы и смогла «в просвещении стать с веком наравне».

Проверьте себя

1. Какое направление мы называем классицизмом? Когда и где он зародился? Каковы его особенности во Франции и в России?
2. Почему Россия стала стремительно развиваться в XVIII веке?
3. Что нового в культуре и просвещении появилось в XVIII веке? Какие новые жанры стали популярны с 1760-х годов? Назовите несколько журналов, издававшихся в XVIII веке.
4. Со многими писателями знакомит нас XVIII век — это *А. Д. Кантемир*, *В. К. Тредиаковский*, *М. В. Ломоносов*, *А. П. Сумароков*, *М. М. Херасков*,

Д. И. Фонвизин, И. И. Дмитриев, И. А. Крылов, Г. Р. Державин, А. Н. Радищев. С творчеством каких писателей XVIII столетия вы уже встречались? Расскажите об одном из них.

5. Приведите пример произведения, относящегося к классицизму, кратко охарактеризуйте его.

Развиваем дар слова

Исследователь русской литературы XVIII века В. И. Фёдоров пишет:

«Русская литература XVIII в. выполнила прежде всего свою главную задачу — социально и нравственно воспитывать своих современников. Одновременно с этим она во многом подготовила блистательный расцвет русской классики XIX в.».

В течение XVIII столетия наиболее полно выявили себя *классицизм* и *сентиментализм*. Эти направления-антиподы противостояли друг другу, как бы поделив между собой разные стороны людской деятельности, «разум» и «чувство» человека.

Создав большую галерею разнообразных характеров из всех сословий, писатели различных направлений общими усилиями дали возможность последующим поколениям узнать, чем жили люди XVIII века, что они думали, что они чувствовали.

Вместе с тем литература классицизма стала новым этапом в развитии отечественной литературы. Отвечая требованиям эпохи, она создала образ нового человека — гражданина и патриота, убеждённого в том, что «для пользы общества коль радостно трудиться». Этот человек должен проникнуть в тайны мироздания, стать активной творческой натурой. Для всего этого он вынужден отказаться от личного благополучия, обуздать свои страсти, подчинить свои чувства общественному долгу.

Публичное выступление. Подготовьте развёрнутый устный ответ на вопрос: «В чём заключаются достижения литературы XVIII века?», опираясь на суждения В. И. Фёдорова, статью в учебнике и материалы книги «Читаем, думаем, спорим... 9 класс».

Михаил Васильевич ЛОМОНОСОВ

(1711–1765)

Обращаясь к босоному крестьянскому мальчишке-школьнику, Некрасов ободрял его словами, ставшими впоследствии крылатыми:

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик.

Славная биография Ломоносова ныне хорошо известна каждому школьнику. Закончив обучение в московской Славяно-греко-латинской академии, а затем в Германии, Ломоносов 8 июня 1741 года прибыл в Петербург. Здесь началась его блестящая академическая и писательская деятельность. По словам Пушкина, «соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, художник и стихотворец, он всё испытал и всё проник». В 1745 году он становится профессором химии. Научные открытия следуют одно за другим. Диапазон исследований учёного необычайно велик: химия и физика, навигация и мореплавание, астрономия и история, право и филология. Нет, пожалуй, ни одной области знания, куда бы не проник светлый ум Ломоносова. Горячий патриот России, Ломоносов выступал за расцвет русской науки. По его инициативе был открыт Московский университет. Впрочем, он сам был, по глубокому и верному замечанию Пушкина, «первым нашим университетом».

Разнообразие начинаний, дерзость ума, необъятные замыслы, обширность и глубина знаний ставят Ломоносова рядом с титанами Возрождения, такими как Микеланджело и Леонардо да Винчи. Действительно, Ломоносову присущ поистине энциклопедический размах. «Этот знаменитый учёный, — писал Герцен, — был типом русского человека как по своему энциклопедизму, так и по остроте своего понимания».

Целью жизни Ломоносова до самого последнего дня было «утверждение наук в отечестве», которое он считал залогом процветания своей Родины. Тем же пафосом просвещения проникнута его филологическая и поэтическая деятельность. Учёный стремился постичь тайны языка и тайны стихотворства. Ещё в 1736 году он приобрёл трактат теоретика русского стиха В. К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», который его чрезвычайно заинтересовал.

В Германии Ломоносов написал возражение Тредиаковскому и отослал в Петербург вместе с одой «На взятие Хотина» в качестве отчёта о своих занятиях. В «Письме о правилах российского стихотворства» Ломоносов смело распространил тонический принцип на всё русское стихосложение (Тредиаковский считал, что можно пользоваться только двустопными стихами, главным образом хорейскими). Ломоносов признавал и двустопные, и трёхстопные стихи. Он блестяще вскрыл выразительные возможности ямба.

Заботой о свободе выражения отмечена и реформа Ломоносова в области литературного языка. В 1757 году учёный написал предисловие к собранию сочинений «О пользе книг церковных в российском языке», в котором изложил знаменитую теорию «трёх штилей». Он разделил слова по стилистической окраске на несколько родов. К первому он отнёс лексику церковнославянского и русского языка, ко второму — знакомые по книгам и понятные церковнославянские слова, но редкие в разговорном языке, к третьему — слова живой речи, которых нет в церковных книгах. Отдельную группу составили простонародные слова, которые только ограниченно могли употребляться в сочинениях.

В зависимости от количественного смещения слов трёх родов создаётся тот или иной стиль: «высокий» — церковнославянские слова и русские, «средний» — русские слова с небольшой примесью церковнославянских слов, «низкий» — русские слова разговорного языка с добавлением слов простонародных и малого числа церковнославянских.

Каждому стилю соответствуют свои жанры: «высокие» — героические поэмы, оды, трагедии, похвальные надписи; «средние» — драмы, сатиры, эклоги, идиллии, послания, дружеские письма, элегии; «низкие» — комедии, эпиграммы, песни, басни. Такое чёткое разграничение, теоретически очень простое, на практике приводило к обособлению «высоких» жанров, что затем сказалось на развитии литературы.

Реформы Ломоносова в сферах литературного языка и стихосложения соответствовали культурным потребностям нации.

Россия в XVIII веке стала догонять ведущие европейские страны. Пётр I мощной державной рукой двинул страну по пути европейской цивилизации. Петровские реформы разбудили нацию, всколыхнули её внутренние силы. Это было время, когда, по словам Пушкина, «Россия молодая, / В бореньях силы напрягая, / Мужала с гением Петра». Поэтому Пётр I стал для Ломоносова образцом идеального просвещённого монарха.

В полном согласии с веком Просвещения Ломоносов считал главной преобразовательной силой человеческий разум, мысль, мышление, которым всё подвластно. Разум воплощён прежде всего в Боге, который наделяет им просвещённых людей, в особенности монархов, поскольку от них зависит счастье подданных, и, наконец, всякого человека, отличая его тем от неживой природы и животного царства.

«Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния» (1743). В этой философской оде Ломоносов задумывается о могуществе Божественного разума: «Скажите ж, коль велик Творец?» Величие Божественного разума проявилось прежде всего в том, что Бог внёс порядок, или, как тогда говорили, «чин», в устройство Вселенной, подчинив её вполне ясным и твёрдым законам, устранив хаос и беспорядок: после дня с неумолимостью наступает ночь, после ночи встаёт солнце и настаёт утро. Этот закон устройства природной жизни ясен, твёрд и прост.

Ода (*гр.* ode — песня) — торжественное стихотворение, прославляющее какое-либо выдающееся явление, историческое событие или героя.

Каждому явлению, предмету и живому существу отведено своё место. Человек в сравнении со Вселенной — малая и, казалось бы, незаметная «песчинка», однако Бог передал человеку часть своей привилегии и наделил человека разумом, который превратил «песчинку» в могучее существо. Он сделал это с тем, чтобы человек исследовал законы Вселенной и обратил их себе на пользу. Таким образом, в основе человеческого существа лежит мыслительная деятельность, побуждающая исследовать мир, постигать его законы и проникать в тайные, неизведанные глубины его строения. Мысль даёт человеку возможность воображать и изучать эти законы, строить гипотезы и пытаться найти истину:

Но где ж, натура, твой закон?
С полных стран встаёт заря!

Непосредственно эти строки относятся к установлению причины северного сияния, над которой в ту пору размышлял Ломоносов,

но в целом они характеризуют отношение учёного к тайнам природы, которые предстоит открыть человечеству.

Из стихотворения ясно, что разум человека, способный объять Вселенную и отыскать её законы — «уставы», представляет её бесконечной, вечно живой, никуда не исчезающей. В этом состоит величие Бога и сотворённой Им Вселенной. Но столь же величествен и разум человека, направленный на изучение законов мира.

Вместе с тем восхищение величием Бога, Вселенной не свободно от «пиитического ужаса» перед природой: Ломоносов никогда не забывает, что могущество разума дано «ничтожной пыли», «песчинке» бытия, которая в отличие от Вселенной смертна. Испытывая восторг перед разумом человека, он одновременно чувствует священный трепет. Эти два чувства рождают «парение мысли». Поэт поёт гимн разумному человеку при ясном сознании скоротечности существования. Он стремится постичь внутреннюю гармонию природы и преклоняется перед её мощью.

В самых обычных явлениях Ломоносов замечает действие скрытых стихийных сил. Жажда познания сочетается с поэтическим чувством природы. Поэт оказывается лицом к лицу с космосом, со всей необозримой и бесконечной Вселенной. Научные представления того времени были бессильны объяснить многие физические и иные явления, и поэт призывает на помощь фантазию, которая не была произвольным вымыслом, а основывалась на научном предвидении. Так рождается у Ломоносова живописное изображение космоса. Главная идея этой картины — неисчерпаемость космической жизни, существование в ней множественности миров:

Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Испытывая восторг и священный ужас, Ломоносов в духе века Просвещения изображает человека не бессильным, подавленным и сникшим созерцателем, а деятелем, которому дороги не только теоретические, но и практические результаты его умственных трудов.

Когда Ломоносов писал: «Теряюсь, мыслями утомлён!», он имел в виду не растерянность человека, а недостаточность знаний для объяснения всемогущества природы и сложность задач, стоящих перед учёным. Он «мыслями утомлён», потому что твёрдо верит в познаваемость мира, но ещё не может познать его законы.

«Ода на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года».

Предмет забот и поэтического поклонения Ломоносова — мудрая, могущественная, счастливая, процветающая и пребывающая в мире Россия. Поскольку просвещённая Россия олицетворялась Ломоносо-

вым в просвещённой императрице-самодержице, то, представляя живописный портрет страны, поэт изображает её в виде величественной и дородной женщины с атрибутами царской власти — порфирой, скипетром и венцом.

Вот как начинается Ломоносов свою знаменитую оду:

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сёл, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!

Царствование Елизаветы прославляется, оно предстаёт величественным, богатым и прекрасным («цветы пестреют», «классы на полях желтеют», «сокровищ полны корабли»). Заслугу императрицы поэт видит в том, что она «войне поставила конец» и печётся о «россов счастье». Казалось бы, изображена вполне идиллическая картина благоденствия русской нации. Однако это лишь неременное условие, подступ к основной мысли. Россия процветает, но она могла бы быть ещё краше, ещё просвещёнее, если бы государыня осуществила преобразования в духе Петровых дел. Похвалы Ломоносова относятся не столько к настоящему, сколько к будущему.

Похвальная ода под пером Ломоносова перестала быть «должностным жанром», т. е. жанром только хвалебным, только славословным. Не заслуги Елизаветы волнуют Ломоносова, а настоящее и будущее России. Одический поэт выступает от лица всей нации и сознаёт себя выразителем общегосударственной точки зрения. Поэзия становится в его понимании великой национальной силой, равной по своему значению и могуществу верховной власти.

В «Оде на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества... Елисаветы Петровны 1747 года» возникает пластическая аллегория науки, представляющая собой реализацию мифологического образа Минервы — богини мудрости.

Помимо зрительных представлений, Ломоносов воздействует и звуковыми. Звукопись его явно рассчитана на эстетический эффект:

Плутон в расселинах мятётся,
Что россам в руки предаётся
Драгой его металл из гор...

Благодаря таким поэтическим принципам ода приобретает торжественность, монументальность, пышность и великолепие.

Выражая свой восторг, своё восхищение славными деяниями императрицы, поэт избирает слова «высокие» — славянизмы, мифологические и библейские имена. Они связываются друг с другом не по конкретному значению, а по их эмоциональной насыщенности, по их

стилистической окраске: вместо русских слов «серебро», «золото» Ломоносов непременно употребит славянские пары — «сребро», «злато» («Сребро и злато истекает...»), вместо «Петрова дочь» предпочтёт «Петрова дщерь», вместо современного ему названия реки Сена — старинное Секвана.

Поскольку основной тон оды — восторг, а носителем его является автор, то он же выступает и объединяющим лирическим началом, благодаря которому ода воспринимается как целостный жанр. Волнение автора обуславливает не только нарушение логической связи между частями оды, но и их объединение. В авторском лирическом монологе право голоса получают мифологические герои, исторические лица: в оде «На взятие Хотина» герой (вероятно, Пётр I) обращается с речью к другому герою (Ивану Грозному), слово даёт и богу солнца Фебу, который тоже славит победу русских. А в «Оде на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества... Елисаветы Петровны 1747 года» говорят «сомненная Нева» и «божественны науки».

Могущество светлого разума неоспоримо для Ломоносова и в будущем, и в живой современности. Поэт не уставал ратовать за серьёзные изыскания, за развитие просвещения. Учёный посвящал вдохновенные поэтические произведения успехам отечественной и мировой науки. Неподдельная радость и гордость искрятся в «Письме о пользе стекла». Эта эпистола (дружеское послание), принадлежащая к жанру «дидактической поэзии», становится хвалебной одой стеклу, природные свойства которого раскрылись благодаря успехам учёных. Не сухой трактат о свойствах стекла, а волнение поэта-учёного и пафос научных открытий передают строки этого произведения. Ломоносова интересует не изложение научных теорий, а поэтическая сторона науки — вдохновенное творчество и полёт фантазии, дарящие человеку наслаждение богатствами природы и возможность разумного их использования.

Поэзия Ломоносова, как и его научная, в том числе филологическая, деятельность, продолжала национальную политику Петра I, смело двинувшего страну по пути просвещения и прогресса. Пафос строительства запечатлелся в громких словах Ломоносова, «лира» которого, по словам П. А. Вяземского, «была отголоском полтавских пушек». Убеждённый и «самобытный сподвижник просвещения», как назвал Ломоносова Пушкин, автор восторженных од пропел хвалу человеческому разуму и сам явился живым воплощением его дерзновенной мощи.

Проверьте себя

1. Где учился М. В. Ломоносов? Каких научных областей коснулись его исследования и какими талантами он был щедро одарён? Какие из его произведений вам известны? О чём они?

2. Какие черты характера Ломоносова помогли ему стать рядом с великими учёными мира?
3. Что было целью жизни Ломоносова?
4. Что вы знаете о теории «трёх штилей»? Определите устно, к какому из них (*высокому, среднему, низкому*) относится каждый ряд жанров: героические поэмы, оды, трагедии; драмы, сатиры, письма, элегии; комедии, эпиграммы, песни, басни.
5. Что говорил о значении М. В. Ломоносова для России А. С. Пушкин?

* * *

Прочитайте произведения М. В. Ломоносова, расскажите о своих впечатлениях.

Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы чёрна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублён,
Теряюсь, мыслями утомлён!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчётны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы Божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встаёт заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огонь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрый зрак
 Пронзает в книгу вечных прав,
 Которым малый вещи знак
 Являет естества устав,
 Вам путь известен всех планет;
 Скажите, что нас так мятет?

Что зыблет ясный ночью луч?
 Что тонкий пламень в твердь разит?
 Как молния без грозных туч
 Стремится от земли в зенит?
 Как может быть, чтоб мёрзлый пар
 Среди зимы рождал пожар?

Там спорит жирна мгла с водой;
 Иль солнечны лучи блестят,
 Склонясь сквозь воздух к нам густой;
 Иль тучных гор верьхи горят;
 Иль в море дуть престал зефир¹,
 И гладки волны бьют в эфир.

Сомнений полон ваш ответ
 О том, что окрест ближних мест.
 Скажите ж, коль пространен свет?
 И что малейших дале звезд?
 Несведом тварей вам конец?
 Скажите ж, коль велик Творец?

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

М. В. Ломоносов. «Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния»

1. В этой философской оде М. В. Ломоносов задумывается о могуществе Божественного разума. Как звучат в актёрском чтении первые три строфы (торжественно, таинственно, загадочно...)? Помогает ли музыка В. А. Моцарта ощутить величие и бесконечность мира?
2. Какую роль играют паузы, повторяющиеся вопросы? Что волнует поэта?

¹ *Зефир* — в греческой мифологии бог западного ветра, лёгкого и тёплого.

3. Как волнение и сомнения Ломоносова подчёркиваются в чтении актёра?
4. Подготовьте выразительное чтение оды, сохранив торжественность интонаций, ощущение величия мира и страстность вопросов человека, стремящегося осознать всю безмерность этого величия.

Ода

на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сёл, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Своё богатство по земли.

Портрет Императрицы Елисаветы Петровны.
Художник К. Ванлоо

Великое светило миру,
 Блистая с вечной высоты,
 На бисер, золото и порфиру,
 На все земные красоты,
 Во все страны свой взор возводит,
 Но краше в свете не находит
 Елисаветы и тебя.
 Ты кроме той всего превыше;
 Душа её зефира тише,
 И зрак прекраснее Райа.

Когда на трон она вступила,
 Как Вышний подал ей венец,
 Тебя в Россию возвратила,
 Войне поставила конец;
 Тебя прияв облобызала:
 Мне полно тех побед, сказала,
 Для коих крови льётся ток.
 Я россов счастьем услаждаюсь,
 Я их спокойствием не меняюсь,
 На целый запад и восток.

Божественным устам приличен,
 Монархиня, сей кроткий глас:
 О коль достойно возвеличен
 Сей день и тот блаженный час,
 Когда от радостной премены
 Петровы возвышали стены
 До звезд плескание и клик!
 Когда ты крест несла рукою
 И на престол взвела с собою
 Доброт твоих прекрасный лик!

Чтоб слову с оными сравняться,
 Достаток силы нашей мал;
 Но мы не можем удержаться
 От пения твоих похвал.
 Твои щедроты ободряют
 Наш дух и к бегу устремляют,
 Как в понт¹ пловца способный ветр
 Через яры волны порывает;
 Он брег с весельем оставляет;

¹ *Понт* — море.

Летит корма меж водных недр.
 Молчите, пламенные звуки,
 И колебать престаньте свет;
 Здесь в мире расширять науки
 Изволила Елисавет.
 Вы, наглы вихри, не дерзайте
 Реветь, но кротко разглашайте
 Прекрасны наши времена.
 В безмолвии внимай, Вселенна:
 Се хочет лира восхищенна
 Гласить велики имена.

Ужасный чудными делами
 Зиждитель¹ мира искони
 Своими положил судьбами
 Себя прославить в наши дни;
 Послал в Россию Человека,
 Каков неслыхан был от века.
 Сквозь все препятства он вознес
 Главу, победами венчанну,
 Россию, грубостью погранну,
 С собой возвысил до небес.

В полях кровавых Марс страшился,
 Свой меч в Петровых зря руках,
 И с трепетом Нептун чудился,
 Взирая на российский флаг.
 В стенах внезапно укрепленна
 И зданиями окруженна,
 Сомненная Нева рекла:
 «Или я ныне позабылась
 И с одного пути склонилась,
 Которым прежде я текла?»

Тогда божественны науки
 Чрез горы, реки и моря
 В Россию простирали руки,
 К сему монарху говоря:
 «Мы с крайним тщанием готовы
 Подать в российском роде новы
 Чистейшего ума плоды».
 Монарх к себе их призывает,

¹ *Зиждитель* — Бог, Творец.

Уже Россия ожидает
Полезны видеть их труды.
Но ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ
Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубоко!
Внушив рыданий наших слух,
Верхи Парнасски восстенали,
И музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух.

В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь;
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петре едина,
Приемлет щедрой их рукой.
Ах, если б жизнь её продлилась,
Давно б Секвана постыдилась
С своим искусством пред Невой!

Какая светлость окружает
В толикой горести Парнас?
О коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!
Все холмы покрывают лики;
В долинах раздаются клики:
Великая Петрова дочь
Щедроты отчи превышает,
Довольство муз усугубляет
И к счастью отверзает дверь.

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живёт;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает,

И грому труб её мешает
 Плачевный побеждённых стон.
 Сия тебе единой слава,
 Монархиня, принадлежит,
 Пространная твоя держава
 О как тебе благодарит!
 Возри на горы превысоки,
 Возри в поля свои широки,
 Где Волга, Днепр, где Обь течёт;
 Богатство, в оных потаенно,
 Наукой будет откровенно,
 Что щедростью твоей цветёт.

Толикое земель пространство
 Когда Всевышний поручил
 Тебе в счастливое подданство,
 Тогда сокровища открыл,
 Какими хвалится Индия;
 Но требует к тому Россия
 Искусством утвержденных рук.
 Сие злату очистит жилу;
 Почувствуют и камни силу
 Тобой восставленных наук.

Хотя всегдашними снегами
 Покрыта северна страна,
 Где мерзлыми борей¹ крылами
 Твои взвевает знамена;
 Но Бог меж льдистыми горами
 Велик своими чудесами:
 Там Лена чистой быстринной,
 Как Нил, народы напояет
 И бреги наконец теряет,
 Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертным неизвестны
 Творит натура чудеса,
 Где густостью животным тесны
 Стоят глубокие леса,
 Где в роскоши прохладных теней
 На пастве скачущих еленей
 Ловящих крик не разгонял;
 Охотник где не метил луком;

¹ *Борей* — в греческой мифологии бог холодного северного ветра.

Секирным земледелец стуком
 Поющих птиц не устрашал.
 Широкое открыто поле,
 Где музам путь свой простираты!
 Твоей великодушной воле
 Что можем за сие воздать?
 Мы дар твой до небес прославим
 И знак щедрот твоих поставим,
 Где солнца всход и где Амур
 В зелёных берегах крутится,
 Желая паки¹ возвратиться
 В твою державу от Манжур.

Се мрачной вечности запону
 Надежда отверзает нам!
 Где нет ни правил, ни закону,
 Премудрость тамо зиждет храм;
 Невежество пред ней бледнеет.
 Там влажный флота путь белеет,
 И море тщится уступить:
 Колумб российский через воды
 Спешит в неведомы народы
 Твои щедроты возвестить.

Там тьмою островов посеян,
 Реке подобен Океан;
 Небесной синевою одеян,
 Павлина посрамляет вран.
 Там тучи разных птиц летают,
 Что пестротою превышают
 Одежду нежных весны;
 Питаясь в рощах ароматных
 И плавая в струях приятных,
 Не знают строгия зимы.

И се Минерва ударяет
 В верьхи Рифейски копием;
 Серебро и золото истекает
 Во всём наследии твоём.
 Плутон² в расселинах мятётся,
 Что россам в руки предаётся

¹ Па́ки — снова.

² Плуто́н — бог подземного царства и царства мёртвых в греческой мифологии.

Драгой его металл из гор,
 Которой там натура скрыла;
 От блеску древнего светила
 Он мрачный отвращает взор.

О вы, которых ожидает
 Отечество от недр своих
 И видеть таковых желает,
 Каких зовёт от стран чужих,
 О, ваши дни благословенны!
 Дерзайте ныне ободренны
 Раченьем вашим показать,
 Что может собственных Платонов
 И быстрых разумом Невтонов
 Российская земля рождать.

Науки юношей питают,
 Отраду старым подают,
 В счастливой жизни украшают,
 В несчастной случай берегут;
 В домашних трудностях утеха
 И в дальних странствах не помеха.
 Науки пользуют везде,
 Среди народов и в пустыне,
 В градском шуму и наедине,
 В покое сладки и в труде.

Тебе, о милости источник,
 О ангел мирных наших лет!
 Всевышний на того помощник,
 Кто гордостью своей дерзнет,
 Завидя нашему покою,
 Против тебя восстать войною;
 Тебя Зиждитель сохранит
 Во всех путях беспреткновенну
 И жизнь твою благословенну
 С числом щедрот твоих сравнит.

Размышляем о прочитанном

1. Как бы вы сформулировали тему каждой прочитанной вами оды М. В. Ломоносова? Какие строки показались вам особенно важными для жанра оды?

2. Какова главная мысль философской оды «Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния» и «Оды на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»? В чём поэт видит заслугу императрицы?
3. Как вы понимаете строки: «...может собственных Платонов / И быстрых разумом Невтонов / Российская земля рождать»?
4. Каковы картины мира, рисуемые Ломоносовым в этих одах? Какую роль играют вопросы и восклицания?
5. За что прославляет поэт Елизавету и на что надеется? Подтвердите ответы чтением фрагментов из текста «Оды на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года».

Развиваем дар слова

Объясните слова и подумайте, какие из них могут быть использованы в нашей речи сегодня, в каких ситуациях:

дерзнёт, щедроты, утеха, отечество, благословенны, посрамляет, Парнас, бездна.

Училися читать выразительно

Выучите наизусть фрагмент из «Оды на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» со слов: «Науки юношей питают...». Подчеркните при чтении особое значение науки в жизни общества и отдельного человека.

Гавриил Романович ДЕРЖАВИН

(1743–1816)

Гавриил Романович Державин родился в Казанской губернии в небогатой дворянской семье. В начале своей жизни он узнал и горе, и нужду. Первоначальное скудное образование получил дома, затем обучался в казанской гимназии, которую, однако, не закончил. В 1762 году он прибыл в Преображенский полк в Петербург и долго служил солдатом. Лишь через десять лет его произвели в прапорщики. К тому времени он на своём опыте изучил военные и гражданские порядки. Державин отличался трезвостью ума и здравым смыслом.

В 1773 году Державин выступил в печати. В том же году был прикомандирован к секретной следственной комиссии и в течение 1774 года служил в войсках, действовавших против Пугачёва. Там он продолжал писать стихи. Спустя два года из написанных стихотворений составил сборник. Выход его остался незамеченным, хотя наиболее чуткие читатели, как, например, младший современник Державина И. И. Дмитриев, находили в стихах молодого поэта «благородную смелость, строгие правила и резкость в выражениях». Серьёзная поэтическая работа началась в Петербурге, когда в 1777 году Державин был переведён туда на государственную службу. Вскоре он женился.

Первые произведения («На рождение в Севере порфирородного отрока», «На смерть князя Мещерского», «Ключ»), принесшие Державину поэтическую известность, появились в 1779 году. Поэт полагал, что «велеление и пышность» оды «несвойственны» его таланту. Следуя этому убеждению, он перенёс античных богов в суровую русскую зиму и обошёлся с ними запросто. Борея, например, он назвал «лихим

стариком». Славя рождение великого князя Александра, будущего императора Александра I, он решился наставлять его:

Будь страстей своих владетель,
Будь на троне человек!

В эти годы Державин входит в дружеский литературный кружок. Там собирались писатели Н. А. Львов, В. В. Капнист, баснописец И. И. Хемницер.

На поэтическом поприще Державин добился несравненно больших успехов, чем в придворной карьере. Смелое скрещение бытового просторечия и высоких речений, которое было удачно опробовано им в «Фелице», теперь проникло в его оды «На счастье», «Вельможа» и др. Поэту удалось сплавить высокий одический жанр и стиль с сатирическим.

Богатая жизненная школа дала Державину возможность увидеть настоящий мир — великолепную, многоцветную и многозвучную природу в её движении и изменениях, красоту простых людей, привлекательность крестьянских девушек («Русские девушки»), незабываемые простые и тихие радости семейного бытия («Евгению. Жизнь Званская»). Но Державин ценил и пиршества знати с их богатством и красочностью, обилием блюд и разнообразными утехами, которые у него непременно связываются с мыслью о скоротечности бытия и немолимом забвении. В этом чувствуется жизнелюбивый человек XVIII столетия, принадлежащий к богатой, блестящей и пышной культуре, который скорбит о её уходе с исторической сцены.

После выхода в отставку Державин посвятил себя литературным трудам. Несколько месяцев ежегодно он проводил в своём имении Званка Новгородской губернии. Кроме занятий поэзией, Державин обратился к драматургии и сочинил несколько оперных либретто и трагедий. В его новом доме в XIX веке заседало литературное общество «Беседа любителей русского слова». Итог творческой деятельности Державина был подведён выходом в 1808—1816 годах собрания его сочинений, которое стало крупным культурным событием страны.

В последние годы творчества Державин оказался не чужд новым веяниям в литературе: у него проскальзывают и сентиментальные ноты, и романтические мотивы. Поэт чувствовал, что настало время для проникновения личного начала в литературу, в частности в поэзию, и пошёл навстречу новым художественным исканиям. В его поэзии частный, бытовой мир начал соединяться с космическим и вселенским. В единстве их обнаружилась тесная и неожиданная связь, примиряющая противоречия бытия. Практический выход из этих противоречий виделся Державину в мудрой «умеренности», в прославлении «золотой середины», в единстве радостей сельской жизни с её прозаическими и поэтическими сторонами. К этому призывал Державина

его любимый античный поэт Гораций. К его знаменитому сочинению и обратился Державин, раздумывая о сделанном в поэзии. Он, как и Гораций, как впоследствии Пушкин, создал себе своими поэтическими трудами «нерукотворный памятник».

?! Проверьте себя

Каким изменениям подвергся жанр оды под пером Державина и как изменился её стиль?

* * *

«Властителям и судиям» (1787). В сатире «Властителям и судиям» поэт предал позору продажность «властителей», сильных мира сего, открывших дорогу «злодейству и неправде». Он, слыша молитвы и жалобы угнетённых и обиженных, грозил нечестивцам страшной карой:

Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царём земли!

Властителям и судиям

Восстал Всевышний Бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасти от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! видят — и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падёте,
Как с древ увядший лист падёт!
И вы подобно так умрёте,
Как ваш последний раб умрёт!

Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царём земли!

Летопись

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Г. Р. Державин. «Властителям и судиям»

1. В стихотворении «Властителям и судиям» поэт обличает несправедность сильного мира сего. Какие интонации преобладают в актёрском чтении (гневные, спокойные, иронические...)?
2. К кому обращены слова поэта и что он хочет сказать своим произведением?
3. Удалось ли актёру, на ваш взгляд, передать чувства поэта (осуждение, возмущение...)?
4. Подготовьте выразительное чтение произведения Державина наизусть, сохранив обличительный пафос.

* * *

«Памятник» (1795). Раздумывая о своих заслугах перед отечеством и русской поэзией, Державин в 1795 году написал стихотворение «Памятник» в традициях 30-й оды «К Мельпомене» древнеримского поэта Квинта Горация Флакка (65 г. до н. э. — 8 г. до н. э.), обращённой к древнегреческой музе трагедии. В своей оде Гораций утверждал, что создал себе памятник, который прочнее бронзы, выше царственных пирамид, неподвластен грозным природным стихиям и даже времени («Не разрушат его, не сокрушит и ряд / Нескончаемых лет — время бегущее»). Он верил:

Нет, не весь я умру, лучшая часть меня
Избежит похорон. Буду я вновь и вновь
Восхваляем, доколь по Капитолию
Жрец верховный ведёт деву безмолвную¹.

В этих словах он передал своё чувство гражданина могучей Римской империи, её законов, её мифологии, её религии и образа жизни. Иначе говоря, пока не разрушен Капитолий — символ государственности и власти в Риме, — до тех пор будет славен и Гораций. Свои поэтические заслуги перед Римом поэт выразил в словах:

Первым я приобщил песню Эолии
К италийским стихам². Славой заслуженной,
Мельпомена, гордись и, благосклонная,
Ныне лаврами Дельф мне увенчай главу³.

Державин, как и прежде него Ломоносов, обратился к традиции Горация, но значительно переработал «Памятник» в русском духе. Будучи человеком новой, ещё молодой империи, он восхищён её исполинским масштабом:

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Чёрных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льёт Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчётных,
Как из безвестности я тем известен стал...

Так Державин заявляет себя поэтом державы и державности. Он включает себя в «славянов род», т. е. в целое семейство народов. Следовательно, личное бессмертие поэту даёт сначала весь славянский род, к которому он принадлежит как к целому, а потом и держава. Это значит, что интересы государства и национального сообщества выше личных. Однако свои собственные достижения Державин не отрицает. Он внёс в «Памятник» биографический мотив: «Как из безвестности я тем известен стал...» и поставил себе в заслугу то, «что первый... дерзнул в забавном русском слоге / О добродетелях Фелицы возгласить, / В сердечной простоте беседовать о Боге / И истину царям с улыбкой говорить».

В духовно-религиозном плане поэт подчинён Богу, в светском — царю, но есть у него и доля независимости: «В сердечной простоте

¹ Здесь и далее — перевод С. В. Шервинского.

² Гораций гордился, что приобщил Италию к эолийским (греческим) стихам. Он первым переложил на латинский язык греческие оды.

³ В Дельфах находился главный храм бога Аполлона, покровителя искусств.

беседовать о Боге / И истину царям с улыбкой говорить». Эта частица свободы наряду с его принадлежностью империи и славянскому роду обеспечивает Державину справедливую награду и бессмертие:

О муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринуждённою рукой неторопливой
Чело твоё зарёй бессмертия венчай.

Державин напомнил в этом стихотворении о своих самых громких произведениях — оде «Бог», оде-сатире «Фелица», с которых началась его слава, сатирических произведениях и лирических сценах сельской жизни. Он сказал о себе как о неотъемлемой части государства и славянского племени и как отчасти независимом человеке. Таким образом, державинский «Памятник» — один из русских вариантов перевода и переложения оды Горация. В нём отчётливо звучит мотив служения общей пользе, выраженный в русском духе. «Ум Державина, — писал Белинский, — был ум русский, положительный, чуждый мистицизма и таинственности... его стихиею и торжеством была природа внешняя, а господствующим чувством — патриотизм». В его стихотворных посланиях, сатирических одах «видна практическая философия ума русского; посему главное отличительное их свойство есть народность, народность, состоящая не в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи. В сём отношении Державин народен в высочайшей степени». Высокое в его поэзии встало рядом с низким, и поэзия вдруг оживилась, обрела невиданную дотоле выразительность, искренность и простоту. «Памятник» Державина, по словам Белинского, явился «одним из самых могучих проявлений его богатырской силы». Державин преобразовал русскую поэзию и открыл перед ней новые дороги. Его стихи не могут оставить равнодушными и сегодняшнего читателя, потому что в них горит поэтический огонь, благодаря которому они доставляют истинное художественное наслаждение. Нелишне добавить, что традиция Горация была продолжена после М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина В. В. Капнистом, А. С. Пушкиным, А. А. Фетом, В. Я. Брюсовым, В. Ф. Ходасевичем, а в наше время к ней обращались Я. В. Смеляков, В. С. Высоцкий, поэты-переводчики.

Опыт литературоведческого исследования

Сравните стихотворения Горация и Державина. В чём сходство и различия между ними?

Памятник

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов твёрже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полёт его не сокрушит.

Так! — весь я не умру, но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастёт моя, не увядая,
Доколь Славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Чёрных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льёт Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчётных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринуждённою рукой неторопливой
Чело твоё зарей бессмертия венчай.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Г. Р. Державин. «Памятник»

1. Г. Р. Державин преобразовал русскую поэзию и открыл перед ней новые возможности. Что в чтении актёра прозвучало особенно значительно? Какие строфы утверждают торжество и бессмертие державинского творчества?
2. С какой интонацией вы бы сами прочитали эту оду?
3. Подготовьте выразительное чтение оды наизусть, отразив её пафос и своё отношение к поэту, его творчеству.

В творческой лаборатории Г. Р. Державина

Многие выдающиеся русские писатели и литературоведы высоко ценили талант и литературное наследие Г. Р. Державина. Прислушайтесь к отдельным высказываниям.

«Некоторые оды Державина, несмотря на неровность слога и неправильность языка, исполнены порывами истинного гения...»

«Державин, со временем переведённый, изумит Европу, а мы из гордости народной не скажем всего, что мы знаем об нём...»

А. С. Пушкин

«Вот уж подлинно глыба грубой руды с яркими блёстками чистого, самородного золота... И таковы-то все анакреонтические стихотворения Державина: они больше, нежели все прочие, служат ручательством его громадного таланта...»

В. Г. Белинский

«Поэтическое „парение“, достигающее у Державина такого подъёма и взмаха, как, может быть, ни у кого из прочих русских поэтов, служит ему верным залогом грядущего бессмертия — не только мистического, но и исторического. ...Бессмертный и домовитый, Державин — один из величайших поэтов русских.»

В. Ф. Ходасевич. «Державин»

Размышляем о прочитанном

1. Какие произведения Державина вам известны? Расскажите о них. Прочитайте их, покажите, как проявилось в них новаторство поэта.
2. В чём пафос стихотворений «Властителям и судиям», «Памятник»? Против каких пороков выступает автор?
3. Как вы понимаете строки:

...Доколь славянков род вселенна будет чтить.

...В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить.

В чём видит автор долг «властителей и судий»?

Творческое задание

Прав ли Державин, считая, что «памятник себе воздвиг чудесный, вечный»? Подготовьте рассуждение на эту тему, обратив внимание на то, что сам поэт относит к своим заслугам.

Внеклассное чтение

Прочитайте самостоятельно стихотворения «Ода революции» В. В. Маяковского, «На смерть Жукова» И. А. Бродского, «Ода сплетникам» А. А. Вознесенского.

¹ Здесь и далее звёздочкой отмечены задания повышенной сложности.

Опыт литературоведческого исследования

Выберите одну из од XIX или XX века. По каким признакам вы поняли, что это ода? Сравните её с одами XVIII века.

Училися читать выразительно

1. Перечитайте тексты стихотворений Державина. Найдите в них восклицательные предложения, риторические вопросы. Подумайте, что с их помощью достигается. Покажите это при чтении.
2. Выучите наизусть стихотворения «Властителям и судиям», «Памятник» (на выбор). Подготовьте выразительное чтение произведений, подчеркнув их пафос.

Развиваем дар слова

1. Объясните значения слов и введите их в собственную речь: *воздвиг, быстротечный, тлен, безвестность, дерзнул, добродетель, бессмертие, венчать, чело, беседовать, мзда, злодейство, лукавство, карать, потрясать, исторгнуть, щадить, неправедный, истина, порок, долг.*
2. Составьте краткий словарик устаревших слов (на основании прочитанных вами стихотворений Державина и Ломоносова) и проведите в классе викторину на знание лексики XVIII века.

Проект

Работа в группе. Подготовьте рекомендательный список произведений Г. Р. Державина и литературы о жизни и творчестве поэта для девятиклассников. Желательно, чтобы каждую позицию списка сопровождала аннотация. В работе используйте фонды библиотек, ресурсы Интернета.

Сентиментализм

Сентиментализм (*фр.* sentiment – чувство, чувствительность) — влиятельное литературное направление конца XVIII — начала XIX века. В России оно формировалось в противовес классицизму под впечатлением от романа Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (1761).

Сентиментализм поставил в центр своих художественных интересов *обыкновенного* человека, наделённого глубокими, тонкими чувствами и особым даром — *чувствительностью*, способностью сочувствовать другим людям, сострадать им в несчастьях и горестях, бескорыстно, без всякого расчёта разделять с ними радость. Главное для сентименталиста — просвещение и воспитание доброй души, которая наслаждается своей способностью радоваться счастьем другого человека, сопереживать ему в любви, дружбе, в созерцании природы, в общении с искусством, в бедах и несчастьях. Чувствительность — это природный дар. Жизненная задача человечества состоит в том, чтобы «образовывать» сердца, просвещать души, увеличивая число чувствующих и чувствительных людей. Для достижения этих целей значительное внимание уделялось литературе и искусству. Авторы сентименталистских произведений стремились «тронуть» и «умилить» сердце, пробудить в читателе чувствительность. А поскольку сентименталисты обращались ко всем людям, то основным героем их литературы стал обыкновенный человек, помещённый обычно в домашнюю обстановку.

Характерным для сентиментализма стало противопоставление городской и сельской жизни, цивилизации и природы. Город нёс с собой социальные и моральные пороки, душевную нищету, деревня — расцвет и богатство чувств. Сентиментализм решительно углубил понимание внутреннего мира человека.

Сентименталистские мотивы прозвучали в романах С. Ричардсона, Л. Стерна. В Германии и особенно в предреволюционной Франции демократические тенденции сентиментализма получили наиболее полное выражение у Ж.-Ж. Руссо, в России — в произведениях Н. М. Карамзина («Бедная Лиза»), молодого В. А. Жуковского. В условиях России важнее оказались просветительские тенденции сентиментализма (А. Н. Радищев, Н. М. Карамзин). Совершенствуя литературный язык, русские сентименталисты обращались и к разговорным формам, вводили просторечие.

Проверьте себя

Что характерно для героев романов и повестей сентиментализма?

Николай Михайлович КАРАМЗИН

(1766–1826)

По многосторонности дарований — поэт, прозаик, историк, реформатор русского литературного языка, журналист, общественный деятель — Н. М. Карамзин сродни таким просветителям как Вольтер, Дидро, Руссо. Его влияние на русскую общественную мысль, русскую литературу и отечественную историю необыкновенно велико.

Н. М. Карамзин родился 1 декабря 1766 года в дворянской семье, под Симбирском. Его детство прошло в имении отца — селе Знаменском, на берегах «священнейшей в мире» реки, как назвал писатель Волгу в одном из своих стихотворений. Первоначальное образование и воспитание получил в частном пансионе в Симбирске, затем в московском пансионе профессора И. М. Шадена и в Московском университете, посещая лекции. Увлекаясь гуманитарными науками, Карамзин овладел несколькими древними и новыми языками. После окончания пансиона ему пришлось один год служить в Преображенском полку, квартировавшем в Петербурге, в 1784 году он вышел в отставку и с тех пор никогда и нигде не служил. Он целиком отдался литературной деятельности и стал одним из первых русских профессиональных литераторов.

Литературная деятельность писателя началась в 1783 году. Карамзин выпустил в свет свой перевод с немецкого идилии С. Геснера «Деревянная нога». После отставки он некоторое время жил в Симбирске, затем переехал в Москву. Здесь он попал в круг масонов (так назывались члены религиозно-этических обществ, которые исповедовали идеи нравственного самоусовершенствования; их собрания сопровождались особыми обрядами и были окружены тайной), сблизился

с известным писателем-сатириком и журналистом Н. И. Новиковым. Карамзин проникся идеями просветительства, человеколюбия и сердечности.

В круг его чтения входили французские просветители (Вольтер, Ж.-Ж. Руссо), английские, немецкие (Ф. Шиллер, Г. Лессинг) и швейцарские предромантики.

В эти годы Н. М. Карамзин опубликовал свою первую оригинальную повесть «Евгений и Юлия». Одним из значительных событий в его творческой судьбе стал перевод трагедии У. Шекспира «Юлий Цезарь». К началу 1789 года Карамзин разочаровался в масонстве, считая, что нравственное совершенство человека достигается не моральными проповедями, а облагораживающим воздействием искусства на души людей. Разрыв с масонами побудил Карамзина отправиться в заграничное путешествие, которое длилось больше года (1789—1790).

Сначала Карамзин приехал в Петербург, оттуда отправился в карете через Нарву за границу. Он посетил Кёнигсберг, где беседовал с Кантом, побывал в Берлине, Дрездене, Лейпциге и Веймаре, увидел Гёте, его собеседниками были немецкий историк Гердер и писатель Виланд. Затем он поехал в Эрфурт и во Франкфурт-на-Майне, там его застала весть о взятии Бастилии в Париже — во Франции началась буржуазная революция. Карамзин выехал сначала в Швейцарию. В Женеве он встретился с известным якобинцем Роммом. Затем он прибыл во Францию и из Лиона отправился в Париж, а потом уехал в Лондон, откуда вернулся в Россию.

В Париже Карамзин несколько раз побывал в Национальном собрании, слышал речи Мирабо, Робеспьера и других деятелей революции. Политическая жизнь Франции проходила не только в Национальном собрании, но и на площадях, в кафе и театрах. Карамзин стал их ревностным посетителем, читал газеты, листовки, свёл знакомства со многими политиками. Впечатление от Французской революции осталось для Карамзина одним из самых значительных до конца дней. Недаром он называл себя «республиканцем в душе».

Итогом путешествия стало знаменитое сочинение «Письма русского путешественника», оказавшее влияние не только на творческую деятельность Карамзина, но и на дальнейшее развитие русской литературы.

После возвращения в Россию Карамзин приступил к изданию «*Московского журнала*» (1791—1792). Он собрал вокруг журнала талантливую молодёжь и стремился привлечь к участию в нём известных литераторов — Державина и Дмитриева. С этого времени Карамзин становится во главе литературной молодёжи. Он утверждает в жизни и в литературе принципы, которые надолго войдут в обиход и станут нравственными основами общественного поведения: благородная не-

зависимость мнений, отказ от безусловной поддержки официальной точки зрения, неугасимая вера в прогресс, достигаемый просвещением людей с помощью искусства, развивающего вкус, воспитывающего чувства и улучшающего душевные качества. И хотя программа перевоспитания «злых сердец» была утопичной, она сыграла свою положительную роль. Карамзин был убеждён в том, что путь человечества един, что Россия должна идти дорогой, по которой идут все цивилизованные страны Европы.

Для того чтобы это сделать, нужно, считал Карамзин, создать новую культуру, преодолев разрыв между литературой и жизнью. В словесном творчестве это выражалось в двуедином принципе: «писать как говорят» и «говорить как пишут», т. е. письменный язык должен быть приближен к разговорному, разговорный — стать основой письменного, книжного языка. В итоге литература должна быть очищена как от «высокопарности», «выспренности», отвлечённости, так и от грубой повседневности. Создание новой культуры мыслилось Карамзиным с помощью просвещённого вкуса, разумных понятий и чувств.

В целях обновления литературного языка Карамзин из трёх стилей классицизма («высокий», «средний», «низкий») выдвинул на первый план «средний», на котором говорит и пишет образованное общество. В этом состояла реформа литературного языка, предпринятая Карамзиным.

Теоретические взгляды писателя находили художественное оправдание в его произведениях, напечатанных в «Московском журнале» и принёсших Карамзину всероссийскую славу, — «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь» и других.

«Бедная Лиза» (1792). Н. М. Карамзин был крупнейшим русским писателем-сентименталистом. Его знаменитая повесть «Бедная Лиза» положила начало русской прозе. В этой повести Карамзин ничего не пишет ни об императорах и императрицах, ни об империи, ни о просвещённом Разуме, ни о разумном устройстве мира или государства. Его героями становятся простые люди: крестьянка Лиза, дворянин Эраст, мать Лизы и повествователь, который не является самим автором — Карамзиным. События, развернувшиеся в повести, просты и драматичны.

Карамзин написал печальную, но совсем не безнадёжную повесть. Его моральные ценности восходят к таким человеческим и Божеским истинам, которые с точки зрения сентиментализма перекрывают земные. Одна из этих несомненных ценностей — чувствительность, дар природы и Бога. Без чувствительности и слёз нет души, без души нет человека. Прелесть героев в том, что они, пусть на время, были чувствительны, в том, что их души цвели. Наконец, чувствительность

ожила в них в предсмертные часы: Лиза вспомнила о матери, Эраст раскаялся. Рассказчик надеется, что проявленная ими чувствительность не забудется, и они будут прощены. А если прощены, то и встретятся: «Теперь, может быть, они уже примирились!» Идиллия, которой не место в земном мире, всё-таки существует на небесах. Тут заключено глубокое противоречие между природной, естественной и приобретённой, искусственной сторонами души, между чувствительной натурой и недостаточно чувствительным, грубым её окружением. На земле чувствительность часто становится причиной счастливых минут и одновременно причиной несчастий и трагедий. Это происходит потому, что она хрупка, слаба, что люди не развивают её и остаются недостаточно чувствительными. Но непросвещённость чувств не отменяет их ценности. Истории, подобные рассказанной в повести «Бедная Лиза», воспитывают сердце, просвещают его чувствительными картинами, дают утончённое наслаждение сострадать родной душе, радоваться за свою бескорыстную способность быть человеком. «Ах! — восклицал повествователь. — Я люблю те предметы, которые трогают моё сердце и заставляют меня проливать слёзы нежной скорби».

Уже на примере «Писем русского путешественника» и повести «Бедная Лиза» можно увидеть, что Карамзин обратился к жанрам, которые были в классицизме на втором и даже на третьем плане: «путешествие», «полусправедливая повесть». То же можно сказать и о лирических и лиро-эпических жанрах. У Карамзина на первом плане оказались элегии, послания, баллады. Иным был и герой повестей: обыкновенный частный человек, а не самодержцы, полководцы, вельможи и сановники. Но в этих произведениях поднимались очень важные вопросы о природе человеческого чувства, о моральном равенстве людей. Эта литература изменяла критерии ценности человека, которые зависели не от власти, не от богатства, не от сословной принадлежности, а от способности сочувствовать, сопереживать другим людям, от сердечной чувствительности и душевной тонкости. Признаком самой литературы стало изящество слога, достигаемое с помощью художественного вкуса и проверяемое им. Всем этим литература приближалась к жизни, но при этом жизнь заметно облагораживалась. Карамзин мечтал о том, чтобы каждый человек (крестьянин или светская дама) умел хорошо говорить и писать по-русски, мог усвоить европейскую культуру в быту и в повседневном поведении, чтобы культурные навыки превратились в привычки и стали уделом всех.

* * *

После прекращения выпуска «Московского журнала» Карамзин уехал в село Знаменское и временами приезжал в Москву. В эти годы (1794—1795) он издал два тома альманаха «Аглая», две части повестей под названием «Мои безделки», несколько переводов с фран-

цузского и повести «Остров Борнгольм», «Сиерра-Морена», «Афинская жизнь». В этих произведениях писатель ослабляет сюжетность, окутывает действие атмосферой таинственности, приближает язык прозы к языку лирики.

В лирике происходит обратный процесс: лирика приближается к изящной прозе, в ней ценится простота выражения, слога.

Смерть Екатерины II и воцарение Павла I (1796) вселяют в Карамзина надежды на ограничение деспотизма, смягчение цензуры, содействие просвещению. Однако писатель ошибся: ни внешняя, ни внутренняя политика России его не удовлетворила. В эти годы (1796—1801) Карамзин выпустил три книжки альманаха «Аониды», повесть «Юлия» и другие сочинения. Для того чтобы приблизить Россию к Европе, Карамзин издал «Пантеон иностранной словесности», ставший большим культурным событием в павловское время. Важным итогом творчества была реформа Карамзина в области литературного языка.

Личная жизнь Карамзина к этому времени сложилась не совсем удачно: он был одинок, потому что не было рядом его друзей. Женитьба на Е. И. Протасовой не принесла успокоения: через год жена Карамзина скончалась и на его руках осталась дочь София. Многочисленные враги писали на Карамзина доносы.

Смерть Павла I и вступление на русский престол Александра I снова всколыхнули оптимистические чувства Карамзина, и он вернулся к активной литературной деятельности, снова издавая «Московский журнал», «Мои безделки», предпринял издание «Пантеон российских авторов, или Собрание их портретов с замечаниями», выпустил собрание своих сочинений в восьми томах. Главным делом Карамзина в эти годы (1801—1803) стал выход журнала «Вестник Европы». В нём печатались переводные сочинения, но Карамзин сумел так отобрать их и внести в них такие изменения, что они в совокупности выражали продуманную программу самого издателя.

В журнале Карамзин проявил себя политическим мыслителем и писателем. С точки зрения Карамзина, эгоизм — следствие дурной природы непросвещённого человека. Цель власти состоит в том, чтобы охранить от такого человека общество и не допустить зла.

С 1803 по 1816 год Н. М. Карамзин — официальный историограф. Его образ жизни сразу переменился. Он вторично женился (на Е. А. Колывановой, побочной дочери князя А. И. Вяземского, сестре поэта П. А. Вяземского, ставшего воспитанником Карамзина) и предался историческим трудам. Во время работы над «Историей государства Российского» он подал царю трактат «О древней и новой России в её политических и гражданских отношениях» (другое название — «Записка о древней и новой России»). В этом трактате содержалась критика политики Александра I и впервые обращалось внимание на излишнюю и неоправданную жестокость, с какой осуществлял свои

реформы Пётр I, а также впервые заострилось внимание на особом, отличном от западного, историческом пути России. Воздав по заслугам русским императорам (Екатерина II осуждена за аморализм в конце царствования, но похвалена за очищение «самодержавия от примесов тиранства», идеи Павла I названы «жалкими заблуждениями», лукавый либерализм Александра I подвергнут жестокой критике), Карамзин высказал идеи, касавшиеся политического устройства России. Они сводились к следующему: республика является самой идеальной формой правления, но утопической и в России пагубной; Россия находится на такой ступени государственного и культурного развития, которой более всего соответствует просвещённая монархия.

Война 1812 года прервала работу Карамзина над «Историей государства Российского» (к началу военных действий написано шесть томов). После окончания Отечественной войны, к 1814 году, Карамзин завершил седьмой том. За это время он многое пережил: выдержал охлаждение царя после представления ему «Записки о древней и новой России», эвакуацию в Нижний Новгород, смерть дочери и смерть сына. В начале 1816 года он выехал в Петербург, чтобы отдать в типографию для издания восемь томов своего исторического труда.

Разрешение на публикацию «Истории государства Российского» никак не удавалось получить, потому что царь всячески тянул с аудиенцией. Наконец в 1818 году вышли первые восемь томов. Они разошлись в один месяц, и сразу потребовалось второе издание. Успех «Истории государства Российского» был необычаен. Карамзин переехал в Петербург и все последующие годы (1816—1826) провёл там. Он был обласкан двором, награждён орденом Анны 1-й степени и вскоре получил чин действительного статского советника (штатского генерала). Зимой он жил в Петербурге, а на лето уезжал в Царское Село. Здесь его посещали опытные и молодые литераторы — А. И. Тургенев, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, К. Н. Батюшков и др.

В Петербурге Карамзин работал над 9-м томом, посвящённым эпохе Ивана Грозного. Современники были поражены смелым изображением тирании царя. Вслед за 9-м томом вышли 10-й и 11-й, а посмертно — 12-й. В 1818 году Карамзин был избран в Российскую академию. Во вступительной речи он утверждал, что высшая цель истории — «раскрытие великих способностей души человеческой». Учёные полагают, что в это время, при работе над 11-м и 12-м томами, изменяется карамзинская концепция истории России. Если раньше он считал смыслом истории единство и мощь государства, что являлось основным политическим делом князей и монархов, то теперь он выдвигает в качестве цели истории моральный смысл («Всё для души»). Преступление правителя, даже если оно совершено ради укрепления единства и мощи государства, не может этому содействовать, так как ведёт к моральному разложению и деградации общества.

Смерть Александра I и восстание декабристов тяжело подействовали на Карамзина. В конце жизни он увидел закат своей эпохи.

Спыт литературоведческого исследования

Публичное выступление. Используя статью учебника, материалы книги «Читаем, думаем, спорим... 9 класс» и «Словаря русских писателей XVIII века» (<http://gotourl.ru/12106>), подготовьте устное сообщение о жизни и творчестве Н. М. Карамзина.

* * *

Прочитайте повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза». Над чем она заставляет задуматься читателя?

Бедная Лиза

Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели — куда глаза глядят — по лугам и рощам, по холмам и равнинам. Всякое лето нахожу новые приятные места или в старых новые красоты.

Симонов монастырь. Художник В. Адам.

Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные, готические башни Симонова монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного *амфитеатра*: великолепная картина, особливо когда светит на неё солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густо-зелёные, цветущие луга, а за ними, по жёлтым пескам, течёт светлая река, волнуемая лёгкими вёслами рыбацких лодок или шумящая под рулём грузных стругов, которые плывут от плодоноснейших стран Российской империи и наделяют алчную Москву хлебом. На другой стороне реки видна дубовая роща, подле которой пасутся многочисленные стада; там молодые пастухи, сидя под тению дерев, поют простые, унылые песни и сокращают тем летние дни, столь для них единообразные. Подалее, в густой зелени древних вязов, блистает златоглавый Данилов монастырь; ещё далее, почти на краю горизонта, синеются Воробьёвы горы. На левой же стороне видны обширные, хлебом покрытые поля, лесочки, три или четыре деревеньки и вдали село Коломенское с высоким дворцом своим.

Часто прихожу на сие место и почти всегда встречаю там весну; туда же прихожу и в мрачные дни осени горевать вместе с природою. Страшно воют ветры в стенах опустевшего монастыря, между гробов, заросших высокою травою, и в тёмных переходах келий. Там, опершись на развалины гробных камней, внимаю глухому стону времён, бездною минувшего поглощённых, — стону, от которого сердце моё содрогается и трепещет. Иногда вхожу в келии и представляю себе тех, которые в них жили, — печальные картины! Здесь вижу седого старца, преклонившего колена перед распятием и молящегося о скором разрешении земных оков своих, ибо все удовольствия исчезли для него в жизни, все чувства его умерли, кроме чувства болезни и слабости. Там юный монах — с бледным лицом, с томным взором — смотрит в поле сквозь решётку окна, видит весёлых птичек, свободно плавающих в море воздуха, видит — и проливает горькие слёзы из глаз своих. Он томится, вянет, сохнет — и унылый звон колокола возвещает мне безвременную смерть его. Иногда на воротах храма рассматриваю изображение чудес, в сем монастыре случившихся, там рыбы падают с неба для насыщения жителей монастыря, осаждённого многочисленными врагами; тут образ Богоматери обращает неприятелей в бегство. Всё сие обновляет в моей памяти историю нашего отечества — печальную историю тех времён, когда свирепые татары и литовцы огнём и мечом опустошали окрестности российской столицы и когда несчастная Москва, как незащитная вдовица, от одного Бога ожидала помощи в лютых своих бедствиях.

Но всего чаще привлекает меня к стенам Симонова монастыря воспоминание о плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы. Ах! я люблю те предметы, которые трогают моё сердце и заставляют меня проливать слёзы нежной скорби!

Саженья в семидесяти от монастырской стены, подле берёзовой рощицы, среди зелёного луга, стоит пустая хижина, без дверей, без окончин, без полу; кровля давно сгнила и обвалилась. В этой хижине, лет за тридцать перед сим, жила прекрасная, любезная Лиза с старушкою, матерью своею.

Отец Лизин был довольно зажиточный поселянин, потому что он любил работу, пахал хорошо землю и вёл всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обедняли. Ленивая рука наёмника худо обрабатывала поле, и хлеб перестал хорошо родиться. Они принуждены были отдать свою землю внаём, и за весьма небольшие деньги. К тому же бедная вдова, почти беспрестанно проливая слёзы о смерти мужа своего — ибо и крестьянки любить умеют! — день ото дня становилась слабее и совсем не могла работать. Одна Лиза, — которая осталась после отца пятнадцати лет, — одна Лиза, не щадя своей нежной молодости, не щадя редкой красоты своей, трудилась день и ночь — ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цветы, а летом брала ягоды и продавала их в Москве. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала её к слабо биющемуся сердцу, называла Божескою милостию, кормилицею, отрадою старости своей и молила Бога, чтобы он наградил её за всё то, что она делает для матери. «Бог дал мне руки, чтобы работать, — говорила Лиза, — ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребёнком; теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слёзы наши не оживят батюшки». Но часто нежная Лиза не могла удержать собственных слёз своих — ах! она помнила, что у неё был отец и что его не стало, но для успокоения матери старалась таить печаль сердца своего и казаться покойною и веселою. «На том свете, любезная Лиза, — отвечала горестная старушка, — на том свете перестану я плакать. Там, сказывают, будут все веселы; я, верно, весела буду, когда увижу отца твоего. Только теперь не хочу умереть — что с тобою без меня будет? На кого тебя покинуть? Нет, дай Бог прежде пристроить тебя к месту! Может быть, скоро сыщется добрый человек. Тогда, благословя вас, милых детей моих, перекрещусь и спокойно лягу в сырую землю».

Прошло года два после смерти отца Лизина. Луга покрылись цветами, и Лиза пришла в Москву с ландышами. Молодой, хорошо одетый человек, приятного вида, встретился ей на улице. Она показала ему цветы — и покраснелась. «Ты продаёшь их, девушка?» — спросил он с улыбкою. — «Продаю», — отвечала она. — «А что тебе надобно?» — «Пять копеек». — «Это слишком дёшево. Вот тебе рубль». —

Лиза удивилась, осмелилась взглянуть на молодого человека, — ещё более покраснелась и, потупив глаза в землю, сказала ему, что она не возьмёт рубля. — «Для чего же?» — «Мне не надобно лишнего!» — «Я думаю, что прекрасные ландыши, сорванные руками прекрасной девушки, стоят рубля. Когда же ты не берёшь его, вот тебе пять копеек. Я хотел бы всегда покупать у тебя цветы; хотел бы, чтоб ты рвала их только для меня». — Лиза отдала цветы, взяла пять копеек, поклонилась и хотела идти, но незнакомец остановил её за руку.

«Куда же ты пойдёшь, девушка?» — «Домой». — «А где дом твой?» — Лиза сказала, где она живёт, сказала и пошла. Молодой человек не хотел удерживать её, может быть, для того, что мимоходящие начали останавливаться и, смотря на них, коварно усмехались.

Лиза, пришедши домой, рассказала матери, что с нею случилось. «Ты хорошо сделала, что не взяла рубля. Может быть, это был какой-нибудь дурной человек...» — «Ах нет, матушка! Я этого не думаю. У него такое доброе лицо, такой голос...» — «Однако ж, Лиза, лучше кормиться трудами своими и ничего не брать даром. Ты ещё не знаешь, друг мой, как злые люди могут обидеть бедную девушку! У меня всегда сердце бывает не на своём месте, когда ты ходишь в город; я всегда ставлю свечу перед образ и молю Господа Бога, чтобы Он сохранил тебя от всякой беды и напасти». — У Лизы навернулись на глазах слёзы; она поцеловала мать свою.

На другой день нарвала Лиза самых лучших ландышей и опять пошла с ними в город. Глаза её тихонько чего-то искали. Многие хотели у неё купить цветы; но она отвечала, что они непродажные; и смотрела то в ту, то в другую сторону. Наступил вечер, надлежало возвратиться домой, и цветы были брошены в Москву-реку. «Никто не владей вами!» — сказала Лиза, чувствуя какую-то грусть в сердце своём. — На другой день ввечеру сидела она под окном, пряла и тихим голосом пела жалобные песни, но вдруг вскочила и закричала: «Ах!..» Молодой незнакомец стоял под окном.

«Что с тобой сделалось?» — спросила испугавшаяся мать, которая подле неё сидела. — «Ничего, матушка, — отвечала Лиза робким голосом, — я только его увидела». — «Кого?» — «Того господина, который купил у меня цветы». Старуха выглянула в окно. Молодой человек поклонился ей так учтиво, с таким приятным видом, что она не могла подумать об нём ничего, кроме хорошего. «Здравствуй, добрая старушка! — сказал он. — Я очень устал, нет ли у тебя свежего молока?» Услужливая Лиза, не дождавшись ответа от матери своей — может быть, для того, что она его знала наперёд, — побежала на погреб — принесла чистую кринку, покрытую чистым деревянным кружком, — схватила стакан, вымыла, вытерла его белым полотенцем, налила и подала в окно, но сама смотрела в землю.

Незнакомец выпил, и нектар из рук Гебы¹ не мог бы показаться ему вкуснее. Всякий догадается, что он после того благодарил Лизу, и благодарил не столько словами, сколько взорами. Между тем добродушная старушка успела рассказать ему о своём горе и утешении — о смерти мужа и о милых свойствах дочери своей, об её трудолюбии и нежности, и проч. и проч. Он слушал её со вниманием; но глаза его были — нужно ли сказывать, где? И Лиза, робкая Лиза посматривала изредка на молодого человека; но не так скоро молния блещит и в облаке исчезает, как быстро голубые глаза её обращались к земле, встречаясь с его взором. «Мне хотелось бы, — сказал он матери, — чтобы дочь твоя никому, кроме меня, не продавала своей работы. Таким образом ей незачем будет часто ходить в город, и ты не принуждена будешь с нею расставаться. Я сам по временам могу заходить к вам». — Тут в глазах Лизиных блеснула радость, которую она тщетно сокрыть хотела; щёки её пылали, как заря в ясный летний вечер; она смотрела на левый рукав свой и щипала его правой рукою. Старушка с охотою приняла сие предложение, не подозревая в нём никакого худого намерения, и уверяла незнакомца, что полотно, вытканное Лизой, и чулки, вывязанные Лизой, бывают отменно хороши и носятся долее всяких других. — Становилось темно, и молодой человек хотел уже идти. «Да как же нам называть тебя, добрый, ласковый барин?» — спросила старуха. «Меня зовут Эрастом», — отвечал он. «Эрастом, — сказала тихонько Лиза. — Эрастом!» Она раз пять повторила сие имя, как будто бы стараясь затвердить его. — Эраст простился с ними до свидания и пошёл. Лиза провожала его глазами, а мать сидела в задумчивости и, взяв за руку дочь свою, сказала ей: «Ах, Лиза! Как он хорош и добр! Если бы жених твой был таков!» Всё Лизино сердце затрепетало. «Матушка! Матушка! Как этому стать? Он барин, а между крестьянами...» — Лиза не договорила речи своей.

Теперь читатель должен знать, что сей молодой человек, сей Эраст был довольно богатый дворянин, с изрядным разумом и добрым сердцем, добрым от природы, но слабым и ветреным. Он вёл рассеянную жизнь, думал только о своём удовольствии, искал его в светских забавах, но часто не находил: скучал и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы при первой встрече сделала впечатление в его сердце. Он читывал романы, идиллии², имел довольно живое воображение и часто переселялся мысленно в те времена (бывшие или небывшие), в которые, если верить стихотворцам, все люди беспечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках, целовались, как горлицы, от-

¹ *Нектар из рук Гебы* — речь идёт о божественном напитке, который вкушали античные боги Олимпа в греческой мифологии; Геба — богиня вечной юности, она подносила богам нектар.

² *Идиллия* (изображение, картинка) — жанр лиро-эпической поэзии.

дышали под розами и миртами и в счастливой праздности все дни свои провождали.

Ему казалось, что он нашёл в Лизе то, чего сердце его давно искало. «Натура призывает меня в свои объятия, к чистым своим радостям», — думал он и решился — по крайней мере на время — оставить большой свет.

Обратимся к Лизе. Наступила ночь — мать благословила дочь свою и пожелала ей кроткого сна, но на сей раз желание её не исполнилось: Лиза спала очень худо. Новый гость души её, образ Эрастов, столь живо ей представлялся, что она почти всякую минуту просыпалась, просыпалась и вздыхала. Ещё до восхождения солнечного Лиза встала, сошла на берег Москвы-реки, села на траве и, подгорюнившись, смотрела на белые туманы, которые волновались в воздухе и, поднимаясь вверх, оставляли блестящие капли на зелёном покрове природы. Везде царствовала тишина. Но скоро восходящее светило дня пробудило всё творение: рощи, кусточки оживились, птички вспорхнули и запели, цветы подняли свои головки, чтобы напитаться животворными лучами света. Но Лиза всё ещё сидела подгорюнившись. Ах, Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось? До сего времени, просыпаясь вместе с птичками, ты вместе с ними веселилась утром, и чистая, радостная душа светилась в глазах твоих, подобно как солнце светится в каплях росы небесной; но теперь ты задумчива, и общая радость природы чужда твоему сердцу. — Между тем молодой пастух на берегу реки гнал стадо, играя на свирели. Лиза устремила на него взор свой и думала: «Если бы тот, кто занимает теперь мысли мои, рождён был простым крестьянином, пастухом, и если бы он теперь мимо меня гнал стадо своё: ах! я поклонилась бы ему с улыбкою и сказала бы приветливо: „Здравствуй, любезный пастушок! Куда гонишь ты стадо своё? И здесь растёт зелёная трава для овец твоих, и здесь алеют цветы, из которых можно сплести венок для шляпы твоей“. Он взглянул бы на меня с видом ласковым — взял бы, может быть, руку мою... Мечта!» Пастух, играя на свирели, пошёл мимо и с пёстрым стадом своим скрылся за ближним холмом.

Вдруг Лиза услышала шум вёсел — взглянула на реку и увидела лодку, а в лодке — Эраста.

Все жилки в ней забились и, конечно, не от страха. Она встала, хотела идти, но не могла. Эраст выскочил на берег, подошёл к Лизе и — мечта её отчасти исполнилась, ибо *он взглянул на неё с видом ласковым, взял её за руку...* А Лиза, Лиза стояла с потупленным взором, с огненными щеками, с трепещущим сердцем — не могла отнять у него руки — не могла отворотиться, когда он приближался к ней с розовыми губами своими... ах! Он поцеловал её, поцеловал с таким жаром, что вся вселенная показалась ей в огне горящею! «Милая Лиза! — сказал Эраст. — Милая Лиза! Я люблю тебя!» — и сии

слова отозвались во глубине души её, как небесная, восхитительная музыка; она едва смела верить ушам своим и... Но я бросаю кисть. Скажу только, что в сию минуту восторга исчезла Лизина робость — Эраст узнал, что он любим, любим страстно новым, чистым, открытым сердцем.

Они сидели на траве, и так, что между ими оставалось не много места — смотрели друг другу в глаза, говорили друг другу: «Люби меня!», и два часа показались им мигом. Наконец, Лиза вспомнила, что мать её может об ней беспокоиться. Надлежало расстаться. «Ах, Эраст! — сказала она. — Всегда ли ты будешь любить меня?» — «Всегда, милая Лиза, всегда!» — отвечал он. «И ты можешь мне дать в этом клятву?» — «Могу, любезная Лиза, могу!» — «Нет! мне не надобно клятвы. Я верю тебе, Эраст, верю. Ужели ты обманешь бедную Лизу? Ведь этому нельзя быть?» — «Нельзя, нельзя, милая Лиза!» — «Как я счастлива, и как обрадуется матушка, когда узнает, что ты меня любишь!» — «Ах нет, Лиза! Ей не надобно ничего сказывать». — «Для чего же?» — «Старые люди бывают подозрительны. Она вообразит себе что-нибудь худое». — «Нельзя статься». — «Однако ж прошу тебя не говорить ей об этом ни слова». — «Хорошо: надобно тебя послушаться, хотя мне не хотелось бы ничего таить от неё». — Они простились, поцеловались в последний раз и обещались всякий день ввечеру видаться или на берегу реки, или в берёзовой роще, или где-нибудь близ Лизиной хижинки, только верно, непременно видаться. Лиза пошла, но глаза её сто раз обращались на Эраста, который всё ещё стоял на берегу и смотрел вслед за нею.

Лиза возвратилась в хижинку свою совсем не в таком расположении, в каком из неё вышла. На лице и во всех её движениях обнаруживалась сердечная радость. «Он меня любит!» — думала она и восхищалась сею мыслию. «Ах, матушка! — сказала Лиза матери своей, которая лишь только проснулась. — Ах, матушка! Какое прекрасное утро! Как всё весело в поле! Никогда жаворонки так хорошо не певали, никогда солнце так светло не сияло, никогда цветы так приятно не пахли!» — Старушка, подпираясь клюкою, вышла на луг, чтобы насладиться утром, которое Лиза такими прелестными красками описывала. Оно в самом деле показалось ей отменно приятным; любезная дочь весельем своим развеселяла для неё всю натуру. «Ах, Лиза! — говорила она. — Как всё хорошо у Господа Бога! Шестой десяток доживаю на свете, а всё ещё не могу наглядеться на дела Господни, не могу наглядеться на чистое небо, похожее на высокий шатёр, и на землю, которая всякий год новою травою и новыми цветами покрывается. Надобно, чтобы Царь Небесный очень любил человека, когда Он так хорошо убрал для него здешний свет. Ах, Лиза! Кто бы захотел умереть, если бы иногда не было нам горя?.. Видно, так надобно. Может быть, мы забыли бы душу свою, если бы из глаз

наших никогда слёзы не капали». А Лиза думала: «Ах! Я скорее забуду душу свою, нежели милого моего друга!»

После сего Эраст и Лиза, боясь не сдержать слова своего, всякий вечер виделись (тогда, как Лизина мать ложилась спать) или на берегу реки, или в берёзовой роще, но всего чаще под тению столетних дубов (саженях в осьмидесяти от хижины) — дубов, осеняющих глубокий, чистый пруд, ещё в древние времена ископанный. Там часто тихая луна сквозь зелёные ветви посребряла лучами своими светлые Лизины волосы, которыми играли зефиры и рука милого друга; часто лучи сии освещали в глазах нежной Лизы блестящую слезу любви, осушаемую всегда Эрастовым поцелуем. Они обнимались — но целомудренная, стыдливая Цинтия¹ не скрывалась от них за облако; чисты и непорочны были их объятия. «Когда ты, — говорила Лиза Эрасту, — когда ты скажешь мне: „Люблю тебя, друг мой!“, когда прижмёшь меня к своему сердцу и взглянешь на меня умильными своими глазами, ах! тогда бывает мне так хорошо, так хорошо, что я себя забываю, забываю всё, кроме — Эраста. Чудно! Чудно, мой друг, что я, не зная тебя, могла жить спокойно и весело! Теперь мне это непонятно; теперь думаю, что без тебя жизнь не жизнь, а грусть и скука. Без глаз твоих тёмный светлый месяц; без твоего голоса скучен соловей поющий; без твоего дыхания ветерок мне неприятен». — Эраст восхищался своей пастушкой — так называл Лизу — и, видя, сколь она любит его, казался сам себе любезнее. Все блестящие забавы большого света представлялись ему ничтожными в сравнении с теми удовольствиями, которыми *страстная дружба* невинной души питала сердце его. С отвращением помышлял он о презрительном сладострастии, которым прежде упивались его чувства. «Я буду жить с Лизою, как брат с сестрою, — думал он, — не употреблю во зло любви её и буду всегда счастлив!» — Безрассудный молодой человек! Знаешь ли ты своё сердце? Всегда ли можешь отвечать за свои движения? Всегда ли рассудок есть царь чувств твоих?

Лиза требовала, чтобы Эраст часто посещал мать её. «Я люблю её, — говорила она, — и хочу ей добра, а мне кажется, что видеть тебя есть великое благополучие для всякого». — Старушка в самом деле всегда радовалась, когда его видела. Она любила говорить с ним о покойном муже и рассказывать ему о днях своей молодости, о том, как она в первый раз встретила с милым своим Иваном, как он полюбил её и в какой любви, в каком согласии жил с нею. «Ах! Мы никогда не могли друг на друга наглядеться — до самого того часа, как

¹ *Цинтия (Кинфия)* — одно из прозвищ (происходит от названия горы Кинф) Артемиды, богини растительности, плодородия, охоты и владычицы зверей в греческой мифологии.

лютая смерть подкосила ноги его. Он умер на руках моих!» — Эраст слушал её с непритворным удовольствием. Он покупал у неё Лизину работу и хотел всегда платить в десять раз дороже назначаемой ею цены, но старушка никогда не брала лишнего.

Таким образом прошло несколько недель. Однажды ввечеру Эраст долго ждал своей Лизы. Наконец пришла она, но так невесела, что он испугался; глаза её от слёз покраснели. «Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось?» — «Ах, Эраст! Я плакала!» — «О чём? Что такое?» — «Я должна сказать тебе всё. За меня сватается жених, сын богатого крестьянина из соседней деревни; матушка хочет, чтобы я за него вышла». — «И ты соглашаешься?» — «Жестокий! Можешь ли об этом спрашивать? Да мне жаль матушки; она плачет и говорит, что я не хочу её спокойствия; что она будет мучиться при смерти, если не выдает меня при себе замуж. Ах! Матушка не знает, что у меня есть такой милый друг!» — Эраст целовал Лизу; говорил, что её счастье дороже ему всего на свете; что по смерти матери её он возьмёт её к себе и будет жить с нею неразлучно, в деревне и в дремучих лесах, как в Раю. — «Однако ж тебе нельзя быть моим мужем!» — сказала Лиза с тихим вздохом. — «Почему же?» — «Я крестьянка». — «Ты обижаешь меня. Для твоего друга важнее всего душа, чувствительная, невинная душа, — и Лиза будет всегда ближайшая к моему сердцу».

Она бросилась в его объятия — и в сей час надлежало погибнуть непорочности! — Эраст чувствовал необыкновенное волнение в крови своей — никогда Лиза не казалась ему столь прелестною — никогда ласки её не трогали его так сильно — никогда её поцелуи не были столь пламенны — она ничего не знала, ничего не подозревала, ничего не боялась — мрак вечера питал желания — ни одной звёздочки не сияло на небе — никакой луч не мог осветить заблуждения. — Эраст чувствовал в себе трепет — Лиза также, не зная, отчего — не зная, что с нею делается... Ах, Лиза, Лиза! где Ангел-хранитель твой? Где твоя невинность?

Заблуждение прошло в одну минуту. Лиза не понимала чувств своих, удивлялась и спрашивала. Эраст молчал — искал слов и не находил их. «Ах! я боюсь, — говорила Лиза, — боюсь того, что случилось с нами! Мне казалось, что я умираю, что душа моя... Нет, не умею сказать этого!.. Ты молчишь, Эраст? Вздыхаешь?.. Боже мой! Что такое?» — Между тем блеснула молния, и грянул гром. Лиза вся задрожала. «Эраст, Эраст! — сказала она. — Мне страшно! Я боюсь, чтобы гром не убил меня, как преступницу!» Грозно шумела буря, дождь лился из чёрных облаков — казалось, что натура сетовала о потерянной Лизиной невинности. — Эраст старался успокоить Лизу и проводил её до хижины. Слёзы катились из глаз её, когда она прощалась с ним. «Ах! Эраст! Уверь меня, что мы будем по-прежнему счастливы!» — «Будем, Лиза, будем!» — отвечал он. — «Дай Бог! Мне

нельзя не верить словам твоим: ведь я люблю тебя! Только в сердце моём... Но полно! Прости! Завтра, завтра увидимся».

Свидания их продолжались; но как всё переменялось! Эраст не мог уже доволен быть одними невинными ласками своей Лизы — одними её любви исполненными взорами — одним прикосновением руки, одним поцелуем, одними чистыми объятиями. Он желал больше, больше и, наконец, ничего желать не мог, — а кто знает сердце своё, кто размышлял о свойстве нежнейших его удовольствий, тот, конечно, согласится со мною, что исполнение всех желаний есть самое опасное искушение любви. Лиза не была уже для Эраста сим ангелом непорочности, который прежде воспалял его воображение и восхищал душу. Платоническая любовь уступила место таким чувствам, которыми он не мог гордиться и которые были для него уже не новы. Что принадлежит до Лизы, то она, совершенно ему отдавшись, им только жила и дышала, во всём, как агнец, повиновалась его воле и в удовольствии его полагала своё счастье. Она видела в нём перемену и часто говорила ему: «Прежде бывал ты веселее; прежде бывали мы покойнее и счастливее, и прежде я не так боялась потерять любовь твою!»

Иногда, прощаясь с нею, он говорил ей: «Завтра, Лиза, не могу с тобою видеться: мне встретилось важное дело», — и всякий раз при сих словах Лиза вздыхала.

Наконец пять дней сряду она не видела его и была в величайшем беспокойстве; в шестой пришёл он с печальным лицом и сказал ей: «Любезная Лиза! Мне должно на несколько времени с тобою проститься. Ты знаешь, что у нас война, я в службе, полк мой идёт в поход». — Лиза побледнела и едва не упала в обморок.

Эраст ласкал её, говорил, что он всегда будет любить милую Лизу и надеется по возвращении своём уже никогда с нею не расставаться. Долго она молчала; потом залилась горькими слезами, схватила руку его и, взглянув на него со всею нежностью любви, спросила: «Тебе нельзя оставаться?» — «Могу, — отвечал он, — но только с величайшим бесславием, с величайшим пятном для моей чести. Все будут презирать меня; все будут гнушаться мною, как трусом, как недостойным сыном отечества». — «Ах, когда так, — сказала Лиза, — то поезжай, поезжай, куда Бог велит! Но тебя могут убить». — «Смерть за отечество не страшна, любезная Лиза». — «Я умру, как скоро тебя не будет на свете». — «Но зачем это думать? Я надеюсь остаться жив, надеюсь возвратиться к тебе, моему другу». — «Дай Бог! Дай Бог! Всякий день, всякий час буду о том молиться. Ах, для чего не умею ни читать, ни писать! Ты бы уведомлял меня обо всём, что с тобою случится, а я писала бы к тебе — о слезах своих!» — «Нет, береги себя, Лиза; береги для друга твоего. Я не хочу, чтобы ты без меня плакала». — «Жестокий человек! Ты думаешь лишить меня и этой отрады! Нет! Расставшись с тобою, раз-

ве тогда перестану плакать, когда высохнет сердце моё». — «Думай о приятной минуте, в которую опять мы увидимся». — «Буду, буду думать об ней! Ах, если бы она пришла скорее! Любезный, милый Эраст! Помни, помни свою бедную Лизу, которая любит тебя более, нежели самое себя!»

Но я не могу описать всего, что они при сем случае говорили. На другой день надлежало быть последнему свиданию.

Эраст хотел проститься и с Лизиною матерью, которая не могла от слёз удержаться, слыша, что ласковый, пригожий барин её должен ехать на войну. Он принудил её взять у него несколько денег, сказав: «Я не хочу, чтобы Лиза в моё отсутствие продавала работу свою, которая, по уговору, принадлежит мне». — Старушка осыпала его благословениями. «Дай, Господи, — говорила она, — чтобы ты к нам благополучно возвратился и чтобы я тебя ещё раз увидела в здешней жизни! Авось-либо моя Лиза к тому времени найдёт себе жениха по мыслям. Как бы я благодарила Бога, если б ты приехал к нашей свадьбе! Когда же у Лизы будут дети, знай, барин, что ты должен крестить их! Ах! Мне бы очень хотелось дожить до этого!»

Лиза стояла подле матери и не смела взглянуть на неё. Читатель легко может вообразить себе, что она чувствовала в сию минуту.

Но что же чувствовала она тогда, когда Эраст, обняв её в последний раз, в последний раз прижав к своему сердцу, сказал: «Прости, Лиза!..» Какая трогательная картина! Утренняя заря, как алое море, разливалась по восточному небу. Эраст стоял под ветвями высокого дуба, держа в объятиях своих бледную, томную, горестную подругу, которая, прощаясь с ним, прощалась с душою своею. Вся натура пребывала в молчании.

Лиза рыдала — Эраст плакал — оставил её — она упала — стала на колени, подняла руки к небу и смотрела на Эраста, который удалялся — далее — далее — и, наконец, скрылся — воссияло солнце, и Лиза, оставленная, бедная, лишилась чувств и памяти.

Она пришла в себя — и свет показался ей уныл и печален. Все приятности природы сокрылись для неё вместе с любезным её сердцу. «Ах! — думала она, — для чего я осталась в этой пустыне? Что удерживает меня лететь вслед за милым Эрастом? Война не страшна для меня; страшно там, где нет моего друга. С ним жить, с ним умереть хочу или смертью своею спасти его драгоценную жизнь. Пой, стой, стой, любезный! Я лечу к тебе!» — Уже хотела она бежать за Эрастом; но мысль: «У меня есть мать!» — остановила её. Лиза вздохнула и, преклонив голову, тихими шагами пошла к своей хижине. — С сего часа дни её были днями тоски и горести, которую надлежало скрывать от нежной матери: тем более страдало сердце её! Тогда только облегчалось оно, когда Лиза, уединяясь в густоту леса, могла свободно проливать слёзы и стенать о разлуке с милым. Часто

печальная горлица соединяла жалобный голос свой с её стенанием. Но иногда — хотя весьма редко — златой луч надежды, луч утешения освещал мрак её скорби. «Когда он возвратится ко мне, как я буду счастлива! Как всё переменится!» — от сей мысли прояснялся взор её, розы на щеках освежались, и Лиза улыбалась, как майское утро после бурной ночи. — Таким образом прошло около двух месяцев.

В один день Лиза должна была идти в Москву, затем чтобы купить розовой воды, которою мать её лечила глаза свои. На одной из больших улиц встретила её великолепная карета, и в сей карете увидела она — Эраста! «Ах!» — закричала Лиза и бросилась к нему, но карета проехала мимо и поворотила на двор. Эраст вышел и хотел уже идти на крыльцо огромного дому, как вдруг почувствовал себя — в Лизиных объятиях. Он побледнел — потом, не отвечая ни слова на её восклицания, взял её за руку, привёл в свой кабинет, запер дверь и сказал ей: «Лиза! Обстоятельства переменились; я помолвил жениться; ты должна оставить меня в покое и для собственного своего спокойствия забыть меня. Я любил тебя и теперь люблю, то есть желаю тебе всякого добра. Вот сто рублей — возьми их, — он положил ей деньги в карман, — позволь мне поцеловать тебя в последний раз — и поди домой». Прежде нежели Лиза могла опомниться, он вывел её из кабинета и сказал слуге: «Проводи эту девушку со двора».

Сердце моё обливается кровию в сию минуту. Я забываю человека в Эрасте — готов проклинать его — но язык мой не движется — смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему. Ах! Для чего пишу не роман, а печальную быль?

Итак, Эраст обманул Лизу, сказав ей, что он едет в армию? — Нет, он в самом деле был в армии; но вместо того чтобы сражаться с неприятелем, играл в карты и проиграл почти всё своё имение. Скоро заключили мир, и Эраст возвратился в Москву, отягчённый долгами. Ему оставался один способ поправить свои обстоятельства — жениться на пожилой богатой вдове, которая давно была влюблена в него. Он решился на то и переехал жить к ней в дом, посвятив искренний вздох Лизе своей. Но всё сие может ли оправдать его?

Лиза очутилась на улице, и в таком положении, которого никакое перо описать не может. «Он, он выгнал меня? Он любит другую? Я погибла!» — вот её мысли, её чувства! Жестокий обморок прервал их на время. Одна добрая женщина, которая шла по улице, остановилась над Лизою, лежавшею на земле, и старалась привести её в память. Несчастная открыла глаза — встала с помощью сей доброй женщины, — благодарила её и пошла, сама не зная куда. «Мне нельзя жить, — думала Лиза, — нельзя!.. О, если бы упало на меня небо! Если бы земля поглотила бедную... Нет! Небо не падает; земля не колеблется! Горе мне!» — Она вышла из города и вдруг увидела

себя на берегу глубокого пруда, под тению древних дубов, которые за несколько недель перед тем были безмолвными свидетелями её восторгов. Сие воспоминание потрясло её душу; страшнейшее сердечное мучение изобразилось на лице её. Но через несколько минут погрузилась она в некоторую задумчивость — осмотрелась вокруг себя, увидела дочь своего соседа (пятнадцатилетнюю девушку), идущую по дороге, кликнула её, вынула из кармана десять империалов и, подавая ей, сказала: «Любезная Анята, любезная подружка! Отнеси эти деньги к матушке — они не краденые, — скажи ей, что Лиза против неё виновата; что я таила от неё любовь свою к одному жестокому человеку, — к Э... На что знать его имя? — Скажи, что он изменил мне, — попроси, чтобы она меня простила, — Бог будет её помощником, — поцелуй у неё руку так, как я теперь твою целую, — скажи, что бедная Лиза велела поцеловать её — скажи, что я...» — Тут она бросилась в воду. Анята закричала, заплакала, но не могла спасти её; побежала в деревню — собрались люди и вытащили Лизу, но она была уже мёртвая.

Таким образом скончала жизнь свою прекрасная душою и телом. Когда мы там, в новой жизни, увидимся, я узнаю тебя, нежная Лиза!

Вид на Симонов монастырь. Художник К. Рабус

Её погребли близ пруда, под мрачным дубом, и поставили деревянный крест на её могиле. Тут часто сижу в задумчивости, опершись на вместилище Лизина праха; в глазах моих струится пруд; надо мною шумят листья.

Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь её от ужаса охладела — глаза навек закрылись. — Хижина опустела. В ней воеет ветер, и суеверные поселяне, слыша по ночам сей шум, говорят: «Там стонет мертвец; там стонет бедная Лиза!»

Эраст был до конца жизни своей несчастлив. Узнав о судьбе Лизиной, он не мог утешиться и почитал себя убийцею. Я познакомился с ним за год до его смерти. Он сам рассказал мне сию историю и привёл меня к Лизиной могиле. — Теперь, может быть, они уже примирились!

Размышляем о прочитанном

1. Расскажите об основных периодах жизни и творчества Н. М. Карамзина. Почему Карамзина называют *родоначальником* сентиментализма в России? Перечислите основные черты этого литературного направления. Какую литературную «программу» выдвинули сентименталисты и развитию каких жанров они содействовали?
2. Проанализируйте повесть «Бедная Лиза». Какими описаниями начинается это произведение Н. М. Карамзина? Известны ли вам эти места Москвы? Изменились ли они в настоящее время? Какие чувства вызывают у вас эти описания? Какую роль играют они в развитии сюжета? Прочитайте вслух историю семьи Лизы. Как называла Лизу мать? Обратите внимание на эпитеты (любезная, нежная, робкая и т. д.). Охарактеризуйте Лизу и Эраста. Как складывались их отношения? Почему они расстались? Почему повесть «Бедная Лиза» следует отнести к произведениям русского сентиментализма?
3. Расскажите о реформе литературного языка, проведённой Н. М. Карамзиным. Чем она вызвана и в чём она состояла?
4. В чём значение творчества и личности Н. М. Карамзина для России — её культуры и литературы?
5. В. Г. Белинский в статье «Карамзин и его заслуги» подчёркивает, что Н. М. Карамзин первым на Руси заменил мёртвый язык книги живым языком, начал писать повести, которые заинтересовали общество. Обратите на это внимание, когда будете читать стихотворные и прозаические произведения писателя.

Внеклассное чтение

Прочитайте самостоятельно другие произведения Карамзина, например: «Наталья, боярская дочь», «Рыцарь нашего времени», стихотворения.

Спыт литературоведческого исследования

Прочитайте главу из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина о времени Смуты и монолог Пимена в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина. Есть ли сходство между точками зрения Карамзина и Пушкина на этот период истории России? Похож ли летописец Пимен («Борис Годунов» А. С. Пушкина) на повествователя в «Истории государства Российского»?

Развиваем дар слова

1. Подумайте, каковы положительные черты характеров Лизы и Эраста. Чем завершается повесть «Бедная Лиза»? Что в повести современники Карамзина считали новаторским? Почему они так считали? Подготовьте диалог в качестве ответа на эти вопросы.
2. Какие слова и словосочетания из приведённых ниже можно использовать сегодня? В каких случаях?
Особливо, златоглавый, плачевная судьба, зажиточный, худо обрабатывала, любезная, пристроить к месту, навернулись слёзы, робкий голос, читывал романы, подгорюнившись, прелестный, здешний, неразлучно, дремучий, надлежало.
3. Подготовьте характеристику одного из героев повести «Бедная Лиза», включив в неё монологи и диалоги героев, описание портретов героев (письменно или устно — на выбор).

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Романтизм

Романтизм (фр. *romantique, romantisme*) — духовное и общественно-культурное движение, охватившее почти все сферы человеческой деятельности — философию, этику, эстетику, литературу, живопись, музыку. Романтизм — первое направление в литературе, которое пыталось дать философский и художественный ответ на изменения, произошедшие в мире после Великой французской революции. Романтизм в Европе возник на почве освобождения французского народа от феодальной зависимости и человека вообще от уз монархии и утверждения политической и личной свобод. Человек романтизма почувствовал себя личностью, равновеликой в своём духовном существе всему миру.

В России романтизм возник после Отечественной войны 1812 года, после походов русских войск во Францию. Результатом распространения философских, социальных, просветительских и романтических идей было восстание декабристов 1825 года с намерением ограничить самодержавную власть, облегчить участь крепостных крестьян и дать больше свободы и прав народу Российской империи.

Если классицизм искал совершенства, романтизм — во всех его разновидностях — искал чуда.

Романтизм как художественный метод. Почвой для расцвета романтизма стало чувство безграничной личной свободы. Человек, утверждали романтики, рождается свободным, ответственным только перед Богом и своей совестью.

Каждая личность, по их мнению, — особый, неповторимый мир духа, творческого «я». А творческое «я» есть не что иное, как индивидуальность с её исключительным жизненным опытом. Поэтому писатель-романтик ощутил и личную, и творческую свободу. Он почувствовал, что может творить, как Бог, никем и ничем не скованный. Если весь мир, всё бытие — творение Бога, то и произведение писателя — создание того же Божественного творческого Духа.

Однако романтик не только очарован чувством личной свободы, но и разочарован тем, в какие враждебные, узкие и несовершенные рамки эта свобода заключена. Исчезла личная и иная зависимость человека, но не исчезла зависимость вообще, и прежде всего от капитала. Несвобода внеш-

няя приняла форму безличия и выглядела поистине фантастической. Таково противоречие, лежащее в основе романтизма.

При этом романтик не до конца удовлетворён и человеческой природой. Человек, согласно христианскому учению, обладает духом и плотью. Как дух, он бессмертен (бесконечен), как плоть, он смертен (конечен). Романтик, отдав первенство духу, осознавал неполное совершенство человеческой природы.

Основа романтизма — очарование безграничной свободой личности при одновременном и слитном с ним чувстве разочарования в ограниченности свободы духа внешними и внутренними причинами.

Поскольку опознавательный знак всякой личности — свобода духа, то, по мнению романтиков, в идеале личность не может быть зависима от внешних условий, которые нарушают её свободу и свободу личности других людей. Цель всякой личности, писал Ф. Шлегель, «в силе и желании стать подобными Богу и всегда иметь бесконечное перед глазами».

Если самую большую ценность в земном мире представляет личность, индивидуальность, то всё, что препятствует проявлению её свободного духа, враждебно ей. Романтизм сознательно и принципиально обособил личность от влияния на неё земного мира. Это означает, что окружающая среда могла погубить личность, но изменить её она была не в силах. Личность всегда верна себе и не зависит от обстоятельств.

Каждая личность — это целый неповторимый мир, настоящая Вселенная. Однако из этого не следует, что личность не может найти в реальном мире понимающую душу, как находит она в природе созвучные её духу свободу и красоту.

В романтической картине мира духовное начало сочетается с началом физическим, материальным, но при этом духовное господствует над материальным. Романтик устремлён к духовному, идеал которого представляется ему абсолютным, безусловным, совершенным и прекрасным. Этот идеал находится в вечном, никогда не исчезающем противоречии с враждебной действительностью. Отношения между идеалом и жизнью выражаются в системе противоположностей и могут принимать различный вид: божественное — дьявольское, возвышенное — низменное, небесное — земное, истинное — ложное, закономерное — случайное, свободное — зависимое, внутреннее — внешнее, вечное — преходящее, желаемое — действительное, исключительное — обыденное.

Несмотря на враждебные отношения с социальным миром, человек в романтизме включён в земной и небесный миры, но не для того, чтобы изучать их, познавать их законы и объяснять, а для того, чтобы их переживать, воспринимать. Так как человек воспринимает мир всем существом, то романтики настаивают на многообразных отношениях личности со Вселенной и отдают предпочтение непосредственным чувствам, подчёркивая первенствующую роль эмоций, лиризма. Это означает, что романтик не изучает жизнь, а воспринимает её сразу,

целиком, с помощью интуиции, не прибегая к рассудку. Он не доверяет теоретическим знаниям («системотверию», как выразился немецкий критик и теоретик романтизма В. Ваккенродер). Для постижения сущности мира и человека романтикам был необходим инструмент, в котором чувственное сочеталось бы с рассудочным, рациональным, но при этом чувственное должно преобладать над рассудочным. Это соотношение они нашли в художественном образе, в искусстве. Поэтому искусство во всех его видах было признано романтиками главным способом познания мира. Чем дальше тот или иной вид искусства отстоит от рациональных способов постижения мира, тем он выше. «Поэт, — утверждал Новалис, — постигает природу лучше, чем разум учёного». Романтики считали, что искусство способно не только преобразовывать жизнь, но и представлять особую форму жизни. Художник, создавая образ, творит, как Бог, создавший природу, как природа, рождающая дерево, гору или озеро.

Романтикам, однако, было недостаточно создать художественный образ, им нужно было переделать действительность. «Поэтический вымысел, — писал Новалис, — всё в себе заключающее орудие, которым создается мой теперешний мир». Стало быть, романтизм пытается уравнивать жизнь и искусство: жизнь должна стать искусством, т. е. наполниться гармонией и красотой, а искусство — наиболее полным и совершенным выражением жизни. Так воображение, фантазия, вымысел, лежащие в основе художественного творчества, искусства, становятся в понимании романтиков единственными, наряду с религией, посредниками между личностью и Вселенной, между человеком и Богом.

Так как мир совершенен как замысел и несовершенен как воплощение, то реальность далека от идеала, и мечта романтика обычно неосуществима. Романтик весь устремлён в бесконечное, в идеальное духовное царство: он всегда готов покинуть тусклое и унылое *Здесь*, чтобы оказаться в очарованном *Там*. Порыв в бесконечность и томление по нему — самое ценное в романтизме, потому что они означают вечное движение, вечное беспокойство духа, неудовлетворённого несовершенством мира и человека и жаждущего совершенства и красоты.

Особое внимание романтик уделяет центральному персонажу, который часто доносит до читателя авторскую точку зрения. Герой романтиков неотделим от авторского «я», от авторского образа, в конечном итоге — от автора.

Герой как единый образ, проходящий через всё творчество, обладает устойчивыми чертами, потому что душевная жизнь поэта-романтика протекает в зависимости от системы взглядов, убеждений, настроений, чувств, которые не имеют к тому или иному жанру прямого отношения и могут быть воплощены в разных жанрах. Одни и те же стороны души поэта оживают в оде, элегии, идиллии, послании, песне, романсе, балладе, поэме. Для передачи сокровенных движений души романтик в отличие от поэта-классициста не знает жанровых преград и жанро-

вой неволи. Подход романтика к системе жанров заключён в отрицании жанрового мышления и иерархии жанров. Романтики смешивают жанры, превращая художественное произведение в сложное жанровое целое, состоящее из разных жанровых образований. С одной стороны, они создают некий жанровый гибрид, а с другой — утверждают, по словам Ф. Шлегеля, *внежанровую сущность романтической поэзии*. Похожее мнение высказал и Новалис, писавший, что роман — жизнь, принявшая форму книги. Несмотря на эти высказывания, романтизм, конечно, не отменил систему литературных жанров. Отказавшись от жанрового мышления, романтизм смешал жанры, оживил и обогатил их новыми содержательными возможностями.

Романтический стиль отличается ярко выраженной риторикой и полным господством монологизма, потому что в произведении господствует авторская точка зрения и авторская речь. Герои — языковые двойники автора.

При этом выражение преобладает над изображением. Слово ценно своими эмоциональными значениями и оттенками, а не объективным, точным воспроизведением предметов и явлений. Вследствие этого романтический стиль строится на многочисленных ассоциациях, он насыщен тропами (эпитетами, сравнениями, метафорами, метонимиями и пр.). Благодаря повышенной эмоциональной окраске буквальное, словарное значение слов приобретает символический характер. Например, море — это не только водное пространство, но и символ стихийной свободы, утренняя заря — не только восход солнца и начало нового дня, но и символ надежд и стремлений, голубой цветок — не только растение с лепестками голубого цвета, но и символ прекрасного, недостижимого идеала, ночь — не только время суток, но и символ таинственной сущности мироздания и человеческой души.

Подводя итог, можно сказать, что романтизм — *это европейское и мировое литературное направление, поставившее в центр изображения свободную личность, обладающую самостоятельным и самодостаточным духовным миром, равновеликим бытию, но противопоставленную враждебным общественно-социальным условиям и подверженную пагубному их воздействию, ведущему, как правило, к трагическому конфликту; в произведениях романтиков воплотились принципы словесного искусства, согласно которым одинокая независимая личность проникнута вечным томлением по бесконечному, не обусловлена ни историческими, ни социальными обстоятельствами и наделена чертами исключительности и таинственности*.

Как литературное направление романтизм проявился в различных национальных литературах: Германии, Англии, России, Франции, США и др.

Романтический герой — общее название героев произведений писателей-романтиков. Как правило, такой герой — романтик по своим

чувствам и убеждениям, уникальная и часто таинственная личность. Внутренний мир героя неисчерпаем в своих душевных глубинах и неповторим. Романтическому герою противостоят внешние события и обстоятельства, с которыми он находится во враждебных отношениях. Столкновение героя с внешним миром перенесено во внутренний мир героя, в душе которого происходит борьба противоречий. Романтический герой изображается с помощью контраста, антитезы: с одной стороны, он является венцом творения, а с другой — безвольной игрушкой в руках судьбы, неведомых и неподвластных ему сил. Поэтому он часто превращается в жертву своих собственных страстей. Романтический герой принципиально одинок и исключителен. Он или сам бежит из привычного для других мира, который кажется ему тюрьмой, или является изгнанником и преступником. Для романтического героя свобода дороже жизни, он — цельная личность, в нём всегда можно выделить ведущую черту характера. При этом он всегда неизменен. Внешний мир может его покалечить физически и душевно, может погубить, но подчинить себе и изменить душу героя он не в состоянии.

В романтическом герое нашли выражение авторские черты. Поэтому герой романтизма в значительной мере — лирический образ, в котором в той или иной степени запечатлелась личность автора.

Романтизм разработал один характер, но придал ему разные лики:

1) Наивного чудака, верящего в идеал и в его осуществимость; комичного в глазах здравомыслящей толпы. Такой герой выгодно отличается от людей из толпы нравственной цельностью, наивным стремлением к истине, умением любить и неумением приспособляться.

2) Одинокого мечтателя, которым движет высокое безумие.

3) Романтического бродяги и разбойника, совершающего «высокое преступление» из благородных побуждений.

4) Разочарованного «лишнего» человека, наблюдателя, который не стремится изменить ни действительность, ни самого себя.

5) Демонической личности, вступающей в трагический разлад с действительностью и с собой, сеющей «высокое зло»; в этом образе спаяны протест, отчаяние и собственная нравственная уязвимость.

6) Патриота и гражданина, в котором слиты гордость, самоотверженность и жертвенность; он, одинокий герой, готов искупить своей кровью и жизнью коллективный грех.

Так как герой в значительной мере — автобиографический образ, то в нём выражена трагическая участь художника-творца, живущего на границе двух миров. Один из них — возвышенный мир искусства, второй — пошлый, косный мир обыденности. Автор-творец, гений, причастен к высокой стихии творчества независимо от того, изливается ли она в его произведениях или остаётся заключённой в его душе. Здесь рождается тема «невыразимого».

Романтический конфликт. Важной сюжетно-композиционной стороной произведения у романтиков выступает конфликт героя и общества. Необычность героя подчёркивается психологическим портретом: выразительной внешностью, одухотворённостью, красотой или уродливостью, пристальным или пронизательным взглядом, болезненной бледностью, задумчивостью. Поведение героя обычно нарушает как принятые в обществе, так и общечеловеческие нравственные нормы.

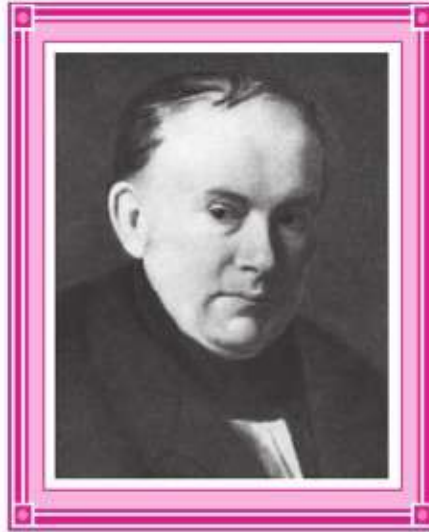
Общество, в отличие от героя-романтика, — пример торжества господствующих в нём ложных, не соответствующих идеалу норм. Оно — «мёртвый», обезличенный «механизм», в котором всё подчинено установленным ритуалам и фальшивым нравственным стереотипам.

Герой формируется вопреки среде, хотя конфликт обусловлен или даже навязан обществом, чтобы получить власть над душой героя, его внутренним миром. Лицемерие, безжизненность общества связаны с дьявольским, низменным началом. Конфликт между героем и обществом принципиально неразрешим.

Романтическое двоемирие. Так как основа романтизма — чувство очарования безграничной свободой личности при одновременном чувстве разочарования в сковывающей действительности, романтики пришли к выводу, что мир совершенен как замысел и несовершенен как воплощение, что реальность далека от идеала и что мечта романтика неосуществима. Романтик устремлён в бесконечное, в идеальное духовное царство: он всегда готов покинуть тусклое и унылое «здесь» (землю), чтобы оказаться в очарованном «там» (на небе, в раю). Порыв в бесконечность и томление по нему — самое ценное в романтизме, потому что они означают вечное движение, беспокойство духа, неудовлетворённого несовершенством мира и человека, ибо романтик жаждет абсолютного совершенства и красоты. При этом идеальное духовное царство безгранично, оно простирается за пределы земного бытия. Так рождается характерный признак романтизма — романтическое двоемирие. Связующее звено между реальным и идеальным мирами — внутренний мир личности романтика. Романтик одновременно пребывает в двух мирах: посюстороннем, земном, и потустороннем, небесном. При художественном воплощении романтического двоемирия главная задача авторов состояла в том, чтобы совместить оба мира в едином образе.

Проверьте себя

1. Когда появился романтизм? В чём его пафос?
2. Какими писателями представлено это направление?
3. Назовите романтические произведения.
4. Составьте конспект статьи о романтизме и расскажите, в чём основные особенности направления.

Василий Андреевич ЖУКОВСКИЙ

(1783–1852)

В русскую литературу романтизм ввёл Василий Андреевич Жуковский, великий поэт и переводчик, сочинивший множество элегий, посланий, песен, романсов, баллад и эпических произведений.

В. А. Жуковский родился в селе Мишенском Тульской губернии в семье помещика Афанасия Ивановича Бунина. Матерью его была пленная турчанка Сальха, которую нарекли Елизаветой Дементьевной Турчаниновой. Ребёнок считался по тем временам незаконным, и его положение в семье было двусмысленным. По желанию Бунина мальчика усыновил бедный дворянин Андрей Григорьевич Жуковский. Чтобы упрочить будущее сына и смягчить его печальную участь, Бунин записал его в военную службу, и шестилетний мальчик получил чин прапорщика. Это давало право на получение дворянского звания. Его имя внесли в дворянскую родословную книгу Тульской губернии. Однако после смерти Бунина Жуковский почувствовал себя в доме особенно неуютно. Неясное и неустойчивое место в семье доставляло ему психологические неудобства и было источником глубоких переживаний.

Жуковский не озлобился на судьбу, сохранил уравновешенность, спокойствие, доброжелательность. Он смиренно и кротко, с неугасающей верой и молитвой переносил выпавшие на его долю нравственные испытания. Впоследствии Пушкин назвал его душу «ангельской», а воспоминания современников запечатлели сердечность, отзывчивость поэта.

Учился будущий писатель сначала дома, затем в пансионе Х. Ф. Роде, в главном народном училище, и снова дома — в Туле. Наибольшее

воздействие на него оказал Благородный университетский пансион в Москве, где он нашёл и опытных наставников, и родственную по духу среду сверстников, особенно в знаменитой семье Тургеневых. Сыновья И. П. Тургенева — Александр, Николай и особенно Андрей — навсегда останутся друзьями Жуковского.

Жуковский был одним из лучших учеников. Он окончил пансион с серебряной медалью. Сразу же после окончания пансиона вместе с А. Тургеневым, А. Мерзляковым он создаёт Дружеское литературное общество. Участники его ставят перед собой цель познакомить русскую публику с новейшими литературными течениями на Западе и произведениями европейских авторов. Так они начинают приучать читателей к романтизму и пересаживают западные романтические идеи на русскую почву, учитывая, конечно, её своеобразие.

Друзья полагали, что, прежде чем приступить к самобытному творчеству, нужно освоить достижения европейской культуры. Только сделав сочинения европейцев фактами русской культуры, можно двинуться дальше и начать творить, идя при этом своей, не проторённой другими народами дорогой. Поэтому почти все произведения Жуковского можно назвать и переводными, и оригинальными. Чужое он превращал в своё, творчески преобразовывал и делал достоянием русской культуры.

Жуковский не ставил перед собой задачи точно перевести подлинник. Он творчески перерабатывал текст. Так поступал не только Жуковский, но и Крылов, Батюшков, другие поэты того времени.

Разными путями, но преследуя сходную цель, писатели прививали русской культуре европейский опыт. Благодаря Н. И. Гнедичу и В. А. Жуковскому наша публика познакомилась с «Илиадой» и «Одиссеей» Гомера.

В ту пору, когда Жуковский учился в пансионе, он уже сочинял, но его первые произведения выдержаны в классицистическом или в сентиментальном духе. Первым произведением, которое Жуковский считал началом своего творчества, была элегия «Сельское кладбище», перевод стихотворения английского поэта Томаса Грея.

С этого времени Жуковский понял, что его жизненное призвание — художественная литература. Его служба в Главной соляной конторе кончается тем, что за занятия литературой и пренебрежение должностью его сажают под «арест». Когда срок наказания кончился, Жуковский подал в отставку, на пять лет поселился в селе Мишенском и со всем пылом юности предался самообразованию.

Не прекращалось и его лирическое творчество. Среди элегий, написанных в Мишенском, — стихотворение «Вечер», принадлежащее к самым совершенным. В Мишенском к Жуковскому пришла большая любовь.

Молодой поэт давал уроки своим племянницам — Марии и Александре Протасовым, дочерям его единственной по отцу сестры.

С 1805 года началась драматическая история отношений с Машей Протасовой. Возлюбленной Жуковского было 12 лет. Двадцатидвухлетний поэт решил ждать её совершеннолетия. Однако будущее не обещало семейного счастья, потому что по церковным законам близким родственникам не разрешалось вступать в брак. Сестра Жуковского и мать Маши — женщина религиозно настроенная, верующая — решительно воспротивилась намерениям влюблённых.

После затворничества в Мишенском (1802—1807) Жуковский приезжает в Петербург и становится на короткое время редактором журнала «Вестник Европы», сменив Карамзина. В 1808 году он написал балладу «Людмила» на сюжет стихотворения немецкого поэта Г.-А. Бюргера «Ленора». После неё в течение шести лет появилось сразу 13 баллад (всего Жуковский написал 39 баллад), и среди них такие, как «Кассандра», «Светлана», «Двенадцать спящих дев», «Пустынник», «Адельстан», «Ивиковы журавли», а в следующие годы — «Варвик», «Алина и Альсим», «Эльвина и Эдвин», «Ахилл», «Эолова арфа», «Рыцарь Тогенбург», «Жалобы Цереры», «Торжество победителей», «Баллада о старушке...», «Замок Смальгольм, или Иванов вечер», «Ночной смотр», «Лесной царь», «Кубок», «Элевзинский праздник» и др. Одни из этих баллад названы «русскими», другие по тематике относятся к средневековым (английским и немецким), третьи — к античным. Но есть и баллада на современный сюжет («Ночной смотр»). Со времени создания баллад «Людмила» и «Светлана» Жуковского стали называть «балладником». Баллада стала жанром, который принёс победу романтизму в русской литературе. Сначала баллада считалась произведением «лёгкого» жанра, незначительным по своему содержанию, но искусство Жуковского выдвинуло её на первый план литературы того времени.

Не угасает и лирическое творчество поэта. Жуковский стремится выразить в лирике зыбкое, ускользающее, таинственное, погружается в область предчувствий и грёз. Одним из самых устойчивых мотивов становится воспоминание, приобретающее религиозно-романтический смысл. Поэт вспоминает о юности, друзьях и вновь испытывает томление по небесному, Божественному и очаровательно прекрасному миру.

Отечественная война 1812 года всколыхнула патриотические чувства В. А. Жуковского. Он был зачислен поручиком в Московское ополчение, прикомандирован к штабу М. И. Кутузова, был ранен, лечился в госпитале. В чине штабс-капитана и кавалера ордена Св. Анны Жуковский оставил армию. В 1812 году он написал стихотворение «Певец во стане русских воинов», которое сделало его известным всей России.

Поэт совместил в стихотворении признаки пламенной и торжественной батальной оды с особенностями печальной любовной элегии.

Жуковский славил русских воинов от древних времён до 1812 года. Слово его было задушевым, интонация — сердечной. Ода-элегия стала новаторским сочинением в русской поэзии.

В последующие годы творчество Жуковского, несмотря на напряжённые занятия, не ослабевает. Из крупных лирических стихотворений в 1819—1824 годах появляются «Невыразимое», «На кончину Её Величества королевы Виртембергской», «Цвет завета», «Я Музу юную, бывало...», «К мимо пролетевшему знакомому Гению», «Жизнь», «Лалла Рук», «Море», «Таинственный посетитель», «Мотылёк и цветы».

В 1817 году возлюбленную поэта принудили выйти замуж за доктора И. Ф. Мойера, в 1823 году В. А. Жуковский оплакал её раннюю смерть. Трагическая любовь стала ещё одной темой поэзии Жуковского.

И всё же постепенно лирика в творчестве Жуковского угасает. Любовная тема исчезает после кончины Марии Мойер, урождённой Протасовой. С тех пор Жуковский всё чаще отдаёт свои творческие силы стихотворному эпосу. Переход русской литературы к эпическим, и в частности прозаическим, жанрам преломился в творчестве Жуковского своеобразно. Поэт обратился к стихотворному эпосу, оставив лирику, но сохранив верность стихотворной речи. В 1820-е годы Жуковский переводил баллады Вальтера Скотта, много произведений Ф. Шиллера, «Шильонского узника» Дж. Г. Байрона, отрывки из поэмы «Энеида» Вергилия и «Метаморфоз» Овидия.

В 1826 году Жуковский стал наставником наследника-цесаревича, будущего императора Александра II, в этом качестве он находился при дворе по 1841 год. Жуковский понял задачу воспитания и образования царского сына как национально-историческую для России и чрезвычайно ответственную. Он сам составлял программы, конспекты занятий и старался внушить великому князю любовь к добру, милосердие, вселить в него мысль о необходимости государственных реформ. Впоследствии Жуковский вместе со своим высокородным учеником совершил путешествие по России. Россия была обязана не только поэтическому, но и человеческому таланту Жуковского, воспитанник которого в 1861 году освободил крестьян от крепостной зависимости. Именно Жуковский побуждал Николая I простить декабристов, объявив им амнистию, оказал помощь Баратынскому, Ф. Н. Глинке, Герцену, участвовал в судьбах Кольцова, Шевченко, Лермонтова, А. Никитенко.

В 1830-е годы творческий дар Жуковского не оскудел: появились новые баллады, в которых преобладало эпическое начало. Лето 1831 года Жуковский провёл в Царском Селе. Там жил и Пушкин.

Поэты вступили в своеобразное соревнование, результатом которого стали сказки. Жуковский написал «Сказку о царе Берен-

дее...», «Сказку о спящей царевне» и «Войну мышей и лягушек».

Здоровье Жуковского к тому времени несколько пошатнулось, и летом 1832 года он уехал на лечение за границу. По возвращении в Россию на Жуковского сразу ложится множество забот. Он участвует в создании либретто оперы Глинки «Иван Сусанин», улаживает конфликт Пушкина с властями, создаёт два значительных произведения — балладу «Ночной смотр» и стихотворный перевод прозаической повести «Ундина» Ф. де Ламот-Фуке.

В 1826 году Жуковский тяжело пережил смерть Карамзина, в 1837 году — Пушкина. После ранения поэта он неотлучно находится в его квартире на Мойке, по кончине Пушкина разбирает его бумаги, готовит к изданию сочинения и помогает семье.

Земной путь Жуковского подходил к завершению, когда в 1840 году он решил жениться на Елизавете Рейтерн, дочери своего друга-художника. Поэт вышел в отставку и в 1841 году уехал в Германию, где и обрёл семью. От брака с Е. Рейтерн у него родились дочь Александра и сын Павел. Вскоре обнаружилось, что жена Жуковского страдает душевной болезнью. Собственные недуги, внезапно настигшая слепота до конца дней задержали Жуковского в Германии. Но, несмотря на болезнь, он по-прежнему много сочинял. Кроме отрывков из эпических произведений, Жуковский написал сказки «Об Иване-царевиче и Сером Волке», «Тюльпанное дерево», закончил перевод восточных эпических поэм «Наль и Дамаянти», «Рустем и Зураб», отрывки из «Махабхараты». Главным его трудом в эти годы был перевод «Одиссеи» Гомера. Ему поэт отдал семь лет (1842—1849). В 1845—1850 годах Жуковский полностью перевёл с церковнославянского языка на русский «Новый Завет». Последними эпическими произведениями поэта стали поэма «Агасвер. Вечный жид» и стихотворение «Царскосельский лебедь», автобиографичность которого очевидна. 12 апреля 1852 года перед ним, глубоко верующим христианином, смерть открыла врата, через которые земная жизнь Жуковского перетекла в жизнь небесную, вечную.

«Море» (1822). Замечательное свойство поэзии Жуковского — одухотворять и одушевлять всё сущее — блестяще проявилось в его знаменитой элегии «Море». В ней изображён морской пейзаж в разных состояниях, но мысль поэта занята другим — он думает о человеке, о его жизни, о стихиях, бушующих в его груди.

Жуковский одухотворяет море. Природа для поэта не равнодушна, не мертва. В ней скрыта душа, она жива. Море Жуковского «дышит», способно «любить» и даже «наполнено» «тревожной думой». Как в душе человека, в «душе» моря скрыта «глубокая тайна», которую

и хочет разгадать поэт. Но море безмолвно, лазурно, оно таит свою душу, хотя поэт и чувствует тревогу:

Что движет твоё необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряжённая грудь?

И вот, наконец, часть тайны приоткрывается поэту:

Иль тянет тебя из земных неволи
Далёкое светлое небо к себе?

Море, таким образом, лежит между землёй и небом, оно открыто тому и другому, занимает промежуточное положение. Следовательно, это особая стихия — ни земля, ни небо, но подвластная обоим. Море не может вырваться из земной тверди, но его манит небо, и море стремится к нему, никогда его не достигая. С землёй связана его скованность, неволя, с небом — светлые, чистые порывы. Но не так ли и человек, погружённый в земную суету, рвётся в небесную безбрежность, в вечные края Божьего Царства, жаждет идеала и желает его? Море полно «сладостной жизни», оно счастливо, когда небо открыто его «взору». Ему передаётся чистота небесного блаженства («Ты чисто в присутствии чистом его»). Так и человек, следующий Божественным предначертаниям и помыслам, остаётся чистым душой. Но едва тёмные тучи закроют ясное небо, море охватывает тревога, его настигает смута, оно утрачивает идеал, не «видит» его и, чтобы не потерять совсем, «терзает» «враждебную мглу». Победив тьму, оно ещё долго не успокаивается.

Из этой картины, нарисованной Жуковским, становятся вполне очевидными несколько выводов. Во-первых, для Жуковского море — подвижная стихия; его спокойствие обманчиво, мнимо; причина тревоги лежит в самом его положении между землёй и небом; любясь небом и стремясь к нему, оно всегда опасается, что небо отнимут злые силы и море потеряет предмет своих стремлений и упований («Ты, небом любясь, дрожишь за него»). Во-вторых, картина, созданная Жуковским, религиозна и философична. Она связана с его представлениями о земной неволе, земной суете, в которой нет совершенства, и о небесной безупречной чистоте и красоте, к которым всё сущее испытывает неотразимое тяготение, томление, порыв. Это стремление к лучшему и есть закон, лежащий в основе бытия. В-третьих, в элегии Жуковского имеется в виду, конечно, не только море, не только природа, но и человек и человечество. Они не могут существовать, жить, дышать без идеала. Иначе они лишатся смысла и цели, вложенных в них Творцом. Небо, независимо от человека и человечества, может быть скрыто от них враждебными, тёмными силами, и тогда неизбежны смута, беспокойство, угроза самой их жизни. Мысли, чувства

человека, его душа и дух обречены на вечное беспокойство, на вечную тревогу, пусть скрываемую, но присущую им изначально. Причина этой тревоги лежит вне человека, но волнуется он за себя — за то, что исчезнувшее небо, исчезнувший идеал сделают бессмысленной его жизнь и погрузят её в темноту, подобно тому как мгла покрывает землю, оставшуюся без солнца, как уйдёт свет из души, потерявшей веру в Бога.

Знакомство с некоторыми лирическими стихотворениями Жуковского позволяет обобщить, уточнить и расширить представления о его поэзии.

Море

Элегия

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей.
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мне глубокую тайну твою.
Что движет твоё необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряжённая грудь?
Иль тянет тебя из земных неволи
Далёкое, светлое небо к себе?..
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто в присутствии чистого его:
Ты льёшься его светозарной лазурью,
Вечерним и утренним светом горишь,
Ласкаешь его облака золотые
И радостно блещешь звездами его.
Когда же собираются тёмные тучи,
Чтоб ясное небо отнять у тебя —
Ты бьёшься, ты воешь, ты волны подьёмлешь,
Ты рвёшь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезает, и тучи уходят,
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганные волны,
И сладостный блеск возвращённых небес
Не вовсе тебе тишину возвращает;
Обманчив твой неподвижности вид:
Ты в бездне покойной скрываешь смятенье,
Ты, небом любуясь, дрожишь за него.

Размышляем о прочитанном

1. Найдите в стихотворении слова и выражения, одушевляющие море. Каким художественным приёмом воспользовался Жуковский?
2. Какая «тайна моря» волнует поэта? Какова причина смятения водной стихии?
3. Только ли о море написано стихотворение?
4. Почему, по каким признакам стихотворению дано жанровое определение «элегия»?

* * *

Особенности лирики Жуковского. Жуковский был убеждён, что каждый человек обладает неповторимым душевным строем, что личность мыслит себя внутренне самостоятельной, независимой, воспринимает весь мир в его прошлом, настоящем и будущем как творение Бога и сквозь призму своей души, своих чувств. Человек в поэзии Жуковского — обыкновенный, частный человек. Он мыслит себя отдельно от государства, потому что те понятия, которые сложились в государстве, он не вполне принимает или даже отрицает. Жуковский убеждён, что цель человечества состоит в усовершенствовании своей природы, а смысл жизни человека — в том, чтобы воспитать себя душевным, чувствительным и чутким к чужим страданиям, бедам и несчастьям. При таком понимании мира и человека поэзия для Жуковского — божественный дар слова, имеющий особую духовную власть. Она состоит в том, чтобы прозреть в земном мире черты вечной жизни, прекрасной и совершенной, передавать её людям в слове и увлекать туда, за край земной, в таинственную, загадочную область нравственной чистоты и всеобщего счастья. Самое ценное в поэтическом даре — способность заражать томлением, порывом к идеалу. После Жуковского любое переживание, будь то печаль или тоска, гражданское или патриотическое чувство, утратило риторическое, абстрактное (и потому холодное) выражение и приобрело задушевность и трогательность.

Как всякий поэт-романтик, Жуковский стремился постичь сущность поэзии и определить её границы и пределы. Его интересовало противоречие между живым языком чувств и переводом последнего на язык слов: можно ли выразить чувство и мысль в словах? Можно ли выразить невыразимое? Для Жуковского это главная задача поэзии и основная трудность поэтического искусства.

«Невыразимое». В 1819 году поэт создал стихотворение «Невыразимое», в котором раскрыл своё понимание поэзии, особенности своей поэтики на основе личного поэтического опыта. Это произведение по праву называют «поэтическим манифестом» Жуковского.

Невыразимое

(отрывок)

Что наш язык земной пред дивною природой?
 С какой небрежною и лёгкою свободой
 Она рассыпала повсюду красоту
 И разнovidное с единством согласила!
 Но где, какая кисть её изобразила?
 Едва-едва одну её черту
 С усилием поймать удастся вдохновенью...
 Но лъзя ли в мёртвое живое передать?
 Кто мог создание в словах пересоздать?
 Невыразимое подвластно ль выраженью?..
 Святые таинства, лишь сердце знает вас.
 Не часто ли в величественный час
 Вечернего земли преображенья,
 Когда душа смятенная полна
 Пророчеством великого виденья
 И в беспредельное унесена, —
 Спирается в груди болезненное чувство,
 Хотим прекрасное в полёте удержать,
 Ненаречённому хотим названиее дать —
 И обессиленно безмолвствует искусство?
 Что видимо очам — сей пламень облаков,
 По небу тихому летящих,
 Сие дрожанье вод блестящих,
 Сии картины берегов
 В пожаре пышного заката —
 Сии столь *яркие черты* —
 Легко их ловит мысль крылата,
 И есть *слова* для их *блестящей* красоты.
 Но то, что слито с сей блестящей красотой —
 Сие столь смутное, волнующее нас,
 Сей внемлемый одной душою
 Обворожающего глас,
 Сие к далёкому стремленье,
 Сей миновавшего привет
 (Как прилетевшее незапно дуновенье
 От луга родины, где был когда-то цвет,
Святая молодость, где жило упованье),
 Сие шепнувшее душе воспоминанье
 О милом радостном и скорбном старины,
 Сия сходящая святыня с вышины,

Сие присутствие Создателя в создание —
 Какой для них язык?.. Горé душа летит,
 Всё необъятное в единый вздох теснится,
 И лишь молчание понятно говорит.

* * *

Прежде всего обратим внимание на противопоставления: с одной стороны, земной язык, а с другой — природа. Она названа «дивной», потому что это чудесное произведение Бога, Создателя, возникшее по Его воле. Природа влечёт поэта, и он хочет точно передать её сущность, постичь её. Но ему подвластен лишь человеческий, а не божественный язык, и потому, пересоздавая природу, переводя собственные переживания на свой язык, он неизбежно превращает живую дивную и прекрасную природу в нечто мёртвое, ибо не может передать природу в её подлинности, не огрубляя и не лишая её жизни. Земной язык не способен уловить сущность божественного творения, в котором «разновидное» (например, каждый цветок) находится в гармонии с целым (совокупность природных явлений в их полноте). Так рождается противоречие между тем, что уже создано особым, неземным языком и невозможностью выразить это творение языком человеческим, даже поэтическим. Так перед поэтом встаёт главная и почти непреодолимая проблема. Когда он видит преображение земли и его душа уносится в «беспредельное», т. е. ощущает, чувствует и переживает согласие с мировой жизнью, — его посещает вдохновение и в нём рождается желание «прекрасное в полёте удержать», но его искусство оказывается бессильным и оттого «спирается в груди болезненное чувство». Между тем слово может передать всё материальное: «пламень облаков», «дрожанье вод блестящих», «картины берегов // В пожаре пышного заката». Эти видимые яркие черты «легко ловит мысль крылата» и для передачи их «блестящей красоты» у поэта есть нужные слова. То, что уловимо глазами и мыслью, поэт может выразить. А вот то одухотворённое, неземное, божественное, что есть в природе и что «слито с сей блестящей красотой» (например, романтическое стремление «к далёкому», идеальному, «дуновенье» молодости, полной пылких надежд на счастье, воспоминание, навеянное картинами природы «о милом радостном и скорбном старины», говорящее о «присутствии Создателя в создании»), не подвластно земному языку, хотя и понятно душе, которая уносится ввысь и, подобно природе, причастна к согласию и гармонии («Всё необъятное в единый вздох теснится»).

При всём сомнении Жуковского в способности поэта выразить сущность мира он не отрёкся от выражения сущности тайн природы. Пре-

одолевая эту трудность, он сделал акцент на эмоциональных значениях слов, мелодически организованном стихе, таинственных намёках как способе проникновения в неясные, но понимаемые душой и сердцем состояния и переживания. Его поэзия полна символов.

В поэзии Жуковского запечатлелся его необычный психологический облик, для создания которого поэт выбрал такие биографические факты, которые с наибольшей полнотой и убедительностью рисовали обобщённую жизненную участь автора. Такого тесного и вместе с тем нетождественного единства между поэтом и его лирическим образом поэзия ещё не знала.

«До Жуковского, — писал В. Г. Белинский, — на Руси никто и не подозревал, чтоб жизнь человека могла быть в такой тесной связи с его поэзией и чтобы произведения поэта могли быть вместе и лучшею его биографией».

Размышляем о прочитанном

1. Что имеет в виду Жуковский под словом «невыразимое» и почему стихотворению дан подзаголовок «отрывок»?
2. Как вы понимаете вопрос: «Невыразимое подвластно ль выраженью?»
3. Так что же «ловит мысль крылата»? Какой для неё доступен язык?
4. Как объяснить концовку стихотворения: «...лишь молчание понятно говорит»?
5. Составьте небольшой словарик, объясняющий слова и выражения: *дивный, согласила, смятенная душа, ненаречённое, мысль крылата, обволакивающего глас, необъятное в единый вздох теснится.*
6. Подготовьте выразительное чтение стихотворения, сделав акцент на ключевых смыслах текста.

Развиваем дар слова

1. Используя статью учебника, ресурсы Интернета, подготовьте устное сообщение о жизни и творчестве В. А. Жуковского. Введите в свой рассказ следующие словосочетания:
дворянская родословная, нравственные испытания, опытные наставники, романтические идеи, самобытное творчество, преобразования.
2. Объясните значение слов и выражений:
явится смерть, надменный мавзолей лишь персть их бременит, перл, жертвенники лесты, спать под сенью гробовою, светозарная лазурь.

* * *

Лирический герой. *Лирический образ*, в котором запечатлелась личность автора, его «я», получил название лирического героя.

Лирический герой — это жизнь души поэта, которая выступает в стихах от первого лица, от лица «я». Лирический герой как образ пришёл в литературу вместе с лирикой романтизма, но как понятие введён Ю. Н. Тыняновым много позже. Образ лирического героя характерен не только для поэзии Жуковского, но и для других поэтов-романтиков. Образ лирического героя отличается от условного образа автора-стихотворца в классицизме. У Ломоносова или Державина образ поэта чисто жанровый образ, условность которого заранее определена жанром.

Если поэт-классицист пишет оду, то он надевает на себя маску государственного мужа, патриота империи, которую славит. Если он пишет идиллию (см. в «Кратком словаре литературоведческих терминов» во второй части учебника) или эклогу¹, то предстаёт пастушком. Если пишет элегию, то выбирает маску влюблённого. Он меняет маски в зависимости от того, к какому жанру принадлежит создаваемое им стихотворение. Маски прикрепляются к строго определённым жанрам и меняются от стихотворения к стихотворению.

Лирический герой романтизма — единый образ, проходящий через всю лирику. Он обладает устойчивыми чертами, потому что душевная жизнь поэта-романтика протекает в зависимости от системы взглядов, убеждений, настроений, чувств, которые не имеют к тому или иному жанру прямого отношения и могут быть воплощены в разных жанрах. Одни и те же стороны души поэта оживают в оде, элегии, идиллии, послании, песне, романсе, балладе, поэме. Для передачи сокровенных движений души романтик в отличие от поэта-классициста не знает жанровых преград и жанровой неволи.

Особенности поэтического языка В. А. Жуковского. В. А. Жуковский решительно порывает с прежней рационалистической поэтикой XVIII века. Предметы в его лирике начинают утрачивать свою определённую, размываются. Своеобразие поэзии Жуковского легче всего понять в сравнении с поэзией классицизма.

У Державина есть стихотворение «Соловей», написанное восьмистишиями. Вот первые четыре стиха:

На холме, средь зелёной рощи,
При блеске светлого ручья,
Под кровом тихой майской ночи,
Вдали я слышу соловья.

¹ *Эклога* — лирический диалог между персонажами; форма поэзии, близкая идиллии.

Эпитеты, которые использует Державин, объективны, предметны: «зелёная» — обозначение цвета, качества, присущего роще, её признак; «майская» — точное обозначение времени года, месяца; «тихая» означает в контексте стихотворения «безветренная»; «светлый» тоже предметный эпитет. Из этого можно заключить, что Державин нарисовал реальную картину. И всё-таки это не совсем так.

Поэт слышит пение соловья ночью. Может ли он ночью видеть, что роща зелёная? Конечно, ночью он не может заметить зелёный цвет деревьев. Почему Державин написал «зелёная роща», если в данный конкретный момент переживания роща в его восприятии никак не могла ему увидаться зелёной, а скорее всего виделась тёмной, чёрной? Державин, конечно, не совсем не прав — весной деревья действительно зелёные, но только утром, днём, вечером, но никак не ночью. Поэтому можно сказать: он прав абстрактно, отвлечённо. Картина, следовательно, увидана Державиным-поэтом, но не Державиным-человеком. Между разумом Державина и его чувством возникло противоречие.

Попробуем сравнить со стихами Державина первые стихи из элегии Жуковского «Вечер»:

Ручей, виющийся по светлому песку,
Как тихая твоя гармония приятна!
С каким сверканием катишься ты в реку!

Мы сразу же замечаем, что в строках Жуковского нет ни одного предметного эпитета: словосочетание «тихая... гармония» говорит нам не о глубине или ширине ручья, а о том, что его течение вызывает «приятные» чувства в душе поэта, который наслаждается не только гармонично звучащими водами, но и их «сверканием». На этом фоне и эпитет «светлый», отнесённый к песку, — не столько его объективный признак, сколько знак доставляемого им удовольствия. Отвлекаясь от объективных и конкретных признаков ручья, Жуковский вместе с тем точно передаёт личное субъективное восприятие. Он создаёт не столько «пейзаж природы», сколько «пейзаж души», сливая в тесное единство картину природы с её переживанием. И мы понимаем, что, когда Жуковский пишет о ручье, он одновременно передаёт и настроение, каким охвачена его душа: это она и «светлая», и «тихая», и наполненная «гармонией» и «сверканием». Внешний мир предстал не чем-то посторонним душе поэта, не в своём «всеобщем» значении, но увиденным человеком в момент духовного слияния с природой, в момент пробуждения поэтического вдохновения.

Всё это означает, что Жуковский решительно порывает с рационализмом поэтического мышления и находит способы непосредственной передачи текучести переживаний, расширяя выразительные воз-

возможности лирической речи. Благодаря этим открытиям Жуковского внутренний мир человека стал достоянием всей русской поэзии. Жуковский заражает своим отношением к миру, сугубо личным его переживанием. От созерцания гармонической природы он непринуждённо переходит к теме вдохновения (гармония души), к настроениям грусти и задумчивости, вызванным воспоминанием об ушедших друзьях, о тщете земных благ перед лицом вечности, о радостях и печалях души, о свободе вдохновения и восторгах творчества.

Жанр баллады в творчестве В. А. Жуковского

«Людмила» (1808). Современники назвали Жуковского «балладником» и с его балладами связывали начало романтизма в России. Баллады писались и до Жуковского, но он придал балладе окончательную завершённость, содержательная совокупность признаков его баллад выделила русскую балладу из других жанров.

Жанр *баллады* возник на Западе (в Германии, в Англии). В русском фольклоре к балладе ближе всего историческая песня, но в последней нет фантастики.

Баллада — это лиро-эпическое произведение с острым, напряжённым, драматическим, большей частью фантастическим сюжетом, которое рассказывает о поражении или победе человека при его столкновении с судьбой.

Баллада без фантастики, таинственности, загадочности, легенды, предания, без исключительного, из ряда вон выходящего события невозможна. В балладе что-то непонятное, пугающее, страшное, чаще всего чудесное, должно обязательно произойти.

Всадник, явившийся к Людмиле под видом жениха, увлекает её, и она едет с ним в его жилище. По дороге он прозрачно намекает Людмиле, что дом её жениха — гроб. Людмила, несмотря на явные намёки всадника, притворившегося женихом, и предупреждения нечистых сил, всё-таки спешила за мертвецом и сама влеклась к гибели.

Сюжет баллады строится так, что рациональная логика поведения героини исчезает, а верх берёт логика чувства. Баллада выбирает такие сюжеты, в которых можно было передать сложность внутреннего мира героев, неподвластных логике реальности, выходящих за грани предуказанного и очевидного поведения. Балладная ситуация смещает реальность и даёт почувствовать не только противоречивость личного чувства, но и противоречивость всего бытия.

Людмила потеряла надежду на милость Бога и была наказана роковой встречей с ночным гостем, который внезапно обернулся мерт-

вещом. Естественная её радость вдруг сменилась испугом и страхом, которых она раньше даже не чувствовала. Всюду в балладах осязаемо присутствие судьбы и непредвиденное вмешательство сверхъестественных, роковых сил.

В финале, когда Людмилой овладевает испуг и путь к спасению для героини отрезан, Жуковский в отличие от немецких и английских романтиков не хочет, чтобы страх безраздельно овладел душами читателей. Он смягчает ситуацию. Гибель и спасение одинаково возможны, и последнюю, окончательную точку ставит приговор Божьего суда.

Жуковский не желает доводить конфликт до трагического предела. Трагический конец, скорее, свидетельствует о том, что может произойти с героиней, если она будет роптать на Бога, если откажется верить. Разочарование и отчаяние относятся, говорит Жуковский, не к мироустройству вообще, а только к земному порядку, в котором всё несовершенно. Иначе сказать, разочарование не абсолютно, а только относительно.

«Светлана» (1808—1812). Очевидным доказательством в пользу взглядов Жуковского служит его вторая баллада на сюжет из Бюргера — «Светлана». Сюжет баллады «Светлана» схож с сюжетом «Людмила»: Светлана погружена в раздумье о женихе, от которого «вести нет», и томится в разлуке с ним. Мотив ожидания суженого вставлен Жуковским в более широкую раму. Светлана предстаёт перед читателем в чрезвычайно ответственный момент девичьей судьбы, на пороге важной перемены в жизни. Она должна проститься с беспечным девичьим житьём («весёлость... дней её подруга»). Будущее замужество одновременно пленяет её и страшит загадочной неизвестностью.

Этот сюжетный ход, известный и по балладе Бюргера, и по балладе «Людмила», обрастает в «Светлане» чисто русскими приметам, традициями, обычаями и поверьями. Но главное состоит в том, что в «Светлане» героиня наделена чертами национального характера — верностью, сердечностью, кротостью, добротой, нежностью, простотой. От духовных и душевных сил героини зависит, будет ли она счастлива, или её ждёт беда.

Поэт создаёт атмосферу тайны, неизвестности, а неизвестность рождает «робость» и «страх», хранит «мёртвое молчанье»:

Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...

Жуковский развёртывает типичную ситуацию «страшной» баллады, где фантастическая дорога намекает на жизненный путь героини — от счастливого соединения с женихом до её гибели. Эти события

окрашиваются переживаниями Светланы, которая сначала обрадована встречей с женихом после долгой разлуки, а потом всё более и более тревожится за свою судьбу и предвидит несчастье.

Действие происходит в определённом пространстве и в определённом времени. Главный пространственный образ — образ дороги. В атмосфере таинственности угадываются предзнаменования будущего несчастья, оживлённые мифологическими представлениями, старинными преданиями. Степь, покрытая снегом, с древних времён напоминала человеку белое покрывало, белое полотно, саван, под которым лежит мертвец; вьюга и метель — игру демонических сил, злых мертвецов, бесов и ведьм. К тем же мифологическим представлениям относятся и образы луны, неверный свет которой помогал дьявольским начинаниям и козням, сверчка («вестник полуночи»), ворона, предвещающего несчастье и беду («Чёрный вран, свистя крылом, / Вьётся над санями; / Ворон каркает: печаль!»). Всё это были образы, которые содержали стойкие отрицательные смысловые представления и чувства. Дважды упоминается и о гробе — явном знаке смерти.

Художественно определённым в своих намёках и символах было в балладе и время. Сюжет развивался на границе дня и ночи, при свете луны. Ночь, когда нечистая сила получала простор для своих чёрных деяний, в балладе предстаёт подлинно событийным временем. Жуковский постоянно упоминает о луне, о сумраке, о тумане. Устойчивые признаки пространства и времени образуют балладный хронотоп (от греческих слов «хронос» — время и «топос» — место, пространство).

Как только персонаж пускался в путь и, пересекая границу дня или сумерек, попадал во власть ночи, перебирался через реку или оказывался в лесу, так сразу же устремлялся навстречу своей гибели. Следовательно, дорога в балладе — это дорога от жизни к смерти.

Светлана поступает совсем не так, как Людмила. Она не ропщет на Провидение, а со смирением и робостью, опасаясь, но всё-таки не теряя веры, молит о счастье. Её поведение не похоже на поведение «настоящих» балладных героинь. В награду за неотступную веру Бог спасает Светлану: во сне она видит, как к ней прилетел посланный Богом «белоснежный голубок», светлый дух, который затем защитил её от мертвеца. По мысли Жуковского, русская девушка не ропщет на свою участь, а подчиняется Божьему велению, кротко и терпеливо сносит все испытания, выпадающие на её долю, уповая на Бога и веря в Него.

Однако ужасы, которые описывает Жуковский в балладе, опять, как и в «Людмиле», даются им в двойном свете — на грани яви и сна. И только в конце баллады читатель узнаёт, что страх остаётся во сне, а наяву Светлана обретает счастье. Поэт снова соединяет в балладе серьёзное с несерьёзным, жуткое со смешным.

Жуковский разрушает фантастические чары и меняет художественное время и пространство. Балладное время (ночь или граница дня

и ночи, сумрак) пропадает, и в «Светлане» торжествует день, светлое время. Героиня просыпается и возвращается морозным солнечным утром в праздничный и уютный «крещёный» мир. В «страшной» балладе дорога развёрнута от жизни к смерти, а в «Светлане» — от прежней жизни, тревожной и пугающей, к новой, счастливой и радостной. Сдвиги происходят и в душе Светланы. Её ждёт встреча с живым и настоящим женихом, а не с его обманным призраком. Мрачные предчувствия отступают перед светлым сознанием.

Жуковский-романтик понял характер человека в его неразъёмной связи с обычаями, традициями и верованиями. В этом также заключалось новаторство поэта, для которого личность — неотрывная часть народа, а народ — совокупность личностей. Благодаря такому подходу Жуковский сделал новый по сравнению с предшествующей литературой шаг в постижении характера. После Жуковского личность уже нельзя было выразить вне усвоенных ею национальных традиций.

В балладе «Светлана» торжествуют народно-религиозные начала. Жуковский воплотил в Светлане характер русской девушки, открытой любви, радующейся жизни. «В ней душа как ясный день», — сказал поэт о своей героине. И это представление о национальном типе русской девушки отозвалось затем в замечательных образах русских женщин в произведениях от Пушкина до Льва Толстого.

Сюжеты баллад. Для своих баллад Жуковский находил сюжеты в Античности, Средневековье, в народных преданиях.

В античных балладах он романтизировал мифологию, в средневековых, «рыцарских» балладах описывал коварные преступления, жестокость, властолюбие и «вечную», хотя и неразделённую, любовь, трогательную верность, нежную, но скорбную страсть. Иногда Жуковский сам придумывал сюжеты.

В творческой лаборатории В. А. Жуковского

Подводя итог творчеству Жуковского в своих «пушкинских» статьях, Белинский сказал, что без Жуковского мы не имели бы Пушкина. Это так. Но Жуковский велик не только как предтеча Пушкина, но и как самобытный поэт-новатор. Он открыл русской поэзии внутренний мир человека и способы его лирического выражения. Он громко заявил о нравственном достоинстве личности. Он на небывалую до него высоту поднял художественно-этический уровень русской поэзии.

Однажды Жуковский сказал: «Жизнь и поэзия — одно». Эти ключевые для творческой судьбы поэта слова нельзя понимать так, будто жизнь, прожитая Жуковским, исключительно поэтична, что она и есть поэзия. Формула «Жизнь и поэзия — одно» несёт особое со-

держание. Поэзия в представлении Жуковского — сестра истинной, небесной, а не земной жизни. Она наделена особой духовной властью прозревать вечные, нетленные, прекрасные и совершенные образцы сквозь преходящие, временные предметы и явления «неистинной» земной жизни. Ей дана способность соединять разные и никогда не соединяющиеся области жизни — земную («здесь») и небесную («там»). Это придаёт поэзии двойственность и противоречивость: она одержима стремлением выразить человеческим языком сокровенные законы мироздания, но не может достигнуть желаемого не из-за собственной слабости, не из-за ограниченных возможностей человеческого языка, а из-за невыразимости самих тайн, которые только приоткрываются, но никогда не раскрываются целиком и хранят загадочность.

Великая заслуга Жуковского заключается и в том, что он, по словам Белинского, обогатил русскую поэзию глубоко нравственным, истинно человеческим содержанием.

Светлана

А. А. Воейковой

Раз в крещенский вечерок
 Девушки гадали:
 За ворота башмачок,
 Сняв с ноги, бросали;

Снег пололи; под окном
 Слушали; кормили
 Счётным курицу зерном;
 Ярый воск топили;
 В чашу с чистою водой
 Клали перстень золотой,
 Серьги изумрудны;
 Расстилали белый плат
 И над чашей пели в лад
 Песенки подблюдны.
 Тускло светится луна
 В сумраке тумана —
 Молчалива и грустна
 Милая Светлана.

«Что, подруженька, с тобой?
 Вымолви словечко;
 Слушай песни круговой;
 Вынь себе колечко.

Гадающая Светлана. Художник К. Брюллов

Пой, красавица: „Кузнец,
 Скуй мне злат и нов венец,
 Скуй кольцо златое;
 Мне венчаться тем венцом,
 Обручаться тем кольцом
 При святом налое“».

«Как могу, подружки, петь?
 Милый друг далёко;
 Мне судьбина умереть
 В грусти одинокой.
 Год промчался — вести нет;
 Он ко мне не пишет;
 Ах! а им лишь красен свет,
 Им лишь сердце дышит...
 Иль не вспомнишь обо мне?

Где, в какой ты стороне?
 Где твоя обитель?
 Я молюсь и слёзы лью!
 Утоли печаль мою,
 Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
 Белой пеленою;
 И на том столе стоит
 Зеркало с свечою;
 Два прибора на столе.
 «Загадай, Светлана;
 В чистом зеркала стекле
 В полночь без обмана
 Ты узнаешь жребий свой:
 Стукнет в двери милый твой
 Лёгкою рукою;
 Упадёт с дверей запор;
 Сядет он за свой прибор
 Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
 К зеркалу садится;
 С тайной робостью она
 В зеркало глядится;
 Тёмно в зеркале; кругом
 Мёртвое молчанье;
 Свечка трепетным огнём
 Чуть лиёт сиянье...
 Робость в ней волнует грудь,
 Страшно ей назад взглянуть,
 Страх туманит очи...
 С треском пыхнул огонёк,
 Крикнул жалобно сверчок,
 Вестник полуночи.
 Подпершился локотком,
 Чуть Светлана дышит...
 Вот... легохонько замком
 Кто-то стукнул, слышит;
 Робко в зеркало глядит:
 За её плечами
 Кто-то, чудилось, блестит
 Яркими глазами...
 Занялся от страха дух...

Вдруг в её влетает слух
 Тихий, лёгкий шёпот:
 «Я с тобой, моя краса;
 Укротились небеса;
 Твой услышан ропот!»

Оглянулась... милый к ней
 Простирает руки.
 «Радость, свет моих очей,
 Нет для нас разлуки.
 Едем! Поп уж в церкви ждёт
 С дьяконом, дьячками;
 Хор венчальну песнь поёт;
 Храм блестит свечами».
 Был в ответ умильный взор;
 Идут на широкий двор,
 В ворота тесовы;
 У ворот их санки ждут;
 С нетерпенья кони рвут
 Повода шелковы.

Сели... кони с места враз;
 Пышут дым ноздрями;
 От копыт их поднялась
 Вьюга над санями.
 Скачут... пусто всё вокруг;
 Степь в очах Светланы,
 На луне туманный круг;
 Чуть блестят поляны.
 Сердце вещее дрожит;
 Робко дева говорит:
 «Что ты смолкнул, милый?»
 Ни полслова ей в ответ:
 Он глядит на лунный свет,
 Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
 Топчут снег глубокий...
 Вот в сторонке Божий храм
 Виден одинокий;
 Двери вихорь отворил;
 Тьма людей во храме;
 Яркий свет паникадил
 Тускнет в фимиаме;

На середине чёрный гроб;
 И гласит протяжно поп:
 «Буди взят могилой!»
 Пуще девица дрожит;
 Кони мимо; друг молчит,
 Бледен и унылый.

Вдруг метелица кругом;
 Снег валит клоками;
 Чёрный вран, свистя крылом,
 Вьётся над санями;
 Ворон каркает: *печаль!*
 Кони торопливы
 Чутко смотрят в тёмну даль,
 Подымая гривы;
 Брезжит в поле огонёк;
 Виден мирный уголок,
 Хижинка под снегом.
 Кони борзые быстрее,
 Снег взрывая, прямо к ней
 Мчатся дружным бегом.

Вот примчались... и вмиг
 Из очей пропали:
 Кони, сани и жених
 Будто не бывали.
 Одинокая, впотьмах,
 Брошена от друга,
 В страшных девица местах;
 Вкруг метель и вьюга.
 Возвратиться — следу нет...
 Виден ей в избушке свет:
 Вот перекрестилась;
 В дверь с молитвою стучит...
 Дверь шатнулася... скрипит...
 Тихо растворилась.

Что ж?.. В избушке гроб; накрыт
 Белою запоной;
 Спасов лик в ногах стоит;
 Свечка пред иконой...
 Ах! Светлана, что с тобой?
 В чью зашла обитель?
 Страшен хижини пустой

Безответный житель.
 Входит с трепетом, в слезах;
 Пред иконой пала в прах,
 Спасу помолилась;
 И, с крестом своим в руке,
 Под святыми в уголке
 Робко притаилась.

Всё утихло... вьюги нет...
 Слабо свечка тлится,
 То прольёт дрожащий свет,
 То опять затмится...
 Всё в глубоком мёртвом сне,
 Страшное молчанье...
 Чу, Светлана!.. в тишине
 Лёгкое журчанье...
 Вот глядит: к ней в уголок
 Белоснежный голубок
 С светлыми глазами,
 Тихо вея, прилетел,
 К ней на перси тихо сел,
 Обнял их крылами.

Смолкло всё опять кругом...
 Вот Светлане мнится,
 Что под белым полотном
 Мёртвый шевелится...
 Сорвался покров; мертвец
 (Лик мрачнее ночи)
 Виден весь — на лбу венец,
 Затворёны очи.
 Вдруг... в устах сомкнутых стон;
 Силится раздвинуть он
 Руки охладели...
 Что же девица?..
 Дрожит...
 Гибель близко... но не спит
 Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
 Лёгкие он крылы;
 К мертвецу на грудь вспорхнул...
 Всей лишённый силы,
 Простонав, заскрежетал

Страшно он зубами
 И на деву засверкал
 Грозными очами...
 Снова бледность на устах;
 В закатившихся глазах
 Смерть изобразилась...
 Глядь, Светлана... о Творец!
 Милый друг её — мертвец!
 Ах!.. и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала одна
 Посреди светлицы;
 В тонкий занавес окна
 Светит луч денницы;
 Шумный бьёт крылом петух,
 День встречая пеньем;
 Все блестит... Светланин дух
 Смутен сновиденьем.
 «Ах! ужасный, грозный сон!
 Не добро вещает он —
 Горькую судьбину;
 Тайный мрак грядущих дней,
 Что сулишь душе моей,
 Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
 Под окном Светлана;
 Из окна широкий путь
 Виден сквозь тумана;
 Снег на солнышке блестит,
 Пар алеет тонкий...
 Чу!.. в дали пустой гремит
 Колокольчик звонкий;
 На дороге снежный прах;
 Мчат, как будто на крылах,
 Санки, кони рьяны;
 Ближе; вот уж у ворот;
 Статный гость к крыльцу идёт.
 Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
 Прорицатель муки?
 Друг с тобой; всё тот же он
 В опыте разлуки;

Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, Божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава — нас учили — дым;
Свет — судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в Провиденье.
Благ Зиждителя закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
Счастье — пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...
Будь, Создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснётся;
В ней душа — как ясный день;
Ах! да пронесётся
Мимо — бедствия рука,
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь её светла,
Будь весёлость, как была,
Дней её подруга.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

В. А. Жуковский. «Светлана»

1. Великая заслуга В. А. Жуковского заключается в том, что он, по словам В. Г. Белинского, обогатил русскую поэзию глубоко нравственным, истинно человеческим содержанием. Какими интонациями обогащает актриса описания гаданий?
2. В каких частях баллады звучат ритмы народных песен? Как актриса передаёт их в своём чтении? В исполнении актрисы передаются самые различные состояния Светланы, быстро сменяющие друг друга. Чем они обусловлены? Какими средствами художественного чтения выражены ожидание, радость, тревога, страх, смущение и вновь радостное состояние героини?
3. Заметили ли вы, как в актёрском чтении проявляется и шутливая, и серьёзная сторона баллады, выражающая национальный характер? Приведите примеры.
4. Усиливает ли музыка впечатление от чтения актрисы? В чём это выражается?
5. Подготовьте выразительное чтение баллады, сохраняя своеобразие ритма и интонаций баллад Жуковского.

Размышляем о прочитанном

1. Какое впечатление произвела на вас баллада «Светлана»?
2. В чём смысл баллады «Светлана»? Почему автор начинает её с описания гаданий «в крещенский вечерок»? С чего начинается сон героини и чем он завершается?
3. Жуковский признавался:

«Я часто замечал, что у меня наиболее светлых мыслей тогда, как их надобно импровизировать в выражение и в дополнение чужих мыслей. Мой ум — как огниво, которым надобно ударить об камень, чтобы из него выскочила искра. Это вообще характер моего авторского творчества; у меня почти всё или чужое, или по поводу чужого — и всё, однако, моё».

Замечали ли вы эту особенность поэта? В каких произведениях?
4. Почему Жуковского называют новатором в области поэтического языка?
5. Расскажите о жанре баллады в творчестве Жуковского и назовите основные признаки его баллад.

6. **Дискуссия.** Аргументируйте суждение о том, что Жуковский — новатор в области балладного жанра, что он создал национальную балладу. Подтвердите суждение цитатами из баллады «Светлана».

Творческое задание

Можно ли считать, что Жуковский написал балладу «Светлана» в шутовском ключе? Сравните сюжет этой баллады с сюжетами других баллад Жуковского (например, «Кубок») и подготовьте развёрнутый ответ на заданный вопрос.

Опыт литературоведческого исследования

Литературовед Н. В. Измайлов пишет:

«Линия средневековых баллад на сюжеты, почерпнутые из народных преданий, проходит, так же как и линия античных баллад, через весь центральный период творчества Жуковского. „Светлана“ была явным переосмыслением канонов баллады».

Согласны ли вы с этим суждением? Чем Жуковский в «Светлане» нарушает каноны традиционной баллады? Найдите подтверждение своей точки зрения в тексте баллады.

Развиваем дар слова

Подберите синонимы к словам:

лукавый, печали, кони рьяны, взоры, лик, робко, хижина, очи.

Какие из этих слов можно использовать сегодня? Приведите примеры предложений с этими словами.

Училися читать выразительно

Подготовьте одно из стихотворений В. А. Жуковского для выразительного чтения вслух в классе, подчеркните интонацией печальное или радостное настроение.

Отечественная проза первой половины XIX века

Антоний ПОГОРЕЛЬСКИЙ

(1787–1836)

Антоний Погорельский — псевдоним писателя Алексея Алексеевича Перовского. В детстве он получил прекрасное для того времени домашнее образование. Затем успешно окончил Московский университет со степенью доктора философских и словесных наук, участвовал в Отечественной войне 1812 года и заграничном походе русской армии. Во время этого похода познакомился с прозой немецкого романтика, автора фантастических сочинений, писателя-сказочника, композитора и музыкального критика Эрнста Теодора Амадея Гофмана, творчество которого произвело сильное впечатление на молодого русского офицера — будущего писателя.

Антоний Погорельский писал стихи, статьи о литературе, прозу. Наибольшую известность получили его сказочные произведения «Лафертовская маковница» (1825) и «Чёрная курица, или Подземные жители» (1829), которую писатель сочинил для своего племянника Алёши (будущего известного поэта, прозаика и драматурга Алексея Константиновича Толстого).

«Лафертовская маковница» — романтическая сказка, насыщенная фантастикой, тайнами, превращениями, противостоянием добрых и злых колдовских сил. Их битва происходит в обычной бытовой обстановке, а участниками схватки становятся любовь и деньги, — любовь по обоюдному влечению и по расчёту, деньги честно заработанные и нечисто нажитые. Главным лицом, подвергшимся тем и другим влия-

ниям, избрана простая девушка на выданье, которая с честью выдерживает трудные испытания и получает в награду любимого жениха и материальную обеспеченность, достаток.

Повесть-сказка А. Погорельского вызвала восхищение А. С. Пушкина умелым развитием сюжета и образами Онуфрича и в особенности кота — чародея и чиновника, изображённого писателем с юмором и тонким пониманием кошачьей и чиновничьей породы.

Лафертовская¹ маковница

Лет за пятнадцать пред сожжением Москвы недалеко от Проломной заставы стоял небольшой деревянный домик с пятью окошками в главном фасаде и с небольшою над средним окном светлицею. Посреди маленького дворика, окружённого ветхим забором, виден был колодезь. В двух углах стояли полуразвалившиеся анбары², из которых один служил пристанищем нескольким индейским и русским курам, в мирном согласии разделявшим укреплённую поперёк анбара веху³. Перед домом из-за низкого палисадника поднимались две или три рябины и, казалось, с пренебрежением смотрели на кусты чёрной смородины и малины, растущие у ног их. Подле самого крыльца выкопан был в земле небольшой погреб для хранения съестных припасов.

В сей-то убогий домик переехал жить отставной почтальон Онуфрич с женою Ивановною и с дочерью Марьею. Онуфрич, будучи ещё молодым человеком, лет двадцать прослужил в поле и дослужился до ефрейторского чина; потом столько же лет верою и правдою продолжал службу в московском почтамте; никогда, или, по крайней мере, ни за какую вину, не бывал штрафован и наконец вышел в чистую отставку и на инвалидное содержание. Дом был его собственный, доставшийся ему по наследству от недавно скончавшейся престарелой его тётки. Сия старушка, при жизни своей, во всей Лафертовской части известна была под названием *Лафертовской маковницы*, ибо промысел её состоял в продаже медовых маковых лепёшек, которые умела она печь с особенным искусством. Каждый день, какая бы ни была погода, старушка выходила рано поутру из своего домика и направляла путь к Проломной заставе, имея на голове корзинку, наполненную маковниками. Прибыв к заста-

¹ *Лафёртово* — народное название Лефортова — местности Москвы, где находился дворец Ф. Я. Лефорта (1656—1699), сподвижника Петра I.

² *Анбар* — народное произношение слова *амбар*.

³ *Веха* — шест, указывающий путь или границу участка.

ве, она расстилала чистое полотенце, перевёртывала вверх дном корзинку и в правильном порядке раскладывала свои маковники. Таким образом сидела она до вечера, не предлагая никому своего товара и продавая оный в глубоком молчании. Лишь только начинало смеркаться, старушка собирала лепёшки свои в корзинку и отправлялась медленными шагами домой. Солдаты, стоящие на карауле, любили её, ибо она иногда потчевала их безденежно сладкими маковниками.

Но этот промысел старушки служил только личиною, прикрывавшею совсем иное ремесло. В глубокий вечер, когда в прочих частях города начинали зажигать фонари, а в окрестностях её дома расстилалась ночная темнота, люди разного звания и состояния робко приближались к хижине и тихо стучались в калитку.

Большая цепная собака Султан громким лаем провозглашала чужих. Старушка отворяла дверь, длинными костяными пальцами брала за руку посетителя и вводила его в низкие хоромы. Там, при мелькающем свете лампы, на шатком дубовом столе лежала колода карт, на которых от частого употребления едва можно было различить бубны от червей; на лежанке стоял кофейник из красной меди, а на стене висело решето. Старушка, предварительно приняв от гостя добровольное подаяние — смотря по обстоятельствам, — бралась за карты или прибегала к кофейнику и к решету. Из красноречивых её уст изливались рекою пророчества о будущих благах, и упоённые сладкою надеждою посетители при выходе из дома нередко вознаграждали её вдвое более, нежели при входе.

Таким образом жизнь её протекала покойно в мирных сих занятиях. Правда, что завистливые соседи называли её за глаза колдуньей и ведьмою; но зато в глаза ей низко кланялись, умильно улыбались и величали бабушкою. Такое к ней уважение отчасти произошло оттого, что когда-то один из соседей вздумал донести полиции, будто бы Лафертовская маковница занимается непозволительным гаданием в карты и на кофе и даже знается с подозрительными людьми! На другой же день явился полицейский, вошёл в дом, долго занимался строгим обыском и наконец при выходе объявил, что он не нашёл ничего. Неизвестно, какие средства употребила почтенная старушка в доказательство своей невинности; да и не в том дело! Довольно того, что донос найден был неосновательным. Казалось, что сама судьба вступилась за бедную Маковницу, ибо скоро после того сын доносчика, резвый мальчик, бегая по двору, упал на гвоздь и выколол себе глаз; потом жена его нечаянно поскользнулась и вывихнула ногу; наконец, в довершение всех несчастий, лучшая корова их, не будучи прежде ничем больна, вдруг пала. Отчаянный сосед насилу умиловил старушку слезами и подарками, — и с того времени всё соседство

обходилось с нею с должным уважением. Те только, которые, перемня квартиру, переселялись далеко от Лафертовской части, как, например: на Пресненские пруды, в Хамовники или на Пятницкую¹, — те только осмеливались громко называть Маковницу ведьмою. Они уверяли, что сами видали, как в тёмные ночи налетал на дом старухи большой ворон с яркими, как раскалённый уголь, глазами; иные даже божились, что любимый чёрный кот, каждое утро провожающий старуху до ворот и каждый вечер её встречающий, не кто иной, как сам нечистый дух.

Слухи эти наконец дошли и до Онуфрича, который, по должности своей, имел свободный доступ в передние многих домов.

Онуфрич был человек набожный, и мысль, что родная тётка его свела короткое знакомство с нечистым, сильно потревожило его душу. Долго не знал он, на что решиться.

— Ивановна! — сказал он наконец в один вечер, подымая ногу и вступая на смиренное ложе, — Ивановна, дело решено!

Завтра поутру пойду к тётке и постараюсь уговорить её, чтоб она бросила проклятое ремесло своё. Вот она уже, слава Богу, добивает девятой десяткой; а в такие лета пора принести покаяние, пора и о душе подумать!

Это намерение Онуфрича крайне не понравилось жене его.

Лафертовскую маковницу все считали богатою, и Онуфрич был единственный её наследник.

— Голубчик! — отвечала она ему, поглаживая его по наморщенному лбу, сделай милость, не мешайся в чужие дела. У нас и своих забот довольно: вот уже теперь и Маша подрастает; придёт пора выдать её замуж, а где нам взять женихов без приданого? Ты знаешь, что тётка твоя любит дочь нашу; она ей крёстная мать, и когда дело дойдёт до свадьбы, то не от кого иного, кроме её, ожидать нам милостей. Итак, если ты жалеешь Машу, если любишь меня хоть немножко, то оставь добрую старушку в покое. Ты знаешь, душенька...

Ивановна хотела продолжать, как заметила, что Онуфрич храпит. Она печально на него взглянула, вспомнив, что в прежние годы он не так хладнокровно слушал её речи; отвернулась в другую сторону и вскоре сама захрапела.

На другое утро, когда ещё Ивановна покоилась в объятиях глубокого сна, Онуфрич тихонько поднялся с постели, смиренно помолился иконе Николая-чудотворца, вытер суконкою блистающего на картузе орла и почтальонский свой знак и надел мундир.

¹ *Пресненские пруды, Хамовники* — места в Москве; *Пятницкая* — улица в Москве.

Потом, подкрепив сердце большою рюмкою ерофеича¹, вышел в сени. Там прицепил он тяжёлую саблю свою, ещё раз перекрестился и отправился к Проломной заставе².

Старушка приняла его ласково.

— Эй, эй! племянничек, — сказала она ему, — какая напасть выгнала тебя так рано из дому да ещё в такую даль! Ну, ну, добро пожаловать; просим садиться.

Онуфрич сел подле неё на скамью, закашлял и не знал с чего начать. В эту минуту дряхлая старушка показалась ему страшнее, нежели лет тридцать тому назад турецкая батарея. Наконец он вдруг собрался с духом.

— Тётушка! — сказал он ей твёрдым голосом, — я пришел поговорить с вами о важном деле.

— Говори, мой милой, — отвечала старушка, — а я послушаю.

— Тётушка! недолго уже вам остаётся жить на свете; пора показаться, пора отказаться от сатаны и от наваждений его.

Старушка не дала ему продолжать. Губы её посинели, глаза налились кровью, нос громко начал стучаться об бороду.

— Вон из моего дому! — закричала она задыхающимся от злости голосом. Вон, окаянный!.. и чтобы проклятые ноги твои навсегда подкосились, когда опять ты ступишь на порог мой!

Она подняла сухую руку... Онуфрич перепугался до полусмерти; прежняя, давно потерянная гибкость вдруг возвратилась в его ноги: он одним махом соскочил с лестницы и добежал до дому, ни разу не оглянувшись.

С того времени все связи между старушкою и семейством Онуфрича совершенно прервались. Таким образом прошло несколько лет. Маша пришла в совершенный возраст и была прекрасна, как майский день; молодые люди за нею бегали; старики, глядя на неё, жалели о прошедшей своей молодости.

Но Маша была бедна, и женихи не являлись. Ивановна чаще стала вспоминать о старой тётке и никак не могла утешиться.

— Отец твой, — часто говаривала она Марье, — тогда рехнулся в уме! Чего ему было соваться туда, где его не спрашивали? Теперь сидеть тебе в девках!

Лет двадцать тому назад, когда Ивановна была молода и хороша, она бы не отчаялась уговорить Онуфрича, чтоб он попросил прощения у тётушки и с нею примирился; но с тех пор как розы на её ланитах

¹ *Ерофеич* — водка, настоянная на пахучих травах.

² *Проломная застава* — площадь в районе Лефортово; на этом месте была застава, открывавшая въезд на Владимирский тракт (Владимирскую дорогу, по которой уходили в ссылку или на каторгу преступники). Для въезда в Москву с восточной стороны дополнительно были созданы (проломаны) ворота в Камер-Коллежском валу.

стали уступать место морщинам, Онуфрич вспомнил, что муж есть глава жены своей, — и бедная Ивановна с горестью принуждена была отказаться от прежней власти. Онуфрич не только сам никогда не говорил о старушке, но строго запретил жене и дочери упоминать о ней. Несмотря на то, Ивановна вознамерилась сблизиться с тёткою. Не смея действовать явно, она решилась тайно от мужа побывать у старушки и уверить её, что ни она, ни дочь нимало не причастны дурачеству её племянника.

Наконец случай поблагоприятствовал её намерению: Онуфрича на время откомандировали на место заболевшего стационарного смотрителя, и Ивановна с трудом при прощанье могла скрыть радость свою. Не успела она проводить дорогого мужа за заставу, не успела ещё отереть глаз от слёз, как схватила дочь свою под руку и поспешила с нею домой.

— Машенька! — сказала она ей, — скорей оденься получше; мы пойдём в гости.

— К кому, матушка? — спросила Маша с удивлением.

— К добрым людям, — отвечала мать. — Скорей, скорей, Машенька; не теряй времени; теперь уже смеркается, а нам идти далеко.

Маша подошла к висящему на стене в бумажной рамке зеркалу, гладко зачесала волосы за уши и утвердила длинную темнорусую косу роговою гребёнкою; потом надела красное ситцевое платье и шёлковый платочек на шею; ещё раза два повернулась перед зеркалом и объявила матушке, что она готова.

Дорогою Ивановна открыла дочери, что они идут к тётке.

— Пока дойдём мы до её дома, — сказала она, — сделается темно, и мы, верно, её застанем. Смотри же, Маша, поцелуй у тётки ручку и скажи, что ты соскучилась, давно не видав её.

Она сначала будет сердиться, но я её умилостивлю: ведь не мы виноваты, что мой старик спятил с ума.

В сих разговорах они приблизились к дому старушки. Сквозь закрытые ставни сверкал огонь.

— Смотри же, не забудь поцеловать ручку, — повторила ещё Ивановна, подходя к двери. Султан громко залаял. Калитка отворилась, старушка протянула руку и ввела их в комнату. Она приняла их за обыкновенных вечерних гостей своих.

— Милостивая государыня тётушка! — начала речь Ивановна.

— Убирайтесь к черту! — закричала старуха, узнав племянницу. — Зачем вы сюда пришли? Я вас не знаю и знать не хочу.

Ивановна начала рассказывать, бранить мужа и просить прощенья; но старуха была неумолима.

— Говорю вам, убирайтесь! — кричала она, — а не то!.. — Она подняла на них руку.

Маша испугалась, вспомнила приказание матушки и, громко рыдая, бросилась целовать её руки.

— Бабушка сударыня! — говорила она, — не гневайтесь на меня; я так рада, что опять вас увидела!

Слёзы Машины наконец тронули старуху.

— Перестань плакать, — сказала она, — я на тебя не сердита: знаю, что ты ни в чём не виновата, моё дитяtko! Не плачь же, Машенька! Как ты выросла, как похорошела!

Она потрепала её по щеке.

— Садись подле меня, — продолжала она, — милости просим садиться, Марфа Ивановна! Каким образом вы обо мне вспомнили после столь долгого времени?

Ивановна обрадовалась этому вопросу и начала рассказывать: как она уговаривала мужа, как он её не послушался, как запретил им ходить к тётушке, как они огорчились и как, наконец, она воспользовалась отсутствием Онуфрича, чтоб засвидетельствовать тётушке нижайшее почтение.

Старушка с нетерпением выслушала рассказы Ивановны.

— Быть так, — сказала она ей, — я не злопамятна; но если вы искренно желаете, чтоб я забыла прошедшее, то обещайтесь, что во всём будете следовать моей воле! С этим условием я приму вас опять в свою милость и сделаю Машу счастливою.

Ивановна поклялась, что все её приказания будут свято исполнены.

— Хорошо, — молвила старуха, — теперь идите с Богом; а завтра ввечеру пускай Маша придёт ко мне одна, не ранее, однако, половины двенадцатого часа. Слышишь ли, Маша? Приходи одна.

Ивановна хотела было отвечать, но старуха не дала ей выговорить ни слова. Она встала, выпроводила их из дому и захлопнула за ними дверь.

Ночь была тёмная. Долго шли они, взявшись за руки, не говоря ни слова. Наконец, подходя уже к зажжённым фонарям, Маша робко оглянулась и прервала молчание.

— Матушка! — сказала она вполголоса, — неужели я завтра пойду одна к бабушке, ночью и в двенадцатом часу?..

— Ты слышала, что приказано тебе прийти одной. Впрочем, я могу проводить тебя до половины дороги.

<...>

Следующий день Маша весь проплакала. Начало смеркаться — и ужас её увеличился; но Ивановна как будто ничего не примечала, — она почти насильно её нарядила.

— Чем более ты будешь плакать, тем для тебя хуже, — сказала она. — Что-то скажет бабушка, когда увидит красные твои глаза!

Между тем кукушка на стенных часах прокричала одиннадцать раз. Ивановна набрала в рот холодной воды, брызнула Маше в лицо и потащила её за собою.

Маша следовала за матерью, как жертва, которую ведут на заклание. Сердце её громко билось, ноги через силу двигались, и таким

образом они прибыли в Лафертовскую часть. Ещё несколько минут шли они вместе; но лишь только Ивановна увидела мелькающий вдали между ставней огонь, как пустила руку Машину.

— Теперь иди одна, — сказала она, — далее я не смею тебя провожать.

Маша в отчаянье бросилась к ней в ноги.

— Полно дурачиться! — вскричала мать строгим голосом. — Что тебе сделается? будь послушна и не вводи меня в сердце!

Бедная Маша собрала последние силы и тихими шагами удалилась от матери. Тогда был в исходе двенадцатый час; никто с нею не повстречался, и нигде, кроме старушкина дома, не видно было огня. Казалось, будто вымерли все жители той части города; мрачная тишина царствовала повсюду; один только глухой шум от собственных её шагов отзывался у неё в ушах. Наконец пришла она к домику и трепещущею рукою дотронулась до калитки... Вдали на колокольне Никиты-мученика¹ ударило двенадцать часов. Звуки колокола в тишине чёрной ночи дрожащим гулом расстилались по воздуху и доходили до её слуха. Внутри домика кот громко промяукал двенадцать раз... Она сильно вздрогнула и хотела бежать... но вдруг раздался громкий лай цепной собаки, заскрипела калитка — и длинные пальцы старухи схватили её за руку. Маша не помнила, как взошла на крылечко и как очутилась в бабушкиной комнате... Пришед немного в себя, она увидела, что сидит на скамье; перед ней стояла старуха и тёрла виски её муравьиным спиртом.

— Как ты напугана, моя голубка! — говорила она ей. — Ну, ну! темнота на дворе самая прекрасная; но ты, моё дитячко, ещё не узнала её цены и потому боишься. Отдохни немного; пора нам приняться за дело!

Маша не отвечала ни слова; утомлённые от слёз глаза её следовали за всеми движениями бабушки. Старуха подвинула стол на середину комнаты, из стенного шкафа вынула большую тёмно-алую свечку, зажгла её и прикрепила к столу, а лампаду потушила. Комната осветилась розовым светом. Всё пространство от полу до потолка как будто наполнилось длинными нитками кровавого цвета, которые тянулись по воздуху в разных направлениях — то свёртывались в клуб, то опять развивались, как змеи...

— Прекрасно! — сказала старушка и взяла Машу за руку. — Теперь иди за мною.

Маша дрожала всеми членами; она боялась идти за бабушкой, но ещё более боялась её рассердить. С трудом поднялась она на ноги.

— Держись крепко за полы мои, — прибавила старуха, — и следуй за мной... не бойся ничего!

¹ Колокольня Никиты-мученика — имеется в виду колокольня храма Никиты-мученика на Старой Басманной. Храм установлен в честь великомученика Никиты Готфского, Константинопольского, принявшего в 372 году от Рождества Христова мученический венец за верность Христу и Его Церкви.

Старуха начала ходить кругом стола и протяжным напевом произносила непонятные слова; перед нею плавно выступал чёрный кот с сверкающими глазами и с поднятым вверх хвостом.

Маша крепко зажмурилась и трепещущими шагами шла за бабушкой. Трижды три раза старуха обошла вокруг стола, продолжая таинственный напев свой, сопровождаемый мурлыканьем кота. Вдруг она остановилась и замолчала... Маша невольно раскрыла глаза — те же кровавые нитки всё ещё растягивались по воздуху. Но, бросив нечаянно взгляд на чёрного кота, она увидела, что на нём зеленый мундирный сюртук; а на место прежней котовой круглой головки показалось ей человеческое лицо, которое, вытараща глаза, устремляло взоры прямо на неё...

Она громко закричала и без чувств упала на землю...

Когда она опомнилась, дубовый стол стоял на старом месте, тёмно-алой свечки уже не было и на столе по-прежнему горела лампада; бабушка сидела подле неё и смотрела ей в глаза, усмехаясь с весёлым видом.

— Какая же ты, Маша, трусиха! — говорила она ей. — Но до того нужды нет; я и без тебя кончила дело. Поздравляю тебя, родная, — поздравляю тебя с женихом! Он человек очень мне знакомый и должен тебе нравиться. Маша, я чувствую, что недолго мне осталось жить на белом свете; кровь моя уже слишком медленно течет по жилам и временем сердце останавливается... Мой верный друг, — продолжала старуха, взглянув на кота, — давно уже зовёт меня туда, где остывшая кровь моя опять согреется. Хотелось бы мне ещё немного пожить под светлым солнышком, хотелось бы ещё полюбоваться золотыми денежками... но последний час мой скоро стукнет. Что ж делать! чему быть, тому не миновать.

— Ты, моя Маша, — продолжала она, вялыми губами поцеловав её в лоб, — ты после меня обладать будешь моими сокровищами; тебя я всегда любила и охотно уступаю тебе место! Но выслушай меня со вниманием: придёт жених, назначенный тебе тою силою, которая управляет большею частию браков... Я для тебя выпросила этого жениха; будь послушна и выдь за него. Он научит тебя той науке, которая помогла мне накопить себе клад; общими вашими силами он нарастёт ещё вдвое, — и прах мой будет покоен. Вот тебе ключ; береги его пуще глаза своего. Мне не позволено сказать тебе, где спрятаны мои деньги; но как скоро ты выйдешь замуж, всё тебе откроется!

Старуха сама повесила ей на шею маленький ключ, надетый на чёрный снурок. В эту минуту кот громко промяукал два раза.

— Вот уже настал третий час утра, — сказала бабушка. — Иди теперь домой, дорогое моё дитя! Прощай! может быть, мы уже не увидимся... — Она проводила Машу на улицу, вошла опять в дом и затворила за собой калитку.

При бледном свете луны Маша скорыми шагами поспешила домой. Она была рада, что ночное её свидание с бабушкой кончилось, и с удовольствием помышляла о будущем своём богатстве.

Долго Ивановна ожидала её с нетерпением.

— Слава Богу! — сказала она, увидев её. — Я уже боялась, чтоб с тобой чего-нибудь не случилось. Рассказывай скорей, что ты делала у бабушки?

Маша готовилась повиноваться, но сильная усталость мешала ей говорить: Ивановна, заметив, что глаза её невольно смыкаются, оставила до другого утра удовлетворение своего любопытства, сама раздела любезную дочку и уложила её в постель, где она вскоре заснула глубоким сном.

Проснувшись на другой день, Маша насилу собралась с мыслями. Ей казалось, что всё случившееся с нею накануне не что иное, как тяжёлый сон; когда же взглянула нечаянно на висящий у неё на шее ключ, то удостоверилась в истине всего, ею виденного, — и обо всём с подробностью рассказала матери. Ивановна была вне себя от радости.

— Видишь ли теперь, — сказала она, — как хорошо я сделала, что не послушалась твоих слёз?

Весь тот день мать с дочерью провели в сладких мечтах о будущем благополучии. Ивановна строго запретила Маше ни слова не говорить отцу о свидании своём с бабушкой.

— Он человек упрямый и вздорливый, — примолвила она, — и в состоянии всё дело испортить.

Против всякого ожидания Онуфрич приехал на следующий день поздно ввечеру. Станционный смотритель, которого должность ему приказано было исправлять, нечаянно выздоровел, и он воспользовался первою едущею в Москву почтою, чтоб возвратиться домой.

Не успел он ещё рассказать жене и дочери, по какому случаю он так скоро воротился, как вошёл к ним в комнату прежний его товарищ, который тогда служил будочником¹ в Лафертовской части, неподалеку от дома Маковницы.

— Тётушка приказала долго жить! — сказал он, не дав себе даже времени сперва поздороваться.

Маша и Ивановна взглянули друг на друга.

— Упокой, Господи, её душу! — воскликнул Онуфрич, смиренно сложив руки. — Помолимся за покойницу, она имеет нужду в наших молитвах!

Он начал читать молитву. Ивановна с дочерью крестились и клали земные поклоны; но на уме у них были сокровища, их ожидающие. Вдруг они обе вздрогнули в одно время... Им показалось, что покой-

¹ *Будочник* — низший чин городской полиции в Российской империи.

ница с улицы смотрит к ним в комнату и им кланяется! Онуфрич и будочник, молившиеся с усердием, ничего не заметили.

Несмотря на то что было уже поздно, Онуфрич отправился в дом покойной тётки. Дорогою прежний товарищ его рассказывал всё, что ему известно было о её смерти.

— Вчера, — говорил он, — тётка твоя в обыкновенное время пришла к себе; соседи видели, что у неё в доме светился огонь. Но сегодня она уже не являлась у Проломной, и из этого заключили, что она нездорова. Наконец, под вечер, решились войти к ней в комнату, но её не застали уже в живых: так иные рассказывают о смерти старухи. Другие утверждают, что в прошедшую ночь что-то необыкновенное происходило в её доме. Сильная буря, говорят, бушевала около хижины, тогда как везде погода стояла тихая; собаки из всего околотка собрались перед её окном и громко выли; мяуканье её кота слышно было издалека... Что касается до меня, то я нынешнюю ночь спокойно проспал; но товарищ мой, стоявший на часах, уверяет, что он видел, как с самого Введенского кладбища прыгающие по земле огоньки длинными рядами тянулись к её дому и, доходя до калитки, один за другим, как будто проскакивая под неё, исчезали. Необыкновенный шум, свист, хохот и крик, говорят, слышен был в её доме до самого рассвета. Странно, что до сих пор нигде не могли отыскать чёрного её кота!

Онуфрич с горестию внимал рассказу будочника, не отвечая ему ни слова. Таким образом пришли они в дом покойницы. Услужливые соседки, забыв страх, который внушала им старушка при жизни, успели её уже омыть и одеть в праздничное платье. Когда Онуфрич вошёл в комнату, старушка лежала на столе. В головах у неё сидел дьячок и читал псалтырь. Онуфрич, поблагодарив соседок, послал купить восковых свеч, заказал гроб, распорядился, чтоб было что попить и поесть желающим проводить ночь у покойницы, и отправился домой. Выходя из комнаты, он никак не мог решиться поцеловать у тётушки руку.

В следующий день назначено быть похоронам. Ивановна для себя и для дочери взяла напрокат чёрные платья, и обе явились в глубоком трауре. Сначала всё шло надлежащим порядком. Одна только Ивановна, прощаясь с тёткою, вдруг отскочила назад, побледнела и сильно задрожала. Она уверяла всех, что ей сделалось дурно; но после того тихонько призналась Маше, что ей показалось, будто покойница разинула рот и хотела схватить её за нос. Когда же стали поднимать гроб, то он сделался так тяжёл, как будто налитой свинцом, и шесть широкоплечих почтальонов насилу могли его вынести и поставить на дроги. Лошади сильно храпели, и с трудом можно было их принудить двигаться вперёд.

Эти обстоятельства и собственные замечания Маши подали ей повод к размышлениям. Она, вспомнила, какими средствами сокрови-

ща покойницы были собраны, и обладание оными показалось ей не весьма лестным. В некоторые минуты ключ, висящий у неё на шее, как тяжёлый камень давил ей грудь, и она неоднократно принимала намерение всё открыть отцу и просить у него совета; но Ивановна строго за ней присматривала и беспрестанно твердила, что она всех их сделает несчастными, если не станет слушаться приказаний старушки. Демон корыстолюбия совершенно овладел душою Ивановны, и она не могла дожидаться времени, когда явится суженый жених и откроет средство завладеть кладом. Хотя она и боялась думать о покойнице и хотя при воспоминании об ней холодный пот выступал у неё на лице, но в душе её жадность к золоту была сильнее страха, и она беспрестанно докучала мужу, чтоб он переехал в Лафертовскую часть, уверяя, что всякий их осудит, если они жить будут на наёмной квартире тогда, когда у них есть собственный дом.

Между тем Онуфрич, отслужив свои годы и получив отставку, начал помышлять о покое. Мысль о доме производила в нём неприятное впечатление, когда вспоминал он о той, от которой он ему достался. Он даже всякий раз невольно вздрагивал, — когда случалось ему вступать в комнату, где прежде жила старуха.

Но Онуфрич был набожен и благочестив и верил, что никакие нечистые силы не имеют власти над чистою совестью; и потому рассудив, что ему выгоднее жить в своем доме, нежели нанимать квартиру, он решился превозмочь своё отвращение и переехать.

Ивановна сильно обрадовалась, когда Онуфрич велел переноситься в лафертовский дом.

— Увидишь, Маша, — сказала она дочери, — что теперь скоро явится жених. То-то мы заживём, когда у нас будет полна палата золота. Как удивятся прежние соседи наши, когда мы въедем к ним во двор в твоей карете, да ещё, может быть, и четвернёй!..

Маша молча на неё смотрела и печально улыбалась. С некоторых пор у неё совсем иное было на уме.

За несколько дней перед их разговором (они ещё жили на прежней квартире) Маша в одно утро задумавшись сидела у окна. Мимо её прошёл молодой, хорошо одетый мужчина, взглянул на неё и учтиво снял шляпу. Маша ему тоже поклонилась и сама не знала от чего вдруг покраснелась! Немного погодя тот же молодой человек прошёл назад, потом обернулся, прошёл ещё и опять воротился. Всякий раз он смотрел на неё, и у Маши всякий раз сильно билось сердце. Маше уже минуло семнадцать лет, но до сего времени никогда не случалось, чтоб у неё билось сердце, когда кто-нибудь проходил мимо окошек. Ей показалось это странным, и она после обеда села к окну — для того только, чтоб узнать, забьётся ли сердце, когда опять пройдёт молодой мужчина... Таким образом она просидела до вечера, однако никто не являлся. Наконец, когда подали огонь, она отошла от окна

и целый вечер была печальна и задумчива; она досадовала, что ей не удалось повторить опыта над своим сердцем.

На другой день Маша, только что проснулась, тотчас вскочила с постели, поспешно умылась, оделась, помолилась Богу и села к окну. Взоры её устремлены были в ту сторону, откуда накануне шёл незнакомец. Наконец она его увидела; глаза его ещё издали её искали, а когда подошёл он ближе, взоры их как будто нечаянно встретились. Маша, забывшись, приложила руку к сердцу, чтоб узнать, бьётся ли оно?.. Молодой человек, заметив сие движение и, вероятно, не понимая, что оно значит, тоже приложил руку к сердцу... Маша опомнилась, покраснела и отскочила назад. После того она целый день уже не подходила к окну, опасаясь увидеть молодого человека. Несмотря на то, он не выходил у неё из памяти; она старалась думать о других предметах, но усилия её были напрасны.

Чтоб разбить мысли, она вздумала ввечеру идти в гости к одной вдове, жившей с ними в соседстве. Входя к ней в комнату, к крайнему удивлению, увидела она того самого незнакомца, которого тщетно забыть старалась. Маша испугалась, покраснела, потом побледнела и не знала, что сказать. Слёзы заблестали у неё в глазах. Незнакомец опять её не понял... он печально ей поклонился, вздохнул — и вышел вон. Она ещё более смешалась и с досады заплакала. Встревоженная соседка посадила её возле себя и с участием спросила о причине её огорчения. Маша сама неясно понимала, о чём плакала, и потому не могла объявить причины; внутренне же она приняла твёрдое намерение сколько можно убежать незнакомца, который довел её до слёз. Эта мысль её поуспокоила. Она вступила в разговор с соседкой и начала ей рассказывать о домашних своих делах и о том, что они, может быть, скоро переедут в Лафертовскую часть.

— Жаль мне, — сказала вдова, — очень жаль, что лишусь добрых соседей; и не я одна о том жалеть буду. Я знаю одного человека, который очень огорчится, когда узнает эту новость.

Маша опять покраснела; хотела спросить, кто этот человек, но не могла выговорить ни слова. Услужливая соседка, верно, угадала мысли её, ибо она продолжала так:

— Вы не знаете молодого мужчины, который теперь вышел из комнаты? Может быть, вы даже и не заметили, что он вчера и сегодня проходил мимо вашего дома; но он вас видел и нарочно зашёл ко мне, чтоб расспросить у меня об вас. Не знаю, ошибаюсь ли я или нет, а мне кажется, что вы крепко задели бедное его сердечко! Чего тут краснеть? — прибавила она, заметив, что у Маши разгорелись щёки. — Он человек молодой, пригожий и если нравится Машеньке, то, может быть, скоро дойдёт дело и до свадьбы.

При сих словах Машенька невольно вспомнила о бабушке. «Ах! — сказала она сама себе, — не это ли жених мне назначенный?» Но

вскоре мысль эта уступила место другой, не столь приятной. «Не может быть, — подумала она, — чтоб такой пригожий молодец имел короткую связь с покойницею. Он так мил, одет так щеголевато, что, верно, не умел бы удвоить бабушкина клада!» Между тем соседка продолжала ей рассказывать, что он хотя из мещанского состояния, но поведения хорошего и трезвого, и сидельцем в суконном ряду¹. Денег у него больших нет, зато жалованье получает изрядное, и кто знает? Может быть, хозяин когда-нибудь примет его в товарищи!

— Итак, — прибавила она, — послушайся доброго совета: не отказывай молодцу. Деньги не делают счастья! Вот бабушка твоя, — прости, Господи, моё согрешение! — денег у неё было неведь² сколько; а теперь куда всё это девалось?.. И чёрный кот, говорят, провалился сквозь землю — и деньги туда же!

Маша внутренне очень согласна была с мнением соседки; и ей также показалось, что лучше быть бедною и жить с любезным незнакомцем, нежели богатой и принадлежать — бог знает кому! Она чуть было не открылась во всём; но, вспомнив строгие приказания матери и опасаясь собственной своей слабости, поспешно встала и простилась. Выходя уже из комнаты, она, однако, не могла утерпеть, чтоб не спросить об имени незнакомца.

— Его зовут Улияном³, — отвечала соседка.

С этого времени Улиян не выходил из мыслей у Маши: всё в нём, даже имя, ей нравилось. Но чтоб принадлежать ему, надобно было отказаться от сокровищ, оставленных бабушкою. Улиян был небогат, и, «верно, — думала она, — ни батюшка, ни матушка не согласятся за него меня выдать!» В этом мнении ещё более она уверилась тем, что Ивановна беспрестанно твердила о богатстве, их ожидающем, и о счастливой жизни, которая тогда начнётся.

Итак, страшась гнева матери, Маша решила не думать больше об Улияне: она остерегалась подходить к окну, избегала всяких разговоров с соседкою и старалась казаться веселою; но черты Улияна твёрдо врезались в её сердце.

Между тем настал день, в который должно было переехать в лафертовский дом. Онуфрич заранее туда отправился, приказав жене и дочери следовать за ним с пожитками, уложенными ещё накануне. Подъехали двое роспусок⁴; извозчики с помощью соседей вынесли сундуки и мебель. Ивановна и Маша, каждая взяла в руки по большому узлу, и маленький караван тихим шагом потянулся к Проломной

¹ *Сиделец в суконном ряду* — в Москве было несколько торговых рядов; некоторые купцы набирали лавочников, торговавших в их лавках по доверию. Такие лавочники назывались сидельцами.

² *Неведь* — неведомо много.

³ *Улиян* — русское имя от латинского Юлий.

⁴ *Роспуски* — телеги, повозки, сани без кузова.

заставе. Проходя мимо квартиры вдовы-соседки, Маша невольно подняла глаза: у открытого окошка стоял Улиян с поникшею головою; глубокая печаль изображалась во всех чертах его. Маша как будто его не заметила и отворотилась в противную сторону; но горькие слёзы градом покатались по бледному её лицу.

В доме давно уже ожидал их Онуфрич. Он подал мнение своё, куда поставить привезённую мебель, и объяснил им, каким образом он думает расположиться в новом жилище.

— В этом чулане, — сказал он Ивановне, — будет наша спальня; подле неё, в маленькой комнате, поставятся образа; а здесь будет и гостиная наша, и столовая. Маша может спать наверху в светлице. Никогда, — продолжал он, не случилось мне жить так на просторе; но не знаю, почему у меня сердце не на месте. Дай бог, чтоб мы здесь были так же счастливы, как в прежних тесных комнатах!

Ивановна невольно улыбнулась. «Дай срок! — подумала она, — в таких ли мы будем жить палатах!»

Радость Ивановны, однако, в тот же день гораздо поуменьшилась: лишь только настал вечер, как пронзительный свист раздался по комнатам и ставни застучали.

— Что это такое? — вскричала Ивановна.

— Это ветер, — хладнокровно отвечал Онуфрич, — видно, ставни неплотно запираются; завтра надобно будет починить.

Она замолчала и бросила значительный взгляд на Машу, ибо в свисте ветра находила она сходство с голосом старухи.

В это время Маша смиренно сидела в углу и не слыхала ни свисту ветра, ни стуку ставней — она думала об Улияне. Ивановне страшнее показалось то, что только ей одной послышался голос старухи. После ужина она вышла в сени, чтоб спрятать остатки от умеренного их стола; подошла к шкафу; поставила подле себя на пол свечку и начала устанавливать на полки блюда и тарелки. Вдруг услышала она подле себя шорох, и кто-то легонько ударил её по плечу... Она оглянулась... за нею стояла покойница в том самом платье, в котором её похоронили!.. Лицо её было сердито; она подняла руку и грозила ей пальцем. Ивановна, в сильном ужасе, громко вскричала. Онуфрич и Маша бросились к ней в сени.

— Что с тобою делается? — закричал Онуфрич, увидя, что она была бледна как полотно и дрожала всеми членами.

— Тётушка! — сказала она трепещущим голосом... Она хотела продолжать, но тётушка опять явилась пред нею... лицо её казалось ещё сердитее — и она ещё строже ей грозила. Слова замерли на устах Ивановны...

— Оставь мёртвых в покое, — отвечал Онуфрич, взяв её за руку и вводя обратно в комнату. — Помолись Богу, и грёза от тебя отстанет. Пойдём, ложись в постель: пора спать!

Ивановна легла, но покойница всё представлялась её глазам в том же сердитом виде. Онуфрич, спокойно раздевшись, громко начал молиться, и Ивановна заметила, что по мере того, как она вслушивалась в молитвы, вид покойницы становился бледнее, бледнее — и наконец совсем исчез.

И Маша тоже беспокойно провела эту ночь. При входе в светлицу ей представилось, будто тень бабушки мелькала перед нею, — но не в том грозном виде, в котором являлась она Ивановне. Лицо её было весело, и она умильно ей улыбалась. Маша перекрестилась и тень пропала. Сначала она сочла это игрою воображения, и мысль об Улияне помогла ей разогнать мысль о бабушке, она довольно спокойно легла спать и вскоре заснула. Вдруг, около полуночи, что-то её разбудило. Ей показалось, что холодная рука гладила её по лицу... она вскочила. Перед образом горела лампада, и в комнате не видно было ничего необыкновенного; но сердце в ней трепетало от страха: она внятно слышала, что кто-то ходит по комнате и тяжело вздыхает... Потом как будто дверь отворилась и заскрипела... и кто-то сошёл вниз по лестнице.

Маша дрожала как лист. Тщетно старалась она опять заснуть. Она встала с постели, поправила светильню лампы и подошла к окну. Ночь была тёмная. Сначала Маша ничего не видала; потом показалось ей, будто на дворе, подле самого колодца, вспыхнули два небольшие огонька. Огоньки эти попеременно то погасали, то опять вспыхивали; потом они как будто ярче загорели, и Маша ясно увидела, как подле колодца стояла покойная бабушка и манила её к себе рукою... За нею на задних лапах сидел чёрный кот, и оба глаза его в густом мраке светились, как огни. Маша отошла прочь от окна, бросилась на постель и крепко закутала голову в одеяло. Долго казалось ей, будто старушка ходит по комнате, шарит по углам и тихо зовёт её по имени. Один раз ей даже представилось, что старушка хотела сдернуть с неё одеяло; Маша ещё крепче в него завернулась. Наконец всё утихло, но Маша во всю ночь уже не могла сомкнуть глаз.

На другой день решила она объявить матери, что откроет всё отцу своему и отдаст ему ключ, полученный от бабушки.

Ивановна во время вечернего страха и сама бы рада была отказаться от всех сокровищ; но когда поутру взошло красное солнышко и яркими лучами осветило комнату, то и страх исчез, как будто его никогда не бывало. Наместо того весёлые картины будущей счастливой жизни опять заняли её воображение. «Не вечно же будет пугать меня покойница, — думала она, выйдет Маша замуж, и старуха успокоится. Да и чего теперь она хочет? Уж не за то ли она гневается, что я никак не намерена сберегать её сокровища? Нет, тётушка! гневайся сколько угодно, а мы протрём глаза твоим рублёвикам!»

Тщетно Маша упрашивала мать, чтоб она позволила ей открыть отцу их тайну.

— Ты насильно отталкиваешь от себя счастье, — отвечала Ивановна. Погоди ещё хотя дня два, — верно, скоро явится жених твой, и всё пойдёт на лад.

— Два дня! — повторила Маша, — я не переживу и одной такой ночи, какова была прошедшая.

— Пустое, — сказала ей мать, — может быть, и сегодня всё дело придёт к концу.

Маша не знала, что делать. С одной стороны, она чувствовала необходимость рассказать всё отцу; с другой — боялась рассердить мать, которая никогда бы ей этого не простила. Будучи в крайнем недоумении — на что решиться, вышла она со двора и в задумчивости бродила долго по самым уединённым улицам Лафертовской части. Наконец, не придумав ничего, воротилась домой. Ивановна встретила её в сенях.

— Маша! — сказала она ей, — скорей поди вверх и приоденься: уж более часу сидит с отцом жених твой и тебя ожидает.

У Маши сильно забилося сердце, и она пошла к себе. Тут слёзы ручьём полились из глаз её. Улиян представился её воображению в том печальном виде, в котором она видела его в последний раз. Она забыла наряжаться. Наконец строгий голос матери прервал её размышления.

— Маша! долго ли тебе прихорашиваться? — кричала Ивановна снизу. — Сойди сюда!

Маша поспешила вниз в том же платье, в котором вошла в свою светлицу. Она отворила дверь и оцепенела!.. На скамье, подле Онуфрича, сидел мужчина небольшого роста, в зелёном мундирном сюртуке; то самое лицо устремило на неё взор, которое некогда видела она у чёрного кота. Она остановилась в дверях и не могла идти далее.

— Подойди поближе, — сказал Онуфрич, — что с тобою сделалось?

— Батюшка! это бабушкин чёрный кот, — отвечала Маша, забывшись и указывая на гостя, который странным образом повёртывал головою и умильно на неё поглядывал, почти совсем зажмурив глаза.

— С ума ты сошла! — вскричал Онуфрич с досадою. — Какой кот? Это господин титулярный советник Аристарх Фалелеич Мурлыкин, который делает тебе честь и просит твоей руки.

При сих словах Аристарх Фалелеич встал, плавно выступая, приблизился к ней и хотел поцеловать у неё руку. Маша громко закричала и подалась назад. Онуфрич с сердцем вскочил с скамейки.

— Что это значит? — закричал он. — Эдакая ты неучтивая, точно деревенская девка!

Однако ж Маша его не слушала.

— Батюшка! — сказала она ему вне себя, — воля ваша! это бабушкин чёрный кот! Велите ему скинуть перчатки; вы увидите, что у него есть когти. — С сими словами она вышла из комнаты и убежала в светлицу.

Аристарх Фалелеич тихо что-то ворчал себе под нос. Онуфрич и Ивановна были в крайнем замешательстве, но Мурлыкин подошёл к ним, всё так же улыбаясь.

— Это ничего, сударь, — сказал он, сильно картавя, — ничего, сударыня, прошу не прогневаться! Завтра я опять приду, завтра дорогая невеста лучше меня примет.

После того он несколько раз им поклонился, с приятностию выгибая круглую свою спину, и вышел вон. Маша смотрела из окна и видела, как Аристарх Фалелеич сошёл с лестницы и, тихо передвигая ноги, удалился; но, дошед до конца дома, он вдруг повернул за угол и пустился бежать как стрела. Большая соседская собака с громким лаем во всю прыть кинулась за ним, однако не могла его догнать.

Ударило двенадцать часов; настало время обедать. В глубоком молчании все трое сели за стол, и никому не хотелось кушать.

Ивановна от времени до времени сердито взглядывала на Машу, которая сидела с потупленными глазами. Онуфрич тоже был задумчив. В конце обеда принесли Онуфричу письмо; он распечатал — и на лице его изобразилась радость. Потом он встал из-за стола, поспешно надел новый сюртук, взял в руки шляпу и трость и готовился идти со двора.

— Куда ты идешь, Онуфрич? — спросила Ивановна.

— Я скоро ворочусь, — отвечал он и вышел.

Лишь только он затворил за собою дверь, как Ивановна начала бранить Машу.

— Негодная! — сказала она ей, — так-то любишь и почитаешь ты мать свою? Так-то повинешься ты родителям? Но я тебе говорю, что приму тебя в руки! Только смей опять подурачиться, когда пожалует к нам завтра Аристарх Фалелеич!

— Матушка! — отвечала Маша со слезами, — я во всём рада слушаться, только не выдавайте меня за бабушкина кота!

— Какую дичь ты опять запорола? — сказала Ивановна. — Стыдись, сударыня; все знают, что он титулярный советник.

— Может быть, и так, матушка, — отвечала бедная Маша, горько рыдая, но он кот, право, кот!

Сколько ни бранила её Ивановна, сколько её ни уговаривала, но она всё твердила, что никак не согласится выйти замуж за бабушкина кота; и наконец Ивановна в сердцах выгнала её из комнаты. Маша пошла в свою светлицу и опять принялась горько плакать.

Спустя несколько времени она услышала, что отец её воротился домой, и немного погодя её кликнули. Она сошла вниз; Онуфрич взял её за руку и обнял с нежностью.

— Маша! — сказал он ей, — ты всегда была добрая девушка и послушная дочь!

Маша заплакала и поцеловала у него руку.

— Теперь ты можешь доказать нам, что ты нас любишь! Слушай меня со вниманием. Ты, я думаю, помнишь о маркитанте¹, о котором я часто вам рассказывал и с которым свёл я такую дружбу во время Турецкой войны: он тогда был человек бедный, и я имел случай оказать ему важные услуги. Мы принуждены были расстаться и поклялись вечно помнить друг друга. С того времени прошло более тридцати лет, и я совершенно потерял его из виду. Сегодня за обедом получил я от него письмо; он недавно приехал в Москву и узнал, где я живу. Я поспешил к нему; ты можешь себе представить, как мы обрадовались друг другу. Приятель мой имел случай вступить в подряды, разбогател и теперь приехал сюда жить на покое. Узнав, что у меня есть дочь, он обрадовался; мы ударили по рукам, и я просватал тебя за его единственного сына. Старики не любят терять времени — и сегодня ввечеру они оба у нас будут.

Маша ещё горче заплакала; она вспомнила об Улияне.

— Послушай, Маша! — сказал Онуфрич, — сегодня поутру сватался за тебя Мурлыкин; он человек богатый, которого знают все в здешнем околотке. Ты за него выйти не захотела; и признаюсь, — хотя я очень знаю, что титулярный советник не может быть котом или кот титулярным советником², — однако мне самому он показался подозрительным. Но сын приятеля моего — человек молодой, хороший, и ты не имеешь никакой причины ему отказать.

Итак, вот тебе моё последнее слово: если не хочешь отдать руку свою тому, которого я выбрал, то готовься завтра поутру согласиться на предложение Аристарха Фалелеича... Поди и одумайся.

Маша в сильном огорчении возвратилась в свою светлицу. Она давно решила ни для чего в свете не выходить за Мурлыкина; но принадлежать другому, а не Улияну, — вот что показалось ей жестоким! Немного погодя вошла к ней Ивановна.

— Милая Маша! — сказала она ей, — послушайся моего совета.

Всё равно, выходить тебе за Мурлыкина или за маркитанта: откажи последнему и ступай за первого. Отец хотя и говорил, что маркитант богат, но ведь я отца твоего знаю! У него всякий богат, у кого сотня рублей за пазухой. Маша! подумай, сколько у нас будет денег... а Мурлыкин, право, не противен. Хотя он уже не совсем молод, но зато как вежлив, как ласков! Он будет тебя носить на руках.

Маша плакала, не отвечая ни слова; а Ивановна, думая, что она согласилась, вышла вон, дабы муж не заметил, что она её уговаривала. Между тем Маша скрепя сердце решила принести отцу на

¹ *Маркитант* — мелкий торговец продуктами, напитками и предметами военного обихода в войсках как во время войны, так и в лагерях, в походах и на манёврах.

² *Титулярный советник* — чиновник низкого ранга (IX класса).

жертву любовь свою к Улияну. «Постараюсь его забыть, — сказала она сама себе, — пускай батюшка будет счастлив моим послушанием. Я и так перед ним виновата, что против его воли связалась с бабушкой!»

Лишь только смерклось, Маша тихонько сошла с лестницы и направила шаги прямо к колодезю. Едва вступила она на двор, как вдруг вихрь поднялся вокруг неё, и казалось, будто земля колеблется под её ногами... Толстая жаба с отвратительным криком бросилась к ней прямо навстречу, но Маша перекрестилась и с твёрдостью пошла вперёд. Подходя к колодезю, послышался ей жалостный вопль, как будто выходящий с самого дна. Чёрный кот печально сидел на срубке и мяукал унылым голосом. Маша отворотилась и подошла ближе; твёрдою рукою сняла она с шеи снурок и с ним ключ, полученный от бабушки.

— Возьми назад свой подарок! — сказала она. — Не надо мне ни жениха твоего, ни денег твоих; возьми и оставь нас в покое.

Она бросила ключ прямо в колодезь; чёрный кот завизжал и кинулся туда же; вода в колодезе сильно закипела... Маша пошла домой. С груди её свалился тяжёлый камень.

Подходя к дому, Маша услышала незнакомый голос, разговаривающий с её отцом. Онуфрич встретил её у дверей и взял за руку.

— Вот дочь моя! — сказал он, подводя её к почтенному старику с седою бородою, который сидел на лавке. Маша поклонилась ему в пояс.

— Онуфрич! — сказал старик, — познакомь же её с женихом.

Маша робко оглянулась — подле неё стоял Улиян! Она закричала и упала в его объятия...

Я не в силах описать восхищения обоих любовников. Онуфрич и старик узнали, что они уже давно познакомились, — и радость их удвоилась. Ивановна утешилась, узнав, что у будущего свата несколько сот тысяч чистых денег в ломбарде. Улиян тоже удивился этому известию, ибо он никогда не думал, чтоб отец его был так богат. Недели чрез две после того их обвенчали.

В день свадьбы, ввечеру, когда за ужином в доме Улияна весёлые гости пили за здоровье молодых, вошёл в комнату известный будочник и объявил Онуфричу, что в самое то время, когда венчали Машу, потолок в лафертовском доме провалился и весь дом разрушился.

— Я и так не намерен был долее в нём жить, — сказал Онуфрич. — Садись с нами, мой прежний товарищ, налей стакан цимлянского и пожелай молодым счастья и — многие лета!

Размышляем о прочитанном

1. Что лежит в основе сюжета повести? На чём строится её конфликт?
2. Какими представляете вы положительных и отрицательных персонажей повести? Какими качествами обладают старуха-колдунья и кот? В чём им противостоят Маша и Улиян? Каковы роли Онуфрича и матери Маши? Чем различаются жених ложный и жених настоящий?
3. Каковы признаки романтической повести-сказки? Как соотносятся в ней быт и фантастика?

Творческое задание

А. С. Пушкин писал брату Льву в марте 1925 года: «Душа моя, что за прелесть бабушкин кот! Я прочёл два раза и одним духом всю повесть, теперь только и брежу Трифоном Фалелеичем Мурлыкиным, выступаю плавно, повёртывая голову и выгибая спину». Напишите отзыв на «Лафертовскую маковницу» с привлечением суждений Пушкина. Как он невольно «отредактировал» повесть Антония Погорельского?

Александр Сергеевич ГРИБОЕДОВ

(1795–1829)

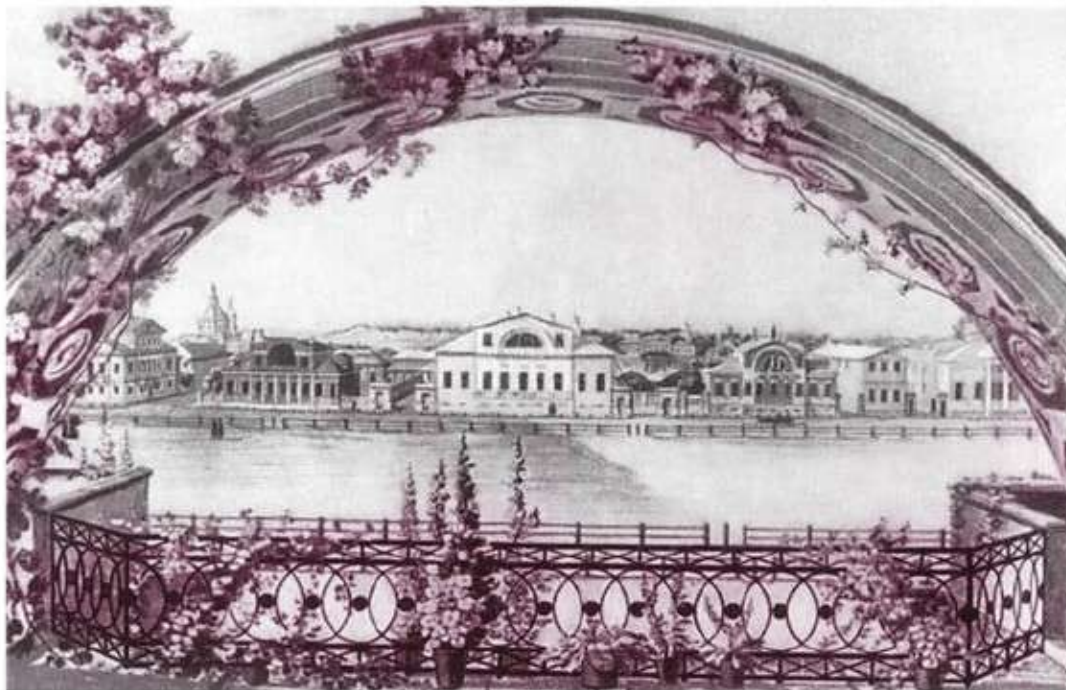
В биографии А. С. Грибоедова до сих пор много неясного. Точно неизвестно, когда родился Грибоедов — в 1790 или в 1795 году. Сейчас годом рождения принят 1795-й, другие документы называют иную, более раннюю дату. Для понимания жизни и творчества Грибоедова эти расхождения существенны: мы не можем с точностью сказать, кто Грибоедов — вундеркинд, в 13 лет окончивший Московский университет со степенью кандидата, или нормально развивавшийся человек, который в довольно зрелом по тем временам возрасте завершил своё знаменитое произведение «Горе от ума». Столь же много туманного и в освещении других фактов биографии драматурга.

Происхождение и ранняя одарённость. А. С. Грибоедов родился в старинной дворянской семье отставного секунд-майора Сергея Ивановича Грибоедова, который женился на своей однофамилице Настасье Фёдоровне Грибоедовой. Первоначальное образование будущий драматург получил дома под руководством преподавателей Московского университета. В 1803 году поступил в Московский университетский благородный пансион, в 1806 году стал студентом словесного отделения Московского университета, которое окончил со степенью кандидата в 1808 году. К этому времени Грибоедов овладел основными европейскими языками, знал древние языки. Позднее он изучал восточные языки. Помимо способностей к языкам, Грибоедов обладал многочисленными талантами: успешно занимался философией, археологией, политикой (слушал лекции на этико-политическом отделении университета), сочинял музыку (известны два его вальса) и импровизировал на фортепиано.

Круг знакомых. Дар сочинительства проявился в нём рано. В университете он написал комедию «Дмитрий Дрянской» (не сохранилась), выставлявшую в смешном свете борьбу русских и немецких профессоров. Блестяще образованный, искромётный остроумец, Грибоедов привлекал к себе тогдашнюю вольнолюбивую офицерскую и штатскую молодёжь. Со многими будущими декабристами (И. Д. Якушкин, Н. И. Тургенев, С. П. Трубецкой, В. Ф. Раевский) он познакомился в смоленском имении дяди по матери. Впоследствии, после выхода из университета, сблизился с П. Я. Чаадаевым, П. И. Пестелем, П. А. Катениным, П. А. Вяземским, А. А. Шаховским, А. А. Бестужевым, В. К. Кюхельбекером, А. С. Пушкиным, В. Ф. Одоевским, Ф. В. Булгариным и другими известными людьми, со многими из них подружился.

Во время Отечественной войны 1812 года Грибоедов добровольно записался в Московский гусарский полк (корнетом), но в боях не участвовал. После войны служил адъютантом при генерале А. С. Кологривове, племянники которого, Д. Н. и С. Н. Бегичевы, стали его друзьями.

Ранние комедии. В 1815 году Грибоедов перевёл с французского пьесу Мариво и выпустил её под названием «Молодые супруги». Она была поставлена в Малом театре и стала литературным и сценическим дебютом драматурга. С тех пор основные интересы сочинителя сосредоточились на драматургии, хотя он выступал и с лирическими

Дом Грибоедовых на Новинском бульваре в Москве (крайний слева).
Литография начала XIX в.

стихами, и в качестве критика. Он отстаивал национальную самобытность литературы, жизненное правдоподобие, ратовал за освобождение словесности от иноземных влияний и призывал обратиться к народной героике и простому языку.

В 1816 году Грибоедов вышел в отставку с военной службы и на следующий год (1817) занял место губернского секретаря в Коллегии иностранных дел (там служили также А. С. Пушкин и В. К. Кюхельбекер). В Петербурге завёл писательские и театральные знакомства. Здесь, в содружестве с другими писателями, создаются ранние комедии Грибоедова: прозаическая комедия «Студент» (1817) в соавторстве с Катениным, «Своя семья, или Замужняя невеста» (1817—1818) совместно с А. А. Шаховским и Н. И. Хмельницким, «Притворная неверность» (1818) в содружестве с А. А. Жандром.

В кругу петербургской молодёжи он упивается духом вольнолюбия, появляется на весёлых пирушках. Однажды он оказался замешанным в дуэльную историю. На поединке Грибоедов был легко ранен.

Вскоре он принял место секретаря русской дипломатической миссии в Персии и в августе 1818 года выехал на Восток.

Сразу по прибытии в Тавриз Грибоедов вступился за русских пленных и деятельно хлопотал об их отправке на родину. Свой отъезд на Восток писатель рассматривал как добровольное заточение в «дипломатический монастырь». Он воспользовался им для серьёзных научных и литературных занятий. Тогда он стал склоняться к мысли, что ключ к раскрытию характера человека лежит в его национально-историческом своеобразии. По преданию, именно в Тавризе (по одним сведениям — в 1818 году, по другим — в 1820 году) у него возникает замысел комедии «Горе от ума».

Замысел комедии «Горе от ума» и ход работы над ней. Источники текста. В начале 1822 года Грибоедов оставил Персию и прибыл в Тифлис. Его определили в ставку главноуправляющего Грузией генерала А. П. Ермолова «по дипломатической части». Туда, на Кавказ, приехал и В. К. Кюхельбекер. Общаясь с ним и наблюдая за ним, Грибоедов создавал первые два акта «Горя от ума». С ними он уехал в долгосрочный отпуск в Москву. Поселившись на лето в тульском имении Бегичевых, драматург переписал начало комедии и сочинил третий и четвёртый акты. Эта рукопись сохранилась (Исторический музей в Москве) и получила название «Музейный автограф».

Осенью 1823 года в Москве Грибоедов сочинил оперу-водевиль «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом». Музыка к опере написал композитор А. Н. Верстовский. Опера была поставлена в Москве и в Петербурге.

В 1824 году Грибоедов уехал в Петербург и поселился у своего родственника, поэта А. И. Одоевского. По дороге из Москвы в Петербург

драматурга, по его признанию, «осенило», и он придумал «новую развязку» комедии «Горе от ума» — сцену разоблачения Молчалина в глазах Софьи. В Петербурге он продолжал совершенствовать комедию и к осени её закончил.

Грибоедов был лично знаком с великим князем Николаем Павловичем (будущим императором Николаем I), с генерал-губернатором Петербурга Милорадовичем, с министром Ланским, с другими видными сановниками. Однако ни напечатать комедию, ни поставить её на сцене драматургу не удалось. Тогда же в департаменте его друга, крупного чиновника и драматурга А. А. Жандра, комедия была переписана во множестве экземпляров и разошлась по всей России. Не было культурной дворянской семьи, которая не имела бы списка или копии комедии «Горе от ума». Эта содержащая множество помарок рукопись, с которой составлялись списки, разлетевшиеся по стране, также сохранилась и получила название «Жандровская рукопись».

Неожиданно удача всё-таки улыбнулась Грибоедову: дружески настроенный по отношению к нему Ф. В. Булгарин собрался издавать театральный альманах «Русская Талия на 1825 год». В конце 1824 года альманах вышел в свет, и в нём — комедия «Горе от ума» (в неполном виде).

При жизни драматурга комедия так и не была полностью издана, но автор продолжал над ней работать.

Следы правки сохранились в рукописи, которую Грибоедов, уезжая в 1828 году в Персию, подарил Булгарину. На ней есть надпись: «Горе моё поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов. 5 июня 1828 года».

После завершения комедии «Горе от ума». Общественные взгляды. Грибоедов-дипломат. И писатель, и дипломат, полный новых замыслов, летом 1825 года он возвратился на Кавказ. Здесь его застало известие о восстании декабристов на Сенатской площади. Грибоедов разделял многие декабристские идеалы: он стоял за личную и политическую независимость, желал отмены крепостного права, устранения государственного бюрократизма, считал, что России нельзя терять национального своеобразия и самобытности. Его комедия «Горе от ума» родилась в гуще вольнолюбивых разговоров с декабристами. Историк В. О. Ключевский имел полное право сказать, что «Горе от ума» — «самое серьёзное политическое произведение русской литературы XIX века». Однако, соглашаясь с декабристами в необходимости политических изменений, Грибоедов испытывал глубокий скептицизм по поводу их успеха. Он полагал, что силы самодержавия превосходят силы просвещённых дворян и что само общество не готово к переменам, которые будут по этой причине ему враждебны. Кроме того, он был убеждён, что тайный заговор с целью насильственного переворота не принесёт восставшим победы. По-видимому, писатель не вступил в тайное общество.

На следствии, однако, двое из декабристов показали, что Грибоедов был принят в организацию Рылеевым. Допрошенный вслед за тем Рылеев заявил, что он только испытывал своего друга, но, увидев его желание уклониться, оставил свои попытки. Всё же в январе 1826 года Грибоедова арестовали и доставили в Петербург. Он полностью отрицал свою принадлежность к восставшим и сослался на комедию, где в смешном виде выведен «заговорщиком» Репетилов. Следствие пришло к выводу, что Грибоедов невиновен.

Летом 1826 года драматург был освобождён с «очистительным» аттестатом и принят Николаем I, который вскоре произвёл его в чин на дворного советника. Осенью 1826 года писатель отбыл на Кавказ, где началась война с Персией. После участия в сражениях Грибоедов сыграл видную роль в государственных делах, став одним из авторов выгодного для России Туркманчайского мира (1828). Он сформулировал несколько статей договора и отредактировал весь текст, с чем прибыл в Петербург. Николай I щедро наградил дипломата, произвёл его в ранг полномочного министра — резидента России в Персии. Русское общество также встретило Грибоедова с восхищением. Он часто встречался с литераторами, музыкантами, его видели в кругу Пушкина, Вяземского, Крылова, Мицкевича, Глинки.

Последний год жизни А. С. Грибоедова. В 1828 году к Грибоедову пришла большая любовь. Он женился на Нине Чавчавадзе, дочери известного поэта и общественного деятеля Грузии. Вместе с женой драматург отправился в Тавриз, где находились иностранные миссии.

Дипломатическая служба Грибоедова состояла в наблюдении за исполнением Туркманчайского договора, по которому Персии полагалось выплатить России контрибуцию и освободить русских пленных для отправки домой. Деятельность его осложнялась крайней бедностью разорённой войной страны, ростом антирусских и антиправославных настроений, фанатизмом суеверной толпы и интригами англичан, пре-

Памятник А. С. Грибоедову во дворе русской миссии в Тегеране.
Скульптор В. Беклемишев

пятствовавших установлению дружеских отношений между Россией и Персией.

В начале декабря 1828 года Грибоедов выехал в Тегеран для встречи с шахом. Он уже собирался в обратный путь, когда к нему за помощью обратились две армянки и евнух, вывезенные из Армении. Их просьба заключалась в том, чтобы Грибоедов предоставил им убежище и затем переправил на родину. Как русский посол и православный христианин, Грибоедов не мог отказать в этой просьбе. Но фанатичное духовенство сочло поступок русского министра осквернением мусульманских законов и оскорблением шаха (армянки были из его гарема). Оно сумело воспламенить толпу, которая ворвалась в русскую миссию и устроила погром. Все, кроме секретаря миссии, были перебиты. Грибоедов мужественно защищался, но пал под напором превосходящей силы. Лицо и тело дипломата были обезображены до неузнаваемости. Труп Грибоедова опознали только по простреленной на дуэли в молодости руке.

Так погиб выдающийся русский дипломат, автор знаменитой комедии «Горе от ума», человек разнообразных дарований, один из самых блестящих умов, когда-либо рождённых Русской землёй. Пушкин в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» описал свою прощальную встречу не с живым Грибоедовым, а с его возвращавшимся в Россию мёртвым телом.

Спыт литературоведческого исследования

Используя статью учебника, материалы сайта <http://gotourl.ru/12121> и другие ресурсы Интернета, подготовьте развёрнутое устное сообщение о жизни и творчестве А. С. Грибоедова.

Горе от ума

Комедия в четырёх действиях (в сокращении)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Павел Афанасьевич Фамусов, управляющий в казённом месте.

Софья Павловна, его дочь.

Лизанька, служанка.

Алексей Степанович Молчалин, секретарь Фамусова, живущий у него в доме.

Александр Андреевич Чацкий.

Полковник Скалозуб, Сергей Сергеевич.

Наталья Дмитриевна, молодая дама } Горичи.
 Платон Михайлович, муж её }
 Князь Тугоуховский и княгиня, жена его, с шестью дочерями.
 Графиня-бабушка } Хрюмины.
 Графиня-внучка }
 Антон Антонович Загорецкий.
 Старуха Хлёстова, свояченица Фамусова.
 Г. Н.
 Г. Д.
 Репетиллов.
 Петрушка и несколько говорящих слуг.
 Множество гостей всякого разбора и их лакеев при разъезде.
 Официанты Фамусова.

Действие в Москве в доме Фамусова.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная, в ней большие часы, справа дверь в спальню Софьи, откудова слышно фортопiano с флейтою, которые потом умолкают.

Лизанька среди комнаты спит, свесившись с кресел.

Утро, чуть день брезжится.

Лизанька

(вдруг просыпается, встаёт с кресел, оглядывается)

Светаёт!.. Ах! как скоро ночь минула!

Вчера просилась спать — отказ.

«Ждём друга». — Нужен глаз да глаз,

Не спи, покудова не скатишься со стула.

Теперь вот только что вздремнула,

Уж день!.. сказать им...

(Стучится к Софии.)

Господа,

Эй! Софья Павловна, беда:

Зашла беседа ваша за ночь.

Вы глухи? — Алексей Степаныч!

Сударыня!.. — И страх их не берёт!

(Отходит от дверей.)

Ну, гость неприглашённый,

Быть может, батюшка войдёт!

Прошу служить у барышни влюблённой!

(Опять к дверям.)

Да расходитесь. Утро. — Что-с?

Г о л о с С о ф и и

Который час?

Л и з а н ь к а

Всё в доме поднялось.

С о ф и я

(из своей комнаты)

Который час?

Л и з а н ь к а

Седьмой, осьмой, девятый.

С о ф и я

(оттуда же)

Неправда.

Л и з а н ь к а

(прочь от дверей)

Ах! амур проклятый!

И слышат, не хотят понять,

Ну что бы ставни им отнять?

Переведу часы, хоть знаю: будет гонка,

Заставлю их играть.

(Лезет на стул, передвигает стрелку, часы бьют и играют.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Л и з а и Ф а м у с о в .

Л и з а

Ах! барин!

Ф а м у с о в

Барин, да.

(Останавливает часовую музыку.)

Ведь экая шалунья ты, девчонка.

Не мог придумать я, что это за беда!

То флейта слышится, то будто фортопьяно;

Для Софьи слишком было б рано?..

Л и з а

Нет, сударь, я... лишь невзначай...

Ф а м у с о в

Вот то-то невзначай, за вами примечай;
Так, верно, с умыслом.

(Жмётся к ней и заигрывает.)

Ой! зелье, баловница.

Л и з а

Вы баловник, к лицу ль вам эти лица!

Ф а м у с о в

Скромна, а ничего кроме;
Проказ и ветру на уме.

Л и з а

Пустите, ветреники сами,
Опомнитесь, вы старики...

Ф а м у с о в

Почти.

Л и з а

Ну, кто придёт, куда мы с вами?

Ф а м у с о в

Кому сюда прийти?
Ведь Софья спит?

Л и з а

Сейчас започивала.

Ф а м у с о в

Сейчас! А ночь?

Л и з а

Ночь целую читала.

Ф а м у с о в

Вишь, прихоти какие завелись!

Л и з а

Всё по-французски, вслух, читает запершись.

Ф а м у с о в

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится,
И в чтеньи прок-от не велик:
Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

Л и з а

Что встанет, доложусь,
Извольте же идти, разбудите, боюсь.

Ф а м у с о в

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь квартал симфонию гремишь.

Л и з а

(как можно громче)
Да полноте-с!

Ф а м у с о в

(зажимает ей рот)
Помилуй, как кричишь.
С ума ты сходишь?

Л и з а

Боюсь, чтобы не вышло из того...

Ф а м у с о в

Чего?

Л и з а

Пора, судáрь, вам знать, вы не ребёнок;
У девушек сон утренний так тонок;
Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнёшь:
Всё слышат...

Ф а м у с о в

Всё ты лжёшь.

Голос С о ф и и

Эй, Лиза!

Ф а м у с о в
(торопливо)

Те!
(Крадётся вон из комнаты на цыпочках.)

Л и з а
(одна)

Ушёл... Ах! от господ подалей;
У них беды; себе на всякий час готовь,
Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лиза, София со свечкою, за ней Молчалин.

С о ф и я

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь...

Л и з а

Конечно, вам расстаться тяжело?
До света запершись, и кажется всё мало?

С о ф и я

Ах, в самом деле рассвело!
(Тушит свечу.)
И свет и грусть. Как быстры ночи!

Л и з а

Тужите, знай, со стороны нет мочи,
Сюда ваш батюшка зашёл, я обмерла;
Вертелась перед ним, не помню что врала;
Ну что же стали вы? поклон, сударь, отвесьте.
Подите, сердце не на месте;
Смотрите на часы, взгляните-ка в окно:
Валит народ по улицам давно;
А в доме стук, ходьба, метут и убирают.

С о ф и я

Счастливые часов не наблюдают.

Л и з а

Не наблюдайте, ваша власть;
А что в ответ за вас, конечно, мне попасть.

С о ф и я

(Молчалину)

Идите; целый день ещё потерпим скуку.

Л и з а

Бог с вами-с; прочь возьмите руку.

(Разводит их, Молчалин в дверях сталкивается с Фамусовым.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

София, Лиза, Молчалин, Фамусов.

Ф а м у с о в

Что за оказия!¹ Молчалин, ты, брат?

«Горе от ума». Действие I. Художник Д. Кардовский

¹ *Окázия* — происшествие, случай.

Молчалин

Я-с.

Фамусов

Зачем же здесь? и в этот час?
И Софья!.. Здравствуй, Софья, что ты
Так рано поднялась! а? для какой заботы?
И как вас бог не в пору вместе свёл?

София

Он только что теперь вошёл.

Молчалин

Сейчас с прогулки.

Фамусов

Друг, нельзя ли для прогулок
Подальше выбрать закоулок?
А ты, сударыня, чуть из постели прыг,
С мужчиной! с молодым! — Заняты для девицы!
Всю ночь читает небылицы,
И вот плоды от этих книг!
А всё Кузнецкий мост¹, и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас творец
От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок!
И книжных и бисквитных лавок!

София

Позвольте, батюшка, кружится голова;
Я от испуги дух перевозжу едва;
Изволили вбежать вы так проворно,
Смешалась я.

Фамусов

Благодарю покорно,
Я скоро к ним вбежал!
Я помешал! я испужал!
Я, Софья Павловна, расстроен сам, день целый

¹ *Кузнецкий Мост* — улица в центре Москвы, на которой были сосредоточены модные французские магазины.

Нет отдыха, мечусь как словно угорелый.
 По должности, по службе хлопотня,
 Тот пристаёт, другой, всем дело до меня!
 Но ждал ли новых я хлопот? чтоб был обманут...

София
 (сквозь слёзы)

Кем, батюшка?

Фамусов

Вот попрекать мне станут,
 Что без толку всегда журю.
 Не плачь, я дело говорю:
 Уж об твоём ли не радели
 Об воспитаньи! с колыбели!
 Мать умерла: умел я принанять
 В мадам Розье вторую мать.
 Старушку-золото в надзор к тебе приставил:
 Умна была, нрав тихий, редких правил.
 Одно не к чести служит ей:
 За лишних в год пятьсот рублей
 Сманить себя другими допустила.
 Да не в мадаме сила.
 Не надобно иного образца,
 Когда в глазах пример отца.
 Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньем,
 Однако бодр и свеж, и дожил до седин;
 Свободен, вдов, себе я господин...
 Монашеским известен поведением!..

Лиза

Осмелюсь я, сударь...

Фамусов

Молчать!
 Ужасный век! Не знаешь, что начать!
 Все умудрились не по лётам.
 А пуще дочери, да сами добряки,
 Дались нам эти языки!
 Берём же побродяг¹, и в дом, и по билетам¹,

¹ *Берём же побродяг, и в дом, и по билетам* — кроме домашних учителей, в богатых дворянских семьях бывали ещё учителя приходящие, главным образом французы. После каждого урока им выдавались «билеты», по которым они впоследствии получали вознаграждение.

Чтоб наших дочерей всему учить, всему —
 И танцам! и пенью! и нежностям! и вздохам!
 Как будто в жёны их готовим скоморохам.
 Ты, посетитель, что? ты здесь, сударь, к чему?
 Безродного пригрел и ввёл в моё семейство,
 Дал чин асессора и взял в секретари;
 В Москву переведён через моё содействие;
 И будь не я, коптел бы ты в Твери.

София

Я гнева вашего никак не растолкую.
 Он в доме здесь живёт, великая напасть!
 Шёл в комнату, попал в другую.

Фамусов

Попал или хотел попасть?
 Да вместе вы зачем? Нельзя, чтобы случайно.

София

Вот в чём однако случай весь:
 Как давиче вы с Лизой были здесь,
 Перепугал меня ваш голос чрезвычайно,
 И бросилась сюда я со всех ног...

Фамусов

Пожалуй, на меня всю суматоху сложит.
 Не в пору голос мой наделал им тревог!

София

По смутном сне безделица тревожит.
 Сказать вам сон: поймёте вы тогда.

Фамусов

Что за история?

София

Вам рассказать?

Фамусов

Ну да.

(Садится.)

София

Позвольте... видите ль... сначала
Цветистый луг; и я искала
Траву

Какую-то, не вспомню наяву.
Вдруг милый человек, один из тех, кого мы
Увидим — будто век знакомы,
Явился тут со мной; и вкрадчив, и умён,
Но робок... Знаете, кто в бедности рождён...

Фамусов

Ах! матушка, не довершай удара!
Кто беден, тот тебе не пара.

София

Потом пропало всё: луга и небеса. —
Мы в тёмной комнате. Для довершенья чуда
Раскрылся пол — и вы оттуда
Бледны, как смерть, и дыбом волоса!
Тут с громом распахнули двери
Какие-то не люди и не звери
Нас врознь — и мучили сидевшего со мной.
Он будто мне дороже всех сокровищ,
Хочу к нему — вы тащите с собой:
Нас провожают стон, рёв, хохот, свист чудовищ!
Он вслед кричит!..
Проснулась. — Кто-то говорит, —
Ваш голос был; что, думаю, так рано?
Бегу сюда — и вас обоих нахожу.

Фамусов

Да, дурен сон; как погляжу.
Тут всё есть, коли нет обмана:
И черти, и любовь, и страхи, и цветы.
Ну, сударь мой, а ты?

Молчалин

Я слышал голос ваш.

Фамусов

Забавно.
Дался им голос мой, и как себе исправно
Всем слышится, и всех сзывает до зари!
На голос мой спешил, зачем же? — говори.

Молчалин

С бумагами-с.

Фамусов

Да! их недоставало.

Помилуйте, что это вдруг припало
Усердые к письменным делам!

(Встаёт.)

Ну, Сонюшка, тебе покой я дам:
Бывают странны сны, а наяву страннее;
Искала ты себе травы,
На друга набрела скорее;
Повыкинь вздор из головы;
Где чудеса, там мало складу. —
Поди-ка, ляг, усни опять.

(Молчалину)

Идём бумаги разбирать.

Молчалин

Я только нёс их для доклада,
Что в ход нельзя пустить без справок, без иных,
Противуречья есть, и многое не дельно.

Фамусов

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтоб множество не накоплялось их;
Дай волю вам, оно бы и засело;
А у меня, что дело, что не дело,
Обычай мой такой:

Подписано, так с плеч долой.

(Уходит с Молчалиным, в дверях пропускает его вперед.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

София, Лиза.

<...>

Лиза

Вот то-то-с, моего вы глупого сужденья
Не жалуете никогда:
Ан вот беда.
На что вам лучшего пророка?
Твердила я: в любви не будет в этой прока
Ни во веки веков.

Как все московские, ваш батюшка таков:
 Желал бы зятя он с звездами да с чинами,
 А при звездах не все богаты, между нами;
 Ну, разумеется, к тому б
 И деньги, чтоб пожить, чтоб мог давать он балы;
 Вот, например, полковник Скалозуб:
 И золотой мешок, и метит в генералы.

София

Куда как мил! и весело мне страх
 Выслушивать о фрунте и рядах;
 Он слова умного не выговорил сроду, —
 Мне всё равно, что за него, что в воду.

Лиза

Да-с, так сказать, речист, а больно не хитёр;
 Но будь военный, будь он статский,
 Кто так чувствителен, и весел, и остёр,
 Как Александр Андреич Чацкий!
 Не для того, чтоб вас смутить;
 Давно прошло, не воротить,
 А помнится...

София

Что помнится? Он славно
 Пересмеять умеет всех;
 Болтает, шутит, мне забавно;
 Делить со всяким можно смех.

Лиза

И только? будто бы? — Слезами обливался,
 Я помню, бедный он, как с вами расставался. —
 «Что, сударь, плачете? живите-ка смеясь...»
 А он в ответ: «Недаром, Лиза, плачу:
 Кому известно, что найду я, воротясь?
 И сколько, может быть, утрачу!»
 Бедняжка будто знал, что года через три...

София

Послушай, вольности ты лишней не бери.
 Я очень ветрено, быть может, поступила,
 И знаю, и винюсь; но где же изменила?
 Кому? чтоб укорять неверностью могли.

Да, с Чацким, правда, мы воспитаны, росли;
 Привычка вместе быть день каждый неразлучно
 Связала детскою нас дружбой; но потом
 Он съехал, уж у нас ему казалось скучно,
 И редко посещал наш дом;
 Потом опять прикинулся влюблённым,
 Взыскательным и огорчённым!..
 Остёр, умён, красноречив,
 В друзьях особенно счастлив,
 Вот об себе задумал он высоко...
 Охота странствовать напала на него,
 Ах! если любит кто кого,
 Зачем ума искать и ездить так далёко?

Л и з а

Где носится? в каких краях?
 Лечился, говорят, на кислых он водах,
 Не от болезни, чай, от скуки, — повольнее.

С о ф и я

И, верно, счастлив там, где люди посмешнее.
 Кого люблю я, не таков:
 Молчалин за других себя забыть готов,
 Враг дерзости, — всегда застенчиво, несмело,
 Ночь целую с кем можно так провести!
 Сидим, а на дворе давно уж побелело,
 Как думаешь? чем заняты?

Л и з а

Бог весть,
 Сударыня, моё ли это дело?

С о ф и я

Возьмёт он руку, к сердцу жмёт,
 Из глубины души вздохнёт,
 Ни слова вольного, и так вся ночь проходит,
 Рука с рукой, и глаз с меня не сводит. —
 Смеёшься! можно ли! чем повод подала
 Тебе я к хохоту такому?

Л и з а

Мне-с?.. ваша тётушка на ум теперь пришла,
 Как молодой француз сбежал у ней из дому.

Голубушка! хотела схоронить
 Свою досаду, не сумела:
 Забыла волосы чернить,
 И через три дни поседела.
(Продолжает хохотать.)

София
(с огорчением)
 Вот так же обо мне потом заговорят.

Лиза
 Простите, право, как бог свят,
 Хотела я, чтоб этот смех дурацкий
 Вас несколько развеселить помог.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

София, Лиза, слуга, за ним Чацкий.

Слуга
 К вам Александр Андреич Чацкий.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

София, Лиза, Чацкий.

Чацкий
 Чуть свет уж на ногах! и я у ваших ног.
(С жаром целует руку.)
 Ну поцелуйте же, не ждали? говорите!
 Что ж, ради? Нет? В лицо мне посмотрите.
 Удивлены? и только? вот приём!
 Как будто не прошло недели;
 Как будто бы вчера вдвоём
 Мы мочи нет друг другу надоели;
 Ни на́ волос любви! куда как хороши!
 И между тем, не вспомнюсь, без души,
 Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря,
 Вёрст больше седьмисот пронёсся, — ветер, буря;
 И растерялся весь, и падал сколько раз —
 И вот за подвиги награда!

«Горе от ума». Художник Д. Кардовский

София

Ах! Чацкий, я вам очень рада.

Чацкий

Вы рады? в добрый час.
Однако искренно кто ж радуется этак?
Мне кажется, так напоследок
Людей и лошадей знобя,
Я только тешил сам себя.

Лиза

Вот, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-богу, нет пяти минут,
Как поминали вас мы тут.
Сударыня, скажите сами.

София

Всегда, не только что теперь. —
 Не можете мне сделать вы упрёка.
 Кто промелькнёт, отворит дверь,
 Проездом, случаем, из чужа, из далёка —
 С вопросом я, хоть будь моряк:
 Не повстречал ли где в почтовой вас карете?

Чацкий

Положимте, что так.
 Блажен, кто верует, тепло ему на свете! —
 Ах! боже мой! ужли я здесь опять,
 В Москве! у вас! да как же вас узнать!
 Где время то? где возраст тот невинный,
 Когда, бывало, в вечер длинный
 Мы с вами явимся, исчезнем тут и там,
 Играем и шумим по стульям и столам.
 А тут ваш батюшка с мадамой, за пикетом¹;
 Мы в тёмном уголке, и кажется, что в этом!
 Вы помните? вздрогнём, что скрипнет столик, дверь...

София

Ребячество!

Чацкий

Да-с, а теперь,
 В семнадцать лет вы расцвели прелестно,
 Неподражаемо, и это вам известно,
 И потому скромны, не смотрите на свет.
 Не влюблены ли вы? прошу мне дать ответ,
 Без думы, полноте смущаться.

София

Да хоть кого смутят
 Вопросы быстрые и любопытный взгляд...

Чацкий

Помилуйте, не вам, чему же удивляться?
 Что нового покажет мне Москва?
 Вчера был бал, а завтра будет два.
 Тот сватался — успел, а тот дал промах.
 Всё тот же толк, и те ж стихи в альбомах.

¹ *Шикёт* — карточная игра.

София

Гоненье на Москву. Что значит видеть свет!
Где ж лучше?

Чацкий

Где нас нет.

Ну что ваш батюшка? всё Английского клоба¹
Старинный, верный член до гроба?
Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?
А этот, как его, он турок или грек?
Тот черномазенький, на ножках журавлиных,
Не знаю как его зовут,
Куда ни сунься: тут, как тут,
В столовых и в гостиных.
А трое из бульварных лиц,
Которые с полвека молодятся?
Родных мильон у них, и с помощью сестриц
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко? наш клад?
На лбу написано: Театр и Маскерад;
Дом зеленью раскрашен в виде рощи²,
Сам толст, его артисты тощи.
На бале, помните, открыли мы вдвоём
За ширмами, в одной из комнат посекретней,
Был спрятан человек и щёлкал соловьём,
Певец зимой погоды летней.
А тот чахоточный, родня вам, книгам враг,
В учёный комитет³ который поселился
И с криком требовал присяг,
Чтоб грамоте никто не знал и не учился?
Опять увидеть их мне суждено судьбой!
Жить с ними надоест, и в ком не сыщешь пятен?
Когда ж постранствуешь, воротисья домой,
*И дым Отечества нам сладок и приятен!*⁴

¹ Английский клуб (клуб) — привилегированный дворянский клуб.

² Во времена Грибоедова было модно расписывать стены комнат цветами, деревьями.

³ Учёный комитет был учреждён в 1817 году. Он осуществлял надзор над изданием учебной литературы, проводил в делах просвещения реакционную политику.

⁴ Неточная цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Арфа» (1789):

*Мила нам добра весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен...*

София

Вот вас бы с тётушкой свести,
Чтоб всех знакомых перечесть.

Чацкий

А тётушка? всё девушкой, Минервой¹?
Всё фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанниц и мосек полон дом?

Ах! к воспитанью перейдём.

Что нынче, так же, как издревле,
Хлопочут набирать учителей полки,
Числом поболее, ценою подешевле?

Не то чтобы в науке далеки;

В России, под великим штрафом,

Нам каждого признать велят

Историком и географом!

Наш ментор, помните колпак его, халат,
Перст указательный, все признаки ученья
Как наши робкие тревожили умы,

Как с ранних пор привыкли верить мы,

Что нам без немцев нет спасенья! —

А Гильоме, француз, подбитый ветерком?

Он не женат ещё?

София

На ком?

Чацкий

Хоть на какой-нибудь княгине,
Пульхерии Андревне, например?

София

Танцмейстер! можно ли!

Чацкий

Что ж? он и кавалер.

От нас потребуют с именем быть и в чине,

А Гильоме!.. — Здесь нынче тон каков

На съездах, на больших, по праздникам приходским?

Господствует ещё смешенье языков:

Французского с нижегородским?

¹ *Минерва* — в греческой мифологии богиня мудрости.

София

Смесь языков?

Чацкий

Да, двух, без этого нельзя ж.

Лиза

Не мудрено из них один скроить, как ваш.

Чацкий

По крайней мере, не надутый.
 Вот новости! — я пользуюсь минутой,
 Свиданьем с вами оживлён,
 И говорлив; а разве нет времён,
 Что я Молчалина глупее? Где он, кстати?
 Ещё ли не сломил безмолвия печати?
 Бывало, песенок где новеньких тетрадь
 Увидит, пристаёт: пожалуйста списать.
 А впрочем, он дойдёт до степеней известных,
 Ведь нынче любят *бессловесных*.

София

(в сторону)

Не человек, змея!

(Громко и принуждённо.)

Хочу у вас спросить:
 Случалось ли, чтоб вы, смеясь? или в печали?
 Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?
 Хоть не теперь, а в детстве, может быть.

Чацкий

Когда всё мягко так? и нежно, и незрело?
 На что же так давно? вот доброе вам дело:
 Звонками только что гремя
 И день и ночь по снеговой пустыне,
 Спешу к вам голову сломя.
 И как вас нахожу? в каком-то строгом чине!
 Вот полчаса холодности терплю!
 Лицо святейшей богомолки!..
 И всё-таки я вас без памяти люблю.

Минутное молчание.

Послушайте, ужли слова мои все колки?
 И клонятся к чьему-нибудь вреду?
 Но если так: ум с сердцем не в ладу.
 Я в чудаках иному чуду
 Раз посмеюсь, потом забуду:
 Велите ж мне в огонь: пойду как на обед.

София
 Да, хорошо — сгорите, если ж нет?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

София, Лиза, Чацкий, Фамусов.

Фамусов
 Вот и другой!
 София
 Ах, батюшка, сон в руку.
(Уходит.)

Фамусов
(ей вслед вполголоса)
 Проклятый сон.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Фамусов, Чацкий (смотрит на дверь, в которую София вышла).

Фамусов
 Ну выкинул ты штуку!
 Три года не писал двух слов!
 И грянул вдруг, как с облаков.

Обнимаются.
 Здорово, друг, здорово, брат, здорово.
 Рассказывай, чай, у тебя готово
 Собрание важное вестей?
 Садись-ка, объяви скорей.

Садятся.

Чацкий
(рассеянно)
 Как Софья Павловна у вас похорошела!

Фамусов

Вам, людям молодым, другого нету дела,
 Как замечать девичьи красоты:
 Сказала что-то вскользь, а ты,
 Я чай, надеждами занёсся, заколдован.

Чацкий

Ах! нет, надеждами я мало избалован.

Фамусов

«Сон в руку» мне она изволила шепнуть.
 Вот ты задумал...

Чацкий

Я? — Ничуть.

Фамусов

О ком ей снилось? что такое?

Чацкий

Я не отгадчик снов.

Фамусов

Не верь ей, всё пустое.

«Горе от ума».
 К. С. Станиславский в роли Фамусова.
 Фотография

Чацкий

Я верю собственным глазам;
Век не встречал, подписку дам.
Чтоб было ей хоть несколько подобно!

Фамусов

Он всё своё. Да расскажи подробно,
Где был? скитался столько лет!
Откудава теперь?

Чацкий

Теперь мне до того ли!
Хотел объехать целый свет,
И не объехал сотой доли.
(*Встаёт поспешно.*)

Простите; я спешил скорее видеть вас,
Не заезжал домой. Прощайте! Через час
Явлюсь, подробности малейшей не забуду;
Вам первым, вы потом рассказывайте всюду.
(*В дверях.*)

Как хороша!

(*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Фамусов

(*один*)

Который же из двух?
«Ах! батюшка, сон в руку!»
И говорит мне это вслух!
Ну, виноват! Какого ж дал я крюку!
Молчалин давиче в сомненье ввёл меня.
Теперь... да в полмя из огня:
Тот нищий, этот франт-приятель;
Отъявлен мотом, сорванцом;
Что за комиссия, создатель,
Быть взрослой дочери отцом!
(*Уходит.*)

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Фамусов, слуга.

Фамусов

Петрушка, вечно ты с обновкой,
 С разодранным локтём. Достань-ка календарь;
 Читай не так, как пономарь,
 А с чувством, с толком, с расстановкой.
 Постой же. — На листе черкни на записном,
 Противу будущей недели:
К Прасковье Фёдоровне в дом
Во вторник зван я на форели.
 Куда как чуден создан свет!
 Пофилософствуй, ум вскружится;
 То бережёшься, то обед:
 Ешь три часа, а в три дни не сварится!
 Отметь-ка, в тот же день... Нет, нет.
В четверг я зван на погребенье.
 Ох, род людской! пришло в забвенье,
 Что всякий сам туда же должен лезть,
 В тот ларчик, где ни статья, ни сесть.
 Но память по себе намерен кто оставить
 Житьём похвальным, вот пример:
 Покойник был почтенный камергер,
 С ключом, и сыну ключ умел доставить¹;
 Богат, и на богатой был женат;
 Переженил детей, внучат;
 Скончался; все о нём прискорбно поминают.
 Кузьма Петрович! Мир ему! —
 Что за тузы в Москве живут и умирают! —
 Пиши: в четверг, одно уж к одному,
 А может, в пятницу, а может, и в субботу,
Я должен у вдовы, у докторши, крестить.
 Она не родила, но по расчёту
 По моему: должна родить...

¹ Покойник был почтенный камергер, / с ключом, и сыну ключ умел доставить... — камергеры (придворное звание) носили на парадных мундирах золотой ключ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Фамусов, слуга, Чацкий.

Фамусов

А! Александр Андреич, просим,
Садитесь-ка.

Чацкий

Вы заняты?

Фамусов

(слуге)

Поди.

Слуга уходит.

Да, разные дела на память в книгу вносим,
Забудется, того гляди.

Чацкий

Вы что-то не весёлы стали;
Скажите, отчего? Приезд не в пору мой?
Уж Софье Павловне какой
Не приключилось ли печали?
У вас в лице, в движеньях суета.

Фамусов

Ах! батюшка, нашёл загадку,
Не весел я!.. В мои лета
Не можно же пускаться мне вприсядку!

Чацкий

Никто не приглашает вас;
Я только, что спросил два слова
Об Софье Павловне: быть может, нездорова?

Фамусов

Тьфу, господи прости! Пять тысяч раз
Твердит одно и то же!
То Софьи Павловны на свете нет пригоже,
То Софья Павловна больна.

Скажи, тебе понравилась она?
Обрыскал свет; не хочешь ли жениться?

Чацкий

А вам на что?

Фамусов

Меня не худо бы спроситься,
Ведь я ей несколько сродни;
По крайней мере, искони
Отцом недаром называли.

Чацкий

Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?

Фамусов

Сказал бы я, во-первых: не блажи,
Именьем, брат, не управляй оплошно,
А, главное, поди-тка послужи.

Чацкий

Служить бы рад, прислуживаться тошно.

Фамусов

Вот то-то, все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы, на старших глядя:
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре,
На золоте едал; сто человек к услугам;
Весь в орденах; езжал-то вечно цугом:
Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При государыне служил Екатерине.
А в те поры все важны! в сорок пуд...
Раскланяйся — тупеем¹ не кивнут.
Вельможа в случае² — тем паче;
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя! что твой князь? что граф?
Сурьёзный взгляд, надменный нрав.

¹ *Тупей* — старинная причёска: собранный на затылке пучок волос.

² *Вельможа в случае* — то есть в милости, фаворит.

Когда же надо подслужиться,
 И он сгибался вперегиб:
 На кўртаге¹ ему случилось обступиться;
 Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;
 Старик заохал, голос хрипкой;
 Был высочайшею пожалован улыбкой;
 Изволили смеяться; как же он?
 Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
 Упал вдругорядь — уж нарочно,
 А хохот пуце, он и в третий так же точно.
 А? как по-вашему? по-нашему — смышлён.
 Упал он больно, встал здорово.
 За то, бывало, в вист² кто чаще приглашён?
 Кто слышит при дворе приветливое слово?
 Максим Петрович! Кто пред всеми знал почёт?
 Максим Петрович! Шутка!
 В чины выводит кто и пенсии даёт?
 Максим Петрович. Да! Вы, нынешние, — нутка!

Чацкий

И точно, начал свет глупеть,
 Сказать вы можете вздохнувши;
 Как посравнить, да посмотреть
 Век нынешний и век минувший:
 Свежо предание, а верится с трудом;
 Как тот и славился, чья чаще гнулась шея;
 Как не в войне, а в мире брали лбом;
 Стучали об пол, не жалея!
 Кому нужда: тем спесь, лежи они в пыли,
 А тем, кто выше, лесть, как кружево, плели.
 Прямой был век покорности и страха,
 Всё под личиною усердия к царю.
 Я не об дядюшке об вашем говорю;
 Его не возмутим мы праха:
 Но между тем кого охота заберёт,
 Хоть в раболепстве самом пылком,
 Теперь, чтобы смешить народ,
 Отважно жертвовать затылком?
 А сверстничек, а старичок
 Иной, глядя на тот скачок,

¹ *Кўртаг* — приёмный день во дворце.

² *Вист* — карточная игра.

И разрушаясь в ветхой коже,
 Чай, приговаривал: — Ах! если бы мне тоже!
 Хоть есть охотники поподличать везде,
 Да нынче смех страшит и держит стыд в узде;
 Недаром жалуют их скупо государи.

Фамусов

Ах! боже мой! он карбонари!

Чацкий

Нет, нынче свет уж не таков.

Фамусов

Опасный человек!

Чацкий

Вольнее всякий дышит
 И не торопится вписаться в полк шутов.

Фамусов

Что говорит! и говорит, как пишет!

Чацкий

У покровителей зевать на потолок,
 Явиться помолчать, пошаркать, пообедать,
 Подставить стул, поднять платок.

Фамусов

Он вольность хочет проповедать!

Чацкий

Кто путешествует, в деревне кто живёт...

Фамусов

Да он властей не признаёт!

Чацкий

Кто служит делу, а не лицам...

Фамусов

Строжайше б запретил я этим господам
 На выстрел подъезжать к столицам.

Чацкий

Я наконец вам отдых дам...

Фамусов

Терпенья, мочи нет, досадно.

Чацкий

Ваш век бранил я беспощадно,
Предоставляю вам во власть:
Откиньте часть,
Хоть нашим временам в придачу;
Уж так и быть, я не поплачу.

Фамусов

И знать вас не хочу, разврата не терплю.

Чацкий

Я досказал.

Фамусов

Добро, заткнул я уши.

Чацкий

На что ж? я их не оскорблю.

Фамусов

(скороговоркой)

Вот рыскают по свету, бьют баклуши,
Воротятся, от них порядка жди.

Чацкий

Я перестал...

Фамусов

Пожалуй, пощади.

Чацкий

Длить споры не моё желанье.

Фамусов

Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

<...>

С л у г а

Полковник Скалозуб. Прикажете принять?

Ф а м у с о в

(встаёт)

Ослы! сто раз вам повторять?

Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень рад. Пошёл же, торопись.

С л у г а уходит.

Пожало-ста, судáрь, при нём остерегись:

Известный человек, солидный,

И знаков тьму отличья нахватал;

Не по летам и чин завидный,

Не нынче завтра генерал.

Пожало-ста, при нём веди себя скромненько.

Эх! Александр Андреич, дурно, брат!

Ко мне он жалует частенько;

Я всякому, ты знаешь, рад;

В Москве прибавят вечно втрое:

Вот будто женится на Сонюшке. Пустое!

Он, может быть, и рад бы был душой,

Да надобности сам не вижу я большой

Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня;

Ведь Софья молода. А впрочем, власть господня.

Пожало-ста, при нём не спорь ты вкривь и вкось

И завиральные идеи эти брось.

Однако нет его! какую бы причину...

А! знать, ко мне пошёл в другую половину.

(Поспешно уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Ч а ц к и й

Как суетится! что за прыть!

А Софья? — Нет ли впрямь тут жениха какого?

С которых пор меня дичатся как чужого!

Как здесь бы ей не быть!..

Кто этот Скалозуб? отец им сильно бредит,
 А может быть, не только что отец...
 Ах! тот скажи любви конец,
 Кто на три года вдаль уедет.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Чацкий, Фамусов, Скалозуб.

Фамусов

Сергей Сергеич, к нам сюда-с.
 Прошу покорно, здесь теплее;
 Прозябли вы, согреем вас;
 Отдушничек отвёрнем поскорее.

Скалозуб

(густым басом)

Зачем же лазить, например,
 Самим!.. Мне совестно, как честный офицер.

Фамусов

Неужто для друзей не делать мне ни шагу,
 Сергей Сергеич, дорогой!
 Кладите шляпу, сденьте шпагу;
 Вот вам софа, раскиньтесь на покой.

Скалозуб

Куда прикажете, лишь только бы усесться.

Садятся все трое. Чацкий поодаль.

Фамусов

Ах! батюшка, сказать, чтоб не забыть:
 Позвольте нам своими счесться,
 Хоть дальними, наследства не делить;
 Не знали вы, а я подавно, —
 Спасибо, научил двоюродный ваш брат, —
 Как вам доводится Настасья Николавна?

Скалозуб

Не знаю-с, виноват;
 Мы с нею вместе не служили.

Фамусов

Сергей Сергеич, это вы ли!
 Нет! я перед родней, где встретится, ползком;
 Сыщу её на дне морском.
 При мне служащие чужие очень редки;
 Всё больше сестрины, свояченицы детки;
 Один Молчалин мне не свой,
 И то затем, что деловой.
 Как станешь представлять к крестишку ли, к местечку,
 Ну как не порадеть родному человечку!..
 Однако братец ваш мне друг и говорил,
 Что вами выгод тьму по службе получил.

<...>

Скалозуб

Не жалуюсь, не обходили,
 Однако за полком два года поводили.

Фамусов

В погонь ли за полком?
 Зато, конечно, в чём другом
 За вами далеко тянуться.

Скалозуб

Нет-с, старее меня по корпусу найдутся,
 Я с восемьсот девятого служу;
 Да, чтоб чины добыть, есть многие каналы;
 Об них как истинный философ я сужу:
 Мне только бы досталось в генералы.

Фамусов

И славно судите, дай бог здоровье вам
 И генеральский чин; а там
 Зачем откладывать бы дальше,
 Речь завести об генеральше?

Скалозуб

Жениться? Я ничуть не прочь.

Фамусов

Что ж? у кого сестра, племянница есть, дочь;
 В Москве ведь нет невестам перевода;
 Чего? плодятся год от года;
 А, батюшка, признайтесь, что едва
 Где сыщется столица, как Москва.

Скалозуб
Дистанции огромного размера.

Фамусов

Вкус, батюшка, отменная манера;
На всё свои законы есть:
Вот, например, у нас уж исстари ведётся,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохенький, да если наберётся
Душ тысячки две родовых, —
Тот и жених.

Другий хоть притче будь, надутый всяким чванством,
Пускай себе разумником слыви,
А в семью не включают. На нас не подиви.
Ведь только здесь ещё и дорожат дворянством.
Да это ли одно? возьмите вы хлеб-соль:
Кто хочет к нам пожаловать — изволь;
Дверь отперта для званых и незваных,
Особенно из иностранных;
Хоть честный человек, хоть нет,
Для нас равнёхонько, про всех готов обед.
Возьмите вы от головы до пяток,
На всех московских есть особый отпечаток.
Извольте посмотреть на нашу молодёжь,
На юношей — сынков и внучат;
Журим мы их, а если разберёшь,
В пятнадцать лет учителей научат!

А наши старички? — Как их возьмёт задор,
Засудят об делах, что слово — приговор, —
Ведь столбовые всё, в ус никого не дуют;
И об правительстве иной раз так толкуют,
Что, если б кто подслушал их... беда!
Не то, чтоб новизны вводили, — никогда,
Спаси нас Боже! Нет. А придерутся
К тому, к сему, а чаще ни к чему,
Поспорят, пошумят и... разойдутся.

Прямые канцлеры в отставке — по уму!
Я вам скажу, знать время не приспело,
Но что без них не обойдётся дело. —
А дамы? — сунься кто, попробуй овладей;
Судьи; всему, везде, над ними нет судей;
За картами когда восстанут общим бунтом,
Дай бог терпение, — ведь сам я был женат.
Скомандовать велите перед фрунтом!

Присутствовать пошлите их в Сенат!
 Ирина Власьевна! Лукерья Алексевна!
 Татьяна Юрьевна! Пульхерия Андревна!
 А дочек кто видал, — всяк голову повесь...
 Его величество король был прусский здесь;
 Дивился не путём московским он девицам,
 Их благонравью, а не лицам;
 И точно, можно ли воспитаннее быть!
 Умеют же себя принарядить
 Тафтицей, бархатцем и дымкой,
 Словечка в простоте не скажут, всё с ужимкой;
 Французские романсы вам поют
 И верхние выводят нотки,
 К военным людям так и льнут,
 А потому, что патриотки.
 Решительно скажу: едва
 Другая сыщется столица как Москва.

Скалозуб

По моему сужденью,
 Пожар способствовал ей много к украшенью.

Фамусов

Не поминайте нам, уж мало ли крехтят!
 С тех пор дороги, тротуары,
 Дома и всё на новый лад.

Чацкий

Дома новы́, но предрассудки стары.
 Порадуйтесь, не истребят
 Ни годы их, ни моды, ни пожары.

Фамусов

(Чацкому)

Эй, завяжи на память узелок;
 Просил я помолчать, не велика услуга.
 (Скалозубу)
 Позвольте, батюшка. Вот-с — Чацкого, мне друга,
 Андрея Ильича покойного сынок:
 Не служит, то есть в том он пользы не находит,
 Но захоти — так был бы деловой.
 Жаль, очень жаль, он малый с головой,
 И славно пишет, переводит.
 Нельзя не пожалеть, что с эдаким умом...

Чацкий

Нельзя ли пожалеть об ком-нибудь другом?
И похвалы мне ваши досаждают.

Фамусов

Не я один, все также осуждают.

Чацкий

А судьи кто? — За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима,
Сужденья черпают из забытых газет
Времени Очаковских и покоренья Крыма¹;
Всегда готовые к журьбе,
Поют все песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:

Что старее, то хуже.

Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?

Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве,
И где не воскресят клиенты-иностранцы
Прошедшего житья подлейшие черты.
Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?

Не тот ли, вы к кому меня ещё с пелён,
Для замыслов каких-то непонятных,
Дитёй возили на поклон?
Тот Нестор негодяев знатных²,
Толпою окружённый слуг;

Усердствуя, они в часы вина и драки
И честь, и жизнь его не раз спасали: вдруг
На них он выменял борзые три собаки!!!
Или вон тот ещё, который для затей
На крепостной балет согнал на многих фурах
От матерей, отцов отторженных детей?!
Сам погружён умом в зефирах и в амурах,
Заставил всю Москву дивиться их красе!

¹ *Времени Очаковских и покоренья Крыма* — взятие турецкой крепости Очаков и присоединение Крыма к России произошли в 1783 году.

² *Нестор негодяев знатных* — Нестор — имя полководца, упомянутого в «Илиаде» Гомера; в нарицательном смысле — советчик, руководитель.

Но должников не согласил к отсрочке:
 Амуры и Зефиры все
 Распроданы поодиночке!!!
 Вот те, которые дожили до седин!
 Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!
 Вот наши строгие ценители и судьи!
 Теперь пускай из нас один,
 Из молодых людей, найдётся — враг исканий,
 Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
 В науки он вперит ум, алчущий познаний;
 Или в душе его сам Бог возбudit жар
 К искусствам творческим, высоким и прекрасным, —
 Они тотчас: разбой! пожар!
 И прослыvёт у них мечтателем! опасным!! —
 Мундир! один мундир! он в прежнем их быту
 Когда-то укрывал, расшитый и красивый,
 Их слабодушие, рассудка нищету;
 И нам за ними в путь счастливый!
 И в жёнах, дочерях — к мундиру та же страсть!
 Я сам к нему давно ль от нежности отрёкся?!
 Теперь уж в это мне ребячество не впасть;
 Но кто б тогда за всеми не повлёкся?
 Когда из гвардии, иные от двора
 Сюда на время приезжали, —
 Кричали женщины: ура!
 И в воздух чепчики бросали!

Фамусов

(про себя)

Уж втянет он меня в беду.

(Громко.)

Сергей Сергеич, я пойду

И буду ждать вас в кабинете.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Скалозуб, Чацкий.

Скалозуб

Мне нравится, при этой смете

Искусно как коснулись вы

Предубеждения Москвы

К любимцам, к гвардии, к гвардейским, к гвардионцам;

Их золоту, шитью дивятся, будто солнцам!
 А в Первой армии когда отстали? в чём?
 Всё так прилажено, и тальи все так узки,
 И офицеров вам начтём,
 Что даже говорят, иные, по-французски.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Скалозуб, Чацкий, Софья, Лиза.

София

(бежит к окну)

Ах! боже мой! упал, убился! —
(Теряет чувства.)

Чацкий

Кто?

Кто это?

Скалозуб

С кем беда?

Чацкий

Она мертва со страху!

Скалозуб

Да кто? откуда?

Чацкий

Ушибся обо что?

Скалозуб

Уж не старик ли наш дал маху?

Лиза

(хлопочет около барышни)

Кому назначено-с, не миновать судьбы:
 Молчалин на лошадь садился, ногу в стремя,
 А лошадь на дыбы,
 Он об землю и прямо в темя.

Скалозуб

Поводья затянул. Ну, жалкий же ездок.
Взглянуть, как треснулся он — грудью или в бок?
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, без Скалозуба.

Чацкий

Помочь ей чем? Скажи скорее.

Лиза

Там в комнате вода стоит.

Чацкий бежит и приносит. Всё следующее — вполголоса, —
до того, как София очнётся.

Стакан налейте.

Чацкий

Уж налит.
Шнуровку отпусти вольнее,
Виски ей уксусом потри,
Опрыскивай водой. — Смотри:
Свободнее дыханье стало.
Повеять чем?

Лиза

Вот опахало.

Чацкий

Гляди в окно:
Молчалин на ногах давно!
Безделица её тревожит.

Лиза

Да-с, барышнин несчастен нрав.
Со стороны смотреть не может,
Как люди падают стремглав.

Чацкий

Опрыскивай ещё водою.
Вот так. Ещё. Ещё.

София

(с глубоким вздохом)

Кто здесь со мною?

Я точно как во сне.

(Торопко и громко.)

Где он? что с ним? Скажите мне.

Чацкий

Пускай себе сломил бы шею,

Вас чуть было не уморил.

София

Убийственны холодностью своею!

Смотреть на вас, вас слушать нету сил.

Чацкий

Прикажете мне за него терзаться?

София

Туда бежать, там быть, помочь ему стараться.

Чацкий

Чтоб оставались вы без помощи одне?

София

На что вы мне?

Да, правда: не свои беды — для вас забавы,

Отец родной убейся — всё равно.

(Лизе.)

Пойдём туда, бежим.

Лиза

(отводит её в сторону)

Опомнитесь! куда вы?

Он жив, здоров, смотрите здесь в окно.

София в окошко высовывается.

Чацкий

Смятенье! обморок! поспешность! гнев! испуга!

Так можно только ощущать,

Когда лишаешься единственного друга.

София

Сюда идут. Руки не может он поднять.

Чацкий

Желал бы с ним убиться...

Лиза

Для компании?

София

Нет, оставайтесь при желаньи.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

София, Лиза, Чацкий, Скалозуб, Молчалин
(с подвязанною рукою).

Скалозуб

Воскрес и невредим, рука
Ушибена слегка,
И, впрочем, всё фальшивая тревога.

Молчалин

Я вас перепугал, простите ради бога.

Скалозуб

Ну! я не знал, что будет из того
Вам ирритация¹. Опрометью вбежали. —
Мы вздрогнули! — Вы в обморок упали,
И что ж? — весь страх из ничего.

София

(не глядя ни на кого)

Ах! очень вижу, из пустого,
А вся ещё теперь дрожу.

Чацкий

(про себя)

С Молчалиным ни слова!

¹ *Иррита́ция* — волнение, замешательство.

София

Однако о себе скажу,
 Что не труслива. Так бывает,
 Карета свалится, — подымут: я опять
 Готова сызнова скакать;
 Но всё малейшее в других меня пугает,
 Хоть нет великого несчастья от того,
 Хоть незнакомый мне, — до этого нет дела.

Чацкий

(про себя)

Прощенья просит у него,
 Что раз о ком-то пожалела!

Скалозуб

Позвольте, расскажу вам весть:
 Княгиня Ласова какая-то здесь есть,
 Наездница, вдова, но нет примеров,
 Чтоб ездило с ней много кавалеров.
 На днях расшиблась в пух, —
 Жоке¹ не поддержал, считал он, видно, мух. —
 И без того она, как слышно, неуклюжа,
 Теперь ребра недостаёт,
 Так для поддержки ищет мужа.

София

Ах, Александр Андреич, вот —
 Явитесь вы вполне великодушны:
 К несчастью ближнего вы так равнодушны.

Чацкий

Да-с, это я сейчас явил,
 Моим усерднейшим стараньем,
 И прысканьем, и оттираньем;
 Не знаю для кого, но вас я воскресил.
 (Берёт шляпу и уходит.)

<...>

¹ Жоке́ (от англ. jockey) — слуга-наездник.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

София, Лиза, Молчалин.

София

Молчалин! как во мне рассудок цел остался!
Ведь знаете, как жизнь мне ваша дорога!
Зачем же ей играть, и так неосторожно?
Скажите, что у вас с рукой?
Не дать ли капель вам? не нужен ли покой?
Поплёмте к доктору, пренебрегать не должно.

Молчалин

Платком перевязал, не больно мне с тех пор.

Лиза

Ударюсь об заклад, что вздор;
И если б не к лицу, не нужно перевязки;
А то не вздор, что вам не избежать огласки:
На смех, того гляди, подымет Чацкий вас;
И Скалозуб, как свой хохол закрутит,
Расскажет обморок, прибавит сто прикрас;
Шутить и он горазд, ведь нынче кто не шутит!

<...>

Молчалин

Ах! злые языки страшнее пистолета.

Лиза

Сидят они у батюшки теперь,
Вот кабы вы порхнули в дверь
С лицом весёлым, беззаботно:
Когда нам скажут, что хотим —
Куда как верится охотно!
И Александр Андреич, — с ним
О прежних днях, о тех проказах
Поразвернитеесь-ка в рассказах,
Улыбочка и пара слов,
И кто влюблён — на всё готов.

Молчалин

Я вам советовать не смею.

(Целует ей руку.)

София

Хотите вы?.. Пойду любезничать сквозь слёз;

Боюсь, что выдержать притворства не сумею.

Зачем сюда бог Чацкого принёс!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Молчалин, Лиза.

Молчалин

Весёлое создание ты! живое!

Лиза

Прошу пустить, и без меня вас двое.

Молчалин

Какое личико твоё!

Как я тебя люблю!

Лиза

А барышню?

Молчалин

Её

По должности, тебя...

(Хочет её обнять.)

Лиза

От скуки.

Прошу подальше руки!

Молчалин

Есть у меня вещицы три:

Есть туалет, прехитрая работа —

Снаружи зеркальцо, и зеркальцо внутри,
 Кругом всё прорезь, позолота;
 Подушечка, из бисера узор;
 И перламутровый прибор —
 Игольничик и ножинки, как милы!
 Жемчужинки, растёртые в белилы!
 Помада есть для губ, и для других причин,
 С духами скляночки: резéда и жасмин.

Л и з а

Вы знаете, что я не льщусь на интересы;
 Скажите лучше, почему
 Вы с барышней скромны, а с горнишной повесы?

М о л ч а л и н

Сегодня болен я, обвязки не сниму;
 Приди в обед, побудь со мною;
 Я правду всю тебе открою.
(Уходит в боковую дверь.)

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

София, Лиза.

София

Была у батюшки, там нету никого.
 Сегодня я больна, и не пойду обедать,
 Скажи Молчалину, и позови его,
 Чтоб он пришёл меня проведать.
(Уходит к себе.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Л и з а

Ну! люди в здешней стороне!
 Она к нему, а он ко мне,
 А я... одна лишь я любви до смерти трушу, —
 А как не полюбить буфетчика Петрушу!

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Чацкий, потом София.

Чацкий

Дождусь её и вынужу признание:
 Кто наконец ей мил? Молчалин! Скалозуб!
 Молчалин прежде был так глуп!..
 Жалчайшее создание!
 Уж разве поумнел?.. А тот —
 Хрипун, удавленник, фагот¹,
 Созвездие манёвров и мазурки!
 Судьба любви — играть ей в жмурки,
 А мне...

Входит София.

Вы здесь? я очень рад,
 Я этого желал.

София
 (про себя)

И очень невпопад.
 Чацкий

Конечно, не меня искали?

София

Я не искала вас.

Чацкий

Дознаться мне нельзя ли,
 Хоть и некстати, нүжды нет:
 Кого вы любите?

София

Ах! боже мой! весь свет.

Чацкий

Кто более вам мил?

¹ *Хрипун, удавленник, фагот* — хрипунами во времена Грибоедова называли армейских офицеров, из щегольства говоривших хриплым басом, отсюда сравнение с фаготом (музыкальным инструментом с хрипящим звучанием).

София
Есть многие, родные.

Чацкий
Все более меня?

София
Иные.

Чацкий
И я чего хочу, когда всё решено?
Мне в петлю лезть, а ей смешно.

София
Хотите ли знать истины два слова?
Малейшая в ком странность чуть видна,
Весёлость ваша не скромна,
У вас тотчас уж острота готова,
А сами вы...

Чацкий
Я сам? не правда ли, смешон?

София
Да! грозный взгляд, и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна;
А над собой гроза куда не бесполезна.

Чацкий
Я странен, а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож;
Молчалин, например...

София
Примеры мне не новы;
Заметно, что вы желчь на всех излить готовы;
А я, чтоб не мешать, отсюда уклонюсь.

Чацкий
(держит её)
Постойте же.
(В сторону.)

Раз в жизни притворюсь.

(Громко.)

Оставимте мы эти пренья,
 Перед Молчалиным не прав я, виноват;
 Быть может, он не то, что три года назад:
 Есть на земле такие превращенья
 Правлений, климатов, и нравов, и умов;
 Есть люди важные, слыли за дураков:
 Иной по армии, иной плохим поэтом,
 Иной... Боюсь назвать, но признаны всем светом,
 Особенно в последние года,
 Что стали умны хоть куда.
 Пускай в Молчалине ум бойкий, гений смелый,
 Но есть ли в нём та страсть? то чувство? пылкость та?
 Чтоб, кроме вас, ему мир целый
 Казался прах и суета?
 Чтоб сердца каждое биенье
 Любовью ускорялось к вам?
 Чтоб мыслям были всем, и всем его делам
 Дупою — вы, вам угожденье?..
 Сам это чувствую, сказать я не могу,
 Но что теперь во мне кипит, волнует, бесит,
 Не пожелал бы я и личному врагу,
 А он?.. смолчит и голову повесит.
 Конечно, смирен, все такие не резвы;
 Бог знает, в нём какая тайна скрыта;
 Бог знает, за него что выдумали вы,
 Чем голова его век не была набита.
 Быть может, качеств ваших тьму,
 Любуясь им, вы придали ему;
 Не грешен он ни в чём, вы во сто раз грешнее.
 Нет! нет! пускай умён, час от часу умнее,
 Но вас он стоит ли? вот вам один вопрос.
 Чтоб равнодушнее мне понести утрату,
 Как человеку вы, который с вами взрос,
 Как другу вашему, как брату,
 Мне дайте убедиться в том;
 Потом
 От сумасшествия могу я остеречься;
 Пущусь подальше — простыть, охолодеть,
 Не думать о любви, но буду я уметь
 Теряться по свету, забыться и развлечься.

София
(про себя)

Вот нехотя с ума свела!
(Вслух.)

Что притворяться?

Молчалин давиче мог без руки остаться,
Я живо в нём участие приняла;
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всем и без разбору;
Но, может, истина в догадках ваших есть,
И горячо его беру я под защиту;
Зачем же быть, скажу вам напрямик,
Так невоздержну на язык?
В презренье к людям так нескрыту?
Что и смирнейшему пощады нет!.. чего?
Случись кому назвать его:
Град колкостей и шуток ваших грянет.
Шутить! и век шутить! как вас на это станет!

Чацкий

Ах! боже мой! неужли я из тех,
Которым цель всей жизни — смех?
Мне весело, когда смешных встречаю,
А чаще с ними я скучаю.

София

Напрасно: это всё относится к другим,
Молчалин вам наскучил бы едва ли,
Когда б сошлись короче с ним.

Чацкий

(с жаром)

Зачем же вы его так коротко узнали?

София

Я не старалась, бог нас свёл.
Смотрите, дружбу всех он в доме приобрёл:
При батюшке три года служит,
Тот часто без толку сердит,
А он безмолвием его обезоружит,
От доброты души простит.

И, между прочим,
 Веселостей искать бы мог;
 Ничуть: от старичков не ступит за порог;
 Мы рѣзвимся, хохочем,
 Он с ними целый день засядет, рад не рад,
 Играет...

Чацкий

Целый день играет!
 Молчит, когда его бранят!
 (В сторону.)
 Она его не уважает.

София

Конечно, нет в нём этого ума,
 Что гений для иных, а для иных чума,
 Который скор, блестящ и скоро опротивит,
 Который свет ругает наповал,
 Чтоб свет об нём хоть что-нибудь сказал;
 Да эдакий ли ум семейство осчастливит?

Чацкий

Сатира и мораль — смысл этого всего?
 (В сторону.)
 Она не ставит в грош его.

София

Чудеснейшего свойства
 Он наконец: уступчив, скромн, тих,
 В лице ни тени беспокойства
 И на душе проступков никаких,
 Чужих и вкривь и вкось не рубит, —
 Вот я за что его люблю.

Чацкий

(в сторону)
 Шалит, она его не любит.
 (Вслух.)
 Докончить я вам пособлю
 Молчалина изображенье.
 Но Скалозуб? вот загляденье:
 За армию стоит горой,
 И прямизною стана,
 Лицом и голосом герой...

София
Не моего романа.

Чацкий
Не вашего? Кто разгадает вас?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Чацкий, София, Лиза.

<...>

Чацкий

Бог с вами, остаюсь опять с моей загадкой.
Однако дайте мне зайти, хотя украдкой,
К вам в комнату на несколько минут;
Там стены, воздух — всё приятно!
Согреют, оживят, мне отдохнуть дадут
Воспоминания об том, что невозвратно!
Не засижусь, войду, всего минуты две,
Потом, подумайте, член Английского клуба,
Я там дни целые пожертвую молве
Про ум Молчалина, про душу Скалозуба.

София пожимает плечами, уходит к себе и запирается, за нею и Лиза.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Чацкий, потом Молчалин.

Чацкий

Ах! Софья! Неужли Молчалин избран ей!
А чем не муж? Ума в нём только мало;
Но чтоб иметь детей,
Кому ума недоставало?
Услужлив, скромненький, в лице румянец есть.

Входит Молчалин.

Вон он на цыпочках, и не богат словами;
Какою ворожкой умел к ней в сердце влезть!
(Обращается к нему.)

Нам, Алексей Степаныч, с вами
 Не удалось сказать двух слов.
 Ну, образ жизни ваш каков?
 Без горя нынче? без печали?

Молчалин

По-прежнему-с.

Чацкий

А прежде как живали?

Молчалин

День за день, нынче, как вчера.

Чацкий

К перу от карт? и к картам от пера?
 И положённый час приливам и отливам?

Молчалин

По мере я трудов и сил,
 С тех пор, как числюсь по Архивам,
 Три награжденья получил.

Чацкий

Взманили почести и знатность?

Молчалин

Нет-с, свой талант у всех...

Чацкий

У вас?

Молчалин

Два-с:
 Умеренность и аккуратность.

Чацкий

Чудеснейшие два! и стоят наших всех.

Молчалин

Вам не дались чины, по службе неуспех?

Чацкий
 Чины людьми даются,
 А люди могут обмануться.

Молчалин
 Как удивлялись мы!

Чацкий
 Какое ж диво тут?

Молчалин
 Жалели вас.

Чацкий
 Напрасный труд.

Молчалин
 Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
 Из Петербурга воротясь,
 С министрами про вашу связь,
 Потом разрыв...

Чацкий
 Ей почему забота?

Молчалин
 Татьяне Юрьевне!

Чацкий
 Я с нею не знаком.

Молчалин
 С Татьяной Юрьевной!!

Чацкий
 С ней век мы не встречались;
 Слышал, что вздорная.

Молчалин
 Да это, полно, та ли-с?
 Татьяна Юрьевна!!! Известная, — притом

Чиновные и должностные —
 В се ей друзья и все родные;
 К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам.

Чацкий

На что же?

Молчалин

Так: частенько там
 Мы покровительство находим, где не метим.

Чацкий

Я езжу к женщинам, да только не за этим.

Молчалин

Как обходительна! добра! мила! проста!
 Балы даёт нельзя богаче.
 От рождества и до поста,
 И летом праздники на даче.
 Ну, право, что бы вам в Москве у нас служить?
 И награжденья брать и весело пожить?

Чацкий

Когда в делах — я от веселий прячусь,
 Когда дурачиться — дурачусь;
 А смешивать два эти ремесла
 Есть тьма искусников, я не из их числа.

Молчалин

Простите, впрочем тут не вижу преступленья;
 Вот сам Фома Фомич, знаком он вам?

Чацкий

Ну что ж?

Молчалин

При трёх министрах был начальник отделения,
 Переведён сюда.

Чацкий

Хорош!
 Пустейший человек, из самых бестолковых.

Молчалин

Как можно! слог его здесь ставят в образец,
Читали вы?

Чацкий

Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых.

Молчалин

Нет, мне так довелось с приятностью прочесть,
Не сочинитель я...

Чацкий

И по всему заметно.

Молчалин

Не смею моего сужденья произнести.

Чацкий

Зачем же так секретно?

Молчалин

В мои лета не должно сметь
Своё суждение иметь.

Чацкий

Помилуйте, мы с вами не ребята,
Зачем же мнения чужие только святы?

Молчалин

Ведь надобно ж зависеть от других.

Чацкий

Зачем же надобно?

Молчалин

В чинах мы небольших.

Чацкий

(почти громко)

С такими чувствами! с такой душою
Любим!.. Обманщица смеялась надо мною!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Вечер. Все двери настежь, кроме в спальню к Софии.
В перспективе раскрывается ряд освещённых комнат.
Слуги суетятся; один из них, главный, говорит:

Эй! Филька, Фомка, ну, ловчей!
Столы для карт, мел, щётки и свечей!
(*Стучится к Софии в дверь.*)

Скажите барышне скорее, Лизавета:
Наталья Дмитриевна, и с мужем, и к крыльцу
Ещё подъехала карета.

<...>

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Хлёстова.

Хлёстова

Легко ли в шестьдесят пять лет
Тащиться мне к тебе, племянница?.. — Мученье!
Час битый ехала с Покровки, силы нет;
Ночь — светопреставленье!
От скуки я взяла с собой
Арапку-девку да собачку;
Вели их накормить, ужю, дружочек мой;
От ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте!

(*Села.*)

Ну, Софьюшка, мой друг,
Какая у меня арапка для услуг:
Курчавая! горбом лопатки!
Сердитая! всё кошачьи ухватки!
Да как черна! да как страшна!
Ведь создал же Господь такое племя!
Чёрт сущий; в девичьей она;
Позвать ли?

София

Нет-с, в другое время.

Хлёстова

Представь: их, как зверей, выводят напоказ...
Я слышала, там... город есть турецкий...

А знаешь ли, кто мне припас?
Антон Антоныч Загорецкий.

Загорецкий выставляется вперёд.

Лгунишка он, картёжник, вор.

Загорецкий исчезает.

Я от него было и двери на запор;
Да мастер услужить: мне и сестре Прасковье
Двоих ара́пченков на ярмарке достал;
Купил, он говорит, чай в карты сплutowал;
А мне подарочек, дай бог ему здоровье!

Чацкий

(с хохотом Платону Михайловичу)

Не поздоровится от эдаких похвал,
И Загорецкий сам не выдержал, пропал.

Хлёстова

Кто этот весельчак? Из звания какого?

София

Вон этот? Чацкий.

Хлёстова

Ну? а что нашёл смешного?
Чему он рад? Какой тут смех?
Над старостью смеяться грех.
Я помню, ты дитёй с ним часто танцевала,
Я за уши его дирала, только мало.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Фамусов.

Фамусов

(громогласно)

Ждём князя Петра Ильича,
А князь уж здесь! А я забился там, в портретной.
Где Скалозуб Сергей Сергеич? а?
Нет, кажется, что нет. — Он человек заметный —
Сергей Сергеич Скалозуб.

Хлёстова

Творец мой! оглушил, звончее всяких труб.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и Скалозуб, потом Молчалин.

Фамусов

Сергей Сергеич, запоздали;
А мы вас ждали, ждали, ждали.
(Подводит к Хлёстовой.)

Моя невестушка, которой уж давно
Об вас говорено.

Хлёстова

(сидя)

Вы прежде были здесь... в полку... в том...
в гренадерском?

Скалозуб

(басом)

В его высочества, хотите вы сказать,
Ново-землянском мушкетёрском.

Хлёстова

Не мастерица я полки-та различать.

Скалозуб

А форменные есть отлички:
В мундирах выпушки, погончики, петлички.

Фамусов

Пойдёмте, батюшка, там вас я насмешу;
Курьёзный вист у нас. За нами, князь! прошу.
(Его и князя уводит с собою.)

Хлёстова

(Софии)

Ух! я точнёхонько избавилась от петли;
Ведь полоумный твой отец:
Дался ему трёх сажень удалец, —
Знакомит, не спросясь, приятно ли нам, нет ли?

Молчалин
(подаёт ей карту)

Я вашу партию составил: мосьё Кок,
Фома Фомич и я.

Хлёстова
Спасибо, мой дружок.
(Встаёт.)

Молчалин
Ваш шпиц — прелестный шпиц, не более напёрстка;
Я гладил всё его: как шёлковая шёрстка!

Хлёстова
Спасибо, мой родной.

Уходит, за ней Молчалин и многие другие.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Чацкий, София и несколько посторонних, которые
в продолжении расходятся.

Чацкий
Ну! тучу разогнал...

София
Нельзя ль не продолжать?

Чацкий
Чем вас я напугал?
За то, что он смягчил разгневанную гостью,
Хотел я похвалить.

София
А кончили бы злостью.

Чацкий
Сказать вам, что я думал? Вот:
Старушки все — народ сердитый;
Не худо, чтоб при них услужник знаменитый
Тут был, как громовой отвод.

Молчалин! — Кто другой так мирно всё уладит!
 Там моську вовремя погладит,
 Тут в пору карточку вотрёт,
 В нём Загорецкий не умрёт!
 Вы давиче его мне исчисляли свойства,
 Но многие забыли? — да?
 (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

София, потом Г. Н.

София
 (*про себя*)

Ах! этот человек всегда
 Причиной мне ужасного расстройства!
 Унизить рад, кольнуть; завистлив, горд и зол!

Г. Н.
 (*подходит*)

Вы в размышленьи.

София

Об Чацком.

Г. Н.
 Как его нашли по возвращеньи?

София

Он не в своём уме.

Г. Н.
 Ужли с ума сошёл?

София
 (*помолчавши*)

Не то чтобы совсем...

Г. Н.
 Однако есть приметы?

София
(смотрит на него пристально)
 Мне кажется.

Г. Н.
 Как можно, в эти леты!

София
 Как быть!
(В сторону.)
 Готов он верить!
 А, Чацкий, любите вы всех в шуты рядить,
 Угодно ль на себе примерить?
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Г. Н., потом Г. Д.

Г. Н.
 С ума сошёл!.. Ей кажется, вот на!
 Недаром? Стало быть... с чего б взяла она!
 Ты слышал?

Г. Д.
 Что?

Г. Н.
 Об Чацком?

Г. Д.
 Что такое?

Г. Н.
 С ума сошёл!

Г. Д.
 Пустое.

Г. Н.
 Не я сказал, другие говорят.

Г. Д.

А ты расславить это рад?

Г. Н.

Пойду, осведомлюсь; чай, кто-нибудь да знает.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Г. Д., потом Загорецкий.

Г. Д.

Верь болтуну!
Услышит вздор и тотчас повторяет!
Ты знаешь ли об Чацком?

Загорецкий
Ну?

Г. Д.

С ума сошёл!

Загорецкий

А, знаю, помню, слышал.
Как мне не знать? Примерный случай вышел;
Его в безумные упрятал дядя плут...
Схватили в жёлтый дом, и на цепь посадили.

Г. Д.

Помилуй, он сейчас здесь в комнате был, тут.

Загорецкий

Так с цепи, стало быть, спустили.

Г. Д.

Ну, милый друг, с тобой не надобно газет,
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всех повыспрошу; однако чур! секрет.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Загорецкий, потом Графиня-внучка.

Загорецкий

Который Чацкий тут? — Известная фамилья.
С каким-то Чацким я когда-то был знаком.
Вы слышали об нём?

Графиня-внучка
Об ком?

Загорецкий

Об Чацком, он сейчас здесь в комнате был.

Графиня-внучка
Знаю.

Я говорила с ним.

Загорецкий

Так я вас поздравляю:
Он сумасшедший...

Графиня-внучка
Что?

Загорецкий
Да, он сошёл с ума!

Графиня-внучка

Представьте, я заметила сама;
И хоть пари держать, со мной в одно вы слово.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Те же и Графиня-бабушка.

Графиня-внучка

Ah! grand' maman¹, вот чудеса! вот ново!
Вы не слышали здешних бед?
Послушайте. Вот прелести! вот мило!..

¹ Бабушка (фр.).

Графиня-бабушка
 Мой *труг*, мне уши залошило;
 Скаши погромче...

Графиня-внучка
 Время нет!
 Il vous dira toute l'histoire...¹
 Пойду спрошу...
 (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Загорецкий, Графиня-бабушка.

Графиня-бабушка
 Что? что? уж нет ли здесь пошара?

Загорецкий
 Нет, Чацкий произвёл всю эту кутерьму.

Графиня-бабушка
 Как, Чацкого? Кто свёл в тюрьму?

Загорецкий
 В горах изранен в лоб, сошёл с ума от раны.

Графиня-бабушка
 Что? к фармазонам в клоб? Пошёл он в лусурманы!

Загорецкий
 Её не вразумишь.
 (Уходит.)

Графиня-бабушка
 Антон Антоныч! Ах!
 И он *лешит*, всё в страхе, впопыхах.

¹ Он вам расскажет всю историю подробно (*фр.*).

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Графиня-бабушка и Князь Тугоуховский.

Графиня-бабушка

Князь, князь! ох, этот князь, по палам, сам чуть тышит!
Князь, слышали? —

Князь

Э-хм?

Графиня-бабушка

Он ничего не слышит!
Хоть мошет, видели, здесь полицмейстер пыл?

Князь

Э-хм?

Графиня-бабушка

В тюрьму-та, князь, кто Чацкого схватил?

Князь

И-хм?

Графиня-бабушка

Тесак ему да ранец,
В солтаты! Шутка ли! переменил закон!

Князь

У-хм?

Графиня-бабушка

Да!.. в лусурманах он!
Ах! окаянный волтерьянец!
Что? а? глух, мой отец; достаньте свой рожок.
Ох! глухота большой порок.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Те же и Хлёстова, София, Молчалин, Платон Михайлович, Наталья Дмитриевна, Графиня-внучка, Княгиня с дочерьми, Загорецкий, Скалозуб, потом Фамусов и многие другие.

Хлёстова

С ума сошёл! прошу покорно!
Да невзначай! да как проворно!
Ты, Софья, слышала?

Платон Михайлович
Кто первый разгласил?

Наталья Дмитриевна
Ах, друг мой, все!

Платон Михайлович
Ну все, так верить поневоле,
А мне сомнительно.

Фамусов
(входя)
О чём? о Чацком, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открыл!
Давно дивлюсь я, как никто его не свяжет!
Попробуй о властях — и нивесть что наскажет!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцом,
Хоть пред монаршиим лицом,
Так назовёт он подлецом!..

Хлестова
Туда же из смешливых;
Сказала что-то я — он начал хохотать.

Молчалин
Мне отсоветовал в Москве служить в Архивах.

Графиня-внучка
Меня модисткою изволил величать!

Наталья Дмитриевна
А мужу моему совет дал жить в деревне.

Загорецкий
Безумный по всему.

Графиня-внучка
Я видела из глаз.

Фамусов
По матери пошёл, по Анне Алексевне;
Покойница с ума сходила восемь раз.

Хлёстова

На свете дивные бывают приключения!
 В его лета с ума спрыгнул!
 Чай, пил не по летам.

Княгиня

О! верно...

Графиня-внучка

Без сомненья.

Хлёстова

Шампанское стаканами тянул.

Наталья Дмитриевна
 Бутылками-с, и пребольшими.

Загорецкий

(с жаром)

Нет-с, бочками сороковыми.

Фамусов

Ну вот! великая беда,
 Что выпьет лишнее мужчина!
 Ученье — вот чума, учёность — вот причина,
 Что нынче, пуще, чем когда,
 Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

Хлёстова

И впрямь с ума сойдёшь от этих, от одних
 От пансионов, школ, лицеев, как бишь их,
 Да от ланкартачных взаимных обучений¹.

¹ *Да от ланкартачных взаимных обучений...* — ланкартачный — искажённое слово «ланкастерский». Система английского педагога Ланкастера (1771—1838) состояла в том, что более сильные ученики обучали слабейших, помогая учителю. В России этой системой увлекались поборники народного просвещения, передовые офицеры при обучении солдат в армии, в частности декабристы. В правительственных кругах к ланкастерским школам относились подозрительно, как к рассаднику вольномыслия. Такою же репутацией пользовались пансионы (Благородный пансион при Московском университете), лицей (Царскосельский лицей) и Педагогический институт (Петербургский педагогический институт).

Княгиня

Нет, в Петербурге институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и в безверьи,
Профессоры!! — у них учился наш родня,
И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи.
От женщин бегаёт, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Фёдор, мой племянник.

Скалозуб

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проект насчёт лицеев, школ, гимназий;
Там будут лишь учить по нашему: раз, два;
А книги сохранят так: для больших okazji.

Фамусов

Сергей Сергеич, нет! Уж коли зло пресечь:
Забрать все книги бы да сжечь.

Загорецкий

(с кротостию)

Нет-с, книги книгам рознь. А если б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налёг; ох! басни — смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а всё-таки цари.

Хлёстова

Отцы мои, уж кто в уме расстроен,
Так всё равно, от книг ли, от питья ль;
А Чацкого мне жаль.
По-христиански так; он жалости достоин,
Был острый человек, имел душ сотни три.

Фамусов

Четыре.

Хлёстова

Три, сударь.

Фамусов

Четыреста.

Хлёстова
Нет! триста.

Фамусов
В моём календаре...

Хлёстова
Всё врут календари.

Фамусов
Как раз четыреста, ох! спорить голосиста!

Хлёстова
Нет! триста! — уж чужих имений мне не знать!

Фамусов
Четыреста, прошу понять.

Хлёстова
Нет! триста, триста, триста.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Те же все и Чацкий.

Наталья Дмитриевна
Вот он.

Графиня-внучка
Шш!

Все
Шш!

Пятятся от него в противную сторону.

Хлёстова
Ну как с безумных глаз
Затеет драться он, потребует к разделке!

О господи! помилуй грешных нас!

(Опасливо.)

Любезнейший! Ты не в своей тарелке.
С дороги нужен сон. Дай пульс. Ты нездоров.

Чацкий

Да, мочи нет: мильон терзаний
Груди от дружеских тисков,
Ногам от шарканья, ушам от восклицаний,
А пуще голове от всяких пустяков.

(Подходит к Софье.)

Душа здесь у меня каким-то горем сжата,
И в многолюдстве я потерян, сам не свой.
Нет! недоволен я Москвой.

Хлёстова

Москва, вишь, виновата.

Фамусов

Подальше от него.

(Делает знаки Софии.)

Гм, Софья! — Не глядит!

София

(Чацкому)

Скажите, что вас так гневит?

Чацкий

В той комнате незначащая встреча:
Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал — и нашёл, что ласкам нет конца;
Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве, с друзьями;
Своя провинция. Посмотришь, вечером
Он чувствует себя здесь маленьким царьком;
Такой же толк у дам, такие же наряды...

Он рад, но мы не рады.

Умолк, и тут со всех сторон

Тоска, и оханье, и стон.

Ах! Франция! Нет в мире лучше края! —
Решили две княжны, сестрицы, повторяя
Урок, который им из детства натвержён.

Куда деваться от княжён!

Я одаль воссылал желанья

Смиранные, однако вслух,

Чтоб истребил Господь нечистый этот дух

Пустого, рабского, слепого подражания;
 Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой,
 Кто мог бы словом и примером
 Нас удержать, как крепкою возжой,
 От жалкой тошноты по стороне чужой.
 Пускай меня отъявят старове­ром,
 Но хуже для меня наш Север во сто крат
 С тех пор, как отдал всё в обмен на новый лад —
 И нравы, и язык, и старину святую,
 И величавую одежду на другую
 По шутовскому образцу:
 Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,
 Рассудку вопреки, наперекор стихиям;
 Движенья связаны, и не краса лицу;
 Смешные, бритые, седые подбородки!
 Как платья, волосы, так и умы коротки!..
 Ах! если рождены мы всё перенимать,
 Хоть у китайцев бы нам несколько занять
 Премудрого у них незнания иноземцев.
 Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
 Чтоб умный, бодрый наш народ
 Хотя по языку нас не считал за немцев.
 «Как европейское поставить в параллель
 С национальным — странно что-то!
 Ну как перевести *мадам* и *мадмуазель*?
 Ужли *сударыня*!» — забормотал мне кто-то...
 Вообразите, тут у всех
 На мой же счёт поднялся смех.
 «*Сударыня!* ха! ха! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! ха! ха! ха! ха! ужасно!» —
 Я, рассердясь и жизнь кляня,
 Готовил им ответ громовый;
 Но все оставили меня. —
 Вот случай вам со мною, он не новый;
 Москва и Петербург — во всей России то,
 Что человек из города Бордо,
 Лишь рот открыл, имеет счастье
 Во всех княжён вселять участие;
 И в Петербурге и в Москве,
 Кто недруг выписных лиц, вычур, слов кудрявых,
 В чьей, по несчастью, голове
 Пять, шесть найдётся мыслей здравых
 И он осмелится их гласно объявлять, —
 Глядь...

Оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием.
Старики разбрелись к карточным столам.

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

У Фамусова в доме парадные сени; большая лестница из второго жилья, к которой примыкают многие побочные из антресолей; внизу справа (от действующих лиц) выход на крыльцо и швейцарская ложа; слева, на одном же плане, комната Молчалина. Ночь. Слабое освещение. Лакеи иные суетятся, иные спят в ожидании господ своих.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Графиня-бабушка, Графиня-внучка, впереди их Лакей.

Лакей

Графини Хрюминой карета!

Графиня-внучка

(покуда её укутывают)

Ну бал! Ну Фамусов! умел гостей назвать!
Какие-то уроды с того света,
И не с кем говорить, и не с кем танцевать.

Графиня-бабушка

Поетем, матушка, мне, прафо, не под силу,
Когда-нибудь я с пала та в могилу.

Обе уезжают.

<...>

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Чацкий и Лакей его впереди.

Чацкий

Кричи, чтобы скорее подавали.

Лакей уходит.

Ну вот и день прошёл, и с ним
 Все призраки, весь чад и дым
 Надежд, которые мне душу наполняли.
 Чего я ждал? что думал здесь найти?
 Где прелесть эта встреч? участие в ком живое?
 Крик! радость! обнялись! — Пустое.
 В повозке так-то на пути
 Необозримою равниной, сидя праздно,
 Всё что-то видно впереди
 Светло, синё, разнообразно;
 И едешь час, и два, день целый, вот резвó
 Домчались к отдыху; ночлег: куда ни взглянешь,
 Всё та же гладь, и степь, и пусто, и мертво...
 Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь.

Лакей возвращается.

Готово?

Лакей

Кучера-с нигде, вишь, не найдут.

Чацкий

Пошёл, ищи, не ночевать же тут.

Лакей опять уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Чацкий, Репетиллов (вбегают с крыльца, при самом входе падает со всех ног и поспешно оправляется).

Репетиллов

Тьфу! оплошал. — Ах, мой создатель!
 Дай протереть глаза; откуда? приятель!..
 Сердечный друг! Любезный друг! Mon cher!¹
 Вот фарсы мне как часто были петы,
 Что пустомеля я, что глуп, что суевер,
 Что у меня на всё предчувствия, приметы;
 Сейчас... растолковать прошу,
 Как будто знал, сюда спешу,

¹ Мой милый (фр.).

Хвать, об порог задел ногою,
 И растянулся во весь рост.
 Пожалуй смейся надо мною,
 Что Репетиллов врёт, что Репетиллов прост,
 А у меня к тебе влечение, род недуга,
 Любовь кака-то и страсть,
 Готов я душу прозакласть,
 Что в мире не найдёшь себе такого друга,
 Такого верного, ей-ей;
 Пускай лишусь жены, детей,
 Оставлен буду целым светом,
 Пускай умру на месте этом,
 И разразит меня Господь...

Чацкий

Да полно вздор молоть.

Репетиллов

Не любишь ты меня, естественное дело:
 С другими я и так и сяк,
 С тобою говорю несмело;
 Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак.

Чацкий

Вот странное уничижение!

Репетиллов

Ругай меня, я сам клянусь своё рождение,
 Когда подумаю, как время убивал!
 Скажи, который час?

Чацкий

Час ехать спать ложиться;
 Коли явился ты на бал,
 Так можешь воротиться.

Репетиллов

Что бал? братец, где мы всю ночь до бела дня,
 В приличьях скованы, не вырвемся из ига,
 Читал ли ты? есть книга...

Чацкий

А ты читал? задача для меня,
 Ты Репетиллов ли?

Репетиллов

Зови меня вандалом:

Я это имя заслужил.

Людьми пустыми дорожил!

Сам бредил целый век обедом или балом!

Об детях забывал! обманывал жену!

Играл! проигрывал! в опеку взят указом!¹

Танцовщицу держал! и не одну:

Трёх разом!

Пил мёртвую! не спал ночей по девяти!

Всё отвергал: законы! совесть! веру!

Чацкий

Послушай! ври, да знай же меру;

Есть от чего в отчаянье прийти.

Репетиллов

Поздравь меня, теперь с людьми я знаюсь

С умнейшими!! — всю ночь не рыщу напролёт.

Чацкий

Вот нынче например?

Репетиллов

Что ночь одна, не в счёт,

Зато спроси, где был?

Чацкий

И сам я догадаюсь.

Чай, в клубе?

Репетиллов

В Английском. Чтоб исповедь начать:

Из шумного я заседанья.

Пожало-ста молчи, я слово дал молчать;

У нас есть общество, и тайные собранья,

По четвергам. Секретнейший союз...

Чацкий

Ах! я, братец, боюсь.

Как? в клубе?

¹ В опеку взят указом — то есть над именем Репетилова по царскому указу была учреждена опека (надзор).

Репетиллов

Именно.

Чацкий

Вот меры чрезвычайны,
Чтоб взáшей прогнать и вас и ваши тайны.

Репетиллов

Напрасно страх тебя берёт:

Вслух, громко говорим, никто не разберёт.
Я сам, как схватятся о камерах, присяжных¹,
 О Бейроне, ну о матерьях важных.
Частенько слушаю, не разжимая губ;
Мне не под силу, брат, и чувствую, что глуп.
Ах! Alexandre! у нас тебя недоставало;
Послушай, миленький, потешь меня хоть мало;
Поедем-ка сейчас; мы, благо на ходу;
 С какими я тебя сведу
Людьми!! Уж на меня нисколько не похожи.
Что за́ люди, топ cher! Сок умной молодёжи!

Чацкий

Бог с ними, и с тобой. Куда я поскачу?
Зачем? в глухую ночь? Домой, я спать хочу.

Репетиллов

Э! брось! кто нынче спит? Ну полно, без прелюдий,
Решись, а мы!.. у нас... решительные люди,
 Горячих дюжина голов!
Кричим — подумаешь, что сотни голосов!..

Чацкий

Да из чего беснуетесь вы столько?

Репетиллов

Шумим, братец, шумим.

¹ О *камерах, присяжных* — камеры — палаты народных депутатов в конституционных государствах. О палатах депутатов, как и о введении в России суда присяжных, много говорили тогда в русском обществе, особенно в среде декабристов.

Чацкий
Шумите вы? и только?

Репетилов

Не место объяснять теперь и недосуг;
Но государственное дело:
Оно, вот видишь, не созрело,
Нельзя же вдруг.
Что за люди! mon cher! Без дальних я историй
Скажу тебе: во-первых, князь Григорий!!
Чудак единственный! нас со смеху морит!
Век с англичанами, вся английская складка,
И так же он сквозь зубы говорит,
И так же коротко обстрижен для порядка.
Ты не знаком? о! познакомься с ним.
Другой — Воркулов Евдоким;
Ты не слышал, как он поёт? о! диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
*«А! non лашьяр ми, но, но, но»*¹.
Ещё у нас два брата:
Левон и Боринька, чудесные ребята!
Об них не знаешь что сказать;
Но если гения прикажете назвать:
Удушьев Ипполит Маркелыч!!!
Ты сочинения его
Читал ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братец, да он не пишет ничего;
Вот эдаких людей бы сечь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать;
В журналах можешь ты, однако, отыскать
Его *отрывок, взгляд и нечто*.
Об чём бишь *нечто*? — обо всём;
Всё знает, мы его на чёрный день пасём.
Но голова у нас, какой в России пету,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист;

¹ «А! non лашьяр ми, но, но, но» («Ах! не оставь меня, пет, пет, пет») — популярная песенка из оперы итальянского композитора Галуппи (1706—1785) «Покинутая Дидона».

Да умный человек не может быть не плу́том.
 Когда ж об честности высокой говорит,
 Каким-то демоном внушаем:
 Глаза в крови, лицо горит,
 Сам плачет, и мы все рыдаем.
 Вот люди, есть ли им подобные? Навряд...
 Ну, между ими я, конечно, зауряд,
 Немножко поотстал, ленив, подумать ужас!
 Однако ж я, когда, умишком понатужась,
 Засяду, часу не сижу,
 И как-то невзначай, вдруг каламбур рожу,
 Другие у меня мысль эту же подцепят,
 И вшестером, глядь, водевильчик слепят,
 Другие шестеро на музыку кладут,
 Другие хлопают, когда его дают.
 Брат, смейся, а что любо — любо:
 Способностями бог меня не наградил,
 Дал сердце доброе, вот чем я людям мил,
 Совру — простят...

Лакей

(у подъезда)

Карета Скалозуба.

Репетиллов

Чья?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Скалозуб *(спускается с лестницы)*.

Репетиллов

(к нему навстречу)

Ах! Скалозуб, душа моя,
 Постой, куда же? сделай дружбу.

(Душит его в объятиях.)

Чацкий

Куда деваться мне от них!

(Входит в швейцарскую.)

Репетиллов

(Скалозубу)

Слух об тебе давно затих;

Сказали, что ты в полк отправился на службу.
Знакомы вы?

(Ищет Чацкого глазами.)

Упрямец! ускакал!

Нет нужды, я тебя нечаянно сыскал,
И просим-ка со мной, сейчас без отговорок:
У князь-Григория теперь народу тьма,
Увидишь человек нас сорок,
Фу! сколько, братец, там ума!
Всю ночь толкуют, не наскучат,
Во-первых, напоят шампанским на убой,
А во-вторых, таким вещам научат,
Каких, конечно, нам не выдумать с тобой.

Скалозуб

Избавь. Учёностью меня не обморочишь,
Скликай других, а если хочешь,
Я князь-Григорию и вам
Фельдфебеля в Волтеры дам,
Он в три шеренги вас построит,
А пикните, так мигом успокоит.

Репетиллов

Всё служба на уме! Mon cher, гляди сюда:
И я в чины бы лез, да неудачи встретил,
Как, может быть, никто и никогда;
По статской я служил, тогда
Барон фон-Клоц в министры метил,
А я —
К нему в зятя.
Шёл напрямик без дальней думы,
С его женой и с ним пускался в реверси¹,
Ему и ей какие суммы
Спустил, что боже упаси!
Он на Фонтанке жил, я возле дом построил,
С колоннами! огромный! сколько стоил!
Женился наконец на дочери его,
Приданого взял — шиш, по службе — ничего.
Тесть немец, а что проку? —
Боялся, видишь, он упрёку
За слабость будто бы к родне!

¹ *Реверси* — карточная игра.

Боялся, прах его возьми, да легче ль мне?
 Секретари его все хамы, все продажны,
 Людишки, пишущая тварь,
 Все вышли в знать, все нынче важны,
 Гляди-ка в адрес-календарь.
 Тьфу! служба и чины, кресты — души мытарства;
 Лахмотьев Алексей чудесно говорит,
 Что радикальные потребны тут лекарства,
 Желудок дольше не варит.

*(Останавливается, увидя, что Загорецкий заступил
 место Скалозуба, который покуда уехал.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Репетилов, Загорецкий.

Загорецкий

Извольте продолжать, вам искренно признаюсь,
 Такой же я, как вы, ужасный либерал!
 И от того, что прям и смело объясняюсь,
 Куда как много потерял!..

Репетилов

(с досадой)

Все врознь, не говоря ни слова;
 Чуть из виду один, гляди уж нет другого.
 Был Чацкий, вдруг исчез, потом и Скалозуб.

Загорецкий

Как думаете вы об Чацком?

Репетилов

Он не глуп,
 Сейчас столкнулись мы, тут всякие турусы,
 И дельный разговор зашёл про водевиль.
 Да! водевиль есть вещь, а прочее всё гиль.
 Мы с ним... у нас... одни и те же вкусы.

Загорецкий

А вы заметили, что он
 В уме сурьёзно повреждён?

Какая чепуха!
Репетиллов

Загорецкий
Об нём все этой веры.

Враньё.
Репетиллов

Загорецкий
Спросите всех.

Репетиллов
Химеры¹.

Загорецкий
А кстати, вот князь Пётр Ильич,
Княгиня и с княжнами.

Репетиллов
Дичь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Репетиллов, Загорецкий, Князь и Княгиня с шестью дочерьми; немного погода Хлёстова спускается с парадной лестницы, Молчалин ведёт её под руку. Лакеи в суетах.

Загорецкий
Княжны, пожалуйста, скажите ваше мнение,
Безумный Чацкий или нет?

1-я княжна
Какое ж в этом есть сомнение?

2-я княжна
Про это знает целый свет.

3-я княжна
Дрянские, Хворовы, Варляньские, Скачковы.

¹ *Химёры* — здесь: нелепые выдумки.

4 - я княжна
Ах! вести старые, кому они новы?

5 - я княжна
Кто сомневается?

Загорецкий
Да вот не верит...

6 - я княжна
(Репетилову)
Вы!

Все вместе
Мсьё Репетилов! Вы! Мсьё Репетилов! что вы!
Да как вы! Можно ль против всех!
Да почему вы? стыд и смех.

Репетилов
(затыкает себе уши)
Простите, я не знал, что это слишком гласно.

Княгиня
Ещё не гласно бы, с ним говорить опасно,
Давно бы запереть пора.
Послушать, так его мизинец
Умнее всех, и даже князь-Петра!
Я думаю, он просто якобинец,
Ваши Чацкий!!! Едемте. Князь, ты везти бы мог
Катишь или Зизи, мы сядем в шестиместной.

Хлёстова
(с лестницы)
Княгиня, карточный должок.

Княгиня
За мною, матушка.

Все
(друг другу)
Прощайте.

Княжеская фамилия уезжает и Загорецкий тоже.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Репетилов, Хлёстова, Молчалин.

Репетилов

Царь небесный!

Амфиса Ниловна! Ах! Чацкий! бедный! вот!
 Что наш высокий ум! и тысяча забот!
 Скажите, из чего на свете мы хлопочем!

Хлёстова

Так бог ему судил; а впрочем
 Полечат, вылечат, авось;
 А ты, мой батюшка, неисцелим, хоть брось.
 Изволил вовремя явиться! —
 Молчалин, вон чуланчик твой,
 Не нужны проводы; поди, господь с тобой.

Молчалин уходит к себе в комнату.

Прощайте, батюшка; пора перебеситься.
(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Репетилов со своим лакеем.

Репетилов

Куда теперь направить путь?
 А дело уж идёт к рассвету.
 Поди, сажай меня в карету,
 Вези куда-нибудь.
(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Последняя лампа гаснет.

Чацкий

(выходит из швейцарской)

Что это? слышал ли моими я ушами!
 Не смех, а явно злость. Какими чудесами?
 Через какое колдовство

Нелепость обо мне все в голос повторяют!
 И для иных как словно торжество,
 Другие будто сострадают...
 О! если б кто в людей проник:
 Что хуже в них? душа или язык?
 Чьё это сочиненье!
 Поверили глупцы, другим передают,
 Старухи вмиг тревогу бьют —
 И вот общественное мненье!
 И вот та родина... Нет, в нынешний приезд,
 Я вижу, что она мне скоро надоест.
 А Софья знает ли? — Конечно, рассказали,
 Она не то, чтобы мне именно во вред
 Потешилась, и правда или нет
 Ей всё равно, другой ли, я ли,
 Никем по совести она не дорожит.
 Но этот обморок? беспомыслие откуда??
 Нерв избалованность, причуда, —
 Возбудит малость их, и малость утишит, —
 Я признаком почёл живых страстей. — Ни крошки:
 Она конечно бы лишилась так же сил,
 Когда бы кто-нибудь ступил
 На хвост собачки или кошки.

София

(над лестницей во втором этаже, со свечкою)
 Молчалин, вы?

(Поспешно опять дверь припирает.)

Чацкий

Она! она сама!

Ах! голова горит, вся кровь моя в волненьи!
 Явилась! нет её! неужели в виденьи?
 Не впрямь ли я сошёл с ума?
 К необычайности я, точно, приготовлен;
 Но не виденье тут, свиданья час условлен.
 К чему обманывать себя мне самого?
 Звала Молчалина, вот комната его.

Лакей его

(с крыльца)

Каре...

Чацкий

Сс!..

(Выталкивает его вон.)

Буду здесь, и не смыкаю глаза,
Хоть до утра. Уж коли горе пить,
Так лучше сразу,
Чем медлить, а беды медленьем не избыть.
Дверь отворается.

(Прячется за колонну.)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Чацкий спрятап, Лиза со свечкой.

Лиза

Ах! мочи нет! робею:
В пустые сени! в ночь! боишься домовых,
Боишься и людей живых.
Мучительница-барышня, бог с нею.
И Чацкий, как бельмо в глазу;
Вишь, показался ей он где-то здесь, внизу.

(Осматривается.)

Да! как же! по сеням бродить ему охота!
Он, чай, давно уж за ворота,
Любовь на завтра поберёт,
Домой — и спать залёт.
Однако велено к сердечному толкнуться.

(Стучится к Молчалину.)

Послушайте-с. Извольте-ка проснуться.
Вас кличет барышня, вас барышня зовёт.
Да поскорей, чтоб не застали.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Чацкий за колонною, Лиза, Молчалин (потягивается и зевает).
София (крадётся сверху).

Лиза

Вы, сударь, камень, сударь, лёд.

Молчалин

Ах! Лизанька, ты от себя ли?

Лиза

От барышни-с.

«Горе от ума». Софья.
Художник Н. Кузьмин

Молчалин
Кто б отгадал,
Что в этих щёчках, в этих жилках
Любви ещё румянец не играл!
Охота быть тебе лишь только на посылках?

Лиза
А вам, искателям невест,
Не нежиться и не зевать бы;
Пригож и мил, кто не доест
И не доспит до свадьбы.

Молчалин
Какая свадьба? с кем?

Лиза
А с барышней?

Молчалин
Поди,
Надежды много впереди,
Без свадьбы время проволочим.

Лиза

Что вы, судáрь! да мы кого ж
Себе в мужья другого прочим?

Молчалин

Не знаю. А меня так разбирает дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павел Афанасьич раз
Когда-нибудь поймает нас,
Разгонит, проклянет!.. Да что? открыть ли душу?
Я в Софье Павловне не вижу ничего
Завидного. Дай бог ей век прожить богато,
Любила Чацкого когда-то,
Меня разлюбит, как его.

Мой ангельчик, желал бы вполовину
К ней то же чувствовать, что чувствую к тебе;
Да нет, как ни твержу себе,
Готовлюсь нежным быть, а свижусь — и простыну.

София

(в сторону)

Какие низости!

Чацкий

(за колонною)

Подлец!

Лиза

И вам не совестно?

Молчалин

Мне завещал отец:

Во-первых, угождать всем людям без изъятья —
Хозяину, где доведётся жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платья,
Швейцару, дворнику, для избежанья зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Лиза

Сказать, судáрь, у вас огромная опека!

Молчалин

И вот любовника я принимаю вид
В угодность дочери такого человека...

Л и з а
 Который кормит и поит,
 А иногда и чином подарит?
 Пойдёмте же, довольно толковали.

М о л ч а л и н
 Пойдём любовь делить плачевной нашей крали.
 Дай обниму тебя от сердца полноты.

Лиза не даётся.

Зачем она не ты!
(Хочет идти, София не пускает.)

С о ф и я
(почти шёпотом, вся сцена вполголоса)
 Нейдите далее, наслушалась я много,
 Ужасный человек! себя я, стен стыжусь.

М о л ч а л и н
 Как! Софья Павловна...

С о ф и я
 Ни слова, ради бога,
 Молчите, я на всё решусь.

М о л ч а л и н
(бросается на колена, София отталкивает его)
 Ах! вспомните! не гневайтесь, взгляните!..

С о ф и я
 Не помню ничего, не докучайте мне.
 Воспоминания! как острый нож оне.

М о л ч а л и н
(ползает у ног её)
 Помилуйте...

С о ф и я
 Не подличайте, встаньте,
 Ответа не хочу, я знаю ваш ответ,
 Солжёте...

М о л ч а л и н
 Сделайте мне милость...

София
Нет. Нет. Нет.

Молчалин
Шутил, и не сказал я ничего, окрѳме...

София
Отстаньте, говорю, сейчас,
Я криком разбужу всех в доме
И погублю себя и вас.

Молчалин встаѳт.

Я с этих пор вас будто не знавала.
Упрѳков, жалоб, слѳз моих
Не смейте ожидать, не стоите вы их;
Но чтобы в доме здесь заря вас не застала,
Чтоб никогда об вас я больше не слыхала.

Молчалин
Как вы прикажете.

София
Иначе расскажу
Всю правду батюшке с досады.
Вы знаете, что я собой не дорожу.
Подите. — Стойте, будьте рады,
Что при свиданиях со мной в ночной тиши
Держались более вы робости во нраве,
Чем даже днѳм, и при людѳх, и в яве,
В вас меньше дерзости, чем кривизны души.
Сама довольна тем, что ночью всё узнала,
Нет укоряющих свидетелей в глазах,
Как давиче, когда я в обморок упала,
Здесь Чацкий был...

Чацкий
(бросается между ими)
Он здесь, притворщица!

Лиза и София
Ах! Ах!..

Лиза свечку роняет с испугу;
Молчалин скрывается к себе в комнату.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же, кроме Молчалина.

Чацкий

Скорее в обморок, теперь оно в порядке,
 Важнее давишной причина есть тому,
 Вот наконец решение загадке!
 Вот я пожертвован кому!
 Не знаю, как в себе я бешенство умерил!
 Глядел, и видел, и не верил!
 А милый, для кого забыт
 И прежний друг, и женский страх и стыд, —
 За двери прячется, боится быть в ответе.
 Ах! как игру судьбы постичь?
 Людей с душой гонительница, бич! —
 Молчалины блаженствуют на свете!

София

(вся в слезах)

Не продолжайте, я виню себя кругом.
 Но кто бы думать мог, чтоб был он так коварен!

Лиза

Стук! шум! ах! боже мой! сюда бежит весь дом.
 Ваш батюшка, вот будет благодарен.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Чацкий, София, Лиза, Фамусов,
 толпа слуг со свечами.

Фамусов

Сюда! за мной! скорей!
 Свечей побольше, фонарей!
 Где домовые? Ба! знакомые всё лица!
 Дочь, Софья Павловна! страмница!
 Бесстыдница! где! с кем! Ни дать ни взять, она,
 Как мать её, покойница жена.
 Бывало, я с дражайшей половиной
 Чуть врознь — уж где-нибудь с мужчиной!
 Побойся бога, как? чем он тебя прельстил?
 Сама его безумным называла!

Нет! глупость на меня и слепота напала!
 Всё это заговор, и в заговоре был
 Он сам и гости все. За что я так наказан!..

Чацкий
 (Софии)

Так этим вымыслом я вам ещё обязан?

Фамусов

Брат, не финти, не дамся я в обман,
 Хоть подерётесь — не поверю.
 Ты, Филька, ты прямой чурбан,
 В швейцары произвёл ленивую тетерю,
 Не знает ни про что, не чует ничего.
 Где был? куда ты вышел?
 Сеней не запер для чего?
 И как не досмотрел? и как ты не дослышал?
 В работу вас, на поселенье вас¹:
 За грош продать меня готовы.
 Ты, быстроглазая, всё от твоих проказ;
 Вот он, Кузнецкий мост, наряды и обновы;
 Там выучилась ты любовников сводить,
 Постой же, я тебя исправлю:
 Изволь-ка в избу, марш за птицами ходить.
 Да и тебя, мой друг, я, дочка, не оставлю,
 Ещё дни два терпение возьми:
 Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми.
 Подалее от этих хватов,
 В деревню, к тётке, в глушь, в Саратов,
 Там будешь горе горевать,
 За пяльцами сидеть, за святцами зевать.
 А вас, сударь, прошу я толком
 Туда не жаловать ни прямо, ни просёлком;
 И ваша такова последняя черта,
 Что, чай, ко всякому дверь будет заперта:
 Я постараюсь, я, в набат я приударю,
 По городу всему наделаю хлопот
 И оглашу во весь народ:
 В Сенат подам, министрам, государю.

¹ В работу вас, на поселенье вас — дворовых крепостных часто отправляли в наказание на тяжёлые работы в поместья. Помещики также имели право ссылать своих крепостных без суда на поселение в Сибирь.

Чацкий

(после некоторого молчания)

Не образумлюсь... виноват,
И слушаю, не понимаю,
Как будто всё ещё мне объяснить хотят,
Растерян мыслями... чего-то ожидаю.

(С жаром.)

Слепец! я в ком искал награду всех трудов!
Спешил!.. летел! дрожал! вот счастье, думал, близко.
Пред кем я давиче так страстно и так низко

 Был расточитель нежных слов!

А вы! о боже мой! кого себе избрали?

Когда подумаю, кого вы предпочли!

 Зачем меня надеждой завлекли?

 Зачем мне прямо не сказали,

Что всё прошедшее вы обратили в смех?!

 Что память даже вам постыла

Тех чувств, в обоих нас движений сердца тех,

Которые во мне ни даль не охладила,

Ни развлечения, ни перемена мест.

Дышал, и ими жил, был занят непрерывно!

Сказали бы, что вам внезапный мой приезд,

Мой вид, мои слова, поступки — всё противно, —

Я с вами тотчас бы сношения пресек,

 И перед тем, как навсегда расстаться,

 Не стал бы очень добираться,

 Кто этот вам любезный человек?..

(Насмешливо.)

Вы помиритесь с ним по размышленьи зрелом.

 Себя крушить, и для чего!

Подумайте, всегда вы можете его

Беречь, и пеленать, и спосылать за делом.

Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей —

Высокий идеал московских всех мужей. —

Довольно!.. с вами я горжусь моим разрывом.

А вы, сударь отец, вы, страстные к чинам:

Желаю вам дремать в неведеньи счастливом,

Я сватаньем моим не угрожаю вам.

 Другой найдётся благодетельный,

 Низкопоклонник и делец,

 Достоинствами, наконец,

 Он будущему тестю равный.

 Так! отрезвился я сполна,

Мечтанья с глаз долой — и спала пелена;

Теперь не худо б было сряду
 На дочь и на отца,
 И на любовника-глупца,
 И на весь мир излить всю жёлчь и всю досаду.
 С кем был! Куда меня закинула судьба!
 Все гонят! все клянут! Мучителей толпа,
 В любви предателей, в вражде неутомимых,
 Рассказчиков неукротимых,
 Нескладных умников, лукавых простаков,
 Старух зловещих, стариков,
 Дряхлеющих над выдумками, вздором, —
 Безумным вы меня прославили всем хором.
 Вы правы: из огня тот выйдет невредим,
 Кто с вами день пробыть успеет,
 Подышит воздухом одним,
 И в нём рассудок уцелеет.
 Вон из Москвы! сюда я больше не ездук.
 Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
 Где оскорблённому есть чувству уголок!..
 Карету мне, карету!
 (Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Кроме Чацкого.

Фамусов

Ну что? не видишь ты, что он с ума сошёл?
 Скажи сурьёзно:
 Безумный! что он тут за чепуху молот!
 Низкопоклонник! тесть! и про Москву так грозно!
 А ты меня решилась уморить?
 Моя судьба ещё ли не плачевна?
 Ах! боже мой! что станет говорить
 Княгиня Марья Алексевна!

О комедии «Горе от ума»

Комедия «Горе от ума» была задумана Грибоедовым в 1818 или в 1820 году и закончена в 1824 году. Полностью при жизни автора она не была напечатана.

Комедия (*гр.* komodia; происходит от komos — праздник в честь Диониса и aoide — песня) — драматическое произведение, средствами сатиры и юмора высмеивающее пороки общества и человека.

Замысел комедии. С самого начала замысел произведения включал сочетание лёгкой светской комедии с комедией нравов и с водевилем. В некоторых списках тексту «Горя от ума» был предпослан эпиграф чисто водевильного свойства:

Судьба, проказница-шалунья,
Определила так сама:
Всем глупым — счастье от безумья,
Всем умным — горе от ума.

Выражение «горе от ума» пришло из водевиля, но лишилось того шаловливого оттенка, который оно несло там, и его смысл стал более серьёзным, более драматичным, не утратив афористической остроты и парадоксальности, особенно очевидной, если иметь в виду просветительский фон комедии (просветители обожествляли разум, а в комедии Грибоедова как раз ум становился причиной несчастий). Раннее название «Горе уму» подчёркивало, что основным «героем» комедии выступает просветительский разум, отвлечённый ум, его носителем, сценическим инструментом является Чацкий. В новом названии Грибоедов сменил акценты: теперь Чацкий выдвинулся главным героем, ум стал одним из его свойств, качеств, определивших содержание характера и личности. В окончательном названии не сохранилось нравоучительного оттенка, свойственного содержанию комедии нравов и просветительской драматургии. В чистом виде ни одна из бытовавших на русской сцене жанровых разновидностей комедии (ни лёгкая светская комедия, ни комедия нравов) не могла помочь драматургу. Для воссоздания общественного конфликта Грибоедову понадобилась традиция «высокой» комедии. Она была широко представлена во Франции комедиями классицизма, в частности Мольера. К его драматургии и обратился автор комедии «Горе от ума».

Сюжет и жанр. Грибоедовская комедия сразу напомнила читателям сюжет комедии Мольера «Мизантроп». В этом произведении герой — Альцест — был противопоставлен всему обществу, пороки которого вызывали у него презрение и негодование, и он обрушивал на них град насмешек и колкостей.

Сюжетную схему «Мизантропа» Грибоедов не повторял, но учитывал. Оба — и Альцест, и Чацкий — носят в душах идеал человека и человечества. Они любят людей и хотят, чтобы в мире царили свобода, ум, любовь, чтобы не было лжи и пошлости, лицемерия и угодничества, чтобы в людях укрепились понятия чести и личного достоинства. Различие между образом Альцеста и образом Чацкого проявилось в том, что Альцест видит идеальное общество в прошлом, Чацкий — в будущем. Поэтому, если Альцест постоянно мрачен, сердит, раздражён и желчен, не способен к шуткам, то Чацкий на протяжении почти всей комедии, за исключением последнего действия, демонстрирует душевное здоровье, бодрость, жизнелюбие. Он весел, насмешлив, остроумен. Альцест принимает современное ему общество за весь род людской, и его скептицизм адресован всему человечеству. Чацкий негодует против конкретного общественно-социального уклада и вовсе не мыслит себя врагом всего человечества.

Кроме комедийных жанров, в «Горе от ума» легко найти и другие. На комедию оказала влияние ода, высокий, торжественный или обличительный жанр лирической поэзии (монологи Чацкого и отчасти Фамусова — это своего рода оды, либо похвальные, либо сатирические; по своей обширности они близки монологам трагедий). Из «низких» жанров легко найти следы эпиграммы на явление или на лицо, пародии на балладу Жуковского (вымышленный сон, который Софья рассказывает Фамусову). Кроме того, в наброске о «Горе от ума» Грибоедов назвал своё сочинение «сценической поэмой» в духе романтических драм и драматических поэм конца XVIII — начала XIX века.

Ещё одна особенность «Горя от ума», присущая вообще русской комедии и европейской драматургии, — ориентация не только на сцену, но и на устное произнесение, на чтение.

Продолжая традиции «высокой» комедии, которая, по словам Пушкина, «нередко близко подходит к трагедии», наполняя её новым жизненным содержанием, Грибоедов удерживал связь с устойчивыми комедийными конфликтами, образами-масками, комедийными ситуациями. Среди таких постоянных сценических масок (амплуа) — служанка (субретка), первый любовник, ложный жених, легковёрный отец и др. Их роли отданы Лизе, Молчалину, Скалозубу, Фамусову. Однако драматург резко осложняет театральные амплуа. Например, типичная маска пустомели отдана Репетилову, но его пустословие «идейно»: в словах этого персонажа торжествует выхолощенная оппозиционность. На роль ложного жениха претендуют сразу три персонажа: Чацкий, Молчалин, Скалозуб. Роль Молчалина совмещена с ролью глупого любовника. А в Чацком можно увидеть сразу четыре амплуа — злого умника, говоруна, ложного жениха и героя-резонёра. Грибоедов блестяще соединил традиционные театральные маски с жи-

выми типами, с живыми чертами действующих лиц, чтобы не только создать новые комбинации амплуа, но и обосновать комедийные маски жизненным материалом. Житейское правдоподобие не должно было противоречить критериям художественной правды.

Целостное восприятие сюжета требовало соблюдения драматургических правил, дисциплины мысли, законов композиции, организации комедийного материала. Такие правила выработало искусство классицизма (единство места, времени и действия). Однако Грибоедов придавал им не формальный, а содержательный смысл. Так, единство действия, хотя и ослабленное, обусловлено непримиримым столкновением Чацкого с обществом и с его главными лицами (Фамусовым, Софьей, Молчалиным). Единство места нужно драматургу потому, что конфликт происходит в доме Фамусова, символизирующем всю аристократически-патриархальную Москву. Единство времени также получает своё оправдание: *три года* странствовал Чацкий, но мало изменился, оставшись прежним, благородным, увлечённым, задорным, несколько восторженным молодым человеком, несколько не повзрослевшим, волнуемым теми же надеждами и иллюзиями. *Один день* в доме Фамусова открыл ему такое знание о мире, о людях, которое до этого дня было ему недоступно. Он сразу повзрослел, возмужал, стал более трезвым и менее восторженным.

Традиция «высокой» комедии в «Горе от ума» понадобилась Грибоедову для построения интриги. Чацкий находится в резком противоречии с обществом. Например, если Фамусов и Молчалин понимают «ум» как практическую хитрость, как умение приспособиться, подольститься к власти имущим и добиться личного благополучия, то в представлении Чацкого «ум» связан с личной независимостью, свободой духа и чувства, с гражданским служением на пользу общества. Всё это свидетельствует о том, что автор стремился создать и создавал общественную комедию.

Однако общественная линия, составляющая сюжет, не сразу выступает наружу. Интрига завязывается любовью. Действие начинает развёртываться благодаря интимным отношениям героев. Постепенно обе линии — любовная и общественная — сливаются (в любви Софьи к Молчалину проступает не только личное предпочтение или каприз, но и обусловленность общественными причинами) и достигают кульминации. Кульминационный момент в «Горе от ума» — третье действие, сцена вечера у Фамусовых, где Софья пускает слух, будто Чацкий сошёл с ума. Отсюда обе линии идут вместе. В конце четвёртого действия интрига развязывается, обе линии разрешаются: Чацкий узнаёт правду о любви Софьи и о том, что он чужд обществу, которое не только не боится его критики, обличений и насмешек, но и само перешло в атаку, вытолкнуло героя из привычной ему по рождению и воспитанию среды и вынудило его бежать неведомо куда.

Тем самым Грибоедов намеренно ослабил единство действия, под которым понимается «строгая причинно-следственная связность событий и эпизодов». «Две комедии, — писал И. А. Гончаров в статье «Милльон терзаний», — как будто вложены одна в другую; одна, так сказать, частная, мелкая, домашняя... это интрига любви... Когда первая прерывается, в промежутке является неожиданно другая, и действие завязывается снова...»

Наряду с содержательным переосмыслением классицистической драматургии Грибоедов смело и решительно нарушил одно из условий комедии классицизма. Он написал пьесу вольными ямбами, разноstopными стихами (ямб у него то трёхstopный, то четырёхstopный, а то и пяти- или шестиstopный), какими обычно писались басни.

Конфликт и система персонажей комедии. *Конфликт* комедии состоит в том, что Чацкий, благородный молодой человек, ведущий свободную жизнь (он нигде не служит, хотя был офицером и состоял при неких министрах), независимый от старых нравственных догм, патриотически настроенный, неожиданно возвращается в Москву. Как и раньше, он влюблён в Софью, с которой вместе воспитывался в доме Фамусова и к которой сейчас, по возвращении, испытывает большое чувство, усиленное разлукой. По мере развития действия в Чацком растёт предчувствие «измены» Софьи и решимость узнать, кто же стал избранником барышни («Дождусь её, / И вынужу признанье: / Кто наконец ей мил? Молчалин! Скалозуб!»). «Ум» внушает Чацкому, что Софья не может любить человека с такой низкой душой, как Молчалин, а сердце сигнализирует герою, что у него есть соперники. Этот разлад ума и сердца ведёт к теме любовного помешательства, безумия от любви, теме, издавна бывшей пружиной комедии. Постепенно, однако, метафора «развеществляется», т. е. словам возвращается их первичный смысл. Начиная с третьего действия любовное сумасшествие превращается в настоящее: Софья пускает слух, будто Чацкий и в самом деле сошёл с ума, повредился рассудком. А потом речь снова заходит о возможном умопомрачении, только не от любви, а от московского воздуха, которым дышат персонажи и которым вынужден дышать герой:

Вы правы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним
И в нём рассудок уцелеет.

Тема безумия от любви, сначала игровая, лёгкая в словах Лизы, постепенно наполняется широким и глубоким содержанием и получает даже зловещий оттенок.

Конфликт (лат. *conflictus* — столкнувшийся) — острое столкновение противоположных мнений, мировоззрений и позиций действующих лиц в художественном произведении. Конфликт является основой художественной формы произведения, ядром развивающегося сюжета. Обычно конфликты условно разделяют на *внешние* и *внутренние*. Внешний конфликт появляется тогда, когда человеку противостоит либо природа, либо общество, либо герои и персонажи, которые держатся иных взглядов. Внутренний конфликт предполагает противоречие в душе человека. Например, Чацкий в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» находится в конфликте с обществом и с самим собой («ум с сердцем не в ладу»).

В соответствии с конфликтом строится и система персонажей. На одном полюсе — Чацкий, его незримые, но упоминаемые в комедии малочисленные единомышленники, в основном из Петербурга, на другом — фамусовская Москва. Сила Чацкого — в пылкости и свежести впечатлений, в независимости мысли, в нетерпимости, с какой он отстаивает свои убеждения, невзирая на лица и обстоятельства, которые могут ему повредить. Слабость — в той же нетерпимости, в той же пылкости, которые мешают ему обдумать поступки, трезво взглянуть и на себя, и на барскую Москву. Могущество Москвы — в сплочённости (несмотря на мелкие стычки и споры, несмотря на зависть и суету), в единообразии *уклада* и в единомыслии. Личность признаётся личностью постольку, поскольку она согласна со всеми. Московское общество приводит все мнения к одному, общему, допуская разногласия по мелочам.

Москва живёт родственными и дружескими связями. В старой столице торжествует круговая родственно-дружественная порука, а не дело. Фамусов и московское общество хотят законсервировать, заморозить старый уклад. Понятно, что такое желание утопично. Но его нельзя недооценивать. Неподвижность и косность могут быть удержаны только невежеством. Отсюда ясно, что главным врагом Фамусова и его гостей становится учение, просвещение («Ученье — вот чума, учёность — вот причина»). Чацкий недооценивает приспособляемость Москвы к изменяющимся условиям. Он уверен, что нынешних успехов разума и просвещения достаточно для полного обновления общества, которое, думает Чацкий, обречено безвозвратно исчезнуть. Послушав Фамусова и Молчалина, Чацкий решает, что «век нынешний» уже пересилил «век минувший» («Нет, нынче свет уж не таков...», «...нынче смех страшит и держит стыд в узде»). Однако Чацкий жестоко ошибается. Если в начале комедии он возвышается над обществом, то по мере развития действия его энтузиазм постепенно тает, и он всё больше чувствует зависимость от фамусовской Москвы, которая оплетает его вздорными слухами, непонятными отношениями,

пустыми разговорами, вздорными советами, сплетнями и всяческой суетой. Становится очевидно, что Чацкий — одиночка, бросающий вызов фамусовскому миру.

Чем возвышеннее и трагичнее обрисовывается Чацкий, тем более глупыми, нелепыми и пошлыми изображаются обстоятельства, в которые он попадает.

Грибоедов очень тонко и точно подметил, откуда фамусовское общество черпает пополнение. Кроме главного антагониста Фамусова, пародийного антагониста *Репетилова*, у Чацкого есть ещё один — *Молчалин*.

Человеческие качества Молчалина прямо согласуются с его жизненными правилами, которые он чётко формулирует: умеренность и аккуратность, зависимость от других, бессловесность и отказ от собственных мнений. В общении Молчалина с фамусовским кругом его речь становится вкрадчивой, сдержанной. Молчалин знает дистанцию и соблюдает предписанный слуге и служащему этикет.

Однако его молчаливость пропадает, когда он оказывается наедине с Лизой. Тут он красноречив, многословен, развязен, груб, фамильярен и беззастенчиво циничен.

В языке Молчалина угадываются два речевых потока: один — меццанско-чиновничий, свидетельствующий о низком происхождении и связанный с грубостью чувств, неразвитостью, примитивностью душевных свойств («Я в Софье Павловне не вижу ничего завидного», «Пойдём любовь делить / Плачевной нашей крали» и т. п.); другой — книжно-сентиментальный. Молчалин недаром усердно посещал Софью. Он усвоил от общения с ней сентиментально-книжный язык жестов и влюблённых поз, безмолвных вздохов, робких и долгих взглядов, взаимных нежных пожатий рук и такую же сентиментально-книжную, утончённую, чувственную речь, которая срачивается у Молчалина с меццанско-сусальным, приторно-сладким языком, изобилующим уменьшительно-ласкательными словами («Весёлое создание ты! Живое!», «Какое личико твоё!», «Подушечка, из бисера узор», «Игольничек и ножнички, как милы!» и т. п.).

Некоторые переключки образов и мотивов в словах Молчалина и Софьи намекают на то, что Молчалин легко усваивает искусственную книжную культуру и что уроки Софьи не пропали даром. Молчаливый платонический воздыхатель и влюблённая в него барышня становятся опасно нравственно близки (Молчалин — Лизе: «Сегодня болен я, обвязки не сниму; / Приди в обед, побудь со мною; / Я правду всю тебе открою»; Софья — Лизе: «Была у батюшки, там нету никого. / Сегодня я больна, и не пойду обедать, / Скажи Молчалину, и позови его, / Чтоб он пришёл меня проведать»). Это сближение Софьи и Молчалина знаменательно: в нём угадывается резко отрицательное отношение Грибоедова к сентиментализму, карамзинизму и новейше-

му романтизму. Особенно отчётливо осуждение сентиментализма проступает в образе Софьи.

Софья (по-гречески — мудрость) вовсе не глупа, и ей совсем не чужда новизна. Но новизна новизне рознь. Грибоедов, как и его герой Чацкий, — сторонник далеко не всякой новизны, а только такой, которая облагораживает нравы и сулит пользу обществу. Драматурга занимает вопрос, почему неглупая девушка, которая могла бы составить счастье Чацкого, став его настоящей подругой, изменяет своим ранним духовным и душевным потребностям (когда-то она разделяла взгляды Чацкого) и по собственной воле попадает в глупое, смешное положение. Грибоедов словно иронизирует над именем Софьи: какая тут мудрость, если в конце комедии героиня узнаёт, что она жестоко обманута и обманулась? Более даже обманулась, чем была обманута, потому что не Молчалин играет активную роль в романе Софьи, а она сама.

Французское влияние — мода, лавки Кузнецкого Моста, чтение французских книг — всё это стало потребностью Софьи. Невиданная смелость — приглашение Молчалина к себе в спальню ночью — навеяна именно романами, большей частью сентиментальными, романтическими балладами, чувствительными историями. Казалось бы, Софья не страшится чужого мнения. И в этом видна горячая, цельная натура, готовая отстаивать своё право на любовь. Однако для Грибоедова в непокорстве Софьи заключено чуждое русской девушке и женщине качество. Им более к лицу, согласно национальным нравам, кротость, послушание, а не вызов воле родителей. Ради ничтожного существа Софья отстаивает своё мнение и рада пожертвовать собой. Неглупая девушка неожиданно для себя оказывается в состоянии любовного «ослепления», любовного «помешательства».

Своеобразной пародией на любовь Софьи к Молчалину и на сюжет, придуманный Софьей, оказывается рассказанный ею «сон», очень похожий на сон из баллады Жуковского. Драматург даже повторяет, иронически переосмысливая, окончание баллады Жуковского «Светлана» (ср.: «В ней большие чудеса, / Очень мало складу» — «Где чудеса, там мало складу»). Смысл этого повтора ясен: Софья придумала себя, придумала Молчалина, и всё это вместе — результат любовного дурмана, причина которого — новомодные литературные поветрия и веяния. В финале комедии туман рассеивается, и выдуманный Софьей любовный сентиментальный роман терпит крах. Тут, словно в насмешку над героиней, сбывается её дурной балладный «сон»: отец грозит разлучить Софью с Молчалиным и удалить их в разные концы империи. Софье некого винить — она сама виновата в том, что впала в обман.

В лице Софьи Грибоедов раскритиковал сентиментализм, в лице Чацкого — просветительские и романтические мечтания, слишком

безмятежное приятие жизни. Как писатель, он изначально не принял романтизма. Но само течение жизни заставило Грибоедова переосмотреть свои взгляды. Не жаловавший романтиков, драматург финалом своей комедии вынужден признать, что романтический жест Чацкого, его бегство — следствие жизненных обстоятельств, которые, углубляя разочарование в обществе, перерастающее в непримиримый конфликт, выталкивают героя из среды. Стало быть, сама жизнь порождает романтизм и романтических скитальцев, подобных Чацкому. Герой становится романтическим изгнанником вследствие того, что его убеждения, чувства, весь образ существования не могут быть примирены со светским кругом, где его ожидает духовная гибель и где он не сможет сохранить своё лицо. Жизнь делает Чацкого вынужденным романтиком, превращая его в изгоя. Не случайно, что некоторые последующие произведения намечены Грибоедовым в духе романтизма.

Немалую роль в конфликте между «веком нынешним и веком минувшим», между Чацким и Фамусовым с его окружением играет система второстепенных и внесценических персонажей. Они дополняют картины российских нравов того времени, на почве которых этот конфликт достигает кульминации.

Второстепенные персонажи (Лиза, Хлёстова, чета Горичей, князь и княгиня Тугоуховские со своими шестью княжнами, графини Хрюмины, бабушка и внучка, Загорецкий, господа N. и D., Репетилов, безымянные слуги) выполняют разнообразные функции. Прежде всего благодаря им можно лучше представить образ жизни, мысли и нравственный уровень московского дворянства и его челяди. Вместе с тем на некоторых из них падает важная сюжетная роль: одни (рискующая своим положением Лиза, отчасти слабый духом «муж-слуга» Горич) сочувствуют и даже участвуют в интриге или, противостоя Чацкому, поддерживают и распускают слухи о его сумасшествии (Хлёстова, жена Горича, княгиня Тугоуховская, графиня-внучка Хрюмина, Загорецкий, доносчик, господа N. и D.). Другие (Репетилов) становятся поклонниками модных общественных идей, имитируют бурную, но пустопорожнюю деятельность, превращая её в говорильню и тем дискредитируя благие побуждения главного героя. Чацкий с раздражением и досадой видит в Репетилове пародию на себя и острее ощущает своё духовное одиночество. Одновременно все второстепенные персонажи в разной степени составляют бытовой портрет московского дворянства: Наталья Дмитриевна Горич держит в подчинении мужа, лишая его всякой самостоятельности, озлобленная графиня-внучка Хрюмина терпит неудачи в поисках жениха, рабски подражает французским модам, княгиня Тугоуховская никак не может выдать замуж своих дочерей. Большинство персонажей так или иначе хотят либо власти над окружающими, либо богатства.

Не менее впечатляющи и **внесценические персонажи**. Среди них встречаются те, которые олицетворяют минувший век с его нравами и которые служат вдохновляющими примерами для Фамусова, Скалозуба, Хлестовой. Это бывшие московские и, возможно, петербургские «тузы» — Максим Петрович, Кузьма Петрович. Их традиции чтут Фома Фомич, Татьяна Юрьевна, Ирина Власьевна, Лукерья Алексеевна, Пульхерия Андреевна, Прасковья Фёдоровна, княгиня Марья Алексеевна, перед их недостижимым авторитетом трепещет не только Молчалин, но и Фамусов.

Другие внесценические персонажи, напротив, немногочисленны. Они устраивают свою жизнь в духе Чацкого, склоняясь к новому образу жизни. Среди них — двоюродный брат Скалозуба и князь Фёдор, племянник княгини Тугоуховской. Один в деревенском уединении читает книги, другой увлекается науками.

Этим разделением Грибоедов ясно дал понять: московское общество обладает большой и влиятельной силой, а у Чацкого немного сторонников. Особая роль в этом отношении принадлежит «обществу» ничтожных «гениев», в котором подвизается Репетилов, — Ипполиту Маркелычу Удушьеву, Алексею Лахмотьеву, Евдокиму Воркулову, князю Григорию, Левону и Бориньке. Это поколение новейших болтунов, не способное ни к какому делу.

Остальные внесценические персонажи («ночной разбойник, дуэлист», «французик из Бордо», мать Чацкого Анна Алексеевна, княгиня Ласова, ищущая мужа, жена Фамусова, равнодушная к мужчинам, крепостник, скрытый за словами «Нестор негодаев знатных», вдова докторша, которая должна родить, Гильоме), как и второстепенные, характеризуют нравы или оттеняют фигуру Чацкого.

Критика о комедии. А. С. Пушкин о «Горе от ума». После публикации в «Русской Талии» критика, уже знакомая по спискам с комедией «Горе от ума», получила возможность широко обсудить комедию на страницах печати. Среди многочисленных откликов следует выделить отзыв А. С. Пушкина. Пушкин, по его собственному признанию, при чтении комедии «наслаждался» и особенной меткостью языка. В то же время он сделал ряд принципиальных замечаний, касавшихся нарушения правдоподобия характеров и немотивированности комедийной интриги. В письме к П. А. Вяземскому он писал: «...Во всей комедии ни плана, ни мысли главной, ни истины. Чацкий совсем не умный человек — но Грибоедов очень умён». В письме к А. А. Бестужеву Пушкин несколько смягчил свою оценку, но в отношении Чацкого остался твёрд: «В комедии „Горе от ума“ кто умное действующее лицо? ответ: Грибоедов». Пушкин воспринимал «Горе от ума» в русле европейской комедии об «умнике». Он усмотрел непоследовательность Грибоедова в том, что Чацкий замечает

глупость Репетилова, а сам оказывается в таком же странном и сомнительном положении: проповедует среди тех, кто понять его не может, и говорит тогда, когда его никто не слушает. Чем в таком случае он умнее Фамусова или Репетилова? Чацкий высказывает умные мысли. Откуда он их взял, если он не умён? Их сообщил ему Грибоедов. Следовательно, Чацкий — передатчик идей Грибоедова, герой-резонёр, доносящий до зрителей авторскую точку зрения¹. Как герой-резонёр, Чацкий получает возможность непосредственно обращаться к зрителям. Но тогда существенно ослабевает его связь с действующими лицами, которых он не замечает и не слышит. Получается, что, лишившись такого взаимодействия, герой и по этой причине попадает в комические, смешные положения.

Конечно, Пушкин хорошо понимал, что дискредитация Чацкого не входила в намерение Грибоедова, но невольно произошла потому, что Грибоедов не преодолел до конца правил драматургии классицизма. Так называемый реализм «Горя от ума» ещё очень условен, хотя в комедии сделан решительный шаг в реалистическом направлении, особенно в передаче нравов и характеров общества, в языке и стихе. Слабость воплощения замысла заключалась в том, что автор присутствовал в комедии, тогда как в подлинно реалистической драматургии он не должен обнаруживать себя. Авторская мысль обязана вытекать из взаимодействия персонажей.

И. А. Гончаров. «Мильон терзаний»

Критический этюд (в сокращении)

Комедия «Горе от ума» держится каким-то особняком в литературе. <...> Она, как столетний старик, около которого все, отжив по очереди свою пору, умирают и валятся, а он ходит, бодрый и свежий, между могилами старых и колыбелями новых людей. И никому в голову не приходит, что настанет когда-нибудь и его черёд. <...>

Главная роль, конечно, — роль Чацкого, без которого не было бы комедии, а была бы, пожалуй, картина нравов. <...>

¹ Чацкого связывают с Грибоедовым некоторые общие ощущения: автор «Горя от ума», так же как его герой, переживал драматический разлад между мечтательностью и скептицизмом; он говорил о себе, что чувствует себя гонимым человеком, которого не понимают окружающие, что мечтает о том, «где бы найти уголок для уединения». Вместе с тем Грибоедов сделал ощутимые попытки представить Чацкого самостоятельным лицом, а не рупором автора, наделив героя чертами, свойственными его знакомым. Однако в целом дистанция, разделяющая Грибоедова и Чацкого, невелика. Так, избавление от мечтательства и преодоление его — это душевный путь не только Чацкого, но и создателя его образа.

Можно было бы подумать, что Грибоедов, из отеческой любви к своему герою, польстил ему в заглавии, как будто предупредив читателя, что герой его умён, а все прочие около него не умны.

Но Чацкий не только умнее всех прочих лиц, но и положительно умён. Речь его кипит умом, остроумием. У него есть и сердце, и притом он безукоризненно честен. Словом, — это человек не только умный, но и развитой, с чувством, или, как рекомендует его горничная Лиза, он «чувствителен, и весел, и остёр!». Только личное его горе произошло не от одного ума, а более от других причин, где ум его играл страдательную роль. <...>

Чацкий, как видно... готовился серьёзно к деятельности. «Он славно пишет, переводит», говорит о нём Фамусов, и все твердят о его высоком уме. Он, конечно, путешествовал... учился, читал, принимался, как видно, за труд, был в сношениях с министрами и разошёлся — не трудно догадаться почему:

Служить бы рад, прислуживаться тошно, —

намекает он сам. <...>

Всякий шаг, почти всякое слово в пьесе тесно связаны с игрой чувства его к Софье, раздражённого какою-то ложью в её поступках, которую он и бьётся разгадать до самого конца. Весь ум его и все силы уходят в эту борьбу: она и послужила мотивом, поводом к раздражениям, к тому «миллиону терзаний», под влиянием которых он только и мог сыграть указанную ему Грибоедовым роль, роль гораздо большего, высшего значения, нежели неудачная любовь, словом, роль, для которой и родилась вся комедия. <...>

Он и в Москву, и к Фамусову приехал, очевидно, для Софьи и к одной Софье. До других ему дела нет: ему и теперь досадно, что он вместо неё нашёл одного Фамусова. «Как здесь бы ей не быть?» — задаётся он вопросом, припоминая прежнюю юношескую свою любовь, которую в нём «ни даль не охладила, ни развлечение, ни перемена мест», — и мучается её холодностью. <...>

Молчалин после сцены в сенях не может оставаться прежним Молчалиным. Маска сдёрнута, его узнали, и ему, как пойманному вору, надо прятаться в угол. <...>

В этом, до сих пор согласном, хоре иные голоса, ещё смелые вчера, смолкнут или раздадутся другие и «за» и «против». Битва только разгорелась. <...> Нужен был только взрыв, бой, и он завязался, упорный и горячий — в один день в одном доме, но последствия его, как мы выше сказали, отразились на всей Москве и России. Чацкий породил раскол, и если обманулся в своих личных целях, не нашёл «прелести встреч, живого участия», то брызнул сам на заглохшую почву живой водой — увезя с собой «миллион терзаний», этот терно-

вый венец Чацких — терзаний от всего: от «ума», а ещё более от «оскорблённого чувства». <...>

Роль и физиономия Чацких неизменна. Чацкий больше всего обличитель лжи и всего, что отжило, что заглушает новую жизнь, «жизнь свободную». <...>

Он очень положителен в своих требованиях и заявляет их в готовой форме, выработанной не им, а уже начатым веком. Он не гонит с юношеской запальчивостью со сцены всего, что уцелело, что, по законам разума и справедливости, как по естественным законам в природе физической, осталось доживать свой срок, что может и должно быть терпимо. Он требует места и свободы своему веку: просит дела, но не хочет прислуживаться и клеймит позором низкопоклонство и шутовство. Он требует «службы делу, а не лицам», не смешивает «веселья или дурачества с делом», как Молчалин, — он тяготится среди пустой, праздной толпы «мучителей, зловещих старух, вздорных стариков», отказываясь преклоняться перед их авторитетом дряхлости, чинолюбия и проч. Его возмущают безобразные проявления крепостного права, безумная роскошь и отвратительные нравы «разливанья в пирах и мотовстве» — явления умственной и нравственной слепоты и растления.

Его идеал «свободной жизни» определён: это — свобода от всех этих исчисленных цепей рабства, которыми оковано общество, а потом свобода — «вперить в науки ум, алчущий познаний», или беспрепятственно предаваться «искусствам творческим, высоким и прекрасным», — свобода «служить или не служить», «жить в деревне или путешествовать», не сльвя за то ни разбойником, ни зажигателем, — и ряд дальнейших очередных подобных шагов к свободе — от несвободы. <...>

Чацкий сломлен количеством старой силы, нанеся ей в свою очередь смертельный удар качеством силы свежей.

Он вечный обличитель лжи, запрятавшейся в поговорку: «Один в поле не воин». Нет, воин, если он Чацкий, и притом победитель, но передовой воин, застрельщик и — всегда жертва.

Ему оставалось уехать; но на сцену вторгается другая, живая, бойкая комедия, открывается разом несколько новых перспектив московской жизни, которые не только вытесняют из памяти зрителя интригу Чацкого, но и сам Чацкий как будто забывает о ней и мешается в толпу. Около него группируются и играют, каждый свою роль, новые лица. Это бал со всей московской обстановкой, с рядом живых сценических очерков, в которых каждая группа образует свою отдельную комедию, с полной обрисовкой характеров, успевших в нескольких словах разыграть в законченное действие. <...>

Но чаша переполнилась. Он выходит из задних комнат уже окончательно расстроенный и по старой дружбе в толпе опять идёт к Софье,

надеясь хоть на простое сочувствие. Он поверяет ей своё душевное состояние:

Мильон терзаний! —

говорит он.

Груди от дружеских тисков,
Ногам от шарканья, ушам от восклицаний,
А пуще голове от всяких пустяков!
Душа здесь у меня каким-то горем сжата! —

жалуется он ей, не подозревая, какой заговор созрел против него в неприятельском лагере. «Мильон терзаний» и «горе»! — вот что он пожал за всё, что успел посеять. До сих пор он был непобедим: ум его беспощадно поражал больные места врагов. Фамусов ничего не находит, как только зажать уши против его логики, и отстреливается общими местами старой морали. Молчалин смолкает, княжны, графини — пятятся прочь от него, обожжённые крапивою его смеха, и прежний друг его, Софья, которую одну он щадит, лукавит, скользит и наносит ему главный удар втихомолку, объявив его под рукой, вскользь, сумасшедшим.

Он чувствовал свою силу и говорил уверенно. Но борьба его истомила. Он очевидно ослабел от этого «миллиона терзаний», и расстройство обнаружилось в нём так заметно, что около него группируются все гости, как собирается толпа около всякого явления, выходящего из обыкновенного порядка вещей.

Он не только грустен, но и желчен, придирчив. Он, как раненый, собирает все силы, делает вызов толпе — и наносит удар всем, — но не хватило у него мощи против соединённого врага.

Он впадает в преувеличения, почти в нетрезвость речи, и подтверждает во мнении гостей распущенный Софьей слух о его сумасшествии. Слышится уже не острый, ядовитый сарказм, — в который вставлена верная, определённая идея, правда, — а какая-то горькая жалоба, как будто на личную обиду, на пустую или, по его же словам, «незначущую встречу с французиком из Бордо», которую он, в нормальном состоянии духа, едва ли бы заметил. <...>

Отделавшись от болтовни Репетилова и спрятавшись в швейцарскую в ожидании кареты, он подглядел свидание Софьи с Молчалиным и разыграл роль Отелло, не имея на то никаких прав. Он упрекает её, зачем она его «надеждой завлекла», зачем прямо не сказала, что прошлое забыто. Тут что ни слово — то неправда. Никакой надеждой она его не завлекала. Она только и делала, что уходила от него, едва говорила с ним, призналась в равнодушии, назвала какой-то старый детский роман и прятанье по углам ребячеством и даже намекнула, что «Бог её свёл с Молчалиным».

А он потому только, что

...так страстно и так низко
 Был расточитель нежных слов,

в ярости за собственное своё бесполезное унижение, за напущенный на себя добровольно самим собою обман, — казнит всех, а ей бросает жестокое и несправедливое слово.

С вами я горжусь моим разрывом, —

когда нечего было и разрывать! Наконец, просто доходит до брани, изливая желчь:

На дочь, и на отца,
 И на любовника-глупца,

и кипит бешенством на всех, «на мучителей, толпу предателей, нескладных умников, лукавых простаков, старух зловещих» и т. д. И уезжает из Москвы искать «уголок оскорблённому чувству», произнося всему беспощадный суд и приговор!

Если бы у него явилась одна здоровая минута, если бы не жёг его «милльон терзаний», он бы, конечно, сам сделал себе вопрос: «зачем и за что наделал я всю эту кутерьму?» И, конечно, не нашёл бы ответа.

За него отвечает Грибоедов, который неспроста кончил пьесу этой катастрофой. В ней, не только для Софьи, но и для Фамусова и всех его гостей, «ум» Чацкого, сверкавший, как луч света в целой пьесе, разразился в конце в тот гром, при котором крестятся, по пословице, мужики.

От грома первая перекрестилась Софья, остававшаяся до самого появления Чацкого, когда Молчалин уже ползал у ног её, всё тою же бессознательною Софьей Павловною, с тою же ложью, в какой её воспитал отец, в какой он прожил сам, весь его дом и весь круг. Ещё не опомнившись от стыда и ужаса, когда маска упала с Молчалина, она прежде всего радуется, что «ночью всё узнала, что нет укоряющих свидетелей в глазах!».

А нет свидетелей, следовательно, всё шито да крыто, можно забыть, выйти замуж, пожалуй, за Скалозуба. <...>

Это смесь хороших инстинктов с ложью, живого ума с отсутствием всякого намёка на идеи и убеждения, — путаница понятий, умственная и нравственная слепота — всё это не имеет в ней характера личных пороков, а является как общие черты её круга. В собственной, личной её физиономии прячется в тени что-то своё, горячее, нежное, даже мечтательное. Остальное принадлежит воспитанию. <...>

Но в Софье Павловне, спешим оговориться, т. е. в чувстве её к Молчалину, есть много искренности. <...> Софья удивляется хохоту

горничной при рассказе, как она с Молчалиным проводит всю ночь: «Ни слова вольного! — и так вся ночь проходит!», «Враг дерзости, всегда застенчивый, стыдливый!» Вот чем она восхищается в нём! Это смешно, но тут есть какая-то почти грация — и куда далеко до безнравственности. <...>

Вглядываясь глубже в характер и обстановку Софьи, видишь, что не безнравственность (но и не Бог, конечно) «свели её» с Молчалиным. Прежде всего, влечение покровительствовать любимому человеку, бедному, скромному, не смеющему поднять на неё глаз, — возвысить его до себя, до своего круга, дать ему семейные права. Без сомнения, ей в этом улыбалась роль властвовать над покорным созданием, сделать его счастье и иметь в нём вечного раба. Не вина, что из этого выходил будущий «муж-мальчик, муж-слуга — идеал московских мужей!». На другие идеалы негде было наткнуться в доме Фамусова.

Вообще к Софье Павловне трудно отнестись не симпатично: в ней есть сильные задатки недюжинной натуры, живого ума, страстности и женской мягкости. Она загублена в духоте, куда не проникал ни один луч света, ни одна струя свежего воздуха. Недаром любил её и Чацкий. После него она одна из всей этой толпы напрашивается на какое-то грустное чувство, и в душе читателя против неё нет того безучастного смеха, с каким он расстаётся с прочими лицами.

Ей, конечно, тяжелее всех, тяжелее даже Чацкого, и ей достаётся свой «милльон терзаний».

Чацкого роль — роль страдательная: она иначе и быть не может. Такова роль всех Чацких, хотя она в то же время и всегда победительная. Но они не знают о своей победе, они сеют только, а пожинают другие — и в этом их главное страдание, т. е. в безнадёжности успеха.

Размышляем о прочитанном

1. Расскажите о работе Грибоедова над комедией «Горе от ума». Какие источники текста комедии дошли до нас?
2. Каково ваше общее впечатление после прочтения комедии «Горе от ума»? Печальны или смешны для вас события пьесы? Почему комедия называется «Горе от ума»?
3. Опишите гостей Фамусова. В чём своеобразие каждого из них, что их сближает?
4. Как Чацкий в своих монологах обличает невежество, угодничество, низкопоклонство? Почему Софья решила отомстить Чацкому? Почему ей это удалось? Какова развязка комедии «Горе от ума»?

- 5.* Какой конфликт определяет столкновение Чацкого с обществом? Как отразился в комедии исторический конфликт эпохи? Кто из героев принадлежит к «веку минувшему», а кто — к «веку нынешнему»?
6. Прочитайте статью И. А. Гончарова «Милльон терзаний» (в сокращении) и составьте простой план начала статьи (до слов «...и родилась вся комедия»), определите главную мысль этого фрагмента.
7. Какие две линии составляют сюжет комедии «Горе от ума»?
8. Какой конфликт — личный или общественный — выступает основным и в каком действии, в какой сцене эти конфликты пересекаются? Какая роль отведена в конфликте Петербургу и Москве?
9. Как вы думаете, почему «общественная комедия» начинается с любовной интриги?
10. Какую роль играет тема «ума» в комедии?
- 11.* **Дискуссия.** Почему Пушкин считал, что Чацкий не умный человек? Каково ваше мнение? Попробуйте ответить на этот вопрос, рассматривая Чацкого как живое человеческое лицо и как героя комедии, в качестве художественного образа.

Училися читать выразительно

Прочитайте наизусть выбранный вами монолог и сделайте его краткий анализ.

Творческое задание

Подготовьте устную характеристику Чацкого, воссоздайте его биографию. В чём состоит «милльон терзаний» Чацкого? Кто же Чацкий — победитель или побеждённый?

Литература и другие виды искусства

1. Какие постановки «Горя от ума» и в каких театрах вы видели? Оцените их с точки зрения понимания авторского замысла.
2. Чем интересны иллюстрации к комедии? Какие из них кажутся вам наиболее близкими к характерам героев?

Развиваем дар слова

Известно, как много крылатых слов и выражений распространилось с появлением комедии «Горе от ума». Найдите их, подумайте, когда можно использовать их в обычной разговорной речи, когда и в связи с чем использовали их герои комедии А. С. Грибоедова, например: «Ей сна нет от французских книг, / А мне от русских больно спится», «У девушек сон утренний так тонок», «Минуй нас пуще всех печалей / И барский гнев, и барская любовь», «Нельзя ли для прогулок / Подальше выбрать закоулков?», «Обычай мой такой: / Подписано, так с плеч долой», «Ах! Если любит кто кого, / Зачем ума искать и ездить так далёко?», «Чуть свет — уж на ногах! И я у ваших ног», «Блажен, кто верует, тепло ему на свете».

Объясните крылатые выражения в комедии. Придумайте с ними предложения. Продолжите список крылатых выражений из текста комедии.

Проект

- 1. Работа в группе.** Подготовьте читательскую конференцию «Проблематика, герои и художественное новаторство комедии А. С. Грибоедова „Горе от ума“». Используйте при подготовке материалы учебника, книгу «Читаем, думаем, спорим... 9 класс» и ресурсы Интернета.
- 2.** Подготовьте заочную экскурсию «Грибоедов в Москве», используя материалы статьи учебника в разделе «Литературные места России» и книгу К. Стародуб «Литературная Москва» (М., 1997).

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. С. Грибоедов. «Горе от ума» (фрагменты)

- 1.** Каковы слова и тон речей Чацкого, адресованных персонажам, окружающим Софью? Что обличает Чацкий? Какие оттенки обличительных интонаций слышатся в голосе актёра (насмешка, ирония, сарказм...)?
- 2.** Как актёрам удаётся передать характер и общественную позицию героев в монологах и диалогах Чацкого и Фамусова?
- 3.** Какие из крылатых выражений, приведённых в учебнике в рубрике «Развиваем дар слова», можно использовать сегодня и какие из них прозвучали в актёрском чтении? Приведите примеры («Блажен, кто верует, тепло ему на свете!..» и др.).
- 4. Работа в группе.** Подготовьте чтение по ролям услышанных в актёрском исполнении сцен.

Александр Сергеевич ПУШКИН

(1799–1837)

Приступая к обозрению русской литературы, осиротевшей после гибели Пушкина, и возражая тем своим современникам, которые считали, что Пушкин велик лишь в сфере художества, искусства, замечательный русский критик Аполлон Григорьев в 1859 году писал:

«...Пушкин — наше всё: Пушкин — представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что остаётся нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим, с другими мирами».

«Вообще же, — подводил итог своим размышлениям критик, — не только в мире художественных, но и в мире всех общественных и нравственных наших сочувствий — Пушкин есть первый и полный представитель нашей физиономии».

Поэзия, драматургия, проза, критические статьи, заметки и письма — все виды литературы, к которым обращался Пушкин, несут на себе печать его гения. На все жанры распространяются и общие «законы» пушкинского творчества. Но в каждом жанре цельная и многообразная личность Пушкина отражена своими особенными сторонами.

Жизнь и творческий путь Пушкина начались в эпоху национального и европейского общественного подъёма:

Чему, чему свидетели мы были!
 Игралица таинственной игры,
 Метались смущённые народы;
 И высились и падали цари;
 И кровь людей то славы, то свободы,
 То гордости багрила алтари.

Пушкин вступил на литературное поприще в ту историческую пору, когда живы были классицисты, достиг расцвета сентиментализм, мо-

лодые романтики завоёвывали поклонников и реализм приносил первые плоды. На глазах у Пушкина уходила в прошлое русская культура XVIII века и рождалась новая, облик которой, как мы теперь знаем, сложился благодаря его гению. Юный Пушкин задорно посмеивался над классицистами-консерваторами, участвуя в споре о языке литературы на стороне своих друзей-карамзинистов, потешался над жеманностью и вычурностью слога сентименталистов. Но вместе с тем муза Пушкина, по словам Белинского, «была вскормлена и воспитана творениями предшествующих поэтов». Пушкин отдал дань уважения старой культуре и признал за ней достоинство самостоятельной ценности.

Мужание Пушкина как человека и поэта проходило под знаком «грозы двенадцатого года», резко изменившей течение истории. Испытав в Лицее и после Лицея влияние ранней декабристской идеологии, Пушкин в стихотворениях тех лет выразил настроения русского гражданского вольнолюбия. Он возложил надежду на «закон», регулирующий права монарха и народа («Вольность»), его увлекал манивший призрак свободы («К Чаадаеву»), он сочувствовал «падшим» («Деревня»).

Предметом поэзии Пушкина, писал ли он об исторических или современных событиях, проникал ли в глубины национального духа или предавался раздумьям о бытии других стран и народов, всегда была действительная жизнь. При этом характеры и конфликты, навеянные другой национальной культурой, Пушкин воспроизводил с той же достоверностью и свободой, как и образы, рождённые на родной почве. Проникаясь духом изображаемой эпохи, поэт стремился к тому, чтобы история и герои полно и ясно высказывали себя. Он не навязывал персонажам своего взгляда, но наделял их способностью думать, чувствовать, поступать и говорить так, как это свойственно образу их мысли («Прозерпина», «Подражания Корану», «Песни западных славян», «Наполеон» и др.).

Жизнь в лирике Пушкина увидена «сквозь магический кристалл» прекрасного и человеческого. Это не значит, что автор всегда писал только о прекрасных её сторонах или стремился искусственно украсить её. Мера прекрасного заключена для поэта в самой жизни как её неотъемлемое свойство. Он уверен, что в основу бытия положен разумно организованный и прекрасный в своей живой мощи миропорядок:

Но не хочу, о други, умирать;
 Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
 И ведаю, мне будут наслажденья
 Меж горестей, забот и треволненья:
 Порой опять гармонией упьюсь,
 Над вымыслом слезами обольюсь,
 И может быть — на мой закат печальный
 Блеснёт любовь улыбкою прощальной.

Содержание и слово пушкинской лирики несут в себе и пробуждают «чувства добрые», терпение, кроткую и ясную улыбку, милосердие («милость»), разумное и гармоническое сочетание общественных и частных устремлений. В лирике 1830-х годов, когда творческие силы поэта достигли высшего расцвета, круг переживаний Пушкина особенно разнообразен: сердечная тоска и светлое прозрение, боль одиночества и мысли о поэтическом призвании, наслаждение природой и нравственно-философские искания. Но в те же годы гениального художника и мыслителя опутывали сетью мелких интриг, мешавших свободно дышать и творить. Во многих стихотворениях Пушкина слышатся неутраченные скорбь и боль:

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне.

Собственная участь рисуется поэту в широкой панораме несправедливых общественных отношений, тяжких судеб народа и любого человека вообще. Печаль пронизывает лирику Пушкина последних лет:

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздаётся близ меня...

Перед поэтом, уже стоявшим на вершине человеческой и творческой зрелости, открылись возможности широких и глубоких обобщений. В его лирике последних лет заметно преобладали философские размышления, всё с большим постоянством звучали библейские, евангельские мотивы. Отличительной приметой пушкинского слова стала «нагая простота» лирического высказывания («На холмах Грузии лежит ночная мгла...», «Я вас любил: любовь ещё, быть может...»). Это изысканно-благородная простота, освобождённая от всего лишнего.

Мечтавший о единой национальной культуре и видевший трагическую разорванность культуры дворянской и культуры народной, Пушкин воплотил свою надежду на их слияние в создании единого национального литературного языка. Опираясь на разговорный стиль образованного общества, Пушкин соединил с ним книжную и народную речь, причём народный способ выражать мысль прямо, ясно, открыто сделал нормой национального литературного стиля.

Несмотря на усиление трагических обстоятельств, Пушкин не поддаётся унынию и находит опору оптимистическому мироощущению в истории, в «лелеющей душу гуманности», по словам В. Г. Белинского, видя в ней проявление общечеловеческого жизненного опыта:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастёшь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум...

Ощущение причастности к историческим судьбам России придаёт поэту огромные нравственные силы. Этически ценной и эстетически значительной он признаёт гуманность как будущий господствующий принцип отношений между людьми: гармония между человеком и природой внутри общества, в самом человеке покоится на его добрых чувствах, на способности к сердечности и милосердию («Пир Петра Первого», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»). Пушкин устремляется светлой, прозорливой мыслью в такие отдалённые времена, когда политика обретёт человечность или — что одно и то же — когда человечность станет основой политики и

...народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Когда мы читаем «Бориса Годунова», то перед нами как бы оживает средневековая Русь. Современники были поражены верностью тона и словесных красок в монологе Пимена. «Маленькие трагедии» переносят нас в другие страны Европы, и каждый раз мы изумляемся исторической зоркости художника.

Пушкину всегда свойственно доверие к жизни. В «Евгении Онегине» живая жизнь входила в роман, а роман писался как жизнь. В «Повестях Белкина» книжные ситуации зазвучали пародийно, а затем неожиданно наполнились серьёзным содержанием. Пушкинские герои в трудных испытаниях умеют хранить честь, благородство, любовь («Капитанская дочка»).

«Божественную» гармонию, благородную простоту и артистизм несёт сама личность поэта. В заветной лире, по словам Пушкина, отлилась его «душа». В ней, как сказал Гоголь, чувствуется прообраз прекрасного человека, который в будущем явится на Руси.

Творческое задание

Публичное выступление. Подготовьте рассказ об А. С. Пушкине или об одном из периодов его жизни и творчества, опираясь на следующие ключевые события в биографии поэта.

Осенние дожди. Пушкин. Художник В. Попков

Биография А. С. Пушкина

1799—1811 — Москва. Детство поэта.

1811—1817 — Петербург, Царское Село. Лицей.

1817—1820 — Петербург. «Вольность», «Деревня», «Руслан и Людмила» и др.

1820—1824 — южная ссылка. Романтические поэмы. «Цыганы».

1824—1826 — Михайловское. На пути к реализму. «К морю», «Я помню чудное мгновенье...», «Борис Годунов» и др.

1826—1830 — после ссылки, или середина жизни. «Арион», «Анчар», «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» и др.

1830—1837 — последние годы жизни:

1830 — Болдинская осень. «Бесы», «Барышня-крестьянка», «Маленькие трагедии», «Евгений Онегин» — VIII—IX главы, сказки.

1831—1833 — Петербург. Вторая Болдинская осень. «Осень», «Медный всадник» и др.

1834—1837 — лирические стихотворения, «Пиковая дама», «Капитанская дочка».

* * *

Подготовить рассказ о жизни и творчестве поэта вам помогут книги, воспоминания, монографические издания, сборники, например:

Ю. М. Лотман. Александр Сергеевич Пушкин. (Серия «Биография писателя»);

Б. С. Мейлах. Жизнь Александра Пушкина;

Е. А. Маймин. Пушкин. Жизнь и творчество;

Б. И. Бурсов. Судьба Пушкина;

Л. П. Гроссман. Пушкин. (Серия «Жизнь замечательных людей» — ЖЗЛ);

Ю. Н. Тынянов. Пушкин;

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников (в 2 т.);

А. С. Пушкин. Школьный энциклопедический словарь / Под ред. В. И. Коровина.

Лирика

Лирика Пушкина — величайшее достояние русской и мировой культуры. В лирике особенно ясно предстала перед читателем душа Пушкина («душа в заветной лире») — страстная, жизнелюбивая, открытая добру, любви и дружбе. С первых лицейских стихотворений — а оба приведённые ниже стихотворения «К Морфею» (1816) и «Разлука» (1817) написаны в лицейские годы, — Пушкин выдвинулся в число крупнейших поэтов России, чей талант сразу признали знатоки. В обоих стихотворениях ещё чувствуется ученичество, но Пушкин уже усвоил поэтические манеры Жуковского и Батюшкова. Он явно на стороне Карамзина и его реформы. Он избирает характерный жанр — элегию, темы которой — ускользящие, но сладкие мечты, разлука с другом-лицеистом. Но, как это часто свойственно Пушкину, лёгкая улыбка скрашивает печаль, а пожелание будущего счастья снимает горечь разлуки.

К Морфею

Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!
Сокрой от памяти унылой
Разлуки страшный приговор!
Пускай увижу милый взор,
Пускай услышу голос милый.
Когда ж умчится ночи мгла
И ты мои покинешь очи,
О, если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи!

Размышляем о прочитанном

1. О чём поэт просит бога сна Морфея?
2. Найдите выражения и обороты речи, которые свидетельствовали бы о принадлежности стихотворения к элегической школе Жуковского-Батюшкова.
3. Как вы понимаете слова: *морфей, отрада, лампада, благослови, сокрой, унылый, приговор, очи, душа?*
4. О чём сожалеет поэт? С кем предстоит разлука?
5. Каким мечтам он предаётся, чего желает и обещает своим друзьям?

* * *

Прочитайте стихотворение «Разлука» и ответьте на вопрос: можно ли сказать, что стихотворения «К Чаадаеву» (изученное вами в 8 классе) и «Разлука» написаны на одну тему? Что объединяет эти стихотворения? Чем они отличаются друг от друга?

* * *

Тéма (гр. *thema*) — круг жизненных явлений и событий, образующих жизненную основу произведения.

Разлука

В последний раз, в сени уединенья,
Моим стихам внимают наш пенат.

Лицейской жизни милый брат¹,
Делю с тобой последние мгновенья.
Прошли лета соединенья;
Разорван он, наш верный круг.

Прости! Хранимый небом,
Не разлучайся, милый друг,
С свободою и Фебом!

Узнай любовь, неведомую мне,
Любовь надежд, восторгов, упоенья:
И дни твои полётом сновиденья

Да пролетят в счастливой тишине!

Прости! Где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,

Святому братству верен я.

И пусть (услышит ли судьба мои молитвы?),
Пусть будут счастливы все, все твои друзья!

¹ Здесь имеется в виду В. К. Кюхельбекер.

Размышляем о прочитанном

1. Что означают и к какому литературному стилю (высокому, среднему, низкому) относятся слова и выражения: *в последний раз, в сени уединенья, внимает, наш пенат, последние мгновенья, лета соединенья* и др. Встречали ли вы эти слова и выражения в стихотворениях уже изученных вами поэтов? Назовите их.
2. О чём с сожалением вспоминает автор?
3. О чём просит поэт?

* * *

«**Погасло дневное светило...**» (1820). Сразу после окончания Лицея Пушкин окунулся в бурную светскую жизнь. Его окружали молодые свобододолюбцы Н. Тургенев, П. Чаадаев и др. В их кругу обсуждались идеи свободы, конституционной монархии, ограничения власти царя и даже освобождения крестьян. Пушкин проникся этими идеями, и в его творчестве возник ряд вольнолюбивых стихотворений. Некоторые из них не понравились правительству, императора Александра I убеждали, что Пушкин опасен, что он наводнил Россию возмутительными (т. е. призывающими к возмущению) стихами. Пушкин был сослан на юг и вместе с семьёй генерала Раевского прибыл сначала на Кавказ, а потом в Крым.

«Евгений Онегин». X глава.
Пушкин среди декабристов.
Художник Н. Кузьмин

Стихотворением «Погасло дневное светило...», написанным на корабле по пути из Феодосии в Гурзуф, открылся новый, романтический период в творчестве Пушкина. В произведении возникает господствующая во всей романтической лирике интонация элегического раздумья о жизни, о судьбе человека, о его надеждах и мечтах. В центре элегии — личность самого автора, вступающего в новую пору жизни. Стихотворение подводит итог размышлениям Пушкина о Петербурге, об «отеческих краях». Поэт не удовлетворён собой и своим окружением. Отсюда возникает контраст между «берегом отдалённым» и «брегами печальными», между прежним существованием и ожиданием полной свободы, сопоставляемой с грозной стихией океана. Душа поэта как бы роднится с океаном. Она тоже полна волнения, ей

тоже свойственны душевные бури... Как лейтмотив воспринимаются строки, полные надежд, ожиданий, предчувствий:

Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.

В элегии преобладают эмоционально-оценочные эпитеты, глаголы часто даны в повелительной форме («шуми, шуми...», «волнуйся...», «лети...», «неси...»). В стихотворении возникает образ романтического изгнанника, который порывает с прежними нравственными убеждениями и устремляется к новым берегам и впечатлениям, чарующим своей неизвестностью и загадочностью. Это устремление — свободно отдаться воле стихии — и составляет романтический пафос стихотворения.

* * *

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдалённый,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминая упоённый...
И чувствую: в очах родились слёзы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И всё, чем я страдал, и всё, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, носи меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к берегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья;

И вы, наперсницы порочных заблуждений,
 Которым без любви я жертвовал собой,
 Покоем, славою, свободой и душой,
 И вы забыты мной, изменницы младые,
 Подруги тайные моей весны златыя,
 И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
 Глубоких ран любви, ничто не излечило...
 Шуми, шуми, послушное ветрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

Размышляем о прочитанном

Объясните, почему стихотворение «Погасло дневное светило...» считается образцом романтической лирики Пушкина.

Творческое задание

Напишите небольшое эссе на тему «О чём думал лирический герой стихотворения „Погасло дневное светило...“, когда стоял на берегу моря?». Опишите пейзаж, который он видит. Какое у героя настроение? Что он вспоминает?

* * *

«Кто, волны, вас остановил...» (1823). Если в 1820 году, когда была написана элегия «Погасло дневное светило...», патриотические и либеральные движения в разных странах переживали подъём, то впоследствии они почти повсеместно терпят поражение. Эти события побуждают Пушкина к серьёзным раздумьям о причинах неудач. Он приходит к выводу, что течение истории не зависит ни от воли оппозиционеров, ни от желаний народов. Вольнодумцы оказались слишком самоуверенны и эгоистичны, они хотели насильственно привести народы к свободе, а народы ещё не готовы были стать свободными. Пушкин испытывает глубокое разочарование и в вольнодумцах, и в народах. Так возникает духовный кризис, разразившийся в 1823—1824 годах и нашедший выражение в стихотворениях «Кто, волны, вас остановил...», «Демон» (1823) и «Свободы сеятель пустынный...» (1823).

В стихотворении «Кто, волны, вас остановил...» поэт ещё в растерянности: вольная морская стихия, которую он только что славил и в которой видел проявление свободной стихии народных движений, неожиданно потеряла свою мощь. Поэт задаётся вопросом: кто виноват, кто сковал силы народа и остановил мятеж сторонников свободы? Он не знает ответа, но по-прежнему питает надежду на новый взрыв народного возмущения:

Взыграйте, ветры, взройте воды,
 Разрушьте гибельный оплот.
 Где ты, гроза — символ свободы?
 Промчись поверх невольных вод.

* * *

Кто, волны, вас остановил,
 Кто оковал ваш бег могучий,
 Кто в пруд безмолвный и дремучий
 Поток мятежный обратил?
 Чей жезл волшебный поразил
 Во мне надежду, скорбь и радость
 И душу бурную и младость
 Дремотой лени усыпил?
 Взыграйте, ветры, взройте воды,
 Разрушьте гибельный оплот.
 Где ты, гроза — символ свободы?
 Промчись поверх невольных вод.

Размышляем о прочитанном

1. Что было причиной написания этого стихотворения?
2. Почему свободная стихия внезапно превратилась в «невольные воды»?

* * *

«Свободы сеятель пустынный...» (1823). Вскоре Пушкин приходит к выводу, что движение народов за своё освобождение от ига иноземных захватчиков или от тирании и деспотизма пошло на убыль и уже не возвратится в ближайшее время ни по воле свободолюбцев, поднявших народы на битву с угнетателями, ни по воле самих народов. И причина лежит не в личной воле восставших и не во внешних обстоятельствах, а в историческом моменте и в готовности тех и других сил к восстаниям, мятежам и революциям, зависящим от исторического состояния общества. Пушкин всегда стремился дать себе разумное и точное объяснение причин тех или иных событий. Несмотря на то что поэт всей душой жаждал свободы, он признал, что в 1820-е годы её достижение невозможно. Раздумья Пушкина о причинах поражения национально-освободительных войн и восстаний были необычайно глубоки, о чём свидетельствует стихотворение «Свободы сеятель пустынный...».

Эпиграф к притче «Свободы сеятель пустынный...» взят из Евангелия от Луки. Эпиграф придаёт мысли Пушкина, выраженной в стихотворении, масштабность и свойства притчи: всеобщую и вневременную значимость. Сеятель свободы оказывается одиноким в пустыне

мира, не находя отзвука своим проповедям и призывам. Народы не внемлют ему и не идут за ним. Образ сеятеля трагичен, потому что он слишком рано пришёл в мир, и его слово, обращённое к народам, брошено на ветер. Но это не значит, будто оно лишено истины. Трагизм ситуации состоит в том, что слово правды пропадает втуне. Горько иронизируя над народами, Пушкин в то же время скорбит о них. Семена свободы не могут дать всходов, ибо они брошены сеятелем в «порабощённые бразды». Народы, пребывающие в рабстве, не просвещены, их мысли и чувства не пробуждены, усилия сеятеля остаются бессмысленными. Так рабство становится непреодолимым препятствием для достижения вольности. Значит, и народы, и их вожди находятся в трагической ситуации, от них не зависящей: народы, будучи порабощёнными, способны только на стихийный и кратковременный мятеж, потому что они не понимают замыслов вождей; вожди, в свою очередь, произносят речи, смысл которых для народов остаётся тайной за семью печатями. Пушкин пришёл к заключению, что в современных исторических условиях перемены правления в духе либерализма невозможны. Сначала необходимо просветить народы.

* * *

Изыде сеятель сеяти семена своя.

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощённые бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

Размышляем о прочитанном

1. Объясните смысл эпиграфа.
2. Что хотел сказать поэт строкой: «Я вышел рано, до звезды...»? О каком «сеятеле» и какой «звезде» идёт речь?
3. Как выразил Пушкин отношение к мирным народам?
4. Как вы понимаете стихотворение «Свободы сеятель пустынный...» в свете духовного кризиса Пушкина 1823 года?

«К морю» (1824). Итог исторических размышлений Пушкина на юге имел далеко идущие последствия. Поэт изменил многие свои взгляды и стал более исторично и более реально смотреть на мир.

Символом пушкинской романтической свободы была морская стихия, мощная, неудержимая и ничему не подвластная. Первое стихотворение, написанное на юге, — «Погасло дневное светило...», в котором море столь же своенравно, сколь стихийно и свободно. С него началась романтическая южная лирика в творчестве Пушкина. Но там же, на юге, оказалось, что воды моря могут быть «невольными водами».

Одним из первых лирических произведений, написанных в Михайловском, было стихотворение «К морю». Пушкин прощался в нём с югом, морем, романтизмом, подводил итог южному периоду своего творчества. И это море было уже другим. Оно для Пушкина по-прежнему символ свободы, символ безбрежной, вольной стихии, родственной его духу. Образ моря, созданный Пушкиным, прекрасен и величествен. Море полно скрытой силы — оно подчиняется только своему закону («своенравные порывы»), только своей прихоти. Оно может быть ласковым и губительным, шум его — «грустным» и «призывным». Стихия не терпит никакого внешнего принуждения. В этом она сродни вольному духу человека («Моей души предел желанный!»). Такое восприятие моря, человеческой души романтично. Свободная воля может быть сдержана сильной страстью («Могучей страстью очарован, / У берегов остался я...»). Свойства человеческой личности непосредственно связываются с качествами «свободной стихии». Человеку тоже присущи «гордая краса» и «своенравные порывы», мощь мысли и чувства. Таковы великие исторические личности: Наполеон и английский поэт-романтик Байрон.

И всё-таки общие природные законы, по которым живёт и море, не всегда несут только благо. И море, несмотря на свою мощь, не всесильно, оно не может повлиять на судьбы людей: «Судьба людей повсюду та же...» И Пушкин не знает, какой стороной обернётся море к нему — доброй или злой. В послании к своему другу князю Вяземскому, восторженно прославлявшему море, Пушкин совсем не в шутку его упрекал:

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.

Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.

Море в чём-то родственно человеку, а в чём-то — враждебно. Море теперь воспринимается не однозначно, а объёмно. Личность поэта вступает с морем в сложные отношения. Пустынная стихия моря противостоит другой пустыне — земному миру, в котором нет ничего родственного гордому и одинокому поэту, наделённому свободной волей. И море может оказаться на стороне земного мира. Но его лучшие качества, его красоту, его призывы поэт благодарно помнит. Вместе с тем он более сдержан в выражении восторгов, чем в первом южном стихотворении.

К морю

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по берегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиранный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно среди зыбей:
Но ты взыграл, неодолимый, —
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег.

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я.

О чём жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шумы, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нём означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещенье иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

Размышляем о прочитанном

1. Каков пафос стихотворения?
2. Почему для выражения этого пафоса поэт обращается к изображению моря?
3. Сравните стихотворения «К морю» и «Погасло дневное светило...».

Развиваем дар слова

Объясните значение слов и словосочетаний, тропов: *блещешь красой, ропот заунывный, шум призывный, предел желанный, заветным умыслом томим, своенравные порывы, смиренный парус, твоею прихотью хранимый, скользит отважно, рвалась душа моя, путь беспечный устремил, воспоминанья величавы, неукротим, торжественная краса.*

Какие из них уместно было бы использовать в современной речи, в каких случаях?

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. С. Пушкин. «К морю»

1. Стихотворение «К морю», завершающее период южной ссылки Пушкина, посвящено одному из самых сильных впечатлений поэта — поездке в Крым, посещению Черноморского побережья. Как средствами художественного чтения актёр передаёт ритм и звучание морского прибоя?
2. Как ритмический строй речи, повышение и понижение голоса актёра помогают ему передать настроение поэта? Какие чувства поэта передаёт актёр в воспоминаниях о Наполеоне? Как музыка усиливает интонации актёрского чтения?

* * *

Большие изменения произошли во взглядах Пушкина и на другую стихию — стихию поэтического творчества. Когда Пушкин писал стихотворение «К морю», он был уже в Михайловской ссылке. Там не было той роскошной пышности природы, которой он был очарован на юге. В Михайловском Пушкин всё более и более постигал ценность простоты. Между тем в обществе и литературе обыкновенное считалось чем-то недостойным. Подлинной значимостью обладало поведение в духе романтических героев. В Михайловском же — природа,

быт, образ жизни, одиночество, чтение, творчество — всё взывало к простоте и безыскусственности. Пушкин уверовал в то, что поэт — «просто человек». Он открывает поэзию в обыденном, повседневном, а не только в исключительном. И наоборот: в необыкновенном он всё чаще замечает «прозу». Романтические чувства и поступки теперь предстают театральными, выпренными, лишёнными истины и поэзии. Ценности меняются местами. Так происходит в жизни, к тому же идеалу простоты движется творчество поэта.

Примером может служить стихотворение «Разговор книгопродавца с поэтом», написанное в Михайловском. Поэт представляет романтическую точку зрения, книгопродавец — житейскую, реальную.

«Подражания Корану» (1824). Один из непреходящих признаков пробуждения души — творческое вдохновение. Пушкин испытал его в Михайловском в полной мере. Духовно-творческий подъём он запечатлел также в цикле «Подражания Корану».

Этот цикл состоит из девяти стихотворений. Опираясь на русский перевод М. Верёвкина, Пушкин свободно переложил фрагменты сур (глав) Корана. Если в Коране, как отметил Пушкин, Аллах везде говорит от своего лица, то в пушкинских подражаниях речь отдана и Аллаху (I, II, VII), и Магомету (V, VI). Некоторые фрагменты (IV, V) строятся как косвенный монолог, другие (III) — как внутренний монолог или представляют собой притчу о могуществе Всевышнего (IX). Отдельные мотивы Пушкин ввёл самостоятельно (упоминания о «гоненье» и «власти языка» отсутствуют в Коране). Новаторство поэта заключалось в том, что он стремился воспроизвести Коран «изнутри», с точки зрения человека Востока и мусульманина, а не европейца. В целом в «Подражаниях Корану» запечатлелось свойственное Пушкину в Михайловском светлое состояние духа. Особенно характерно в этом отношении последнее (IX) стихотворение цикла, которое с противоположным смыслом и с иной интонацией было использовано Лермонтовым в балладе «Три пальмы».

В IX стихотворении («И путник усталый на Бога роптал...») тема всемогущества Бога решена как чудо преображения и как полное приятие Божьего мира.

Пушкин переложил притчу в духе мирозерцания восточного человека и в соответствии с реалиями его жизни. Но нет сомнения, что он имел в виду также и себя, преображение собственной души. Оно выразилось в ликующих стихах последних строф и передано как чудо, как свершившееся обновление, как игра молодых сил, готовых к творческим подвигам («Святые восторги наполнили грудь...»), как полное приятие бытия. С искренней верой и надеждой он пускался в новый путь.

Подражания Корану

IX

И путник усталый на Бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноем и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он вокруг,
И кладязь под пальмою видит он вдруг.

И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы,
И лёг, и заснул он близ верной ослицы —
И многие годы над ним протекли
По воле Владыки небес и земли.

Настал пробужденья для путника час;
Встаёт он и слышит неведомый глас:
«Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?»
И он отвечает: уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера;
С утра я глубоко проспал до утра.

Но голос: «О путник, ты долее спал;
Взгляни: лёг ты молод, а старцем восстал;
Уж пальма истлела, а кладязь холодный
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесённый песками степей;
И кости белеют ослицы твоей».

И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладязь наполнен прохладой и мглой.

И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рёв издают;
И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с Богом он дале пускается в путь.

Размышляем о прочитанном

1. Что привлекло Пушкина в притче из Корана?
2. Передал ли Пушкиным восточный колорит и мироощущение человека Востока или о Востоке пишет европеец?
3. Какие словесные краски использовал Пушкин?

* * *

В суждениях о жизни у Пушкина в период его ссылки в Михайловское сохраняются два разных взгляда на мир: один — романтический, условно-книжный, который отразится в поэзии и будет иногда сопровождаться лёгкой иронической насмешкой; другой — предельно прозаический, чуждый идеальности.

Например, А. П. Керн поэт называет в стихах «гений чистой красоты». Литературная условность этого образа несомненна: он взят из стихотворений Жуковского «Лалла Рук» («Ах! не с нами обитает / Гений чистой красоты...») и «Я Музу юную, бывало...» («О Гений чистой красоты!»). В жизни он отзывается о ней иначе. Но в обоих случаях он искренен и правдив.

В Михайловском поэт укрепился во мнении, что нет истины, величия, красоты там, где нет простоты. Поэзия заключена не столько в исключительном и необычном, сколько в обыденном, обыкновенном. Это предопределило бытовое поведение и последующее творчество Пушкина.

Лирика Пушкина в Михайловском приобретает новые черты. Стиль становится проще по сравнению с лицейской, петербургской лирикой, поэзией южного периода, в нём меньше картинных сравнений и смелых метафор. Это произошло потому, что в Михайловском Пушкин по-новому увидел жизнь — в её «нагой простоте», в неброском, совсем неярком облике. Вместо пышного юга и мощи морской стихии перед ним открылись равнины и холмы, чистые и тихие реки среднерусского пейзажа, а зимой — бесконечные снега. Вокруг — безлюдье, только в Тригорском сквозь окна виден свет свечей, как и у него, в небольшом барском доме. Но именно красота тихой, не бросающейся в глаза, благородной и умиротворённой, спокойной простоты влечёт поэта. Лирика его становится всё более глубокой и гармоничной. В каждой строке запечатлелась душа Пушкина.

В стихотворениях выразился один из важных содержательных и структурно-композиционных принципов лирики Пушкина: освобождение души от сомнений, колебаний, от тягостных настроений означает её преображение и часто совмещается с приходом вдохновения и вспышкой любовного чувства. Примером может служить мадригал (стихотворение, обычно послание к женщине, содержащее лестное,

комплиментарное обращение к ней) «К***» («Я помню чудное мгновенье...», 1825). Он даёт возможность понять очень важные черты Пушкина-художника.

Жизнь вне гармонии, без красоты, без любви, без творчества бедна, однообразна и тускла. В эти тяжкие минуты мир для поэта сужен, лишён звуков и красок. Но вот он встречается с прекрасным, с женщиной необыкновенной красоты, и в нём совершается чудо духовного преображения: исчезают «томленья грусти безнадежной», «тревоги шумной суеты». Душа открывается миру, готовая ему внимать, отвечать поэтическим словом. Мир беспредельно расширяется, поэт вбирает его впечатления, обретает гармонию с ним. Приобщение к бытию происходит чудесным, необъяснимым образом благодаря прекрасному мгновению. Оно возможно вследствие того, что образ гармонии хранится в душе поэта и вызывается силой воспоминания, принимая облик прекрасной женщины. Духовное развитие проходит несколько стадий — от чистого, светлого состояния души к душевным тревогам и мраку, когда гармоническое равновесие с миром и внутреннее спокойствие нарушено, исчезло, затем к возрождению души, которое мыслится как возвращение к изначальной гармонии. Признак гармонии — свобода душевных сил, способных творить совершенные произведения. Гармония у Пушкина непременно сочетается с красотой. Это стихотворение посвящено не только любви и красоте, но и духовному преображению, поэтическому вдохновению и возрождению поэта.

По канве собственной биографии Пушкин вышивает поэтический узор земного и божественного преображения души, возрождения человека и поэта к жизни, приобщения его к божеству, к земной и небесной красоте, к творчеству, любви, к радостному приятию мира и к наслаждению богатством бытия и духовным богатством личности. От света через преодоленный мрак к свету — такова содержательная композиция послания.

К***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,

И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слёз, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.

Размышляем о прочитанном

1. Передайте последовательность воспоминаний поэта о встречах с А. П. Керн.
2. Какую роль эта последовательность играет в стихотворении?
3. Как вы думаете, о чём это стихотворение?

Опыт литературоведческого исследования

Подготовьте небольшое сообщение об истории любви Пушкина и адресата стихотворения «Я помню чудное мгновенье...». Посвящал ли Пушкин ещё какие-либо стихотворения этой женщине?

* * *

«Пророк» (1826). Преображение, подобное случившемуся в притче, но несколько в другом — жизненно-творческом — смысле (преображение человека в пророка, наделяемого сверхчувствами и сверхзнанием для исполнения предназначенной судьбы) стало темой стихотворения «Пророк», программного произведения Пушкина, завершившего период Михайловской ссылки и открывшего новую пору его жизни и творчества.

Стихотворение было написано в сентябре 1826 года, после того, как поэт получил известие о казни пяти декабристов, последовавшей 13 июля, и перед самым окончанием ссылки в Михайловское.

Открывавшиеся, но ещё неясные жизненные и творческие перспективы во всей остроте ставили перед Пушкиным-человеком и перед

Пушкиным-поэтом новые задачи. Главные из них — не поступиться личной независимостью, сохранить свободу вдохновения, высокое призвание поэта — возвещать истину и пробуждать совесть в сердцах людей.

В стихотворении отразилось возрождение поэта, сознание полноты и зрелости духовных сил. Стихотворение связано с традициями гражданских и философских од Ломоносова и Державина, с произведениями декабристов о поэте-пророке. Поэтическая речь Пушкина выдержана в суровом, сдержанном, возвышенно-ораторском тоне. Несмотря на архаический образ пророка, стихотворение обращено не в глубь веков, а в пушкинскую современность.

В момент творческого вдохновения, исполнения пророческой миссии всё суетное, мелкое, приземлённое и прозаичное должно исчезнуть, умереть, стать прахом. Трудный процесс превращения простого смертного в грозного глашатая истины запечатлён в стихотворении. Через мучение, через страдание человек преображается в Пророка:

Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Образ пророка у Пушкина соответствует образу, запечатлённому в Библии. Устами человека-пророка говорит Бог, который повелел ему возглашать истину. И он не может сойти с пути, предначертанного Богом. Он избран. У него отнят грешный язык, который не может осквернять Божественную истину. Только чистыми устами дозволено возвещать правду. Высокая миссия-поручение, полученная от Бога, преображает человека и делает его пророком. Теперь он не принадлежит себе, а исполняет волю Бога. Это роднит древнего пророка и современного поэта. Ему дан дар слова, глагола, следовательно, он тоже избран, чтобы люди через него услышали Высшую Волю. Пушкин ощущал себя таким поэтом. Его служение поэзии родственно служению пророка. Впоследствии он скажет: «Веленью Божию, о муза, будь послушна». Создавая близкий историческому прошлому образ ветхозаветного пророка, Пушкин соотносил с ним себя как поэта современности.

Пророк

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.

Перстами лёгкими как сон
 Моих зениц¹ коснулся он.
 Отверзлись вещие зеницы,
 Как у испуганной орлицы.
 Моих ушей коснулся он, —
 И их наполнил шум и звон:
 И внял я неба содроганье,
 И горний ангелов полёт,
 И гад морских подводный ход,
 И дольней лозы прозябанье.
 И он к устам моим приник,
 И вырвал грешный мой язык,
 И празднословный и лукавый,
 И жало мудрыя змеи
 В уста замершие мои
 Вложил десницею² кровавой.
 И он мне грудь рассек мечом,
 И сердце трепетное вынул,
 И угль, пылающий огнём,
 Во грудь отверстую водвинул.
 Как труп в пустыне я лежал,
 И Бога глас ко мне воззвал:
 «Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
 Исполнись волею моею,
 И, обходя моря и земли,
 Глаголом жги сердца людей».

Размышляем о прочитанном

1. Обратите внимание на то, как начинается и как завершается стихотворение «Пророк». Объясните, почему «Пророк» — программное произведение поэта, и покажите на примерах из текста, что идеи и мотивы «Пророка» не исчезают из его произведений и впоследствии. Дайте развёрнутую характеристику стиля стихотворения.
2. Какой стиль преобладает в стихотворении? Как вы думаете, почему Пушкин избрал именно этот стиль?
3. Какие художественные средства помогли Пушкину воссоздать образ пророка?
4. Как вы понимаете наказ Всевышнего поэту: «Глаголом жги сердца людей»?

¹ *Зеницы* — глаза, очи.

² *Десница* — правая рука.

Развиваем дар слова

Объясните слова и словосочетания: *духовной жаждою томим, влачился, на перепутье, перстами лёгкими, отверзлись зеницы, неба содроганье, дольней лозы прозябанье, десницею кровавой, язык празднословный, во грудь отверстую, глаголом жги сердца людей.*

Подберите синонимы. Обоснуйте точность выбора данных слов и словосочетаний поэтом.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. С. Пушкин. «Пророк»

1. «Пророк» — программное произведение в творчестве Пушкина. Стихотворение связано с библейскими текстами пророков и традиционными философскими одами Ломоносова и Державина. Поэтическая речь выдержана в возвышенно-ораторском тоне. Как это проявляется в чтении актёра?
2. Как передаст в актёрском чтении процесс превращения простого смертного в грозного глашатая истины? Как звучит голос, приказывающий «глаголом жечь сердца людей»?
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения наизусть, сохранив суровую торжественность и величавость звучания стиха.

* * *

В своих предчувствиях Пушкин оказался прав. В сентябре внезапно прибыл курьер и передал поэту приказ немедленно явиться в Псков. Губернатор отправил Пушкина в Москву, где короновался на царство Николай I.

8 сентября 1826 года Пушкин вошёл в кабинет царя в Чудовом монастыре. Беседа продолжалась довольно долго, около двух часов. Известно о ней немного. То, что дошло до нас, сводится к заключению устного соглашения между Пушкиным и царём. Поэт обещал воздержаться от публичной критики правительства, но не скрыл своего сочувствия декабристам. Николай I возвратил поэта из ссылки и вызвался быть единственным цензором его сочинений. Пушкин предполагал, что личная цензура самодержца откроет ему быстрый доступ к печати. Царю, вступавшему на престол, хотелось расположить к себе

поэта и русское общество после жестокой расправы над декабристами. Возвращение Пушкина из ссылки в свете сочли крупнейшим событием первых лет царствования Николая I. Надежда царя на перемену политических взглядов Пушкина не оправдалась: он вовсе не намеревался стать официальным поэтом. Правда, некоторое время он был осторожнее, но убеждениям своим не изменил.

После беседы с Николаем I Пушкин проникся утопической иллюзией, будто он, как поэт и как старинный дворянин, даже боярин, сможет влиять на государственную политику России, если царь призовет в советники подобных ему просвещённых дворян. Вместе они образуют своего рода дозволенную оппозицию, которая станет внимательно следить за соблюдением законов, за созданием новых, более справедливых уложений.

С этими мыслями Пушкин написал знаменитые «Стансы» («В надежде славы и добра...», 1826), в которых выражал веру в то, что Николай I будет подобен Петру I и начнёт смело сеять просвещение «самодержавною рукой», что он увидит в выступлении декабристов не злобу к себе и не ненависть к монархии и к России, а желание им добра. Отсюда возникнут заключительные строки:

Семейным сходством будь же горд;
Во всём будь пращурю подобен:
Как он, неумолим и твёрд,
И памятью, как он, незлобен.

Русская публика не поняла Пушкина. Даже близкие люди восприняли обращение его к царю как лесть. Поэт ответил стихотворением «Друзьям», в котором отверг эти обвинения, утверждая, что его хвала свободная, что он так думает и так чувствует, не лукавит и не ждёт милостей для себя, напротив, побуждает государя оказать милость друзьям-декабристам, зовёт к преобразованиям, имея в виду пользу для народа и содействие просвещению, мысля себя советником царя и провозвестником его благих начинаний:

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

Вскоре оказалось, что контроль Николая I не освобождает сочинения Пушкина от обычной светской и духовной цензуры. За каждым его шагом бдительно следили царские службы: письма поэта просматривались, свободные поездки по стране ему не разрешались, он не имел права публично читать свои рукописи.

Стансы

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлёк сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукий.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал её предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всём будь пращурю подобен:
Как он, неутомим и твёрд,
И памятью, как он, незлобен.

Размышляем о прочитанном

1. Расскажите о свидании Пушкина с Николаем I в Москве. В чём состояло соглашение поэта с царём? Какие стихотворения тематически связаны с теми событиями?
2. Почему Николай I сопоставляется в стихотворении «Стансы» («В надежде славы и добра...») с Петром I? Какое содержание вкладывал Пушкин в это сравнение?
3. Какие заслуги Петра I особенно ценит Пушкин?
4. Каким он хочет видеть нового царя?
5. Какие поэтические традиции развивает Пушкин в «Стансах»?

* * *

«Осень» (1833). В стихотворении «Осень» тема свободы выбора дополняется темой свободы вдохновения, которое приходит неожиданно. В противовес обыкновенному мнению, прославляющему весну (в этом тоже есть веские причины), поэт рад осени. В её наступлении ему открывается особая красота.

И мы уже по-пушкински и никак не иначе встречаем осенние дни:

Унылая пора! очей очарованье!
 Приятна мне твоя прощальная краса —
 Люблю я пышное природы увяданье,
 В багрец и в золото одетые леса...

Для Пушкина, и он пишет об этом с неподражаемой искренностью, осень — пора веселья, развлечений, удовольствий и вдохновения, творчества, глубоких раздумий о своём и общем будущем.

Осень

(отрывок)

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Державин

I

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
 Последние листья с нагих своих ветвей;
 Дохнул осенний хлад — дорога промерзает.
 Журча ещё бежит за мельницу ручей,
 Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
 В отъезжие поля с охотою своей,
 И страждут озими от бешеной забавы,
 И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
 Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;
 Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
 Суровою зимой я более доволен,
 Люблю её снега; в присутствии луны
 Как лёгкий бег саней с подругой быстр и волен,
 Когда под сободем, согрета и свежа,
 Она вам руку жмёт, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
 Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
 А зимних праздников блестящие тревоги?..
 Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
 Ведь это наконец и жителю берлоги,
 Медведю, надоест. Нельзя же целый век
 Кататься нам в санях с Армидами младыми
 Иль киснуть у печей за стёклами двойными.

IV

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
 Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
 Ты, все душевные способности губя,
 Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
 Лишь как бы напоить, да освежить себя —
 Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,
 И, проводив её блинами и вином,
 Поминки ей творим мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
 Но мне она мила, читатель дорогой,
 Красною тихою, блистающей смиренно.
 Так нелюбимое дитя в семье родной
 К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
 Из годовых времён я рад лишь ей одной,
 В ней много доброго; любовник не тщеславный,
 Я нечто в ней нашёл мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мне нравится она,
 Как, вероятно, вам чахоточная дева
 Порою нравится. На смерть осуждена,
 Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
 Улыбка на устах увянувших видна;
 Могильной пропасти она не слышит зева;
 Играет на лице ещё багровый цвет.
 Она жива ещё сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! очей очарованье!
 Приятна мне твоя прощальная краса —
 Люблю я пышное природы увяданье,
 В багрец и в золото одетые леса,
 В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
 И мглой волнистою покрыты небеса,
 И редкий солнца луч, и первые морозы,
 И отдалённые седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
 Здоровью моему полезен русской холод;
 К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
 Чредой слетает сон, чредой находит голод;
 Легко и радостно играет в сердце кровь,
 Желания кипят — я снова счастлив, молод,
 Я снова жизни полн — таков мой организм
 (Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
 Махая гривой, он всадника несёт,
 И звонко под его блистающим копытом
 Звенит промёрзлый дол и трескается лёд.
 Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
 Огонь опять горит — то яркий свет лиёт,
 То тлеет медленно — а я пред ним читаю
 Иль думы долгие в душе моей питаю.

X

И забываю мир — и в сладкой тишине
 Я сладко усыплен моим воображеньем,
 И пробуждается поэзия во мне:
 Душа стесняется лирическим волненьем,
 Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
 Излиться наконец свободным проявленьем —
 И тут ко мне идёт незримый рой гостей,
 Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
 И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
 И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
 Минута — и стихи свободно потекут.
 Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
 Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
 Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
 Громада двинулась и рассекает волны.

XII

Плывёт. Куда ж нам плыть?.....

Размышляем о прочитанном

1. Прочитайте вслух описание осени.
2. Почему поэт не любит весну и лето?
3. Что нравится автору осенью и зимой?
4. Почему автор сравнивает осень с чахоточной девой?
5. Какой смысл вкладывает поэт в слова «Куда ж нам плыть»?

Углубились читать выразительно

Выучите наизусть стихотворение.

* * *

«Поэт» (1827). Свобода и независимость поэта, свобода его творчества в обществе часто понимаются превратно, искажённо. И тогда появляется необходимость ещё и ещё раз объяснять, кто же такой поэт.

Стихотворение «Поэт» продолжает тему «Пророка», выражая новые идеи, возникшие в Михайловском. Их объединяют многочисленные образные и словесные переключки: «священная жертва» напоминает о страданиях человека, необходимых, чтобы стать пророком. Слова «Но лишь божественный глагол...» подчёркивают повелительный призыв к поэтическому служению, исходящий свыше и сходный по содержанию с финалом «Пророка» («Восстань, пророк, и виждь, и внемли...»). Общим выступает и мотив внезапной избранности, и неожиданного, ничем не заслуженного вдохновения. Поэтическое творчество родственно религиозному служению, а предназначение поэта — религиозному призванию. Однако в «Пророке» речь идёт о полном духовном преображении человека, рождении в человеке пророка. Человек и пророк в нём несочетаемы: человек не может быть пророком, пророк приобретает качества, которые резко отделяют его от человека. Ко времени создания стихотворения «Поэт» Пушкин пришёл к выводу, что поэт — это «просто человек». Речь идёт о различных состояниях одного и того же лица — нетворческом и творческом.

Два состояния поэта — «обыкновенное», «прозаическое», и «вдохновенное», «поэтическое» — даны в резком и открытом противоп-

ставлении, чему соответствует двухчастная композиция. В ней выражена двойственность бытия поэта, принадлежащего одновременно двум мирам и способного мгновенно переноситься из «суетного света» в мир творчества, мгновенно получать и терять те или иные свойства.

В первой части представлен житейский облик поэта. Здесь он обычный человек толпы и даже

...меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Вторая часть посвящена пробуждению поэта от «хладного сна». Причиной пробуждения становится неожиданно прозвучавшее божественное слово. Разбуженный «божественным глаголом», поэт вновь подобен пророку из одноимённого стихотворения. Теперь всё в поведении поэта, призванного к творчеству, меняется:

Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы...

Душа поэта в момент творчества оживает, и он чувствует, что глубоко чужд толпе. В этом состоянии поэт осознаёт необходимость уединения. Так появляется характерный для поздней лирики Пушкина мотив побега. Бегство поэта от толпы означает возвращение к себе подлинному, настоящему. Тут открывается его истинное лицо: одинокий, «...дикий и суровый, / И звуков и смятенья полн». Эти черты предваряют образ поэта в стихотворениях 1830-х годов («Поэту», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»).

В ходе поэтического размышления обнаруживается неожиданное соотношение между человеком и поэтом. Казалось бы, противоречие двух состояний — нетворческого и творческого — ведёт к несовместимости человека и поэта в одном лице. Так было у романтиков: поэт всегда избранник, обыкновенный человек всегда человек толпы. У Пушкина иначе: речь идёт об одной личности. Пушкин признаёт, что в нетворческие минуты жизни поэт является миру в житейском облике. Но всё-таки он остаётся поэтом. Житейский облик — обманная видимость. Толпе кажется, будто поэт в состоянии хладного сна подобен обычному человеку. Пушкин пишет: «Быть может, всех ничтожней он». Он вводит в стихотворение взгляд поверхностной толпы. Голос толпы примешивается к голосу поэта. На самом деле даже в нетворческом состоянии поэт отличается от обыкновенных людей. В стихотворении, написанном от 3-го лица, слышится спор с толпой, которая из низменных чувств ревности и зависти уравнивает поэта с собой. Пушкин ведёт диалог с толпой, полемизирует с ней. Он приводит мнение толпы и опровергает его. Комментарием, проясняющим

эту сторону стихотворения, служат слова Пушкина из письма к Вяземскому (1825) о Байроне: «Толпа в подлости радуется унижению высокого, слабостям могущего. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врёте, подлецы: он мал и мерзок не так, как вы, — иначе».

Стихотворение «Поэт» посвящено не только общей проблеме, очень важной для Пушкина. В нём отражено и частное настроение поэта после Михайловского. Вернувшись из ссылки, он оказался в вихре света, и в обществе пошли толки, осуждающие его жизнь. В этой обстановке возникло стихотворение, в котором Пушкин передал обобщённый личный опыт душевной раздвоенности, тревожащей его. Поэт хотел сохранить цельность личности и направил впоследствии усилия к преодолению двойственности своего бытия. Тем самым противоречие, которое лежит в основе стихотворения, никак нельзя считать нормой бытия поэта, это только ступень в его духовном развитии.

Отношения с обществом, касающиеся его поэзии, побуждают Пушкина возвратиться к размышлениям о поэтическом служении и выработать свою позицию. Неизменной в ней остаётся суждение о самодостаточности поэзии («Цель поэзии — поэзия»), о принципиальном одиночестве поэта и свободе поэтического вдохновения. Собственная точка зрения вырастает в диалоге между поэтом и толпой («Поэт и толпа», «Поэту»).

Поэт

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружён;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснётся,
Душа поэта встрепенётся,
Как пробудившийся орёл.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

Размышляем о прочитанном

1. На каком приёме построено стихотворение?
2. Как вы понимаете следующие строки?

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон...

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснётся...

3. Что происходит с поэтом, когда «...божественный глагол / До слуха чуткого коснётся...»? Почему так происходит?

* * *

«Поэту» (1830). Перед лицом обывательской толпы, предъявляющей поэту ложные и лицемерные требования, её похвала и хула недостойны внимания. Кроме того, народная любовь изменчива, непостоянна, капризна и прихотлива. Пушкин снова отстаивает свободу поэта и свободу вдохновения как главную ценность. Толпа не может эти ценности ни понять, ни принять. Поэт вынужден занять по отношению к толпе позицию отчуждения и гордого одиночества. Обстоятельства заставляют его углубиться в свой внутренний мир. И в этом заключается его драма: он живёт в разладе с толпой, но он, в отличие от романтика, не враждебен толпе. Его одиночество вызвано не тем, что толпа его отталкивает. Напротив, она обращается к нему с просьбами и требованиями. Однако согласие и гармония поэта и толпы невозможны по той причине, что поэт не может отказаться от свободы и независимости творчества. Принимая разлад, он сохраняет свою сущность и тем оберегает своё искусство и свою миссию. Это рождает в поэте чувство непоколебимой уверенности в своей правоте, придавая ему спокойствие при «криках озлобленья».

Поэту

Сонет

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдёт минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься твёрд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечёт тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
 Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
 Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
 И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
 И в детской резвости колеблет твой треножник.

Размышляем о прочитанном

В каких произведениях А. С. Пушкин касается отношений поэта и общества? Какова проблематика стихотворения «Поэт» («Пока не требует поэта...»)? Почему это стихотворение поделено на две неравные части? Что означают слова о поэте: «И меж людей ничтожных мира, / Быть может, всех ничтожней он»?

* * *

Среди треволнений и забот Пушкин в жизни оставался исключительно радушен, порою весел и даже беспечен, любил бывать в Петербурге в кругу старых друзей, особенно у добрейшего Дельвига, часто появлялся в московских и петербургских гостиных. Но светское общество начало надоедать ему, он подумывал о деревне или о путешествии.

На одном из обычных московских балов в декабре 1828 года Пушкин встретил незнакомую красавицу, которую только начали вывозить в свет.

Пушкин был очарован её красотой. В апреле 1829 года поэт просит руки Наталии Николаевны Гончаровой. Ему не отказывают, но и не дают согласия. Огорчённый, Пушкин отправился в давно задуманное, но не разрешённое ему правительством путешествие. Он поехал на Кавказ, где шла война с Турцией.

Путь лежал в ставку генерала Паскевича, командующего русской армией. Вместе с русскими войсками поэт вошёл в Арзрум. На юге он написал целый ряд произведений («Путешествие в Арзрум», «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», «Кавказ», «Обвал», «Делибаш»).

По возвращении в Россию Пушкина ждали новые неприятности: за самовольную поездку он получил выговор от Бенкендорфа, в журналах бранили его поэму «Полтава». Пушкин ответил несколькими эпиграммами и заметками. Однако полемику нужно было вести более широко. Поэт давно задумывался о собственном печатном органе. В Петербурге он нашёл немногих старых друзей: лицейстов и арза-

масцев. Благодаря Пушкину несколько литераторов — Жуковский, Дельвиг, Вяземский, Баратынский, Плетнёв, Гнедич — объединились с целью основать «Литературную газету», которая вышла в 1830 году. В 1831 году она прекратила своё существование, оставив, однако, заметный след в истории русской журналистики: в ней поощрялись реалистические тенденции в литературе и были заложены основы литературной критики в России.

«Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829). В эти годы Пушкин создал превосходные лирические произведения и среди них — «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». Его тема — неизбежная смерть всего живого. Раздумывая о жизни и смерти, в том числе о своей кончине, Пушкин не предаётся унынию, он спокоен, но ему жаль расстаться с земной жизнью, с шумными улицами, многолюдными храмами, безумной юностью, дубом — патриархом лесов... Всё ему близко и дорого. Но смерть не щадит никого. Таков общий закон. Пушкин принимает его стоически, ставя рядом жизнь и смерть: «Мне время тлеть, тебе цвести», — обращается он к младенцу. Но если уж такова доля поэта, то у него возникает желание быть похороненным «ближе к милому пределу», ближе к предкам, к родным могилам. Однако на грустной, печальной теме он не заканчивает элегию. Она завершается мажорным аккордом, в котором жизнь и смерть опять рядом, но смерти не дано победить жизнь с её радостной игрой и вечной красотой:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

* * *

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдём под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживёт мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
 Уже я думаю: прости!
 Тебе я место уступаю;
 Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую годину
 Привык я думой провождать,
 Грядущей смерти годовщину
 Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлёт судьбина?
 В бою ли, в странствии, в волнах?
 Или соседняя долина
 Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
 Равно повсюду истлевать,
 Но ближе к милому пределу
 Мне всё б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
 Младая будет жизнь играть,
 И равнодушная природа
 Красною вечною сиять.

Размышляем о прочитанном

1. Как вы понимаете слова: *предел, почивать*?
2. Как вы понимаете следующие строки?

И хоть бесчувственному телу
 Равно повсюду истлевать,
 Но ближе к милому пределу
 Мне всё б хотелось почивать.

Что хотел сказать Пушкин?

* * *

«Я вас любил: любовь ещё, быть может...» (1829). Стихотворение «Я вас любил: любовь ещё, быть может...» написано в форме послания, примечательного сочетанием благородной простоты, высоты отношений и нежного чувства.

Каждый раз, когда поэт говорит о любви, душа его просветляется. Так и в этом произведении. Но в отличие от стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» в восьмистишии нет умиротворён-

ности. Здесь чувство Пушкина тревожно, любовь его ещё не остыла, она живёт в нём. Светлая печаль вызвана безответной любовью. Недаром он вновь и вновь повторяет: «Я вас любил...» Поэт раскрывает перед любимой, но не любящей его женщиной, как была сильна и благородна его любовь:

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно...

В этом стихотворении чувство любви вынуждено подчиниться другому чувству — самоотвержения. Поэт сознательно побеждает страсть, потому что покой любимой женщины ему дороже своего неразделённого чувства: «Я не хочу печалить вас ничем». Он желает любимой полного счастья («Как дай вам Бог любимой быть другим») и одновременно возводит свою любовь в такую высокую степень, которой не может достичь никакая другая любовь.

Совершенный отказ от каких-либо личных прав, преклонение перед свободой чувства любимой женщины и вместе с тем сила любви поэта превращают это стихотворение в одно из самых пленительных созданий пушкинского гения. Благородство чувств поэта, окрашенных светлой и тонкой грустью, выражено просто, непосредственно, тепло и, как всегда у Пушкина, чарующе музыкально.

* * *

Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

Размышляем о прочитанном

Какое из стихотворений о любви кажется вам более сильным, более полно выражающим чувства автора? Почему?

Училися читать выразительно

Выучите одно из этих стихотворений наизусть, постарайтесь передать при чтении очарование поэта красотой, бескорыстие в любви.

Развиваем дар слова

Объясните словосочетания и фразы: *печаль моя светла, сердце вновь горит, не хочу печалить, любил безмолвно, безнадежно, то робостью, то ревностью томим.*

Попробуйте обосновать выбор поэтом именно этих, а не других слов для выражения самого высокого чувства человека — чувства любви.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. С. Пушкин. «Я вас любил: любовь ещё, быть может...»

1. Каждый раз, когда поэт говорит о любви, душа его просветляется. Так и в этом стихотворении. Оно грустное и в то же время полное счастья. Какие интонации чтеца помогают убедиться в этом (печальные, светлые, радостные...)? На каких словах и выражениях сосредоточил своё внимание актёр?
2. Подготовьте выразительное чтение стихотворения наизусть, постарайтесь передать при чтении состояние светлой грусти, о котором говорят поэт и актёр.

* * *

Н. Н. Пушкина, жена поэта. Художник А. Брюллов

Между тем наступили 1830-е годы. Пушкин получил согласие на брак с Н. Н. Гончаровой. Он был счастлив и занят приятными хлопотами. Пушкин считал любовь одним из самых глубоких чувств человека, влияющих на всю его жизнь. В поздних стихотворениях Пушкин пишет об этом чувстве сдержанно, но тем самым оно предстаёт значительнее и богаче.

«Мадонна» (1830). В стихотворении «Мадонна» (у Пушкина — «Мадона») Пушкин поверяет своё тайное желание — видеть в скромной обители лик Христа и лик Божьей Матери. Теперь при виде прекрасного лица Натальи Николаевны ему верится, что Творец исполнил его желание: он удостоен счастья видеть лик Мадонны.

Таково исполненное небесной красоты лицо Натальи Николаевны. Лицо земной женщины явило лик неземной Божьей Матери. Так возникает связь миров.

Для современников Пушкина его сонет казался слишком смелым, даже дерзким и кощунственным: сравнение Божественного лица не-

земной красоты с красивым лицом земной женщины, употребление слова «прелесть», которое в старом значении связано с прельщением, обманом, коварством, это считалось недопустимым. Однако красота стихотворения Пушкина победила и эту трудность.

Мадонна

Сонет

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному сужденью знатоков.

В простом углу моём, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —

Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желанья. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

Размышляем о прочитанном

1. Кого автор называет Мадонной?
2. Вспомните, кто из зарубежных авторов обращался к жанру сонета до Пушкина.
3. Как вы понимаете последние строки этого стихотворения?

* * *

Для улаживания хозяйственных дел Пушкин уехал в Болдино. Впереди его ждало неизвестное будущее, тревожила и собственная судьба, и судьба России. Первыми стихотворениями, написанными в Болдино, были «Бесы» и «Элегия».

«Бесы» (1830). Народная фантазия часто видела в метели что-то бесовское, колдовское, завораживающее. Того, кто читал стихотворение (балладу) «Бесы», не могли оставить равнодушным зачаровывающая музыка и ритм стихов. Рефреном проходят строки «Мчатся тучи, вьются тучи...», в которых выражено торжество разбушевавшейся

стихии. Восьмистишия избранного Пушкиным четырёхстопного хорея, ритма плясового, как нельзя лучше передают буйство стихии, метельную бурю, её кружение, жуткую «пляску» бесов, собравшихся на свою оргию — разгульное пиршество злых сил, оглашаемое «дикими» возгласами — *визгом, воем и плачем* («Вьюга злится, вьюга плачет», «Что так жалобно поют? / Домового ли хоронят, / Ведьмуль замуж отдают?»). Это впечатление поддержано постоянными повторами — «Мчатся тучи, вьются тучи», «Мутно небо, ночь мутна», «Еду, еду в чистом поле», «Страшно, страшно поневоле», «Посмотри: вон, вон играет, / Дует, плюет на меня», «Бесконечны, безобразны». В них воплощено угнетающее однообразие картины, нарушаемой пугающими видениями и миражами, которые мешают путникам найти верную дорогу.

Когда Пушкин изображал бурю зимой, например, в стихотворении «Зимний вечер», он непременно употреблял четырёхстопный хорей в восьмистишной строфе:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.

В черновой редакции «Бесов» у Пушкина был намечен образ плачущего ребёнка:

Что за звуки!.. аль бесёнок
В люльке охает, больной;
Или плачется козлёнок
У котла перед сестрой.

Очень похожи и прозаические описания в повести «Метель» и в романе «Капитанская дочка». В них Пушкин выделяет те же общие приметы метели.

В повести «Метель»:

«На дворе была метель; ветер выл, ставни тряслись и стучали... Метель не утихала; ветер дул навстречу...»

«...Едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снегу; небо слилось с землёю. Владимир очутился в поле и напрасно хотел снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то въезжала на сугроб, то проваливалась в яму; сани поминутно опрокидывались; Владимир старался только не потерять настоящего направления. <...> Метель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а с него пот катился градом, несмотря на то что он поминутно был по пояс в снегу».

В романе «Капитанская дочка» (глава «Вожатый»):

«Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облежала небо. Пошёл мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение тёмное небо смешалось со снежным морем. Всё исчезло. „Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!..“

Я выглянул из кибитки: всё было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевлённым; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом — и скоро стали. „Что же ты не едешь?“ — спросил я ямщика с нетерпением. „Да что ехать? — отвечал он, слезая с облучка; — невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом“. <...> Снег так и валил.

Около кибитки подымался сугроб. Лошади стояли, понуря голову и изредка вздрагивая. <...> Вдруг увидел я что-то чёрное. „Эй, ямщик! — закричал я, — смотри: что там такое чернеется?“ Ямщик стал всматриваться. „А Бог знает, барин, — сказал он, садясь на своё место; — воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк или человек“.

Я приказал ехать на незнакомый предмет, который тотчас и стал подвигаться нам навстречу».

В стихотворении «Бесы» картина метели более сгущена и изображена с большей долей фантастики. Она страшнее, чем в прозе. Но там и тут на первом плане обыкновенное бытовое происшествие, которое может случиться с каждым, застигнутым метелью на снежных просторах. На пустынной зимней дороге оказались путники, в данном случае мужик (ямщик, возница) и барин (седок). В «Бесах» оба участника потерялись среди снежной пустыни и не знают верной дороги, оба совлекаются с правильного пути миражами и призраками, представшими в стихотворении как бесовское наваждение. При этом оба испытывают одинаковые чувства, им свойственны одни и те же переживания.

Однако впечатляющей картиной зимней бури не исчерпывается смысловое содержание стихотворения. В нём есть и другие содержательные слои. За бытовым случаем открывается широкая историческая и философская перспектива.

Художественное пространство и художественное время стихотворения сосредоточены вокруг образа дороги, который связан как с фольклорной, так и с книжной литературной традицией. И это понятно, потому что слово *дорога* имеет не только прямое (полоса земли, предназначенная для передвижения), но и множество переносных значений (жизненный путь, судьба и др.).

В то время когда в поэтическом воображении Пушкина возникло фантастическое изображение зимнего пути, личная судьба и судьба России были смутны и пугали поэта своей неопределённостью. Столь

же туманным представлялось ему и положение в свете, в отношениях с царём, придворным кругом. Незавидно для поэта складывались и его литературные дела: Пушкин всё чаще встречался с холодом непонимания и даже осуждения журнальными критиками и читателями. Было ясно, что поэт, устремляясь к новым художественным свершениям, опережал своё время, читателей-современников и значительную часть профессиональных литераторов. Вот эти настроения неясности будущей судьбы, сулящей, может быть, печальные и мрачные неожиданные, вызывают у Пушкина пугающие ощущения.

В композиционно-образном строе стихотворения подчёркнуто нарастание хаоса, которое усиливает чувство одиночества, бессмысленности происходящего и углубление щемящей тоски, перерастающей в душевный надрыв, вызванный неспособностью охватить разумом, понять и дать себе отчёт в происходящем. В том же 1830 году поэт, имея в виду окружающую его жизнь, писал в «Стихах, сочинённых ночью во время бессонницы»: «Я понять тебя хочу, / Смысла я в тебе ищу». Даже природа и духи тягостятся неразумностью и страдают («вьюга плачет», духи «жалобно поют»). Из неуправляемой разумом хаотической бессмысленности произвольно выхватываются отдельные видения. Они то угрожают, то вселяют беспомощность, то дразнят миражами. Лишь некоторые из видений несут какой-то смысл. Так, наряду с темой личной судьбы прочитывается общефилософская тема заблудшего человечества, обуреваемого враждебными ему силами зла и рока, которая найдёт отражение в последующих произведениях Пушкина (циклах «Повести Белкина» и «Маленькие трагедии», поэме «Анджело»), тема исторических путей России, которая угадывается в «Дубровском», «Медном Всаднике», «Капитанской дочке». Намёк на неясность исторических дорог человечества и России отчётливо прослеживается в непосредственном утверждении и вопросе-восклицании автора («Сбились мы. Что делать нам!»). И, казалось бы, в эпическую пейзажную зарисовку «Бесов» неожиданно вторгается лирический голос автора, в котором тревожная иррациональность жизни рождает тягостные переживания («Визгом жалобным и воем / Надрывая сердце мне...»). Вторжение автора в балладу демонстрирует причастность его и лирического героя всему бытию, всей Вселенной. Пушкин отвергает угрожающую ему и всему человечеству, в том числе, конечно, и России, враждебную, иррациональную хаотическую стихию. Поэт, привыкший светлым разумом постигать смысл жизни, передаёт в «Бесах» внезапное бессилие ума, растерянность человека, заблудившегося на исторических путях, не могущего обрести верную дорогу в действительности. Бессилие разума делает человека духовно беспомощным, слабым, но и достойным искреннего и сердечного сочувствия. Пушкин, однако, умел преодолевать страх перед судьбой. Поэт сопротивлялся хаосу действительности, доверяясь своему ясному и светлому уму.

Исторические и общефилософские мысли Пушкина вызвали горячий отклик в русской литературе. Пушкинский вопрос-восклицание «Что делать нам!» нашёл отклик в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?», а название этого стихотворения — в заглавии романа Ф. М. Достоевского «Бесы». Два писателя противоположных взглядов увидели в стихотворении не только бытовую зарисовку бурной природы, но и глубокие философско-исторические идеи.

Бесы

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошёл, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
 Кони чуткие храпят;
 Вон уж он далече скачет;
 Лишь глаза во мгле горят;
 Кони снова понеслися;
 Колокольчик дин-дин-дин...
 Вижу: духи собралися
 Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
 В мутной месяца игре
 Закружились бесы разны,
 Будто листья в ноябре...
 Сколько их! куда их гонят?
 Что так жалобно поют?
 Домового ли хоронят,
 Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
 Невидимкою луна
 Освещает снег летучий;
 Мутно небо, ночь мутна.
 Мчатся бесы рой за роем
 В беспредельной вышине,
 Визгом жалобным и воем
 Надрывая сердце мне...

Проверьте себя

1. Как через колдовское кружение метели создаётся ощущение неразумности происходящего и смятение души? Назовите картины, которые создают это кружение.
2. Повторение слов, звуков усиливает ощущение смятения души. Какие же слова, звуки повторяются в стихотворении?

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. С. Пушкин. «Бесы»

1. Какими интонациями актёр насыщает своё чтение, чтобы передать особенности стихотворения «Бесы»? Как звучит в чтении описание дороги, пей-

зажа, вьюги? Как передаются взволнованные слова ямщика? Помогает ли музыка усилить тревогу?

2. Подготовьте выразительное чтение стихотворения наизусть, интонационно выделив таинственность, завораживающую, пугающую силу вьюги.

Размышляем о прочитанном

1. Расскажите о лирике А. С. Пушкина 1830 года: какие темы и мотивы волнуют поэта? Какие жанры в ней встречаются и каким содержанием они наполнены? Какие жанровые признаки можно обнаружить в стихотворении «Бесы»?
2. В некоторых стихотворениях А. С. Пушкина, например в сонете «Мадонна», на первый план выходят автобиографические мотивы. Какими событиями это обусловлено? В чём своеобразие этого сонета?

* * *

«Клеветникам России» (1831). В ноябре 1830 года Пушкин покинул Болдино. В начале декабря он приехал в Москву, 18 февраля 1831 года состоялось его венчание с Натальей Гончаровой. Вскоре вместе с женой он переехал в Петербург.

В этот период Пушкин озабочен не только семейными делами. Он с тревогой следит за политическими событиями в мире. К тому времени сложились его политические воззрения, хотя они подвергались изменениям и уточнениям. С точки зрения Пушкина, человеческое общество — результат непрерывного и закономерного исторического развития. Вследствие этого свобода несовместима с революцией. Он писал Вяземскому в 1826 году: «Бунт и революция мне никогда не нравились». С декабристами он демонстрирует дружескую, а не политическую солидарность. В 1830-е годы поэт — приверженец аристократического демократизма, защищающий свободу, вольности и права родового, «столбового» дворянства, убеждённый патриот, взгляды которого отчасти совпадают с официальной внешней политикой властей («Клеветникам России»), и одновременно защитник поверженных декабристов, понимающий страдания «чёрного народа» и побуждающий царя к милосердию («Герой», «Пир Петра Первого», «Анджело», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», «Капитанская дочка»). Пушкин совмещает эти идеи с необходимостью европеизации России и распространения просвещения среди всех слоёв населения.

В области внешней политики эти идеи сводились к принципу невмешательства в дела других государств, так как историческое развитие народа есть внутренний процесс и подчинено внутренним законам.

Это равно касается России и западных стран. Когда в 1830 году Николай I готов был послать войска в Европу, чтобы подавить революцию во Франции и навести порядок в Бельгии и Голландии, Пушкин резко осудил это намерение. Точно так же поэт возмутился попыткой Франции вмешаться в русско-польский конфликт 1831 года:

Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Когда в 1830—1831 годах вспыхнуло польское восстание и Польша вооружённым, а не дипломатическим путём попыталась отделиться от России, хотя по договору о разделе (после окончания эпохи наполеоновских войн) входила в состав империи, Пушкин воздержался от оценки действий повстанцев и русской монархии. Но в это время в русско-польские отношения вмешалась Франция. Её депутаты не только критиковали, но и оскорбляли Россию, и клеветали на неё, требуя послать войска для разрешения конфликта. Пушкин расценил французскую угрозу как желание взять реванш за 1812 год.

Этот круг идей и настроений выразился в цикле политических стихотворений 1831 года «Перед гробницею святой...», «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина».

Одобрение Николаем I стихотворения «Клеветникам России» (в отличие от царя и П. Я. Чаадаева послание неприязненно встретили П. А. Вяземский и А. И. Тургенев) породило у Пушкина кратковременную надежду на возможность повлиять на правительство с помощью задуманной газеты и соединить мощь власти с неподкупностью честной журналистики. Однако эти надежды не сбылись, потому что правительство перешло к репрессиям, полагая, что общественные противоречия и недуги обсуждать опасно. Спокойнее прикрыть органы печати.

Клеветникам России

О чём шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.

Кто устоит в неравном споре:
 Кичливый лях, иль верный росс?
 Славянские ль ручьи сольются в русском море?
 Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
 Сии кровавые скрижали;
 Вам непонятна, вам чужда
 Сия семейная вражда;
 Для вас безмолвны Кремль и Прага;
 Бессмысленно прельщает вас
 Борьбы отчаянной отвага —
 И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
 Что на развалинах пылающей Москвы
 Мы не признали наглой воли
 Того, под кем дрожали вы?
 За то ль, что в бездну повалили
 Мы тяготеющий над царствами кумир
 И нашей кровью искупили
 Европы вольность, честь и мир?

Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
 Иль старый богатырь, покойный на постеле,
 Не в силах завинтить свой измайловский штык?
 Иль русского царя уже бессильно слово?
 Иль нам с Европой спорить ново?
 Иль русский от побед отвык?
 Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
 От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
 От потрясённого Кремля
 До стен недвижимого Китая,
 Стальной щетиною сверкая,
 Не встанет русская земля?..
 Так высылайте ж нам, витии,
 Своих озлобленных сынов:
 Есть место им в полях России,
 Среди нечуждых им гробов.

Размышляем о прочитанном

К какому жанру относится это стихотворение? Приметы каких жанров в нём можно найти?

Спыт литературоведческого исследования

Объясните, о каких исторических событиях говорится в стихотворении. К кому обращается поэт? Почему называет их клеветниками? О ком и о чём говорится в строках:

И ненавидите вы нас...
 За что ж? ответствуйте: за то ли,
 Что на развалинах пылающей Москвы
 Мы не признали наглой воли
 Того, под кем дрожали вы?
 За то ль, что в бездну повалили
 Мы тяготеющий над царствами кумир
 И нашей кровью искупили
 Европы вольность, честь и мир?

* * *

В 1830-е годы поэт по-прежнему полон поэтических замыслов и свершений, его волнуют мотивы бури, покоя и счастья. За границами дома, семейного очага он уже отчаивается найти жизненное и творческое удовлетворение. В это время давно наметившийся разрыв с обществом стал фактом. Отношения с правительством не улучшились, и начиная с 1834 года Пушкин, по его собственным словам, переходит в глухую и молчаливую оппозицию. Накануне нового года он был пожалован в камер-юнкеры. Придворное звание оскорбило его — обычно такие звания давались юношам. Пушкин был уже немолод. Поэт понимал, что царь, приближая его ко двору, преследует определённые цели. В свете вновь поползли слухи, будто поэт заискивает перед Николаем I. Обстоятельства складывались трагично: камер-юнкерство бросало тень на Пушкина. Народный поэт, каким Пушкин осознавал себя, должен быть чистым и непорочным. С этого времени Пушкин презрительно отзывается о Николае I, в котором, по его словам, «много от прапорщика и мало от Петра Великого». Поэту хотелось уединения, тишины для осуществления больших творческих замыслов, но он вынужден был служить, чтобы содержать семью. Его угнетало светское окружение. Не бывать в свете он не мог: придворное звание обязывало посещать балы и вечера. Поэт решился на отчаянный шаг:

летом 1834 года он подал прошение об отставке. В ответ на это ему запретили работать в архивах. Прощение пришлось взять обратно.

Тогда же произошло событие, необычайно взволновавшее Пушкина: полиция распечатала его письмо к жене, в котором он иронически отзывался о придворных обычаях и сообщал, что, сказавшись больным, не пошёл поздравить цесаревича (будущего Александра II) с совершеннолетием. Пушкин был возмущён действиями полиции и в особенности тем, что Николай I не посовестился прочитать доставленное ему письмо. «Какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства!» — записал он в своём дневнике. Поэт понял, что его «семейственная» неприкосновенность в опасности, и начал борьбу за свою личную свободу. Понятие «свобода» наполняется для Пушкина новым содержанием: его не волнует свобода политическая, как напишет он в стихотворении «Из Пиндемонти». «Без политической свободы жить — очень можно, без семейственной неприкосновенности... невозможно. Каторга не в пример лучше» — таков итог его размышлений. Свобода теперь понимается как личная и духовная независимость.

Пушкин противопоставил мрачным обстоятельствам напор творческой энергии. Жизнь пыталась его сломить, а он преобразовывал её в своих произведениях в мир, проникнутый драматизмом. За ним, освещённым ясным и мудрым умом, угадывалась прозреваемая Пушкиным в будущем гармоничная и прекрасная жизнь. Перед поэтом развёртывалась грандиозная панорама мировой цивилизации как единый исторический поток. Через трагические катаклизмы истории пробивала себе дорогу идея человечности, которая в будущем станет, по убеждению Пушкина, управлять государствами и народами. В этом и состояло, по Пушкину, очеловечивание истории. Он стремился переделать жизнь, одухотворить её, но она оставалась холодной и жестокой:

Я слышу вокруг меня жужжанье клеветы.
Решенья глупости лукавой,
И шёпот зависти, и лёгкой суеты
Укор весёлый и кровавый.

Он пытался найти выход, вновь и вновь предпринимал отчаянные попытки вырваться из тесного круга. Современники замечают его тяжёлое душевное состояние.

Поэт хочет уединиться в деревне, обрести душевный покой в семье. Этому посвящено одно из самых интимных признаний, обращённых к жене, — «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...».

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834). Эта элегия-послание написана в форме реплики, адресованной собеседнице в устном разговоре. Она содержит итог ранее прожитой жизни с её надеждами, иллюзиями, бурными желаниями, свершёнными и несвершёнными планами. Комментарием к стихотворению служит запись

Пушкина, поясняющая авторскую мысль: «Юность не имеет нужды в *at home*¹, зрелый возраст ужасается своего уединения. Блажен, кто находит подругу, — тогда удались он *домой*. О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги: труды поэтические — семья, любовь, etc. — религия, смерть».

Итог жизни для человека, который искал счастья, душевного успокоения и творческого уединения вне себя — в обществе, в свете, — безрадостен. Он передан формулой «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Из трёх обещанных при рождении и вступлении человека в свет ценностей одна неосуществима вообще, две другие могут быть, верит поэт, осуществимы, если от общества убежать и поселиться в родном гнезде. Пушкин надеется, что, удалившись в деревню вместе с «подругой», он ещё обретёт покой и волю.

Первые четыре стиха написаны в форме устной речи с характерными недоговорённостями, умолчаниями, рассчитанными на взаимное понимание. Стиль и интонация создаются простыми и даже прозаическими оборотами устной речи: «покоя сердце просит», «летят за днями дни», «каждый час уносит», «а мы с тобой вдвоём / Предполагаем жить», «И глядь — как раз — умрём». Герой знает, что он не может спастись от времени нигде, даже в том пространстве, куда он собирается убежать. Но и пространство, в котором он жил, не принесло ему ни счастья, ни покоя, ни воли. В новом пространстве — «обители дальней» — время столь же неумолимо, зато оно наполнено высоким содержанием.

Поэтому вторые четыре стиха созданы в традиционно-книжном поэтическом стиле с афористической сентенцией, архаическим оборотом и перифразами:

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
 Давно завидная мечтается мне доля —
 Давно, усталый раб, замыслил я побег
 В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Семейные радости, душевный покой, личная свобода и творческое вдохновение — вот истинные ценности, о которых теперь мечтает Пушкин.

* * *

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
 Летят за днями дни, и каждый час уносит
 Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём
 Предполагаем жить, и глядь — как раз — умрём.
 На свете счастья нет, но есть покой и воля.
 Давно завидная мечтается мне доля —
 Давно, усталый раб, замыслил я побег
 В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

¹ В своём доме.

«...Вновь я посетил...» (1835). Летом 1835 года поэту удалось получить отпуск на четыре месяца, и он уехал в Михайловское. Здесь было создано одно из прекраснейших стихотворений — «...Вновь я посетил...».

В Михайловском Пушкин вспомнил своё двухлетнее изгнание, няню, которая уже умерла. Мысль его обратилась к прожитому, которому он подводил итог в глубокой и печальной думе о себе и времени.

Пушкин перечисляет памятные места, факты своей жизни («Вот опальный домик...», «Вот холм лесистый...»), видит неумолимый бег времени: «...и много / Переменилось в жизни для меня, / И сам, покорный общему закону, / Переменился я...»

Пушкин чувствует мудрость «общего закона» — вечного обновления и торжества жизни.

Поэту радостно думать о том, что он неотделим от природы. На душе у него хотя и печально, но светло. Поэтому он так доверчиво смотрит в будущее:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастёшь моих знакомцев...

Пушкин обратился в стихотворении «...Вновь я посетил...» к белому стиху, выдерживая пятистопный ямбический размер и мелодию поэтической речи. Его раздумье сохраняет естественность разговорной интонации, которая подчёркивается отсутствием рифмосочетания стихов.

Стихотворение, написанное в тяжёлые для Пушкина дни, проникнуто верой в разумность жизни, в конечную победу света над мраком. Поэт передал в нём прощальный привет будущим поколениям, завещал им свой исторический оптимизм. В лирике Пушкина 1830-х годов человек включён в жизнь предшествующих и грядущих поколений. Он прочно связан с историей и природой. Лирические переживания слиты с историческими и философскими размышлениями.

* * *

...Вновь я посетил

Тот уголок земли, где я провёл
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,

Переменился я — но здесь опять
 Минувшее меня объёмлет живо,
 И, кажется, вечер ещё бродил
 Я в этих рощах.

Вот опальный домик,
 Где жил я с бедной нянею моей.
 Уже старушки нет — уж за стеною
 Не слышу я шагов её тяжелых,
 Ни кропотливого её дозора.

Вот холм лесистый, над которым часто
 Я сиживал недвижим — и глядел
 На озеро, вспоминая с грустью
 Иные берега, иные волны...
 Меж нив золотых и пажитей зелёных
 Оно синяя стелется широко;
 Через его неведомые воды
 Плывёт рыбак и тянет за собой
 Убогой невод. По берегам отлогим
 Рассеяны деревни — там за ними
 Скривилась мельница, насилу крылья
 Ворочая при ветре...

На границе
 Владений дедовских, на месте том,
 Где в гору подымается дорога,
 Изрытая дождями, три сосны
 Стоят — одна поодаль, две другие
 Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо
 Я проезжал верхом при свете лунном,
 Знакомым шумом шорох их вершин
 Меня приветствовал. По той дороге
 Теперь поехал я, и пред собою
 Увидел их опять. Они всё те же,
 Всё тот же их, знакомый уху шорох —
 Но около корней их устарелых
 (Где некогда всё было пусто, голо)
 Теперь младая роща разрослась,
 Зелёная семья; кусты теснятся
 Под сенью их как дети. А вдали
 Стоит один угрюмый их товарищ
 Как старый холостяк, и вокруг него
 По-прежнему всё пусто.

Здравствуй, племя
 Младое, незнакомое! не я

Увижу твой могучий поздний возраст,
 Когда перерастёшь моих знакомцев
 И старую главу их заслонишь
 От глаз прохожего. Но пусть мой внук
 Услышит ваш приветный шум, когда,
 С приятельской беседы возвращаясь,
 Весёлых и приятных мыслей полон,
 Пройдёт он мимо вас во мраке ночи
 И обо мне вспомнит.

Размышляем о прочитанном

1. О каком «уголке земли» говорится в стихотворении?
2. О чём вспоминает поэт и о чём мечтает?
3. Что вам особенно понравилось в этом стихотворении?

* * *

Трагические обстоятельства угнетали поэта, и он искал опору в собственном и народном опыте, в христианской религии. Пушкин был не религиозным, а светским писателем. Но так как он воспитывался в православной среде, где религия играла значительную роль, то его художественное творчество питалось и религиозными идеями, мотивами и образами. Больше того: Пушкин был взволнован теми же мыслями, которые наполняли священные тексты, проповеди церковных иерархов и писания религиозных деятелей.

Христианская этика не противоречила гуманистическим устремлениям Пушкина, а во многом совпадала с ними. Поэт обратился к религиозным текстам, чтобы с их помощью укрепить свой дух и чтобы они помогли ему держаться до конца дорогих ему нравственных ценностей, когда все попытки преобразовать жизнь силой творчества были исчерпаны.

В этих условиях оставалось только упование на Бога и Отцов Церкви.

«Каменноостровский» цикл (1836). Во второй половине 1830-х годов Пушкин задумал и написал несколько программных стихотворений, в основу которых положено раздумье о себе, представляющее выхваченный из потока мыслей и переживаний внутренний лирический монолог. Сходство таких стихотворений обнаруживается в том, что они посвящены общечеловеческим темам, включают общечеловеческие символы религиозного и иного характера и во многих из них размышление прервано, хотя стихотворения закончены

и мысль в них завершена. В число этих стихотворений входят, например: «...Вновь я посетил...», «Когда за городом, задумчив, я брожу...», «Мирская власть», «Из Пиндемонти», «Отцы пустынноики и жены непорочны...». Сюда же нужно отнести стихотворения «Странник», «Подражание итальянскому», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», незавершённый отрывок «Напрасно я бегу к сионским берегам...». Некоторые из перечисленных стихотворений, по предположению Н. В. Измайлова, уточнённого другими пушкинистами, входили в так называемый «Каменноостровский» цикл¹ (наименование получил от Каменного острова, где Пушкин жил на даче и где было написано большинство стихотворений, исключая «Странника»).

Так как все стихотворения, кроме «Странника» (1835), написаны в 1836 году и в одном месте, то естественна общность положенных в их основу поэтических принципов. Можно считать, что все стихотворения представляют собой новый этап в лирическом творчестве Пушкина, характеризующийся тем, что религиозный символизм наполняется личным содержанием и, напротив, личное содержание понимается в свете религиозных идей и образов. В результате этого между стихотворениями прослеживается глубокая внутренняя связь — их темы, идеи, образы, символы пересекаются, их мотивы перекликаются и взаимно обогащают друг друга.

Так, тема греха, его искупления и спасения решается в стихотворениях «Странник», «Напрасно я бежал к сионским берегам...», «Отцы пустынноики и жены непорочны...», «Подражание итальянскому». Противопоставление мирской власти и власти духовной стало темой стихотворений «Мирская власть», «Из Пиндемонти» и «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Тема духовной жажды пронизывает стихотворения «Странник» и «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Наконец, тема общечеловеческого и личного исторического бессмертия составляет предмет размышлений в стихотворениях «Когда за городом, задумчив, я брожу...» и «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

¹ Состав цикла установлен не полностью: одни стихотворения исследователями из него изымались, а другие вставлялись в него. Сейчас признано, что всего стихотворений предполагалось шесть (отдельные стихотворения помечены в автографе римскими цифрами): I. Считается, что стихотворение под этой цифрой до нас не дошло; на незанятое место претендовало стихотворение «Странник». II. «Отцы пустынноики и жены непорочны...». III. «Подражание итальянскому». IV. «Мирская власть». V. Какое стихотворение занимало это место, неизвестно. VI. «Из Пиндемонти». Высказывались мнения, что в цикл входили также стихотворения «Когда за городом, задумчив, я брожу...», «Напрасно я бегу к сионским берегам...» и «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

«Отцы пустынноики и жены непорочны...» (1836). Стихотворение предназначалось для «Каменноостровского» религиозно-философского цикла и было написано в день церковной памяти жены-мироносицы св. Марии Магдалины. Текст композиционно делится на две части — авторское лирическое рассуждение о вдохновляющей молитве и переживание молитвы св. Ефрема Сирина¹.

Пушкин сначала пишет о своём отношении к молитве и о том идеале, который вдохновлял «отцов пустынноиков и жен непорочных»:

Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв...

Поэт следует той же традиции: высокие устремления часто подвергаются нападкам и кажутся неисполнимыми «средь дольних бурь и битв»; чтобы этого не случилось, чтобы не поступиться идеалами и не предать их, надо укреплять молитвой сердце, дух, нравственные чувства:

Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой...

Сила, заключённая в молитве, — неземная, неизъяснимая, пришедшая свыше, но получившая материальное выражение в словах, звуках и наделённая мощью, укрепляющей дух.

Далее Пушкин перелагает текст молитвы. Она насчитывает семь стихов, и поэт, переводя её на русский язык, не отступает от канона, от принятого традицией устойчивого порядка. Единственное отступление — о любоначалии, т. е. о мирской власти: в тексте молитвы нет относящегося к «любоначалию» эпитета «змеи сокрытой сей», мотива, связанного с дьявольским наущением. Пушкин ополчился здесь против досаждавшей ему власти, погрязшей в грехах.

Переводя молитву, Пушкин выделил общечеловеческий смысл и придал ей смысл личный. Совесть его требовала прощения, разрешения от грехов путём самовоспитания с неременной помощью Бога. Пушкинская этика включала христианское сознание греховности и идею гармонии добра и красоты, которую всей своей жизнью и всем своим творчеством утверждал поэт.

¹ Приводим церковнославянский текст молитвы: «Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалии и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любве даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

* * *

Отцы пустынники и жены непорочны,
 Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
 Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
 Сложили множество божественных молитв;
 Но ни одна из них меня не умиляет,
 Как та, которую священник повторяет
 Во дни печальные Великого поста;
 Всех чаще мне она приходит на уста
 И падшего крепит неведомою силой:
 Владыко дней моих! дух праздности унылой,
 Любоначала, змеи сокрытой сей,
 И празднословия не дай душе моей.
 Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,
 Да брат мой от меня не примет осужденья,
 И дух смирения, терпения, любви
 И целомудрия мне в сердце оживи.

Размышляем о прочитанном

Поэт отмечает, что его более всего умиляет та молитва, которую священник читает во дни Великого поста. Как вы понимаете выбор поэта?

* * *

«Из Пиндемонти» (1836). При переводе молитвы с церковнославянского на поэтический язык перед Пушкиным встали значительные стилистические проблемы. В частности, русская поэтическая культура начала XIX века не была нерасторжимо связана с религиозным контекстом, и поэтическое словоупотребление отличалось от словоупотребления в религиозных, церковнославянских текстах. Например, слово «праздный» в поэзии было окрашено сугубо положительно и сочеталось обычно с эпитетами «весёлый», «беспечный», «счастливый», тогда как в религиозных текстах оно несовместимо с проповедуемой идеей аскетизма и окрашено отрицательно: «Дух праздности унылой...» Праздность неотделима от уныния. Пушкин блистательно вышел из ситуации и сумел слить религиозное содержание с традиционно поэтическим, характерным для светской культуры. То же характерно и для стихотворения «Из Пиндемонти». В строке «Дивясь божественным природы красотам...» совмещено представление о божественном происхождении природы и высшей степени её совершенства для культурного человека. При этом Пушкин передал боговдохновен-

ность прекрасной природы в глазах религиозно настроенного человека, сакральность и восторженное приятие совершенных красот природы лирическим героем-поэтом.

На этом философско-религиозном фоне отчётливо проступает собственная позиция Пушкина в его отношении к мирской и духовной власти. В стихотворении «Из Пиндемонти» (заголовок фиктивен) поэт отрицает систему социальных ролей и политических институтов всех существующих в его время режимов, в которых так или иначе закреплена зависимость человека от общества, от государства.

Раньше Пушкину было безразлично, от кого зависеть — от царя (самодержавие) или от народа (парламентская республика), равнодушен он был относительно цензуры и хотел решать важные государственные дела, желал быть приближённым к престолу в качестве бескорыстного советчика и наперсника государя. Теперь всё изменилось: Пушкин пришёл к выводу, что ценности, которые выработаны мирской властью в разных странах и свойственны разным формам правления, одинаково чужды коренным интересам человека. Теперь Пушкин считает, что отсутствие политической и социальной свободы — меньшее зло, чем отсутствие свободы личной. В этом сказалось глубокое разочарование историческим развитием современной поэту России. Мирская власть всюду и везде попирает права личности и в сущности своей античеловечна, антигуманна, направлена на подавление духовных устремлений личности. Пушкин вскрывает главное противоречие, существующее не между системами правления, а между мирской властью и человеком, земной властью и личностью. Стало быть, приемлема лишь такая власть, которая положит принцип человечности, принцип гуманности в основу идеи государства и в основу политики. Не человек ради государства, а государство ради человека. В основе политики должны лежать коренные интересы личности (человек — цель политики; см.: «Герой», «Анджело»).

В соответствии с этой «программой» выстраиваются истинные гуманистические ценности и называются подлинными права личности: свобода мыслей и переживаний, независимость суждений, бескорыстие и презрение к искательству чинов и наград, возможность вольного странствования, беспрепятственного общения с природой и наслаждение искусством. Главное во всей «программе» — полная личная независимость и полная духовная свобода, наслаждение богатствами природы и созданиями человеческого духа. Именно эти права личности должна обеспечить мирская власть. Было бы неверно предполагать, что Пушкин имел в виду индивидуалистическое отчуждение личности от общества и анархическое своеволие как принцип её поведения.

Речь в стихотворении идёт об истинных ценностях общечеловеческого масштаба и значения. Если мирская власть станет человеческой, гуманной, то и у человека отпадёт желание отгородиться от такой власти и быть ей чуждым, а равно и противопоставить обществу личную свободу.

Из Пиндемонти

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, слова, слова, слова¹.
Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчёта не давать, себе лишь самому
Служить и угождать, для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...

Размышляем о прочитанном

1. Как относится Пушкин к политическим системам его времени?
2. О каком государственном устройстве он мечтает?

* * *

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836). Несмотря на тяжёлые последние годы жизни, Пушкин не хотел умирать, он хо-

¹ Hamlet. (Примеч. А. С. Пушкина.)

тел жить. Обстоятельства не могли сломить его. Он погиб, защищая честь жены и свою, отстаивая личное достоинство. И в этом смысле Пушкин вышел победителем. Торжество его человеческой и творческой правоты несло и стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

Каждый поэт всегда задумывается о своём святом ремесле, о поэзии, об отношениях с обществом и человечеством. Пушкин — не исключение. Он обратился в стихотворении к давней традиции Горация, Ломоносова, Державина. Он говорил от сонма всех истинных поэтов и от себя. В этой оде поэт сказал о том, что не власть и сила дают бессмертие, а дух и культура.

Уже в первых строках стихотворения рукотворному памятнику противостоит «памятник нерукотворный», созданный духом.

Слово «нерукотворный» употребляется в религиозных текстах. Если «Александрийский столп» означает рукотворный памятник земной власти, которая сама себя обожествила, то пушкинский «памятник нерукотворный» — это поэзия. Она создана поэтом, подчинённым только «велению Божию».

Слово «нерукотворный» сразу вводит понятия, освящённые религией: «душа в заветной лире», «прах», «тленье». Рядом с ними оживает римская античная поэтическая традиция с её темой посмертной славы, поэтического бессмертия («славен», «подлунный мир», «пиит»).

В этом религиозно-светском смысле следует понимать и строфу «И долго буду тем любезен я народу...».

Поэт выполняет миссию христианина, потому что он призывает «милость к падшим», т. е. просит помиловать, даровать прощение оступившимся, совершившим ошибку.

Все другие выражения: «любезен я народу», «чувства добрые», «восславил я свободу» — тоже несут в себе расширенное, светское и христианское содержание.

Стих «К нему не зарастёт народная тропа...» обычно понимали так, будто народ потянется толпами к памятнику. Но памятник-то «нерукотворный»! Стало быть, нет и обычной тропы к нему, а есть тропа особенная, духовная. Пушкин метафорически, образно сказал о том, что вечная память народа состоит в усвоении сотворённого поэтического слова, в котором живёт «душа в заветной лире». Следовательно, и «чувства добрые», пробуждаемые лирой, и восславленная в стихах «свобода» тоже непосредственно связаны как с социальной, так и с христианской этикой.

Слово «свобода» вообще обладает в стихотворении особым смыслом.

В первой строфе Пушкин назвал памятник не только «нерукотворным», но и «непокорным» («Вознёсся выше он главою непокорной...»), а в последней он обратился к своей музе: «будь послушна».

Нет ли здесь противоречия? Оказывается, нет. Если вспомнить, что именно монархическая земная власть пыталась вопреки учению Христа обожествить себя, то придём к выводу, что она-то и есть лже-религия, попирающая подлинную свободу. В этом смысле быть послушной «велению Божию» означает для музы быть непокорной и свободной.

Те же черты придаются и нерукотворному памятнику поэзии и поэту. Но, исполняя «веленье Божие», поэт свободен от служения земной «пользе».

Жанр оды, соединивший судьбу империи, судьбу власти с поэзией, теперь разрывает эти понятия и соединяет судьбу поэзии с её свободой.

В последней строфе Пушкин употребил будущее время. Речь идёт не о далёком грядущем, а о ближайшем. Это означает, что поэт не думал о близкой смерти и не считал, будто его творческий путь завершён. Случилось так, что, полный духовных сил, он ушёл в бессмертие.

* * *

Exegi monumentum¹.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрейского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

¹ *Я воздвиг памятник* (лат.). Эпиграф взят из оды Квинта Горация Флакка (65—8 гг. до Рождества Христова) «К Мельпомене».

И долго буду тем любезен я народу,
 Что чувства добрые я лирой пробуждал,
 Что в мой жестокий век восславил я свободу
 И милость к падшим призывал.

Веленью Божию, о муза, будь послушна,
 Обиды не страшась, не требуя венца;
 Хвалу и клевету приемли равнодушно,
 И не оспаривай глупца.

Размышляем о прочитанном

1. Сопоставьте произведение Горация «К Мельпомене» со стихотворением Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». В чём обнаруживается их сходство и в чём — различия?
2. Почему поэт уверен, что воздвиг памятник, к которому «не зарастёт народная тропа»?
3. Каково, по Пушкину, соотношение мирской и поэтической власти?

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. С. Пушкин. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

1. Стихотворение А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» связано с давними европейскими и русскими поэтическими традициями (Гораций, Ломоносов, Державин). Поэт хочет быть уверен, что жил и писал не напрасно, что память о нём сохранится. Как звучат в актёрском чтении эти мысли поэта?
2. Что бы вы особо подчеркнули, готовя выразительное чтение стихотворения? Почему?

Училися читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение наизусть стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», подчеркнув свойства поэзии, которые делают имя поэта бессмертным.

Развиваем дар слова

Обратите внимание на слова и словосочетания, подумайте, выражение каких мыслей и чувств они усиливают в стихотворении: *нерукотворный, народная тропа, главою непокорной, душа в заветной лире, Руси великой, гордый внук славян, жестокий век, милость к падшим призывал, вельню Божию.*

Итоговые вопросы к лирике А. С. Пушкина

Размышляем о прочитанном

1. Стихотворения в учебнике расположены в хронологическом порядке. Проследите и проанализируйте, как меняется лирический герой и настроение стихотворений. В каких стихотворениях можно найти черты романтизма, в каких — реализма?
2. Что всегда было предметом поэзии Пушкина и чем «берёт в плен лирика поэта»? Как вы понимаете фразу: «Жизнь в лирике Пушкина увидена „сквозь магический кристалл“ прекрасного и человеческого»?
3. Выпишите темы (любви, дружбы, поэта и поэзии, философская и др.), к которым обращался Пушкин, и распределите стихотворения, представленные в учебнике, по группам.
4. В стихотворениях А. С. Пушкина много строчек (шутливых, серьёзных), посвящённых творчеству и стилю других писателей. Назовите некоторые из этих строк.
5. Какие чувства переполняют поэта, когда он вспоминает об адресатах своей любви? Как вы понимаете следующие строки?

Этот взгляд

Всё может выразить так чудно!

Ах, обмануть меня не трудно!..

Я сам обманываться рад!

...И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

Творческое задание

1. **Публичное выступление.** Подготовьте доклад, эссе, очерк, рассуждение (на выбор) о жизни и творчестве поэта, например: «Мой Пушкин», «Судьба поэта», «Пушкин в Михайловском», «Пушкин в Болдине» и др.

Разумеется, для этого надо ознакомиться с книгами писателей и литературоведов о Пушкине. (Список рекомендуемых изданий см. в конце раздела.)

2. Создайте эссе на тему «Мотив воспоминания в лирике А. С. Пушкина».
3. Подготовьте сообщение о лирике А. С. Пушкина последних лет. Какие мотивы в ней возобладали? Назовите их и раскройте.
4. Опираясь на примеры анализов стихотворений в учебнике, проанализируйте самостоятельно одно из стихотворений Пушкина, например «Когда за городом, задумчив, я брожу...». Почему поэт противопоставляет публичному кладбищу кладбище родовое? Какие чувства и мысли возникают у него при посещении этих мест? Какой тон и стиль господствуют в изображении публичного кладбища, и изменяется ли тональность и стилевая окрашенность при изображении кладбища родового?

Или, например, стихотворение «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». Почему Пушкин предпочитает так называемые «объективные эпитеты»: «улиц шумных», «многолюдный храм», «юношей безумных»? О чём свидетельствуют такие эпитеты? Почему в стихотворениях о жизни и смерти, как правило, появляется образ дуба, придающий, казалось бы, мрачным темам и мотивам оптимистический, жизнеутверждающий смысл и мажорный финал?

Опыт литературоведческого исследования

Расскажите о стихотворении или стихотворениях Пушкина, посвящённых теме поэта и поэзии. В чём их пафос? Какие авторы писали о значении поэзии в стихотворениях под названием «Памятник»? Откуда у поэта уверенность, что он долго будет «любезен народу»? К чему призывает он свою музу? Сравните стихотворения Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» и «Памятник» Державина. В чём вы видите сходство и различия осмысления этой темы у двух поэтов? Прокомментируйте каждую строку в стихотворениях.

Проект

1. Подготовьте заочную экскурсию в Михайловское, используя материалы учебника (см. раздел «Литературные места России»), книги «Читаем, думаем, спорим... 9 класс», ресурсы Интернета.
2. **Работа в группе.** Подготовьте электронный поэтический сборник «Адресаты лирики Пушкина» со вступительной статьёй и комментариями. При подготовке сборника используйте материалы книги «Читаем, думаем, спорим... 9 класс» и ресурсы Интернета.

О поэме «Медный Всадник»

Поэма А. С. Пушкина «Медный Всадник», названная им «Петербургской повестью», была написана во вторую Болдинскую осень, в октябре 1833 года.

«Медный Всадник» относится к поэмам, в которых, как в старину, изображаются эпические события или герои: во вступлении поэмы воспет Пётр Великий, его деяния и построенный им город, ставший столицей Российской империи. После вступления следует стихотворная повесть, состоящая из двух частей. Пушкин назвал её «Петербургской» не только потому, что именно в Петербурге развернулись её драматические события, но и вследствие того, что в ней отражены петербургская общественная атмосфера, действия петербургской власти, проводившей особую политику, отличную от московской. Недаром поэт противопоставил две столицы, отметив упадок Москвы:

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.

Поэт тем самым намекнул, что рассказанная им история могла произойти только в Петербурге.

Во вступлении Пётр I изображён задумчиво стоящим «на берегу пустынных волн». Перед ним дикая, бедная, неказистая, почти необжитая местность, в которой господствует стихия. Пётр — враг стихии, он вступает с ней в конфликт. Думая о государственных интересах, о врагах России, о торговле и дружбе с другими странами, он решает подчинить стихию своей воле, полагая, что так велит ему сама природа. Мечты Петра сбылись: стихия покорилась его воле и на месте лесов и болот возник «юный град, / Полночных стран краса и диво». Пушкин не скрывает лирического восхищения:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой её гранит...

Ему по душе военная столица и мирный быт, порядок, гармония, стройность и красота зданий, перспектива проспектов:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия,
Да умирится же с тобой
И побеждённая стихия...

Однако оказалось, что стихия зловна и мстительна. Природа взбунтовалась, державная Нева вышла из берегов и затопила Петербург и окрестности. Жертвой беспощадной и словно ожившей стихии стал молодой Евгений.

По происхождению он аристократ (его имя, «быть может, и блистало / И под пером Карамзина / В родных преданьях прозвучало...»), но ныне он беден и древний род его забыт. Несомненно, в биографии Евгения много общего с биографией Пушкина, род которого — древний и аристократический — тоже обеднел и оскудел.

Евгений погружён в простые думы, он мечтает о самой обыкновенной жизни ничем не замечательного человека: жениться на девушке Параше, завести семью, детей и мирно жить до конца своих дней. Но внезапный бунт стихии разрушает его мечты и надежды. Евгений предчувствует гибель Параша и понимает, что если это случится, то его жизнь будет лишена всякого смысла. Несчастье заставило Евгения задуматься о превратностях бытия:

...иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землёй?

Он оценивает бунт Невы в духе общих представлений: покойный царь, в отличие от Петра, бросившего вызов стихии, «молвил», что «с Божией стихией / Царям не совладеть»; народ видит в наводнении «Божий гнев» за свои грехи и «казни ждёт». И тут неожиданно для себя, спасаясь от бушующих волн, взобравшийся на мраморного льва несчастный Евгений вдруг увидел памятник Петру Великому:

И, обращён к нему спиною,
В неколебимой вышине,
Над возмущённою Невою
Стоит с простёртою рукою
Кумир на бронзовом коне.

Это видение запомнилось Евгению и стало для него знаменательным. Как только вода стала убывать, он поспешил к Параше, но его предчувствие сбылось. Герой не выдержал нанесённого ему удара стихии:

И, полон сумрачной заботы,
Всё ходит, ходит он кругом,
Толкует громко сам с собою —
И вдруг, удара в лоб рукою,
Захохотал.

И тут уже смятенным умом он хотел понять, что его тревожит:

Мятежный шум
Невы и ветров раздавался
В его ушах. Ужасных дум
Безмолвно полон, он скитался.
Его терзал какой-то сон.

В этом состоянии он пребывал до тех пор, пока однажды, спустя довольно длительное время, неожиданно

...вспомнил живо
Он прошлый ужас; торопливо
Он встал; пошёл бродить, и вдруг
Остановился — и вокруг
Тихонько стал водить очами
С боязнью дикой на лице.

Евгений вспомнил то видение, которое открылось его глазам, когда он сидел на мраморном льве и видел, что

Над ограждённою скалою
Кумир с простёртою рукою
Сидел на бронзовом коне.

Евгений понял, что в его несчастье виноваты не небо, не высшие силы, не взбунтовавшаяся стихия, не Нева, вышедшая из берегов, а Пётр Великий, символический образ-памятник которому стоит перед ним. Он увидел и обвинил того,

Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главою,
Того, чьей волей роковой
Под морем город основался...

Евгений не мог постичь ни думы кумира, ни силы, сокрытой в нём, ни того, куда «скачет его гордый конь», ни судьбы России, поднятой на дыбы, но интуитивно он чувствовал, что в деяния императора вкралась роковая ошибка, потому что он явился причиной невинной гибели Параши и обездоленности Евгения. Слепая и безумная стихия, которая злобно мстила Петру, поднялась и в Евгении, чтобы напомнить о своей неукротимости, угрозах и когда-нибудь вновь выплеснуться наружу:

Кругом подножия кумира
Безумец бедный обошёл
И взоры дикие навёл
На лик державца полумира.
Стеснилась грудь его. Чело

К решётке холодной прилегло,
 Глаза подёрнулись туманом,
 По сердцу пламень пробежал,
 Вскипела кровь. Он мрачен стал
 Пред горделивым истуканом
 И, зубы стиснув, пальцы сжав,
 Как обуянный силой чёрной,
 «Добро, строитель чудотворный! —
 Шепнул он, злобно задрожав, —
 Ужо тебе!..» И вдруг стремглав
 Бежать пустился.

Однако, как Нева постепенно вошла в одетые гранитом и пленённые Петром берега, так и гнев Евгения скоро угас перед порядком, установленным государственным разумом императора:

Показалось
 Ему, что грозного царя,
 Мгновенно гневом возгоря,
 Лицо тихонько обращалось...
 И он по площади пустой
 Бежит и слышит за собой —
 Как будто грома грохотанье —
 Тяжёло-звонкое скаканье
 По потрясённой мостовой.
 И, озарён луною бледной,
 Простёрши руку в вышине,
 За ним несётся Всадник Медный
 На звонко-скачущем коне;
 И во всю ночь безумец бедный,
 Куда стопы ни обращал,
 За ним повсюду Всадник Медный
 С тяжёлым топотом скакал.

Так несчастный Евгений стал врагом петровских преобразований. Историческая правда Петра Великого осталась непоколебимой, но сказанное в поэме составляет только её часть. Евгений, согласно Пушкину, изобразившему его сочувственно, имеет право на своё счастье. Он напрасно думает, что вина Петра состоит в постройке города на Неве. Пушкин видел вину Петра, помимо множества других причин, в политике, направленной на предпочтение «людей в случае», фаворитов, службистов независимым аристократам из дворянских родов, постепенно нищавшим и терявшим влияние на государственные дела. Именно в обедневших древних родах росло недовольство российскими императорами, и образ Евгения в «Медном Всаднике» стал выразителем зреющего протеста.

Поэма содержит и более глубокую и более обобщённую мысль: Пётр Великий, как и другие императоры, в своих государственных преобразованиях не принимал в расчёт жизни людей. Между тем государство и сильные мира сего обязаны соблюдать права людей, уважать их личную свободу и частную жизнь. Этим гуманистическим пафосом проникнуты не только поэма «Медный Всадник», но и большинство произведений Пушкина.

Размышляем о прочитанном

1. Какой возвышенно-торжественный стихотворный жанр напоминает вступление поэмы «Медный Всадник»?
2. Каким героем предстаёт Петр I во вступлении поэмы?
3. Каким героем представляется вам Евгений? Есть ли у него индивидуальное лицо или это обобщённый образ представителя древнего, но оскудевшего дворянства? Аргументируйте свою точку зрения цитатами из поэмы.
4. На противопоставлении каких героев построен сюжет поэмы? Какие две сюжетные линии лежат в его основе и где они сопрягаются?
5. Какую роль в развитии сюжета поэмы Пушкин отводит стихии?
6. Найдите повторы в тексте произведения и объясните их роль.
7. Почему Пушкин ввёл фантастику в поэму и какова её роль?

Творческое задание

В истории изучения поэмы «Медный Всадник» высказано много точек зрения на её содержание. Эти точки зрения могут быть сгруппированы в четыре концепции. *Первая*, называемая «государственной», предполагает, что у государства есть право в своих интересах использовать жизнь людей в любых обстоятельствах. *Вторая*, именуемая «гуманистической», подразумевает, что Пушкин стоит на стороне Евгения и защищает его право на независимую частную жизнь. *Третья*, которую условно можно назвать «равновеликой»: конфликт неразрешим, а герои-антагонисты — Пётр Великий и Евгений — равновелики для Пушкина в своих правах на жизнь и бытие; конкретный выбор, чья правда окажется более достойной, принадлежит истории. *Четвёртая* концепция, которую можно назвать «возвышенно-общечеловеческой», касается как государственного деятеля, так и частного человека, — оба должны встать выше своего века и его установлений, чтобы в любых случаях суметь сохранить человечность как главный принцип отношения к государственным интересам и частным лицам.

Какая точка зрения вам ближе? Изложите ваши доводы письменно, привлекая дополнительную литературу по данному вопросу.

Историко-философская проблематика — рассмотрение в художественном произведении истории в свете философии, сопряжение истории и философии в единое целое. Например, в поэме Пушкина «Медный Всадник» историческая судьба Петербурга и «маленького человека» Евгения порождает философскую проблему: что важнее — идея государства или идея гуманного отношения к человеку.

Размышляем о прочитанном

Вспомните произведения с историко-философской проблематикой.

Училися читать выразительно

Подготовьтесь к выразительному чтению вступления поэмы, обратите внимание на ритм, настроение, мелодию, которые сопровождают различные строки «Медного Всадника».

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел...

Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознёсся пышно, горделиво...

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид...

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. С. Пушкин. «Медный Всадник»

1. Внимательно вслушайтесь в звучащий текст и определите, на какие части разбивает его чтец.
2. Как бы вы озаглавили эти части?
3. Какие чувства преобладают в актёрском прочтении каждой части?
4. Как вы думаете, почему после слов «Прошло сто лет...» актёр заметно меняет ритм и эмоциональную окраску звучания стиха?
5. Какими эпитетами вы охарактеризовали бы чтение актёром описания Петербурга?

Какие памятники Петру I вам известны? Какой из них произвёл на вас большее впечатление? Почему?

Реализм

Реализм (лат. *realis* — действительный) — ведущее направление и стиль в литературе второй половины XIX века. Реализм декларирует изображение действительности такой, какова она есть, с учётом её преобразования в литературе путём творческой фантазии, воображения. Он предполагает жизнеподобие, что, однако, не исключает ни фантастики, ни гротеска, ни гиперболы, ни заострения, ни сверхъестественного, которое обычно проявляется как способ постижения сущности явления со стороны всеведущего автора, знающего о своих персонажах и обо всей жизни больше, чем это отражено в нарисованной им картине.

Искусство реализма основано на художественном историзме, типичности характеров, обусловленных при их формировании и в дальнейшей судьбе жизненными обстоятельствами (прошлым и настоящим), но предполагающих относительную самостоятельность персонажей, которая выражается в их саморазвитии и самодвижении.

Художественный историзм предполагает, что изображение действующих лиц и событий связано с духом эпохи, с типичными, господствующими настроениями, мыслями и чувствами и выражено языком, характерным для воспроизводимой эпохи. Художественный историзм в ходе развития реализма включает *принцип социально-исторической обусловленности, мотивированности, или принцип социально-исторического детерминизма*. Это означает, что характеры и типы действующих лиц обусловлены и мотивированы социально-исторической действительностью, что характер возникает в определённой социально-исторической обстановке. Однако такая мотивированность не выглядит фатальной, целиком и без остатка формирующей личность. Русским великим реалистам чуждо представление, согласно которому какова среда, таков и человек. В русском реализме нет абсолютной механистической зависимости и человека от среды («среда заела»). Человек может противостоять действительности, у него всегда есть выбор, и ссылки на зависимость от среды не снимают с него ни ответственности, ни вины.

Типическое раскрывается в реализме через противоречие общего и индивидуального, а общее выступает в индивидуальном облике.

Понимая действительный мир как движущийся и изменяющийся, реализм изображает его как самодвижущийся организм, внося принцип самодвижения в само художественное произведение. *Самодвижению сюжета соответствует саморазвитие характера.* Пушкин, например, размышляя о «форме плана» «Евгения Онегина», не ожидал, что его Татьяна выйдет замуж, но логика характера Татьяны, заданная автором романа, такова, что героиня должна была совершить этот поступок. Если бы Пушкин как автор воспротивился этому, он нарушил бы логику характера Татьяны. Подобные признания делали и другие реалисты, например Л. Н. Толстой и Г. Флобер.

Погружение в реальный мир не отменяет *авторского идеала*, выступающего как гуманистическая субъективность. Авторский идеал становится мерой оценки действительности, но изображается не как фактически данный, а как исторически возможный или недостижимый. Стало быть, критическое начало — лишь одна сторона реализма. Другую его сторону составляет мысль о не воплощённых в жизнь гуманистических ценностях, которые автор стремится найти в самой действительности.

В целом мир, который предстаёт взору реалиста и выступает предметом его изображения, рисуется и в своих добрых, и в своих злых проявлениях, но добро и зло в нём не упорядочены. Отсюда можно заключить, что как красота, так и безобразие возникают в самом этом мире, или — что одно и то же — действительность является источником красоты и безобразия.

Наконец, художественный мир каждого реалиста индивидуален и своеобразен. При всём этом основные признаки реализма остаются постоянными. К ним относятся: *историзм, социальный анализ, типизация (предполагающая широкую распространённость явлений и характеров и осуществляемая через раскрытие индивидуальности), саморазвитие характеров и самодвижение сюжета, стремление воссоздать мир как противоречивую и сложную цельность.*

В России основы реализма были заложены в 1820—1830-х годах в творчестве А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, И. А. Крылова. Развитие метода связано с именами Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова и других писателей.

Проверьте себя

В чём сущность реализма? Назовите известное вам реалистическое произведение, проанализируйте его.

О романе в стихах «Евгений Онегин»

И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Ещё не ясно различал.
(8, L)

Поэт намеревался постичь тип современного человека, принадлежащего к петербургскому дворянскому обществу. Он искал причины разочарования молодого дворянского интеллигента.

В южных поэмах герои попадали в исключительные обстоятельства, а в «Евгении Онегине» помещены в привычное им окружение — в петербургское или московское общество и в деревенскую среду.

Поскольку в «Евгении Онегине» отразилась историческая эпоха, представшая через историю героя и сюжет, то это произведение является романом. Так считал и сам Пушкин, писавший, что под романом он понимает «историческую эпоху, развитую на вымышленном повествовании».

Но Пушкин написал не просто роман, а роман стихотворный. В письме к П. А. Вяземскому он ясно указал на эту особенность «Евгения Онегина»: «Пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница».

Стихотворная форма романа потребовала от Пушкина упорной работы над стихом. Поэт необычайно разнообразил четырёхстопный ямб, придав ему исключительную гибкость и ёмкость.

Необходимость единства повествовательного и лирического начал привела Пушкина к созданию новой строфической формы. Пушкин ведёт с читателем непринуждённый разговор, и поэтому законченность каждой строфы приобретает важное значение: повествование легко нарушается лирическими отступлениями, а затем возвращается в прежнее русло. Так как каждая строфа представляет собой небольшой рассказ, то на каждую тему можно порассуждать отдельно, отступая от сюжета и высказывая свою точку зрения. Нить повествования не теряется, но зато сюжет заметно оживляется и разнообразится, согревается лирическим волнением автора.

Онегинская строфа, изобретённая Пушкиным для романа, состоит из 14 стихов четырёхстопного ямба. Общая её схема предстаёт необычайно ясной и простой, она состоит из трёх четверостиший и двустишия: I (*абаб*), II (*ввгг*), III (*деед*), IV (*жж*), т. е. перекрёстная, парная, кольцевая рифмовки и заключительное двустишие.

Законченность и завершённость строф не следует понимать буквально. Если тема требовала от Пушкина продолжения, то он легко переносил рассказ в следующую строфу, но обычно строфические переносы характерны для самых эмоциональных эпизодов. Каждая строфа и замкнута (тема в ней развита и завершена), и разомкнута,

обращена к следующей строфе, которая её продолжает. Такое построение позволяет автору свободно менять тон повествования, сохраняя собственный голос.

В романе есть и так называемые пропущенные строфы, заменённые многоточием или просто цифрами. Многие из них были написаны, но Пушкин не включил их, так как ему была важна недоговорённость повествования.

Повествовательное начало в «Евгении Онегине» воплощено в сюжете. Он чрезвычайно прост и захватывает весьма ограниченный круг героев — Онегин, Ленский, Татьяна и Ольга. Остальные лица не играют в нём сколько-нибудь существенной роли. Обе пары героев противопоставлены друг другу: любовь Татьяны и Онегина не похожа на любовь Ленского и Ольги. Онегин и Ленский, Татьяна и Ольга также несходны между собой. В основу сюжета положены интимные чувства героев (любовь Татьяны к Онегину и Онегина к Татьяне, любовь Ленского к Ольге и дружба Онегина и Ленского).

Характеры героев построены Пушкиным, поэтом действительности, как он сам себя называл, не по литературным схемам и нормам, хотя часто они сопоставлены с характерами других литературных героев, а по законам реальной жизни. Так как живые люди обладают разнообразными, многосторонними характерами, то характеры героев сложны и не укладываются в однозначные и узкие формулы.

В сложных ситуациях обстоятельства развивают характеры с разных сторон. Многогранность и сложность характеров учитываются автором, который изображает их то сатирически, с горькой усмешкой, то иронически, с лёгкой улыбкой, то лирически, с очевидным сочувствием. Пушкинские герои, исключая лишь упоминаемых третьестепенных персонажей, не делятся на положительных и отрицательных. Но даже второстепенные лица, участвующие в сюжете, в романе многогранны. Например, о Зарецком Онегин и автор отзываются либо сатирически:

...в это дело
Вмешался старый дуэлист,
Он зол, он сплетник, он речист...

либо иронически:

Зарецкий, некогда буйан,
Картёжной шайки атаман,
Глава повес, трибун трактирный...

Однако ирония и сатира не мешают Онегину и автору признать и достоинства Зарецкого:

Он был не глуп; и мой Евгений,
 Не уважая сердца в нём,
 Любил и дух его суждений,
 И здравый толк о том о сём.
 Он с удовольствием, бывало,
 Видался с ним...

Пушкин в романе не судья и тем более не прокурор, он не судит и не обвиняет героев, а наблюдает и анализирует их характеры как друг, очевидец, обычный человек, которому что-то не нравится в героях, что-то нравится. Такой подход к изображению характеров обеспечил жизненную правдивость романа и его близость к реалистическому типу повествования.

Это позволило Достоевскому назвать роман «Евгений Онегин» поэмой «осязательно реальной, в которой воплощена настоящая русская жизнь с такою творческою силой и с такою законченностию, какой и не бывало до Пушкина, да и после его, пожалуй».

Каждый герой проходит через испытание, которое коренным образом меняет его судьбу. Центральное, поворотное событие романа — дуэль Онегина с Ленским. Жизнь Ленского трагически обрывается. Ольга быстро забывает его и выходит замуж за улана. Татьяна хранит любовь к Онегину, но становится женой генерала. Онегин отправляется в путешествие, в его душе наступает перелом, и теперь уже он испытывает к Татьяне любовь. Счастье, которое «было так возможно, / Так близко», обходит героев стороной: оно оборачивается либо трагедией (Ленский), либо пародией (Ольга и улан), либо драмой (Татьяна и Онегин).

Важным сюжетным принципом романа выступает «загадочность» главных героев — Онегина и Татьяны. Сначала Татьяна, и вместе с ней читатель, стремится понять Онегина, а затем Онегин начинает открывать для себя Татьяну.

Перед деревенской барышней Евгений предстаёт в духе народных поверий «суженым», т. е. человеком, предназначенным самой судьбой. В этом Татьяна будет убеждена до конца. В письме к Онегину она пишет:

То в вышнем суждено совете...
 То воля неба: я твоя...

Но восприятие Онегина героиней ещё неглубоко. Онегин рисуется воображению Татьяны в романтическом духе:

Кто ты, мой ангел ли хранитель,
 Или коварный искуситель...

Подлинное, истинное восприятие Онегина пока ещё уступает место книжному.

«Евгений Онегин». Художник
Н. Кузьмин

Пушкин иронически замечает по поводу этих романтических грёз Татьяны:

Но наш герой, кто б ни был он,
Уж верно был не Грандисон¹.

Затем Татьяна думает об Онегине как о «роковом» герое:

«Погибну, — Таня говорит, —
Но гибель от него любезна...»

Душа и характер Онегина яснее открываются Татьяне после посещения усадьбы героя. Вглядываясь в обстановку онегинского кабинета, просматривая его книги, Татьяна наконец начинает прозревать. Её точка зрения на героя приближается к авторской:

Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль ещё
Москвич в Гарольдовом плаще²,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?..
Уж не пародия ли он?

¹ *Грандисон* — герой романа английского писателя Сэмюэла Ричардсона (1689—1761) «История сэра Чарльза Грандисона».

² ...*В Гарольдовом плаще*, т. е. подражающий Чайльд Гарольду, герою поэмы «Паломничество Чайльд Гарольда» английского поэта Джорджа Гордона Байрона (1788—1824).

Точно так же и Онегин отгадывает Татьяну. В восьмой главе Онегин, увидев Татьяну в свете, задумывается:

Ужель та самая Татьяна...

Его занимает не бедная и простая, несмелая и влюблённая «девочка», а «равнодушная княгиня». Но оказалось, что под маской «величавой» и «небрежной» «законодательницы зал» таится «простая дева», «с мечтами, сердцем прежних дней».

Встреча с Татьяной пробуждает любовь в душе Онегина. Он пишет письмо замужней женщине и совершает не менее дерзкий поступок — без приглашения посещает Татьяну, но эта дерзость одновременно и проявление горячности, сердечной откровенности. Онегин теперь любит «как дитя». Проснувшееся в «душе холодной» чувство — предвестие преобразования Онегина, который отныне читает книги «духовными глазами». Хотя Пушкин и оставляет страдающего героя в трудную для него минуту, Онегин учится жить сердцем. Отказ Татьяны производит переворот в его душе. Надежду на счастье Онегин окончательно утратил, но вспыхнувшая любовь к Татьяне не прошла для него бесследно. Он узнал настоящее страдание, настоящую боль, настоящую любовь. Его жизнь обрела смысл и, возможно, станет более содержательной, чем была до того. На этой напряжённой, кульминационной ноте сюжет романа завершён.

Онегин и Татьяна внутренне растут: иными стали их чувства, по-иному они относятся к жизни и друг к другу. Исчезло романтическое восприятие жизни у Татьяны, исчезло наносное, воспитанное средой равнодушие к простым человеческим радостям у Онегина.

Пушкин правдиво изображает среду, в которой живут главные герои его романа. Дворянский домашний быт и светский круг, взрастивший Онегина и автора, вызывают в романе восхищение и восторг. Это мир высокой культуры просвещённых людей, горячих споров, интересных бесед и разговоров, мир увлечений, страстей. В нём царит свобода, независимость, здесь собирается цвет общества.

Вот Онегин спешит в ресторан:

К Talon помчался: он уверен,
 Что там уж ждёт его Каверин.
 Вошёл: и пробка в потолок,
 Вина кометы брызнул ток,
 Пред ним roast-beef окровавленный,
 И трюфли, роскошь юных лет,
 Французской кухни лучший цвет,
 И Страсбурга пирог нетленный
 Меж сыром лимбургским живым
 И ананасом золотым.

Это воспевание роскошных угощений, предлагаемых ресторатором, не позволяет усомниться, что Пушкин любит и ценит светские удовольствия.

Точно так же его влечёт театр, дающий особые наслаждения:

Волшебный край! там в стары годы,
 Сатиры смелый властелин,
 Блистал Фонвизин, друг свободы,
 И переимчивый Княжнин;
 Там Озеров невольню дани
 Народных слёз, рукоплесканий
 С молодой Семёновой делил;
 Там наш Катенин воскресил
 Корнеля гений величавый;
 Там вывел колкий Шаховской
 Своих комедий шумный рой,
 Там и Дидло венчался славой,
 Там, там под сению кулис
 Младые дни мои неслись.

Словом, свет — это очаг утончённой духовной культуры, и его воздействие на молодых людей того времени было облагораживающим и необходимым. Люди оттачивали свой ум, учились владеть собою, не показывать свои чувства, делились новостями — литературными, музыкальными. Здесь уважали себя и других, гордо несли своё человеческое достоинство и берегли честь.

Однако Пушкин, как и его герой, знали другой свет — «омут», кишаций нелепыми предрассудками, вздорными слухами, завистью, клеветой и прочими пороками.

Воспроизводя атмосферу городских дворянских салонов, в которых прошла молодость Онегина, автор подробно останавливается на разговорах, удовольствиях вечно праздных их обитателей. Праздность порождает пустоту мыслей, холодность сердец. В свете нередки скука, глупость и посредственность. Мелкая суэта и душевная пустота делают жизнь этих людей однообразной и пёстрой, внешне ослепительной, но лишённой внутреннего содержания. Татьяна почувствовала своим умным и чутким сердцем именно пустоту светской жизни:

А мне, Онегин, пышность эта,
 Постылой жизни мишура,
 Мои успехи в вихре света,
 Мой модный дом и вечера,
 Что в них?..

В деревне нет того блеска, который поражает в Петербурге или в Москве, но здесь есть свои прелести.

«Евгений Онегин». Художник
Н. Кузьмин

Онегина занимала сельская природа:

Два дня ему казались новы
Уединённые поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихого ручья...

И сам автор признаётся:

Я был рождён для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны...

У Лариных (фамилия происходит от слова «лары» — боги домашнего очага) в их деревенском доме, в пенатах, много тихого, доброго, патриархального и трогательного:

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на Масленице жирной
Водились русские блины;

Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод...

Но и деревню не миновали скука и убийственная лень...

Провинциальное дворянство не может обойтись без местных франтов, своих сплетников и глупцов, остряков и дуэлянтов. Именины Татьяны изображены как типичный праздник провинциальных дворян, а судьба матери Татьяны и особенно её отца, Дмитрия Ларина, — как постепенное угасание душевных порывов и внутреннее омертвление.

Ленский. Дворянский быт и заимствованная западная культура определили романтический, далёкий от реальной русской жизни настрой мыслей и чувств Ленского. «Полурусский сосед» Онегина, «поклонник Канта¹ и поэт» не имеет сколько-нибудь ясного представления о реальной жизни. В своих стихах

Он пел разлуку и печаль,
И нечто, и туманну даль,
И романтические розы...

По шутливому замечанию Пушкина, «его стихи / Полны любовной чепухи». Ленский молод. Ему «без малого... осьмнадцать лет». Как бы сложилась его жизнь в дальнейшем, в пору возмужания? Верный правде жизни, Пушкин не даёт прямого ответа на этот вопрос. Ленский мог сохранить жар сердца, но мог превратиться и в заурядного помещика, который, подобно Дмитрию Ларину, «носил бы стёганый халат» и завершил бы свою жизнь весьма обыкновенно:

Пил, ел, скучал, толстел, хирел
И наконец в своей постеле
Скончался б посреди детей,
Плаксивых баб и лекарей.

В Ленском автор постоянно подчёркивает противоречивость: простую, здоровую, «простодушную» натуру и поэтическую страстность, поэтическое горение, восторженность.

Отношение Пушкина к Ленскому двойственно: сочувствие просматривается сквозь откровенную иронию, а ирония проступает сквозь сочувствие.

Ленскому в романе 18 лет. Он на 8 лет моложе Онегина. Ленский отчасти юный Онегин, ещё не созревший, не успевший испытать наслаждения и не изведавший коварства, но уже наслышанный о свете:

¹ *Иммануил Кант* (1724—1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии.

«Евгений Онегин». Глава вторая, строфа XV. *Художник В. Гельмерсен*

Я модный свет ваш ненавижу.
Милее мне домашний круг.

Эти слова Онегин, чувствуя заимствованные суждения Ленского, нетерпеливо обрывает:

Опять эклога!
Да полно, милый, ради Бога.

Основная художественная роль Ленского — оттенить характер Онегина. Они взаимно объясняют друг друга. Ленский — приятель, достойный Онегина. Он, как и Онегин, один из лучших людей тогдашней России. Поэт, энтузиаст, он полон детской веры в людей, в романтическую дружбу до гроба и в вечную любовь. Ленский благороден, образован, его чувства и мысли чисты, его восторженность искренна. Он любит жизнь. Многие из этих качеств выгодно отличают Ленского от Онегина. Ленский верит в идеалы, Онегин безыдеален. Душа Ленского наполнена чувствами, мыслями, стихами, творческим огнём. Как и Онегин, Ленский встречает неприязнь соседей-помещиков и подвергается «строгому разбору». И ему не нравились пиры господ соседственных селений:

Бежал он их беседы шумной.

Однако беда Ленского заключалась в том, что «Он сердцем милый был невежда...», не знал ни света, ни людей. Всё в нём: и свободолюбие германского образца, и стихи, и мысли, и чувства, и поступки — было наивным, простодушным:

Он верил, что душа родная
Соединиться с ним должна,
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждёт она;
Он верил, что друзья готовы
За честь его принять оковы...

Представления Ленского смещены в сторону идеала. Он смотрит на мир сквозь призму возраста и литературы. Отсюда его стихи — набор общих элегических формул, за которыми нет никакого живого, ясного содержания. Смешно, когда юноша в осемнадцать лет поёт «поплёкший жизни цвет», оставаясь полным здоровья. Когда же Ленский накануне дуэли пишет элегию «Куда, куда вы удалились...», то эти элегические строки производят пародийное впечатление. В самом деле, откуда взялась «стрела» («Паду ли я, стрелой пронзённый...»), если стреляться решили на пистолетах? Это условно-книжная речь, условно-романтическая поза, условно-романтические жесты. Ленский вздумал спасти Ольгу (и опять мыслит в стихах перифразами¹, поэтическими штампами, где Онегин — «развратник» и в то же время «червь», а Ольга — «двухутренний цветок»). Театральная риторика, пустая декламация, выраженная красивым иносказанием, содержит простой и ясный смысл:

Всё это значило, друзья:
С приятелем стреляюсь я.

При этом Ленский совершенно не понимает душевных движений Ольги: она не требует от него жертвы. Речи, поступки Ленского вызывают иронию, не предусмотренную, конечно, героем. Пушкин описывает Ольгу глазами Ленского:

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда как утро весела,
Как жизнь поэта простодушна,
Как поцелуй любви мила...

Но это «идеальный портрет» Ольги, истинный же — иной. Онегин посмотрел на неё другими, трезвыми глазами:

В чертах у Ольги жизни нет.
Точь-в-точь в Вандиковой Мадонне²:

¹ *Перифра́з, перифра́за* — стилистический приём, состоящий в замене слова или словосочетания описательным оборотом речи, в котором указаны признаки не названного прямо предмета (например, вместо выражения *наступило утро* писатель предпочитает употребить иное — *когда первые лучи восходящего солнца озлатили края восточного неба*).

² *...В Вандиковой Мадонне* — в изображении Мадонны работы фламандского художника Антониса ван Дейка (1599—1641).

Кругла, красна лицом она,
 Как эта глупая луна
 На этом глупом небосклоне.

Ленский юн, незрел, и между ним и миром стоит чужая книжно-поэтическая призма, искажающая предметы в духе идеала и мешающая видеть их в натуральную величину. Для опытных Онегина и автора это смешно. Но не примешивается ли к этому смеху грусть? Не свидетельствует ли неискущённость героя о чистоте души? И так ли уж безупречен трезвый взгляд, лишённый юношеского энтузиазма, веры в идеал, в торжество общечеловеческих ценностей? Пушкин на это отвечает так:

Но грустно думать, что напрасно
 Была нам молодость дана,
 Что изменяли ей всечасно,
 Что обманула нас она;
 Что наши лучшие желанья,
 Что наши свежие мечтанья
 Истлели быстрой чередой,
 Как листья осенью гнилой.

Печальна и неблагополучна действительность, если в людях, даже зрелых, не сохраняется ни доли наивности, ни простодушия, если в обществе господствуют сомнение, безверие, безыдеальность. Пушкин жалеет рано погибшего поэта и ценит в нём «жаркое волненье», «благородное стремленье», «бурное желанье любви», «жажду знаний», «страх порока и стыда», «заветные мечтанья» и «сны поэзии святой».

Онегин. Главный герой романа Евгений Онегин принадлежит, как и Ленский, к лучшей части дворянской молодёжи начала XIX века. Читатель знакомится с ним, когда тому исполнилось 26 лет. Онегин представлен, в отличие от Ленского, зрелым и опытным человеком, хорошо знающим жизнь. Пушкин описывает его детство и юношеские годы. Тон рассказа об Онегине иронический и даже иногда сатирический. Но ирония и сатира относятся не столько к Онегину, сколько ко всем дворянам, получившим одинаковое воспитание и образование. Тут нет личной вины героя («Мы все учились понемногу...»). В дальнейшем он подпадёт, как и все молодые люди, под влияние света, который отшлифует характер, стремясь сделать из Онегина молодого человека, похожего на других.

Как и другие молодые люди света, он любил щегольски одеваться по английской моде, говорил по-французски,

Легко мазурку танцевал
 И кланялся непринужденно...

Эти черты поведения обеспечили ему успех в свете. Онегину ставили в вину, что он не поэт («Высокой страсти не имея / Для звуков

жизни не щадить, / Не мог он ямба от хорея, / Как мы ни бились, отличить»). В то время когда формировался Онегин, в моде была не только поэзия. Молодые вольнодумцы проявляли большой интерес к экономической науке. Пушкинский герой

Бранил Гомера, Феокрита¹;
Зато читал Адама Смита²,
И был глубокий эконом...

Экономические знания емугодились как лекарство от скуки и от нечего делать, как сказал по другому поводу Пушкин. Онегин в деревне «задумал» «порядок новый учредить». «Мудрец пустынный» воспользовался своими экономическими познаниями. «Оброк лёгкий» вместо «барщины старинной» — не только более гуманный порядок, но и более выгодный. Онегин здесь предстал либералом, а не крепостником.

В первых главах Онегин занят «игрой страстей», и кажется, что он лишён способности любить. Его отношение к любви целиком расчётливо и притворно. Оно выдержано в духе усвоенных светских «истин», главная цель которых — обворозить и обольстить, казаться влюблённым, а не быть им на самом деле:

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать...

Таково обычное поведение мужчин в свете, поэтому герою нельзя это ставить в вину. «Наука страсти нежной» — необходимая принадлежность светских салонов и гостиных. Не овладей Онегин ею, он оказался бы безоружным перед женскими хитростями, уловками, интригами. Кроме того, у юности свои права. Онегин жил чувствами, волнениями и тревогами сердца. И хотя они не были подлинными, это всё-таки была полезная школа душевного воспитания, накопления опыта и взросления. Ту же школу прошёл и автор, который не только не сожалел о потраченном на светские удовольствия времени, но и любил их:

Увы, на разные забавы
Я много жизни погубил!
Но если б не страдали нравы,
Я балы б до сих пор любил...

Жизнь Онегина в Петербурге протекала весело и празднично. Распоря-

¹ *Феокрит* (конец IV — первая половина III в. до н. э.) — древнегреческий поэт, живший в Александрии; основатель жанра идиллии.

² *Адам Смит* (1723—1790) — шотландский экономист и философ; основатель классической политэкономии.

док дня был одним и тем же:

Но, шумом бала утомленный
И утро в полночь обратя,
Спокойно спит в тени блаженной
Забав и роскоши дитя.
Проснётся за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра.
И завтра то же, что вчера.

Онегин не знает, чем заняться, на что употребить силы и способности. Образ жизни его таков, что герой освобождён от труда и обречён на безделье. Большинство дворян принимали такую жизнь и не томилась ею. Человеческая значительность Онегина проявилась как раз в том, что он не был удовлетворён ни своей жизнью, ни собой. Он не был счастлив:

Нет: рано чувства в нём остыли;
Ему наскучил света шум;
Красавицы не долго были
Предмет его привычных дум...

Герой узнал свет и не принял его лицемерную мораль. Его душа ждала иных отношений, чем те, на которых держалось общество. Он рано постиг никчёмность общества и почувствовал себя чужим и лишним человеком в великосветских гостиных. Ему было

Несносно видеть пред собою
Одних обедов длинный ряд,
Глядеть на жизнь как на обряд
И вслед за чинною толпою
Идти, не разделяя с ней
Ни общих мнений, ни страстей.

Прекрасные задатки Онегина подавлены социальными условиями, средой, в которой он вырос и жил.

Не только у Ленского, но и у Онегина могла быть иная судьба. Онегин мог бы повторить участь своего дяди, но он мог бы стать и одним из декабристов. Можно вообразить и то, что Онегин оказался бы мужем Татьяны. Ведь сказал Пушкин устами своей героини: «А счастье было так возможно, / Так близко!..» Но из разных возможностей герою, как и всякому человеку, выпадает одна судьба, которая оказывается одновременно и закономерной, и случайной.

Герой пробовал преодолеть свою неудовлетворённость, стал писать и читать, но вскоре бросил и то и другое. «Русская хандра» овладела им не вследствие пустоты души от природы, а оттого, что Онегин был значительно выше людей света. Этот благородный, умный,

порядочный и совестливый человек хотел бы чем-то заняться, но не знал, как и чем. Он недоволен всем, что видит вокруг себя, понимает, что вынужденным бездельем губит себя. Оттого он делается всё более угрюмым, всё более холодным. Онегина уже не увлекают маскарады, балы, театры, красавицы и друзья. «Русская хандра» Онегина проистекает из критического отношения героя к своему кругу. Автор понимает Онегина и сочувствует ему. Он сам недоволен обществом, и это сближает автора с Онегиным:

С ним подружился я в то время.
Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий, охлаждённый ум.
Я был озлоблен, он угрюм;
Страстей игру мы знали оба:
Томила жизнь обоих нас...

Пушкин называет странность Онегина «неподражательной». С точки зрения общества, Онегин действительно «странен». Толпа примеривает к нему знакомые маски то чудака, то литературных героев и удовлетворяется собственной находчивостью.

Онегинский характер сформировался «в определённых общественных условиях», в определённую историческую эпоху. Следовательно, Онегин осмыслен как национально-исторический тип русской жизни. Его скептицизм, разочарование — это отражение общего «недуга новейших россиян», который охватил в начале XIX века значительную часть дворянской интеллигенции.

Преимущественное состояние Онегина — скука. Ничто не могло развеять его тоскующую лень. Жажда однообразных удовольствий при отсутствии реального, живого дела вкоренилась в психологию Онегина, и он не в силах её побороть. «Труд упорный ему был тошён», — замечает Пушкин. А так как, по мысли автора, только в труде могли проявиться творческие силы личности, то итог жизни Онегина безрадостен:

Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
Томясь в бездействии досуга
Без службы, без жены, без дел,
Ничем заняться не умел.

Любовь тоже прошла мимо, ибо чувства героя оскудели — он подавил в себе невольное волнение, испытанное при виде Татьяны и по получении её письма. Лишь позже, потрясённый убийством Ленского и вновь встретив Татьяну, Онегин обрёл способность к большому

«Евгений Онегин». Онегин
и Пушкин. Художник Н. Кузьмин

и сильному чувству.

Своё недовольство светом герой распространяет на жизнь вообще. Он перестал жить чувствами, потерял веру в них, и душа его охладела. Следовательно, болезнь Онегина приняла особые формы: из его души исчез огонь, из жизни ушёл идеал, и она потеряла смысл. Тоска стала абсолютной, всеобъемлющей. Демон-Онегин (этим именем Пушкин называет его в восьмой главе) живёт отрицанием смысла и положительных ценностей бытия. Не будучи от рождения пустым человеком, герой страдает от душевной опустошенности. В деревне он рассеялся за два дня —

На третий роца, холм и поле
Его не занимали боле...

Герой, утративший идеал, не может ни полюбить, ни откликнуться на зов другой души, ни встать над предрассудками света и предостеречь неопытного друга. Уже в первой главе, рассказывая о всепоглощающей хандре Онегина, автор провёл резкую грань между собой и своим героем:

Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной.

Природа, творческий труд выступают для автора, в отличие от Онегина, безусловной ценностью — автор не утратил идеалы, сберёг их.

Однако история Онегина — это история возрождения героя, который заново учится жить чувством. Пушкин не лишает Онегина благородства и чести. Герой способен оценить искреннее чувство дру-

гих людей («...получив посланье Тани, / Онегин живо тронут был»), «с улыбкой» слушал Ленского («...охладительное слово / В устах старался удержать...»). Отвечая Татьяне, Онегин не обличает, не утешает, а говорит правду, и автор ценит его жест:

Не в первый раз он тут явил
 Души прямое благородство...

Дружба Онегина с Ленским окончилась трагически. Как бы благородный ум Онегина ни протестовал против поединка, верх всё-таки взяли социальные условности.

Получив вызов на дуэль, Евгений
 Наедине с своей душой
 Был недоволен сам собой.

После убийства Ленского Онегин застывает «в тоске сердечных угрызений».

Неумершие чувства, просыпающаяся совесть стали залогом возрождения души. Онегин «как дитя» влюблён в Татьяну. Ранее невозмутимый, теперь он узнал любовь и настоящие страдания:

...К её крыльцу, стеклянным сеням
 Он подъезжает каждый день;
 За ней он гонится как тень...

Именно тогда, когда Онегин стал жить чувствами, когда обрёл идеал, снова бросился читать и читал уже «духовными глазами», его настигают полные трагического для него смысла слова Татьяны:

Я вышла замуж. Вы должны,
 Я вас прошу, меня оставить...

Пушкинский роман — это роман о возможном, но пропущенном счастье, о том, как предназначенные друг для друга Татьяна и Онегин в момент душевной близости вынуждены расстаться. Произошло это и по вине героев, и по вине обстоятельств. Трагизм романа состоит в том, что лучшие русские люди не находят счастья в действительности.

Татьяна. Рядом с культурой столичного дворянского общества существовала и другая культура, рождённая в недрах русской нации.

Она включала в себя быт, нравы, фольклор простого народа, которые входят в роман через изображение семьи Лариных, и прежде всего Татьяны.

Внутреннее развитие типа провинциальной дворянской девушки Татьяны заключается в постепенном изживании воздушных романтических грёз и в превращении умной от природы, душевно и безошибочно чуткой русской девушки, воспитанной в деревне, в просвещён-

«Евгений Онегин». Татьяна
и Онегин. Художник Д. Кардовский

«Евгений Онегин».
Татьяна и Онегин.
Художник Н. Кузьмин

ную, опытную и проницательную женщину, «законодательницу зал».

В первых главах Татьяна живёт чувствами. Она близка к природе. Пушкин нарочито подчёркивает «дикость», т. е. непросвещённость чувств героини. Она пишет Онегину «необдуманное письмо». Автор называет его плодом «легкомысленных страстей», но оправдывает героиню, которая писала «в милой простоте», «послушная влеченью чувства», в доверчивости и с «сердцем пламенным и нежным». В противоположность Онегину, духовное развитие которого совершается от преобладания рассудка к гармонии ума и чувства, самовоспитание Татьяны совершается иначе: от наивности, непосредственности чувств к их обогащению просвещённым умом.

В седьмой главе рассказывается о посещении Татьяной кабинета Онегина. Она читает книги героя, и ей «открылся мир иной». В этих книгах «отразился век», и Татьяна, лучше постигая душу Онегина, умственно растёт в глазах читателя: ею движет уже не безошибочное нравственное чувство, не природный ум, а ясное, просвещённое сознание, позволяющее понять «болезнь века», заразившую Онегина.

Умственный и нравственный кругозор Татьяны достигает расцвета. Отказываясь от счастья, Татьяна руководствуется уже не эмоциями, а сознанием нравственной ответственности, которая коренится в народной этике.

В близости Татьяны к природе, к быту, нравам и культуре русско-

го народа заключена здоровая и реальная жизненная основа. Татьяна впитала в себя народную мораль, окрасившую её мысли и чувства и проявившуюся в её поведении.

Имя Татьяны «неразлучно» для Пушкина с «воспоминаньем старины иль девичьей». Татьяна окружена фольклорными образами («Страшные рассказы / Зимою в темноте ночей / Пленяли больше сердце ей»). Даже сон Татьяны весь соткан из образов старинных сказок. Ей соответствует «Песня девушек», ей понятны народные обычаи:

Татьяна верила преданьям
Простонародной старины...

Разгадывая Онегина, Татьяна гадает о своей судьбе. Перебор литературных масок Онегина — это попытка представить себя героиней, напоминающей ту или иную подругу названных персонажей. Но это одновременно и отзвук народных гаданий о суженом, которые были свойственны Светлане, героине баллады Жуковского. Сон Татьяны содержит все признаки балладного сна.

Народная культура, выражающая склад русского характера и народные идеалы, исподволь формировала нравственность Татьяны. Развитие её характера Пушкин оставляет за рамками романа. Можно только догадываться, почему в одной семье Лариных возникли разные характеры Ольги и Татьяны. Пушкин пишет лишь, что Татьяна «в семье своей родной / Казалась девочкой чужой». Она предстаёт воплощением национального духа и пушкинским идеалом.

В соответствии с народными традициями Пушкин наделяет Татьяну исключительной душевной цельностью. Мысль и чувство, разум и поступок для неё одно и то же. Поэтому, полюбив, она первая открывается Онегину в любви, преступая условные законы народной и дворянской морали¹. Она ведёт себя просто и естественно. К любви она относится серьёзно и самоотверженно:

Кокетка судит хладнокровно,
Татьяна любит не шутя
И предаётся безусловно
Любви, как милое дитя.

Будучи замужней женщиной, она, любя Онегина, не отвечает на его чувство и остаётся верной мужу не только потому, что уважает своего супруга. Она не может поступиться своей честью в силу своего православного миропонимания. И в этом проявляется её близость к народным патриархальным устоям, в этом и дворянская честь провинциальной девушки.

Пушкин даёт это понять в двух эпизодах. Татьяна спрашивает ня-

¹ Знаменитая московская барыня Мария Ивановна Римская-Корсакова заявила, что женщина, первая написавшая письмо мужчине, — «конченная».

ню о её любви. Няня отвечает ей: «...Мы не слыхали про любовь». Няню никто не спрашивал о её воле, но, выйдя замуж, она смиряется со своей долей. Народ считает сохранение семейных и нравственных традиций и устоев выше их разрушения и распада, выше «незаконной» любви.

В другой раз Пушкин знакомит с историей любви матери Татьяны, в молодости влюблённой в Грандисона. Она искала в жизни человека, подобного этому литературному герою. Однако выдали её за Дмитрия Ларина, с которым она соединила свою жизнь до самой его смерти.

Таким образом, и у простой крестьянки, и у московской дворянки сходная судьба. Такой же жребий выпал и Татьяне: она поступает так, как её няня и её мать.

Однако есть и другие, не менее важные причины. Татьяна Дмитриевна Ларина связана с мужем брачными узами, и долг обязывает её быть верной супругой, несмотря на то что героиня вышла замуж не по любви. После того как смелая и «простая дева» написала своему избраннику признательное письмо, вопреки негласному, но принятому в обществе этикету, героиня романа выслушала отвергавшую её любовь «отповедь» Онегина:

Когда бы жизнь домашним кругом
Я ограничить захотел;
Когда б мне быть отцом, супругом
Приятный жребий повелел;
Когда б семейственной картиной
Пленился я хоть миг единой,—
То верно б, кроме вас одной,
Невесты не искал иной.

.....
Но я не создан для блаженства;
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Их вовсе недостоин я.
Поверьте (совесть в том порукой),
Супружество нам будет мукой.
Я, сколько ни любил бы вас,
Привыкнув, разлюблю тотчас;
Начнёте плакать: ваши слёзы
Не тронут сердца моего,
А будут лишь бесить его.
Судите ж вы, какие розы
Нам заготовит Гименей
И, может быть, на много дней.

Онегин был прав, он поступил благородно, предупредив Татьяну о последствиях их союза. В ту пору, когда герой произносил эти слова, он «думал: вольность и покой / Замена счастью». После отказа Онегина у героини был небольшой выбор жребиев: остаться старой девой, без всякой надежды ждать чуда — возвращения Онегина, ибо Татьяна уже не могла полюбить никого другого, или вручить свою судьбу достойному, хотя и нелюбимому человеку. Она согласилась на предложение человека знатного и богатого рода, честного и мужественного воина («муж в сраженьях изувечен»), который пользуется почётом в обществе. Впрочем, и к самой Татьяне общество прониклось нескрываемым уважением, а муж ею по праву, хотя и по-своему, гордился:

К ней дамы подвигались ближе;
 Старушки улыбались ей;
 Мужчины кланялися ниже,
 Ловили взор её очей;
 Девицы проходили тише
 Пред ней по зале, и всех выше
 И нос и плечи подымал
 Вошедший с нею генерал.

Татьяна, как когда-то Онегин, выбрала «покой и волю», потому что надежда на сочетание с возлюбленным исчезла. Оба отказались от счастья, которое было «так возможно, / Так близко!..». Однако герой сделал это добровольно. Героиня же — по принуждению: «Меня с слезами заклинаний / Молила мать; для бедной Тани / Все были жребии равны...»¹ Несмотря на то что Татьяна дала согласие на брак не по своей воле, она сожалеет об этом: «Неосторожно, быть может, поступила я...»

Когда «на мертвеца похожий» Онегин примчался в дом Татьяны, он застал её в печали:

Княгиня перед ним, одна,
 Сидит, не убрана, бледна,
 Письмо какое-то читает
 И тихо слёзы льёт рекой,
 Опёршись на руку щекой.

Но поэт подарил своей любимой героине (в отличие от Онегина) и покой, и волю. Читатель видит Татьяну в свете душевно спокойной. Она ничем не выдаёт ни удивления, ни волнения при встрече с Онегиным. Для читателя ясно, что Татьяна — полновластная хозяйка дома и «законодательница зал». Она величава и небрежна, чужда жеманства и показного нарочитого подчёркивания своего высокого по-

¹ Так же поступали и многие героини из тех романов, которые находились в библиотеке Онегина.

ложения. Героиня романа ценит покой и волю, свойственные ей в тех пределах, какие обусловлены её браком.

Эти перемены в Татьяне не укрылись от глаз Онегина, и его долг перед ней как благородного человека по неписанным нравственным меркам и законам состоял в том, чтобы отойти прочь, не возмущать её покой, не испытывать волю, не будить воспоминаний. От Онегина требовалась жертва, сходная с той, которую возложила на алтарь своей судьбы Татьяна. Вспомним, как поступил в сходной ситуации Пушкин. В стихотворении «Я вас любил...» он писал:

Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.

Онегин, напротив, повёл себя в худших традициях света, нарушая неписанные нормы этикета: он стал преследовать Татьяну и навязывать ей свою запоздалую любовь. И Татьяна, знающая пороки света, имела полное право усмотреть во вспыхнувшей любви Онегина задетое самолюбие и даже тщеславное желание похвастаться любовной победой в свете:

Тогда — не правда ли? — в пустыне,
Вдали от суетной молвы,
Я вам не нравилась... Что ж ныне
Меня преследуете вы?
Зачем у вас я на примете?
Не потому ль, что в высшем свете
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна,
Что муж в сраженьях изувечен,
Что нас за то ласкает двор?
Не потому ль, что мой позор
Теперь бы всеми был замечен
И мог бы в обществе принести
Вам соблазнительную честь?

Героиня готова была вынести «колкость... брани», «Холодный строгий разговор», упрёки в поспешности её замужества, но не «обидную страсть», на которую у Онегина нет никакого права.

Поведение героя оскорбительно для Татьяны. Это означает, что Онегин, научившийся читать «духовными глазами», искренно влюблённый в героиню после долгих лет странствий, всё же нравственно не изменился коренным образом. Несмотря на всё своё благородство и незаурядность, несмотря на свои бесспорные высокие человеческие качества — «гордость и прямую честь», он не расстался с пороками и предрассудками света, с автоматизмом поступков, усвоенных в свете.

Пушкин уже влюблённого в Татьяну Онегина называет «Мой неисправленный чудак».

В Татьяне же, несмотря на перемены, вызванные новыми обстоятельствами, по-прежнему живёт тяга к простой, естественной семейной жизни на лоне вечно прекрасной природы с нехитрыми бытовыми радостями, с любовью к избраннику... В этой княгине, по словам Пушкина, никогда не умирала «Простая дева, / С мечтами, сердцем прежних дней...». Сама Татьяна признаётся Онегину в том же:

А мне, Онегин, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище,
За те места, где в первый раз,
Онегин, видела я вас...

«Евгений Онегин». Татьяна и Онегин.
Художник М. Добужинский

«Евгений Онегин». Татьяна и Онегин.
Художник Н. Кузьмин

Она не скрывает от Онегина: «Я вас люблю (к чему лукавить)». Она хранит и таит свою первую любовь, оставаясь ей верной. Но духовное расстояние между героями осталось таким же, каким оно было в дни их знакомства: в Онегине нет положительного жизненного стержня. Он попрежнему в плену света, по-прежнему полон разочарования и скептицизма без всяких надежд на исцеление от своих недугов.

Чутким сердцем Татьяна поняла, что счастье с Онегиным для неё невозможно. И тогда она прибегла к испытанной веками, восходящей к народной нравственности формуле: «...я другому отдана; / Я буду век ему верна». Так Пушкин выразил своё мнение, считая, что брак вечен¹ и только со смертью одного из супругов таинство брака уничтожается.

Итак, став блестящей светской дамой, Татьяна не утратила связи с национальной культурой. В ней воссоединилась народная традиция с высокой культурой просвещённого дворянства. То же самое происходит и с автором, который усвоил и дворянскую, и народную культуры, превратив их в единую национальную. Только Татьяна идёт от народной традиции к дворянской, автор же, напротив, от дворянской к народной.

Душевная цельность Татьяны в наибольшей степени характеризует гармоническое единство лучших сторон высокой дворянской и просто-народной культур — пушкинский поэтический идеал. Поэтому автор не скрывает своих симпатий к Татьяне.

В русской действительности Пушкин обнаружил две культуры: дворянскую (светскую, оторванную от народа, и провинциальную, близкую к простонародной) и народную. Идеалом поэта выступила единая культура, сочетающая в себе высокие достижения дворянской образованности и гуманную народную нравственность. Пушкин искал пути сближения дворянства с народом.

Автор в романе. Творя особый, вымышленный мир романа, сам Пушкин выступает как реальное действующее лицо, остающееся, однако, за рамками сюжета. Он вводит в произведение своих друзей и знакомых, достигая правдоподобия и исторической достоверности в описании развивающихся событий. Так, например, Онегин проводит

¹ В стихотворном послании к своему петербургскому знакомцу поэту Аркадию Гавриловичу Родзянко («К Родзянке») Пушкин писал:

Но не согласен я с тобой,
Не одобряю я развода!
Во-первых, веры долг святой,
Закон и самая природа...

А. Г. Родзянко (1793—1846) — поэт, автор сатиры «Два века». Пушкин познакомился с ним в 1818—1819 годах в Петербурге, где Родзянко в то время служил прапорщиком лейб-гвардии Егерского полка. Через несколько лет Родзянко вышел в отставку в чине капитана. Он был влюблён в А. П. Керн.

«Евгений Онегин». Художник Н. Кузьмин

время в обществе Каверина и автора (1, XVI, XLV), Татьяна встречается с Вяземским (7, XLIX).

В лирических отступлениях Пушкин непринуждённо беседует с читателем, делится с ним творческими планами («Я думал уж о форме плана / И как героя назову»), торопит своё воображение («Вперёд, вперёд, моя история»), рассуждает о литературе и искусстве (1, XVIII, XIX; 3, XI, XII).

Автор вспоминает прожитые годы, важнейшие события своей жизни, грустные и радостные. Всё пережитое в Лицее, в Петербурге, на юге, в Михайловском оживает под пером поэта, тонкого лирика и глубокого мыслителя. Автор высказывает своё отношение к любимым героям. Татьяна для него — «милый», «верный идеал» женщины:

Простите мне: я так люблю
Татьяну милую мою!

Онегин — друг автора, которому «нравились его черты» (1, XLV).

С образом автора всецело связана и знаменитая энциклопедичность романа. «Евгений Онегин» стал «энциклопедией русской жизни» (В. Г. Белинский), потому что в нём всесторонне изображены ведущие, самые главные и самые характерные тенденции жизни русского общества 20-х годов XIX века. Авторский образ с наибольшей полнотой и силой воплощал те духовные переживания, которые владели передовыми людьми страны.

Своеобразие романа. «Евгений Онегин» — необычный роман, потому что у него нет начала и нет конца. Начинается роман с середины, с отъезда героя в деревню. Пушкин, изображая героев, постоянно отталкивается от литературных шаблонов и романских клише. Характеризуя Ольгу, он иронизирует над портретной манерой романистов:

...любой роман
Возьмите и найдёте верно
Её портрет: он очень мил,
Я прежде сам его любил,
Но надоел он мне безмерно.

Он не удовлетворён и обычными изображениями романских героев:

Свой слог на важный лад настроя,
Бывало, пламенный творец
Являл нам своего героя
Как совершенства образец...

В пушкинском романе герой не образец совершенства и далёк от восторженности. Восторженный персонаж — Ленский, но жертвенность его напрасна, самопожертвования от него никто не требует. Нет и счастливого конца. Роман оборван на драматической сцене. Как известно, герой в конце романа должен либо погибнуть, либо обрести полное счастье. Этого читатели и ждали от Пушкина, который, по их мнению, должен был ранить Ленского или Онегина, а затем всё устроилось бы ко взаимному удовольствию. Другие читатели настаивали на смерти или на продолжении романа по той причине, что Онегин жив и, стало быть, роман не завершён.

Пушкин же, ведя с читателями ироническую игру, сознательно отказался и от завязок, и от развязок, которых требовало искусство классицизма. Перед завершающей, восьмой главой, когда роман клонился к окончанию, поэт вдруг заявил, что всё написанное ранее только вступление:

Я классицизму отдал честь:
Хоть поздно, а вступление есть.

И вместе с тем на протяжении всего текста он приоткрывал двери в «творческую лабораторию».

Пушкин отказался от привычных романских штампов и шаблонов, он убедил читателей в правдивости рассказанной им истории. Роман выглядит выхваченным из живой жизни, а не задуманным и созданным автором.

На самом деле это, конечно, не так. «Евгений Онегин» — искусное творение. Только гениальный мастер способен вселить в читателя иллюзию, будто роман не вымыслен им, а прямо из жизни фотографически перенесён на бумагу.

Необычно построена и композиция романа, в которой переплетены рассказ, отступления от него, воспоминания и размышления автора. В этом собрании «пёстрых глав» есть стройность, симметрия, движение сюжета, о котором автор ни на минуту не забывает. Заканчивая характеристику юного Онегина, Пушкин замечает:

...и вдруг
Добиться тайного свиданья...
И после ей наедине
Давать уроки в тишине!

В четвёртой главе Онегин даёт «урок» Татьяне, которая вспомнит о его отповеди в восьмой главе:

Онегин, помните ль тот час,
Когда в саду, в аллее нас
Судьба свела, и так смиренно
Урок ваш выслушала я?
Сегодня очередь моя.

Всё это свидетельства высокого искусства Пушкина, роман которого стал фактом культурной жизни России.

Если романтики разделяли идеал и действительность на две несовместимые сферы, то Пушкин нашёл идеал в той действительности, которая подлежала критике и суду.

«Евгений Онегин» был первым русским реалистическим романом. Герои мыслят, чувствуют и поступают в соответствии со своими характерами. Общее, свойственное людям одной среды, проявляется через индивидуальное, особенное.

Одно из самых удивительных качеств реализма — саморазвитие характеров, литературных типов. Созданный автором образ как бы живёт самостоятельной жизнью. Пушкин, например, в начале романа не предполагал, что его Татьяна выйдет замуж, а Онегин напишет ей письмо. Однако логика развития этих характеров оказалась такова, что Пушкин был «вынужден» отдать Татьяну замуж и написать письмо Онегина к Татьяне. Созданные Пушкиным литературные типы отделились от автора и стали поступать так, как подсказывает им логика их характеров. Автор, чтобы сохранить психологическую правду характера, должен был следовать за душевными движениями героев и не мешать им обнаруживать свои свойства.

Реализм романа отчётливо выразился в стиле, в языке пушкинского произведения. Каждое слово автора точно характеризует национально-исторический быт эпохи, характер и культуру героев и одновременно эмоционально окрашивает их.

Роман «Евгений Онегин» — особый роман. В нём два пространства. Одно из них реальное. В нём живёт автор, который связан с личностью человека и поэта Пушкина, причём таким образом, что Пушкин

выступает прототипом автора, т. е., по сути, себя самого, своего художественного образа. Автор в романе довольно последовательно рассказывает о себе, о своей музе, о собственной творческой судьбе, о том, как он духовно рос и как менялся под воздействием обстоятельств или сопротивлялся им. Этот, назовём его «реальный», роман («роман жизни», по выражению Пушкина) насквозь лиричен, потому что в нём главное лицо — поэт. Внутри этого лирического «реального» романа помещён «условный» роман с эпическим сюжетом. В нём развёрнута любовная история героев, известная автору, который придумал способ рассказа о ней. Поскольку автор — посредник между «реальным» романом и «условным» романом, между реальным пространством, где живёт читатель, и условным, где обитают герои, то автор может вводить героев в реальное пространство и возвращать их в условное. Автор постоянно вторгается в повествование, общается с читателями, создаёт иллюзию естественного, как сама жизнь, течения романских событий. При этом «условный» роман, где в основном живут герои, лишь эпизод из «реального» романа, отчётливо соотносённого с ходом жизни, точнее, с романом, который творится самой жизнью.

«Евгений Онегин» в критике. Постепенно автор утрачивает близость к Онегину и всё более сближается с Татьяной. И эта перемена глубоко знаменательна.

Критики увидели её, но оценили по-разному. *В. Г. Белинский*, воздав должное Татьяне, способной встать выше предрассудков, не мог ей простить брак без любви, считал, что такие отношения «составляют профанацию чувства и чистоты женственности». Он полагал, что Татьяна должна была оставить своего мужа, развестись с ним и выйти замуж за Онегина. Что касается Онегина, то, отметив его трагическую зависимость от среды, Белинский понял пушкинского героя как тип эпохи и назвал его «эгоистом поневоле», «лишним человеком».

Д. И. Писарев не согласился ни с Пушкиным, ни с Белинским и нашёл, что образ жизни Пушкина и образ жизни Онегина одинаковы и что никакого общезначимого интереса роман и его герои не несут и нести не могут. Взгляды автора и героев никчёмны. Тип Онегина мелок, совершенно бесполезен в русской жизни и потому не нужен. Этот антиисторический и грубо утилитарный вывод вызвал отпор критиков и писателей.

Ф. М. Достоевский осмыслил Онегина чуждым русскому национальному сознанию, европейским «гордецом» и противопоставил ему «русскую душу» смиренную Татьяну, увидев в ней воплощение духовного идеала — соборности и православия, гармоническое сочетание нравственной силы и христианского смирения.

Каждая из этих оценок романа углубляла понимание «Евгения Онегина», но суживала его смысл и содержание. Например, Татьяна соотносилась исключительно с русским миром, а Онегин — с евро-

пейским. Из рассуждений критиков вытекало, что духовность России всецело зависит от Татьяны, нравственный тип которой есть спасение от чуждых русскому духу Онегиных. Нетрудно, однако, заметить, что для Пушкина и Татьяна, и Онегин одинаково русские люди, способные наследовать национальные традиции и сочетать их с блеском русской дворянской, просвещённой западной и общечеловеческой культуры.

«Евгений Онегин» запечатлел духовную красоту Пушкина и живую красоту русской народной жизни, которая была открыта автором гениального романа.

Столь же велики, как и в лирике, и в лирическом эпосе, достижения Пушкина в прозе и драматургии, открывшие новый этап в творчестве писателя.

Высшее мнение

Познакомьтесь с книгой «А. С. Пушкин. Школьный энциклопедический словарь» под редакцией В. И. Коровина.

В этом словаре вы найдёте ответы на любые вопросы, касающиеся жизни и творчества великого русского поэта.

Евгений Онегин

*Роман в стихах
(фрагменты)*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же чёрт возьмёт тебя!»

II

Так думал молодой повеса,
 Летя в пыли на почтовых,
 Всевышней волею Зевеса
 Наследник всех своих родных.
 Друзья Людмилы и Руслана!
 С героем моего романа
 Без предисловий, сей же час
 Позвольте познакомить вас:
 Онегин, добрый мой приятель,
 Родился на берегах Невы,
 Где, может быть, родились вы
 Или блистали, мой читатель;
 Там некогда гулял и я:
 Но вреден север для меня¹.

III

Служив отлично-благородно,
 Долгами жил его отец,
 Давал три бала ежегодно
 И промотался наконец.
 Судьба Евгения хранила:
 Сперва Madame за ним ходила,
 Потом Monsieur её сменил;
 Ребёнок был резов, но мил.
 Monsieur l'Abbe, француз убогой,
 Чтоб не измучилось дитя,
 Учил его всему шутя,
 Не докучал моралью строгой,
 Слегка за шалости бранил
 И в Летний сад гулять водил.

IV

Когда же юности мятежной
 Пришла Евгению пора,
 Пора надежд и грусти нежной,
 Monsieur прогнали со двора.
 Вот мой Онегин на свободе;
 Острижен по последней моде,

¹ Писано в Бессарабии. (Примеч. А. С. Пушкина.)

Как dandy¹ лондонский одет —
 И наконец увидел свет.
 Он по-французски совершенно
 Мог изъясняться и писал;
 Легко мазурку танцевал
 И кланялся непринужденно;
 Чего ж вам больше? Свет решил,
 Что он умён и очень мил.

V

Мы все учились понемногу
 Чему-нибудь и как-нибудь,
 Так воспитаньем, слава богу,
 У нас немудрено блеснуть.
 Онегин был, по мнению многих
 (Судей решительных и строгих),
 Учёный малый, но педант²:
 Имел он счастливый талант
 Без принужденья в разговоре
 Коснуться до всего слегка,
 С учёным видом знатока
 Хранить молчанье в важном споре
 И возбуждать улыбку дам
 Огнём нежданных эпиграмм.

VI

Латынь из моды вышла ныне:
 Так, если правду вам сказать,
 Он знал довольно по-латыни,
 Чтоб эпиграфы разбирать,
 Потолковать об Ювенале,
 В конце письма поставить vale³,
 Да помнил, хоть не без греха,
 Из Энеиды два стиха.
 Он рыться не имел охоты
 В хронологической пыли
 Бытописания земли;

¹ *Dandy*, фронт. (Примеч. А. С. Пушкина.)

² *Педант* — здесь: «человек, выставляющий напоказ свои знания, свою учёность, с апломбом, судящий обо всём». (Словарь языка А. С. Пушкина.)

³ *Vale* (лат.) — будь здоров.

Но дней минувших анекдоты
 От Ромула до наших дней
 Хранил он в памяти своей.
 <...>

VIII

Всего, что знал ещё Евгений,
 Пересказать мне недосуг;
 Но в чём он истинный был гений,
 Что знал он твёрже всех наук,
 Что было для него измлада
 И труд, и мука, и отрада,
 Что занимало целый день
 Его тоскующую лень, —
 Была наука страсти нежной,
 Которую воспел Назон,
 За что страдальцем кончил он
 Свой век блестящий и мятежный
 В Молдавии, в глуши степей,
 Вдали Италии своей.
 <...>

X

Как рано мог он лицемерить,
 Таить надежду, ревновать,
 Разуверять, заставить верить,
 Казаться мрачным, изнывать,
 Являться гордым и послушным,
 Внимательным иль равнодушным!
 Как томно был он молчалив,
 Как пламенно красноречив,
 В сердечных письмах как небрежен!
 Одним дыша, одно любя,
 Как он умел забыть себя!
 Как взор его был быстр и нежен,
 Стыдлив и дерзок, а порой
 Блистал послушною слезой!

XI

Как он умел казаться новым,
 Шутя невинность изумлять,

Пугать отчаяньем готовым,
 Приятной лестью забавлять,
 Ловить минуту умиленья,
 Невинных лет предубежденья
 Умом и страстью побеждать,
 Невольной ласки ожидать,
 Молить и требовать признанья,
 Подслушать сердца первый звук,
 Преследовать любовь и вдруг
 Добиться тайного свиданья...
 И после ей наедине
 Давать уроки в тишине!

XII

Как рано мог уж он тревожить
 Сердца кокеток записных!
 Когда ж хотелось уничтожить
 Ему соперников своих,
 Как он язвительно злословил!
 Какие сети им готовил!
 Но вы, блаженные мужья,
 С ним оставались вы друзья:
 Его ласкал супруг лукавый,
 Фобласа давний ученик,
 И недоверчивый старик,
 И рогоносец величавый,
 Всегда довольный сам собой,
 Своим обедом и женой.
 <...>

XV

Бывало, он ещё в постеле:
 К нему записочки несут.
 Что? Приглашенья? В самом деле,
 Три дома на вечер зовут:
 Там будет бал, там детский праздник.
 Куда ж поскачет мой проказник?
 С кого начнёт он? Всё равно:
 Везде поспеть немудрено.
 Покамест в утреннем уборе,
 Надев широкий *боливар*¹,

¹ Шляпа à la Bolivar. (Примеч. А. С. Пушкина.)

Онегин едет на бульвар
И там гуляет на просторе,
Пока недремлющий брегет
Не прозвонит ему обед.

XVI

Уж темно: в санки он садится.
«Пади, пади!» — раздался крик;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник.
К Talon¹ помчался: он уверен,
Что там уж ждёт его Каверин.
Вошёл: и пробка в потолок,
Вина кометы брызнул ток;
Пред ним roast-beef² окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Страсбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым.

XVII

Ещё бокалов жажда просит
Залить горячий жир котлет,
Но звон брегета им доносит,
Что новый начался балет.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательных актрис,
Почётный гражданин кулис,
Онегин полетел к театру,
Где каждый, вольностью дыша,
Готов охлопать entrechat³,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать (для того,
Чтоб только слышали его).
<...>

¹ Известный ресторатор. (Примеч. А. С. Пушкина.)

² Рóстбиф (англ.) — мясное блюдо английской кухни.

³ Антрашá (фр.) — фигура в балете.

XXXV

Что ж мой Онегин? Полусонный
 В постелю с бала едет он:
 А Петербург неугомонный
 Уж барабаном пробуждён.
 Встаёт купец, идёт разносчик,
 На биржу тянется извозчик,
 С кувшином охтенка спешит,
 Под ней снег утренний хрустит.
 Проснулся утра шум приятный.
 Открыты ставни; трубный дым
 Столбом восходит голубым,
 И хлебник, немец аккуратный,
 В бумажном колпаке, не раз
 Уж отворял свой *васисдас*¹.

XXXVI

Но, шумом бала утомленный,
 И утро в полночь обратя,
 Спокойно спит в тени блаженной
 Забав и роскоши дитя.
 Проснётся за полдень, и снова
 До утра жизнь его готова,
 Однообразна и пестра,
 И завтра то же, что вчера.
 Но был ли счастлив мой Евгений,
 Свободный, в цвете лучших лет,
 Среди блистательных побед,
 Среди вседневных наслаждений?
 Вотще ли был он среди пиров
 Неосторожен и здоров?

XXXVII

Нет: рано чувства в нём остыли;
 Ему наскучил света шум;
 Красавицы не долго были

¹ *Васисдас* — игра слов: во французском языке — форточка, в немецком — вопрос «вас ист дас?» — «что это?», употреблявшийся у русских для указания на немецкое происхождение персонажа. Торговля в небольших лавочках велась через окно. То есть эти строчки значат: хлебник-немец успел продать не одну булку.

Предмет его привычных дум;
 Измены утомить успели;
 Друзья и дружба надоели,
 Затем, что не всегда же мог
 Beef-steaks и страсбургский пирог
 Шампанской обливать бутылкой
 И сыпать острые слова,
 Когда болела голова;
 И хоть он был повеса пылкой,
 Но разлюбил он наконец
 И брань, и саблю, и свинец.

XXXVIII

Недуг, которого причину
 Давно бы отыскать пора,
 Подобный английскому *сплину*,
 Короче: русская *хандра*
 Им овладела понемногу;
 Он застрелиться, слава богу,
 Попробовать не захотел,
 Но к жизни вовсе охладел.
 Как Child-Harold, угрюмый, томный
 В гостиных появлялся он;
 Ни сплетни света, ни бостон,
 Ни милый взгляд, ни вздох нескромный,
 Ничто не трогало его,
 Не замечал он ничего.
 <...>

XLIV

И снова, преданный безделью,
 Томясь душевной пустотой,
 Уселся он — с похвальной целью
 Себе присвоить ум чужой;
 Отрядом книг уставил полку,
 Читал, читал, а всё без толку:
 Там скука, там обман иль бред;
 В том совести, в том смысла нет;
 На всех различные вериги;
 И устарела старина,
 И старым бредит новизна.
 Как женщин, он оставил книги,

И полку, с пыльной их семьёй,
Задёрнул траурной тафтой.

XLV

Условий света свергнув бремя,
Как он, отстав от суеты,
С ним подружился я в то время.
Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий, охлаждённый ум.
Я был озлоблен, он угрюм;
Страстей игру мы знали оба;
Томила жизнь обоих нас;
В обоих сердца жар угас;
Обоих ожидала злоба
Слепой Фортуны и людей
На самом утре наших дней.

XLVI

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней:
Тому уж нет очарований,
Того змия воспоминаний,
Того раскаянье грызёт.
Всё это часто придаёт
Большую прелесть разговору.
Сперва Онегина язык
Меня смущал; но я привык
К его язвительному спору,
И к шутке, с желчью пополам,
И злости мрачных эпиграмм.

XLVII

Как часто летнею порою,
Когда прозрачно и светло

Ночное небо над Невою¹
 И вод весёлое стекло
 Не отражает лик Дианы,
 Воспомня прежних лет романы,
 Воспомня прежнюю любовь,
 Чувствительны, беспечны вновь,
 Дыханьем ночи благосклонной
 Безмолвно упивались мы!
 Как в лес зелёный из тюрьмы
 Перенесён колодник сонный,
 Так уносились мы мечтой
 К началу жизни молодой.

¹ Читатели помнят прелестное описание петербургской ночи в идиллии Гнедича:

Вот ночь; но меркнут златистые полосы облак.
 Без звёзд и без месяца вся озаряется дальность.
 На взморье далёком серебристые видны ветрила
 Чуть видных судов, как по синему небу плывущих.
 Сияньем бессумрачным небо ночное сияет,
 И пурпур заката сливается с золотом востока:
 Как будто денница за вечером следом выводит
 Румяное утро. — Была то година золотая.
 Как летние дни похищают владычество ночи;
 Как взор иноземца на северном небе пленяет
 Сиянье волшебное тени и сладкого света,
 Каким никогда не украшено небо полудня;
 Та ясность, подобная прелестям северной девы,
 Которой глаза голубые и алые щёки
 Едва оттеняются русыми локонов волнами.
 Тогда над Невой и над пышным Петрополем видят
 Без сумрака вечер и быстрые ночи без тени;
 Тогда Филомела полночные песни лишь кончит
 И песни заводит, приветствуя день восходящий.
 Но поздно; повеяла свежесть на невские тундры;
 Роса опустилась;
 Вот полночь: шумевшая вечером тысячью вёсел,
 Нева не колыхнет; разъехались гости градские;
 Ни гласа на бреге, ни зыби на влаге, всё тихо;
 Лишь изредка гул от мостов пробежит над водою;
 Лишь крик протяжённый из дальней промчится
 деревни,
 Где в ночь окликается ратная стража со стражей.
 Всё спит.

(Примеч. А. С. Пушкина.)

XLVIII

С душою, полной сожалений,
 И опершись на гранит,
 Стоял задумчиво Евгений,
 Как описал себя пиит¹.
 Всё было тихо; лишь ночные
 Перекликались часовые,
 Да дροжек отдалённый стук
 С Мильонной² раздавался вдруг;
 Лишь лодка, вёслами махая,
 Плыла по дремлющей реке:
 И нас пленяли вдалеке
 Рожок и песня удалая...
 Но слаще, среди ночных забав,
 Напев Торкватовых октав³!
 <...>

Ц

Онегин был готов со мною
 Увидеть чуждые страны;
 Но скоро были мы судьбою
 На долгий срок разведены.
 Отец его тогда скончался.
 Перед Онегиным собрался
 Заимодавцев жадный полк.
 У каждого свой ум и толк:
 Евгений, тяжбы ненавидя,
 Довольный жребием своим,
 Наследство предоставил им,
 Большой потери в том не видя
 Иль предузнав издалека
 Кончину дяди старика.

¹ Въявь богиню благосклонну
 Зрит восторженный пиит,
 Что проводит ночь бессонну,
 Опершись на гранит.

(Муравьёв. Богине Невы.) (Примеч. А. С. Пушкина.)

² Мильонная (Миллионная) — название улицы в Санкт-Петербурге.

³ Торкватовые октавы — стихи итальянского поэта эпохи Возрождения Торквато Тассо (1544—1595).

LII

Вдруг получил он в самом деле
 От управителя доклад,
 Что дядя при смерти в постеле
 И с ним проститься был бы рад.
 Прочтя печальное посланье,
 Евгений тотчас на свиданье
 Стремглав по почте поскакал
 И уж заранее зевал,
 Приготовляясь, денег ради,
 На вздохи, скуку и обман
 (И тем я начал мой роман);
 Но, прилетев в деревню дяди,
 Его нашёл уж на столе,
 Как дань, готовую земле.

LIII

Нашёл он полон двор услуги;
 К покойнику со всех сторон
 Съезжались недруги и други,
 Охотники до похорон.
 Покойника похоронили.
 Попы и гости ели, пили
 И после важно разошлись,
 Как будто делом занялись.
 Вот наш Онегин — сельский житель,
 Заводов, вод, лесов, земель
 Хозяин полный, а досель
 Порядка враг и расточитель,
 И очень рад, что прежний путь
 Переменил на что-нибудь.

LIV

Два дня ему казались новы
 Уединённые поля,
 Прохлада сумрачной дубровы,
 Журчанье тихого ручья;
 На третий роца, холм и поле
 Его не занимали боле;
 Потом уж наводили сон;

Потом увидел ясно он,
 Что и в деревне скука та же,
 Хоть нет ни улиц, ни дворцов,
 Ни карт, ни балов, ни стихов.
 Хандра ждала его на страже,
 И бегала за ним она,
 Как тень иль верная жена.

LV

Я был рождён для жизни мирной,
 Для деревенской тишины:
 В глуши звучнее голос лирный,
 Живее творческие сны.
 Досугам посвятись невинным,
 Брожу над озером пустынным,
 И *far niente*¹ мой закон.
 Я каждым утром пробуждён
 Для сладкой неги и свободы:
 Читаю мало, долго сплю,
 Летучей славы не ловлю.
 Не так ли я в былые годы
 Провёл в бездействии, в тени
 Мои счастливейшие дни?

LVI

Цветы, любовь, деревня, праздность,
 Поля! я предан вам душой.
 Всегда я рад заметить разность
 Между Онегиным и мной,
 Чтобы насмешливый читатель
 Или какой-нибудь издатель
 Замысловатой клеветы,
 Сличая здесь мои черты,
 Не повторял потом безбожно,
 Что намарал я свой портрет,
 Как Байрон, гордости поэт,
 Как будто нам уж невозможно
 Писать поэмы о другом,
 Как только о себе самом.
 <...>

¹ *Безделье* (ит.).

ГЛАВА ВТОРАЯ

VI

В свою деревню в ту же пору
 Помещик новый прискакал
 И столь же строгому разбору
 В соседстве повод подавал.
 По имени Владимир Ленской,
 С душою прямо геттингенской¹,
 Красавец, в полном цвете лет,
 Поклонник Канта и поэт.
 Он из Германии туманной
 Привез учёности плоды:
 Вольнолюбивые мечты,
 Дух пылкий и довольно странный,
 Всегда восторженную речь
 И кудри чёрные до плеч.

VII

От хладного разврата света
 Ещё увянуть не успев,
 Его душа была согрета
 Приветом друга, лаской дев;
 Он сердцем милый был невежда,
 Его лелеяла надежда,
 И мира новый блеск и шум
 Ещё пленяли юный ум.
 Он забавлял мечтою сладкой
 Сомненья сердца своего;
 Цель жизни нашей для него
 Была заманчивой загадкой,
 Над ней он голову ломал
 И чудеса подозревал.

VIII

Он верил, что душа родная
 Соединиться с ним должна,

¹ *С душою прямо геттингенской...* — Геттингенский университет в Германии был одним из наиболее либеральных университетов в Европе.

Что, безотрадно изнывая,
 Его вседневно ждёт она;
 Он верил, что друзья готовы
 За честь его приять оковы
 И что не дрогнет их рука
 Разбить сосуд клеветника;
 Что есть избранные судьбами,
 Людей священные друзья;
 Что их бессмертная семья
 Неотразимыми лучами
 Когда-нибудь нас озарит
 И мир блаженством одарит.
 <...>

X

Он пел любовь, любви послушный,
 И песнь его была ясна,
 Как мысли девы простодушной,
 Как сон младенца, как луна
 В пустынях неба безмятежных,
 Богиня тайн и вздохов нежных;
 Он пел разлуку и печаль,
 И *нечто*, и *туманну даль*,
 И романтические розы;
 Он пел те дальние страны,
 Где долго в лоно тишины
 Лились его живые слёзы;
 Он пел поблеклый жизни цвет
 Без малого в осмнадцать лет.
 <...>

XII

Богат, хорош собою, Ленский
 Везде был принят как жених;
 Таков обычай деревенский;
 Все дочек прочили своих
 За *полурусского соседа*;
 Взойдёт ли он, тотчас беседа
 Заводит слово стороной
 О скуке жизни холостой;
 Зовут соседа к самовару,
 А Дуня разливает чай,
 Ей шепчут: «Дуня, примечай!»

Потом приносят и гитару;
И запищит она (Бог мой!):
*Приди в чертог ко мне златой!*¹

XIII

Но Ленский, не имев, конечно,
Охоты узы брака несть,
С Онегиным желал сердечно
Знакомство покороче свести.
Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лёд и пламень
Не столь различны меж собой.
Сперва взаимной разнотой
Они друг другу были скучны;
Потом понравились; потом
Съезжались каждый день верхом
И скоро стали неразлучны.
Так люди (первый каюсь я)
От делать нечего друзья.

XIV

Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами — себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно,
Нам чувство дико и смешно.
Сноснее многих был Евгений;
Хоть он людей, конечно, знал
И вообще их презирал, —
Но (правил нет без исключений)
Иных он очень отличал
И вчуже чувство уважал.

XV

Он слушал Ленского с улыбкой.
Поэта пылкий разговор,

¹ Из первой части Днепровской русалки. (Примеч. А. С. Пушкина.)

И ум, ещё в сужденьях зыбкой,
 И вечно вдохновенный взор, —
 Онегину всё было ново;
 Он охладительное слово
 В устах старался удержать
 И думал: глупо мне мешать
 Его минутному блаженству;
 И без меня пора придёт,
 Пускай покамест он живёт
 Да верит мира совершенству;
 Простим горячке юных лет
 И юный жар и юный бред.
 <...>

XX

Ах, он любил, как в наши лета
 Уже не любят; как одна
 Безумная душа поэта
 Ещё любить осуждена:
 Всегда, везде одно мечтанье,
 Одно привычное желанье,
 Одна привычная печаль.
 Ни охлаждающая даль,
 Ни долгие лета разлуки,
 Ни музам данные часы,
 Ни чужеземные красы,
 Ни шум веселий, ни науки
 Души не изменили в нём,
 Согретой девственным огнём.

XXI

Чуть отрок, Ольгою пленённый,
 Сердечных мук ещё не знав,
 Он был свидетель умилённый
 Её младенческих забав;
 В тени хранительной дубравы
 Он разделял её забавы,
 И детям прочили венцы
 Друзья-соседи, их отцы.
 В глуши, под сению смиренной,
 Невинной прелести полна,
 В глазах родителей, она

Цвела как ландыш потаенный,
 Не знаемый в траве глухой
 Ни мотыльками, ни пчелой.
 <...>

XXIII

Всегда скромна, всегда послушна,
 Всегда как утро весела,
 Как жизнь поэта простодушна,
 Как поцелуй любви мила,
 Глаза как небо голубые;
 Улыбка, локоны льняные,
 Движенья, голос, лёгкий стан —
 Всё в Ольге... но любой роман
 Возьмите и найдёте, верно,
 Её портрет: он очень мил,
 Я прежде сам его любил,
 Но надоел он мне безмерно.
 Позвольте мне, читатель мой,
 Заняться старшею сестрой.

XXIV

Её сестра звалась Татьяна...¹
 Впервые именем таким
 Страницы нежные романа
 Мы своевольно освятим.
 И что ж? оно приятно, звучно;
 Но с ним, я знаю, неразлучно
 Воспоминанье старины
 Иль девичьей! Мы все должны
 Признаться: вкусу очень мало
 У нас и в наших именах
 (Не говорим уж о стихах);
 Нам просвещенье не пристало,
 И нам досталось от него
 Жеманство, — больше ничего.

XXV

Итак, она звалась Татьяной.
 Ни красотой сестры своей,

¹ Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например: Агафон, Филат, Федора, Фёкла и проч., употребляются у нас только между простолюдинами. (Примеч. А. С. Пушкина.)

Ни свежестью её румяной
 Не привлекла б она очей.
 Дика, печальна, молчалива,
 Как лань лесная, боязлива,
 Она в семье своей родной
 Казалась девочкой чужой.
 Она ласкаться не умела
 К отцу, ни к матери своей;
 Дитя сама, в толпе детей
 Играть и прыгать не хотела
 И часто целый день одна
 Сидела молча у окна.

XXVI

Задумчивость, её подруга
 От самых колыбельных дней,
 Теченье сельского досуга
 Мечтами украшала ей.
 Её изнеженные пальцы
 Не знали игл; склонясь на пяльцы,
 Узором шёлковым она
 Не оживляла полотна.
 Охоты властвовать примета,
 С послушной куклою дитя
 Приготавливается шутя
 К приличию, закону света,
 И важно повторяет ей
 Уроки маменьки своей.

XXVII

Но куклы даже в эти годы
 Татьяна в руки не брала;
 Про вести города, про моды
 Беседы с нею не вела.
 И были детские проказы
 Ей чужды: страшные рассказы
 Зимой в темноте ночей
 Пленяли больше сердце ей.
 Когда же няня собирала
 Для Ольги на широкий луг
 Всех маленьких её подруг,
 Она в горелки не играла,
 Ей скучен был и звонкий смех,
 И шум их ветреных утех.

XXVIII

Она любила на балконе
 Предупреждать зари восход,
 Когда на бледном небосклоне
 Звёзд исчезает хоровод,
 И тихо край земли светлеет,
 И, вестник утра, ветер веет,
 И всходит постепенно день.
 Зимой, когда ночная тень
 Полмиром доле обладает,
 И доле в праздной тишине,
 При отуманенной луне,
 Восток ленивый почивает,
 В привычный час пробуждена
 Вставала при свечах она.
 <...>

В творческой лаборатории А. С. Пушкина

Вслушаемся в отзывы о романе в стихах «Евгений Онегин»:

В. Белинский об энциклопедической широте русской жизни: «В своей поэме он умел коснуться так многого, намекнуть о столь многом, что принадлежит исключительно к миру русской природы, к миру русского общества. „Онегина“ можно назвать энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением».

Д. Веневитинов о лёгкости и изяществе стиха: «О новом романе г. Пушкина, — что он есть новый прелестный цветок на поле нашей словесности, что в нём нет описания, в котором бы не видна была искусная кисть, управляемая живым, резвым воображением; почти нет стиха, который бы не носил отпечатка или игривого остроумия, или очаровательного таланта в красоте выражения».

А. Герцен о глубине осмысления русской жизни: «Каждая глава „Онегина“, которая появлялась после 1825 года, отличалась всё большей и большей глубиной».

И. Гончаров о правде изображения жизни: «Пушкин... был наш учитель — и я воспитывался, так сказать, его поэзией... Я узнал его с „Онегина“, который выходил тогда периодически, отдельными главами: Боже мой! Какой свет, какая волшебная даль открылась вдруг — и какие правды — и поэзии, и вообще жизни, притом современной, понятной, хлынули из этого источника и с каким блеском, в каких звуках! Какая школа изящества, вкуса для впечатлительной природы!..»

Л. Толстой о лаконизме и ёмкости письма: «Я сегодня всё время читал... „Евгения Онегина“! И всем советую его перечесть. Удивительное мастерство двумя-тремя штрихами обрисовать особенности быта того времени. Не говорю уже о таких шедеврах, как письмо Татьяны...»

«Евгений Онегин». Глава четвёртая, строфа XXXV.
Художник В. Гельмерсен

Ф. Достоевский о народности романа в стихах А. С. Пушкина: «...в „Онегине“, в этой бессмертной и недостижимой поэме своей, Пушкин явился великим народным писателем, как до него никогда и никто...»

Известный пушкинист *С. Бонди* в книге «А. С. Пушкин. „Евгений Онегин“» рассказывает:

«Пушкин писал „Евгения Онегина“ больше восьми лет (1823—1831). За это время многое изменилось и в жизни Пушкина, и в характере его творчества.

Самое главное было то, что он (приблизительно с 1825 года) из поэта-романтика превратился в поэта-реалиста...

Если раньше он, как всякий романтик, в своих стихах, поэмах ставил главной задачей *излить свою душу*, отразить в сюжетах и образах поэм свои *собственные* чувства, переживания, страдания, причинённые ему жизнью, то, став художником-реалистом, он стремится не столько говорить о себе, сколько о самой жизни, не столько изливать свои чувства, сколько внимательно наблюдать, изучать, художественно обобщать окружающую действительность.

<...> Роман „Евгений Онегин“ сделался первым подлинно реалистическим русским романом. В... 1833 году Пушкин выпустил в свет весь роман полностью в таком виде, в каком мы его сейчас и читаем. <...>

Много интересного и важного говорит Пушкин в лирических отступлениях „Евгения Онегина“ о литературе вообще, об особенностях своего поэтического творчества, о значении поэзии, о связи поэзии с жизнью. <...>

В „Евгении Онегине“ он хотел создать образ, характер молодого человека того времени, во многом вовсе не похожего на автора романа. Он боялся, чтобы критики не приняли Онегина за автопортрет Пушкина:

Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной...

Пушкин пользовался в своих лирических стихах, иногда в поэмах строфами разного типа, уже известными в практике европейских поэтов. Но для „Евгения Онегина“ он изобрёл особую строфу, которую так и называют — „онегинской строфой“.

Пушкин сознательно старался сближать и народный язык, и народную поэзию с языком и литературой образованных классов. Письмо Татьяны к Онегину — одно из самых тонких, нежных, трогательно-поэтических лирических стихотворений Пушкина. <...>

Главное действующее лицо романа — молодой помещик Евгений Онегин показан Пушкиным как человек с очень сложным и противоречивым характером. Не так легко установить даже, как относится к нему сам автор. Тон рассказа о нём у Пушкина почти до самого конца романа иронический. Поэт не скрывает его недостатков и не старается оправдать их. <...>

Приведя в восьмой главе (строфа VIII) резко недоброжелательные отзывы об Онегине какого-то светского его знакомого, поэт решительно вступает за своего героя. <...>

Характер Онегина не остаётся неизменным. Под влиянием событий, рассказанных Пушкиным в романе, в нём происходит значительная эволюция, и в восьмой, в последней главе романа Онегин уже совсем не тот, каким мы его видели в первых шести главах. <...>

Воспитание, полученное Онегиным, было самое губительное. Он рос без матери; отец, легкомысленный петербургский барин-чиновник, видимо, не обращал на него никакого внимания, поручив его наёмным „убогим“ гувернёрам и гувернанткам („мадам“ и „мосье“). <...>

Хорошие задатки его души благодаря воспитанию и жизненной обстановке оставались под спудом, не получали развития. <...>

Характер Онегина не выдуман Пушкиным. Он в этом образе обобщил черты, типичные для целого слоя тогдашних молодых людей. <...>

Предваряя текст «Евгения Онегина» предисловием, С. Бонди задаёт читателям вопрос: «Какова же главная мысль, главная идея „Евгения Онегина“?» На свой вопрос он ответил так:

«...Кажется сначала, что автор ничего не хотел им <романом> доказать, никакой ясной, конкретной идеи в свой роман не вкладывал... Но если внимательно всмотреться в ту жизнь, которую рисует Пушкин в романе, вдуматься в ту правду, которую он нам показывает, то поневоле читатель должен прийти к определённым выводам: неправильно, нехорошо устроена та жизнь, которую так широко и богато развернул перед нами Пушкин! Счастливыми могут быть в ней только самодовольные пошляки, обыватели, посредственности, люди, стоящие на невысоком моральном и умственном уровне, вроде деревенских соседей Онегина или отца Татьяны и Ольги... Люди же благородные, с высокими требованиями к жизни, тонко и сильно чувствующие, всегда несчастны... Или они

гибнут, как Ленский... или продолжают жить с опустошённой душой, без надежд на счастье, как Онегин и Татьяна...»

Опыт литературоведческого исследования

Согласны ли вы с размышлениями известного пушкиниста С. Бонди? Выскажите свою точку зрения, подтвердите её текстом.

Сопоставьте эти размышления с мнением пушкиниста В. Непомнящего.

В статье В. Непомнящего «„Евгений Онегин“ — про что это?» читаем:

«...Несовпадение личности и её образа жизни и есть основа романа».

«...Роман написан не для человека по имени Евгений Онегин и даже не про этого человека — он написан о русском мыслящем человеке послепетровского времени, и написан он для всех. И главная проблема романа — это проблема человека, поставленная Пушкиным в конечном счёте как проблема религиозная и раскрываемая им в глубоко христианском духе; об этом ярче всего говорит любовь Татьяны, раскрывающаяся как христианская любовь...»

Согласны ли вы с этой оценкой литературоведа-пушкиниста? Подготовьте свой ответ в форме рассуждения.

В «Рабочей книге...» В. В. Голубкова¹ сравниваются два взгляда на характер и личность Онегина:

Взгляд Белинского

1. Онегин — выдающаяся, недюжинная натура:

- а) он способен к чувствительности, к сочувствию людям, к дружбе, любви и поэзии;
- б) у него есть «преданность мечтам» (правда, неясным) о другой, лучшей жизни;
- в) «он не годится в гении, не лезет в великие люди, но бездеятельность, пошлость жизни душат его»;
- г) он очень требователен к себе и людям; оттого — недоволен собой и разочарован в жизни; его тоска — «страдание истинное, без фраз и драпировки»;
- д) он — умный, понимающий других и себя человек.

Взгляд Писарева

1. Онегин — обыкновенный пустой светский человек, дюжинная натура:

- а) он не способен ни к каким чувствам;
- б) мечтает он не о лучшей жизни, а о женской красоте;
- в) скучает в свете... его скука — «простое физиологическое последствие его беспорядочной жизни...»;
- г) разочарованность в жизни — напускная;
- д) умственные способности его очень не блистательны.

¹ Голубков В. В. Рабочая книга по литературе для II ступени. VIII группа. — М.: Л., 1928.

2. То, в чём обвиняют Онегина некоторые критики, говорит не о чёрствости и эгоизме его, а лишь о том, что он не герой:

а) он испытывает к Татьяне «сильную и глубокую страсть...»;

б) Онегин виноват в убийстве Ленского, он испугался «общественного» мнения, но ведь «деспотизм предрассудков требует для борьбы с собой героев»;

в) притворство с больным дядей объясняется не чёрствостью Онегина, а его светской деликатностью.

3. Онегин не занимается плодотворной деятельностью не потому, что не способен к ней, а оттого, что такая деятельность в русском обществе его времени невозможна. Сама судьба осудила его на личную жизнь и скуку. Он — «эгоист поневоле, эгоист страдающий».

2. То, в чём Белинский оправдывает Онегина, не может быть оправдано:

а) Онегин, объясняясь в любви Татьяне, «добивается только интрижки...»;

б) согласившись на дуэль с Ленским, он проявил «бесхарактерность...»;

в) притворство пред больным дядей доказывает способность Онегина «подличать из выгод...».

3. Онегин — эгоист по природе — светский тунеядец.

Какие взгляды критиков вы разделяете? Обоснуйте свои суждения.

Размышляем о прочитанном

1. Расскажите об истории создания романа «Евгений Онегин».
2. Расскажите об «онегинской строфе»: о количестве стихов в ней, способах рифмовки, строфических переносах. Как вы понимаете эпиграф к роману и вступление к первой главе?
3. Какое начало — лирическое или эпическое — преобладает в романе? Как построен роман? Как первая и последняя встречи Татьяны и Онегина определяют характеры героев?
4. Как изменяется автор в романе? Каковы его идеалы?
5. Как изменяется Онегин? Почему Татьяна — любимый идеал Пушкина? Почему счастье Татьяны и Онегина оказалось невозможным?
6. Что вы можете сказать о языке романа?
7. Кто назвал роман «цветком на поле нашей словесности», «энциклопедией русской жизни»? Кто считал его бессмертной и недостижимой поэмой, а Пушкина «великим народным писателем, как до него никогда и никто»?

Как вы понимаете эти и другие высказывания? Подготовьте ответ-рассуждение.

8. **Дискуссия.** Что в тексте романа показалось вам особенно современным? Чем интересна жизнь и судьба Онегина? В чём его поведение обычно и в чём оригинально, отлично от других его соседей-помещиков? Какую характеристику даёт своему герою автор? Как бы вы охарактеризовали главного героя?
9. Что можно сказать о дружбе Онегина и Ленского, о сходстве и различиях сестёр Лариных? Каково отношение автора к каждому из героев? Белинский говорит о Ленском, что он «был романтик, и больше ничего». Герцен считал, что Пушкин в лице Владимира Ленского «представил отрадное явление», но «расстрелял его, и за дело. Что ему оставалось делать, как не умереть, чтобы остаться благородным, прекрасным явлением?» Как вы оцениваете характер Ленского?
10. Сопоставьте высказывания о героях. Подготовьте характеристику Татьяны или Ольги, Ленского или Онегина (на выбор), используя материалы статей Белинского «Сочинения Александра Пушкина».
11. Чем интересны описания природы в романе? Каковы их роль и значение? Что заинтересовало вас в авторских отступлениях?
12. Можно ли назвать роман «Евгений Онегин» реалистическим? Что такое реализм? Найдите определение в учебнике и в различных словарях.

Развиваем дар слова

1. Введите в свой рассказ об А. С. Пушкине следующие словосочетания: *литературное поприще, гражданское вольнолюбие, национальный дух, декабристская идеология, «сквозь магический кристалл», исторические судьбы, божественная гармония.*
2. Объясните значения слов и словосочетаний, подберите к ним синонимы: *забавы, гнёт власти роковой, вольность, томленье упования, пленительное счастье, вспрянет, самовластье, заветный умысел, своиравные порывы, смиренный парус, рвалась душа, почил, неукротим, жажда, шестикрылый серафим, вещице зеницы, неба содроганье, трепетное сердце, глаголом жги.*

Литература и другие виды искусства

Найдите и рассмотрите иллюстрации разных художников к роману (самого А. С. Пушкина, М. Микешина, Н. Кузьмина, М. Добужинского, А. Нотбека, В. Конашевича, В. Гельмерсена и др.). Какие иллюстрации, по вашему мнению, ярче передают настроение героев?

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. С. Пушкин. «Евгений Онегин» (фрагменты)

1. Какие особенности романа проявились в актёрском чтении? Какие интонации преобладают в первых главах романа? Какие переходы делаются от одной сцены к другой (театр, кабинет, бал и т. д.)? Какими красками рисует актёр характер Онегина, как передаёт красоту театра, балета, бала? Как музыка помогает представить «душой исполненный полёт» Истоминой, атмосферу светского бала?
2. Какие черты характера героини романа стремится передать актриса, читая письмо Татьяны? Какие чувства сменяют друг друга в голосе и интонациях актрисы, читающей письмо Татьяны (смущение, робость, надежда, сомнение...)?
3. Отличается ли гамма чувств, звучащая в чтении письма Онегина, от переживаний, прозвучавших в письме героини романа?
4. Подготовьте выразительное чтение писем Татьяны и Онегина, обогатив его наиболее удачными находками актёров.

Творческое задание

1. Подготовьте развёрнутые ответы на вопросы: в чём странность Онегина с точки зрения высшего общества? О каких взглядах героев свидетельствуют письма Татьяны к Онегину и Онегина к Татьяне?
2. **Публичное выступление.** Подготовьте сообщение на одну из тем: «История Онегина — это история возрождения героя», «Цельность характера Татьяны», «Многогранность и сложность характеров в романе „Евгений Онегин“».
3. Пушкин писал, что под романом он понимает «историческую эпоху, развитую на вымышленном повествовании». Можно ли эти слова отнести и к роману «Евгений Онегин»? В то же время Ф. М. Достоевский назвал роман «Евгений Онегин» поэмой «осязательно реальной, в которой воплощена настоящая русская жизнь с такою творческою силой и с такою законченностию, какой и не бывало до Пушкина, да и после него, пожалуй». В. Г. Белинский считал, что «Онегина» можно назвать «энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением». Как вы понимаете эти высказывания? Постройте диалог, отвечая на этот вопрос, опираясь на суждения критиков и своё понимание романа «Евгений Онегин».

Работа в группе. Подготовьте пушкинский праздник.

Ученики заранее распределяют роли и задания: кто подготовит «слово о поэте», кто будет читать его произведения, кто организует конкурс на лучшую иллюстрацию к произведениям А. С. Пушкина и устроит их выставку, кто расскажет об интерпретации пушкинских образов мастерами изобразительного искусства, кто — об экранизациях, операх, балетах, театральных постановках по произведениям писателя и т. д.

* * *

Подготовиться к выполнению проектов и творческих заданий вам помогут следующие книги:

А. С. Пушкин. Школьный энциклопедический словарь / под ред. В. И. Коровина. — М., 2000.

Вацуро В. Э. Записки комментатора. — СПб., 1994.

Коровин В. И. Лелеющая душу гуманность. — М., 1982.

Коровин В. И. Россия и Запад в болдинских произведениях Пушкина. «Моцарт и Сальери», «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». — М., 2013.

Коровин В. И. А. С. Пушкин в жизни и творчестве: учеб. пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей. — М., 2013.

Лотман Ю. М. А. С. Пушкин. Исследования и статьи. — М., 1996.

Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. — М., 1976.

Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. Статьи и заметки о Пушкине. — М., 1983.

Произведения А. С. Пушкина в школе. Ч. 1 / сост. В. Я. Коровина. — М., 2002.

Произведения А. С. Пушкина в школе. Ч. 2 / сост. В. Я. Коровина. — М., 2003.

Пушкин в прижизненной критике. 1820—1827 / под ред. В. Э. Вацуро, С. А. Фомичева. — СПб., 1996.

Пушкин в прижизненной критике. 1828—1830 / под ред. Е. О. Ларионовой. — СПб., 2001.

Пушкин в русской философской критике / сост. Р. А. Гальцева. — М., 1990.

Пушкин в прижизненной критике. 1831—1833 / под ред. Е. О. Ларионовой. — СПб., 2003.

Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов / под ред. Н. В. Измайлова. — Л., 1974.

Поэты пушкинской эпохи

Рядом с Пушкиным жили и творили замечательные поэты. Их обычно называют *пушкинской плеядой*, *поэтами пушкинской поры*, *пушкинского периода*, *пушкинского времени*, *пушкинской эпохи*, *пушкинского круга*. Самое точное из этих названий, пожалуй, *поэты пушкинской поры*.

Чаще всего под словами «поэты пушкинской поры» подразумевают всех поэтов, которые жили и писали стихи в одно время с Пушкиным, независимо от того, в какой степени человеческой, духовной или просто литературной близости они стояли к Пушкину. Решающее значение имеет одновременность поэтической деятельности.

В пушкинскую эпоху часто включают Д. В. Давыдова, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова и других поэтов. Однако творчество каждого из них не вмещается в границы литературной жизни Пушкина. Они были «учителями» Пушкина в поэзии и опубликовали свои первые произведения прежде, чем их младший современник вошёл в литературу, а окончание их творческой деятельности не совпадает с завершением творческого пути Пушкина. Батюшков, хотя и пережил Пушкина, покинул литературную арену значительно раньше его. Жуковский, не оставлявший пера до конца дней, умер спустя много лет после гибели Пушкина. Это означает, что Д. В. Давыдова, В. А. Жуковского и К. Н. Батюшкова нужно отнести к предпушкинской поро.

Было бы ошибочно причислить к пушкинской поро М. Ю. Лермонтова, творчество которого, по словам В. Г. Белинского, относится к совсем иной, послепушкинской поэтической эпохе.

Значит, границы пушкинской поры в строгом смысле этого понятия совпадают с периодом 1820—1837 годов. 1820 год — время, когда Пушкин после поэмы «Руслан и Людмила» и романтических поэм занял по признанному современниками праву почётное первое место на русском Парнасе; 1837-й — смерть Пушкина и выход на литературную арену М. Ю. Лермонтова и Н. В. Гоголя.

Из всего этого следует, что собственно к пушкинской поро принадлежат крупнейшие поэты, обладавшие самостоятельными оригинальными дарованиями и близкие Пушкину лично, разделявшие с ним в той или иной мере гражданские, социальные, философские, этические и эстетические убеждения, принимавшие участие в полемике с одними и теми же литературными противниками.

Среди поэтов пушкинской поры есть поэты третьего и четвёртого ряда, наделённые небольшими талантами, но испытавшие мощное обаяние личности и гения Пушкина, усвоившие его темы и мотивы, лёгкость стиха, ясный и прозрачный стиль.

Из старших друзей и сверстников Пушкина наиболее талантливыми были *Пётр Андреевич Вяземский*, *Антон Антонович Дельвиг*, *Николай Михайлович Языков* и *Евгений Абрамович Баратынский*. Все они обладали собственными поэтическими «голосами», но при этом испытывали влияние Пушкина и входили в пушкинский круг поэтов. О них и пойдёт речь.

Пётр Андреевич Вяземский (1792—1878) — старший современник и друг А. С. Пушкина. Поэт, критик, историк литературы, мемуарист. Участник Бородинского сражения. Один из организаторов литературного общества «Арзамас». Автор басен, элегий, стихотворных обзоров, статей о поэмах Пушкина. Один из самых активных защитников романтизма. Вяземского называли «декабрист без декабря»: он не участвовал в восстании декабристов, но разделял их взгляды и тяжело пережил трагедию на Сенатской площади, считая казнь и ссылку декабристов несправедливыми и жестокими.

Пушкин писал о Вяземском:

Судьба свои дары явить желала в нём,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род — с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой.

Важнейшее качество Вяземского-поэта — острое и точное чувство современности. Он чутко улавливал жанровые, стилистические, содержательные изменения, которые намечались или происходили в литературе. Другое его свойство — энциклопедизм. Поэт был необычайно образованным человеком. Третья особенность Вяземского — рассудочность, склонность к теоретизированию. Он был крупным теоретиком русского романтизма, но рассудительность в поэзии придавала его сочинениям некоторую сухость и приглушала эмоциональные романтические порывы.

Поэтическая культура, взрастившая Вяземского, была одной природы с поэтической культурой Пушкина. Вяземский ощущал себя наследником XVIII века, блестящего века Просвещения, был поклон-

П. А. Вяземский.
Художник И. Зонтаг

ником Вольтера и других французских философов. Поэт с детства впитал любовь к просвещению, к разуму; придерживался либеральных, свободолобивых взглядов, стремился к полезной государственной и гражданской деятельности. В творчестве предпочитал традиционные поэтические формы — вольнолюбивую оду, меланхолическую элегию, дружеское послание, притчу, басню, сатиру, песни в русском стиле, стихотворные обозрения, а впоследствии и философскую лирику.

Как и другие молодые поэты, Вяземский быстро усвоил поэтические открытия Жуковского и Батюшкова и проникся идеей домашнего счастья. Предпочтение личных чувств официальным, естественное равенство, личная независимость, союз ума и веселья — вот темы многих его стихотворений.

В этом не было равнодушия к гражданскому поприщу, не было стремления к замкнутости или к уходу от жизни. Противопоставляя домашний халат ливрее, блеск и шум света «тихому миру», полному богатых дум, Вяземский хотел сделать свою жизнь насыщенной и содержательной. Его частный мир был гораздо нравственнее пустого топтанья в светских гостиных. Внутренне свободным он чувствовал себя дома:

В гостиной я невольник,
В углу своём себе я господин...

Вяземский, однако, понимал, что уединение — вынужденная, но отнюдь не самая удобная и достойная образованного вольнолюбивого поэта позиция. По натуре Вяземский — боец, но обществу чужда его свободная душа.

Став сторонником карамзинской реформы русского литературного языка, увлечшись затем идеями романтизма, он вскоре выступил как поэт-романтик. В его понимании романтизм — это освобождение личности от «цепей», низложение правил в искусстве. Проникнутый этими настроениями, Вяземский пишет стихотворение «Негодование», в котором обличает жизненные условия, отторгнувшие поэта от общественной деятельности; элегию «Уныние», прославляющую «уныние», потому что оно врачует душу поэта, сближает с полезным размышлением, даёт насладиться плодами поэзии. В романтизме Вяземский увидел опору своим поискам национального своеобразия и стремлениям постичь дух народа.

Знаменитой стала его элегия «Первый снег», строку из которой — *«И жить торопится, и чувствовать спешит»* — Пушкин взял эпиграфом к первой главе «Евгения Онегина». В пятой главе романа при описании снега он опять вспомнил Вяземского и отослал читателя к его стихам. Отголоски «Первого снега» слышны и в «зимних» пушкинских стихотворениях («Зима. Что делать нам в деревне. Я встречаю...», «Зимнее утро»).

«Первый снег» по своей стилистике занимает место между произведениями Жуковского, Батюшкова и стихотворениями Пушкина. У Вяземского лирическое чувство спаяно с конкретными деталями русского быта и пейзажа. В элегии возникают контрастные образы *нежного баловня полуденной природы*, южанина, и *сына пасмурных небес полуночной страны*. Первый снег становится символом души северянина. С ним связаны радостные впечатления, труд, быт, волнения сердца, чистота помыслов и стремлений. В описании зимы стих Вяземского наполняется энергией. Над сложными и перегруженными символикой метафорами в описании начинают преобладать яркие зрительные образы.

Первый снег (фрагмент)

Сегодня новый вид окрестность приняла
 Как быстрым манием чудесного жезла;
 Лазурью светлую горят небес вершины;
 Блестящей скатертью подёрнулись долины,
 И ярким бисером усеяны поля.
 На празднике зимы красуется земля
 И нас приветствует живительной улыбкой.
 Здесь снег, как лёгкий пух, повис на ели гибкой;
 Там, тёмный изумруд посыпав серебром,
 На мрачной сосне он разрисовал узоры.
 Рассеялись пары и засверкали горы,
 И солнца шар вспылал на своде голубом.
 Волшебницей зимой весь мир преобразован;
 Цепями льдистыми покорный пруд окован
 И синим зеркалом сравнялся в берегах.
 Забавы ожили; пренебрегая страх,
 Сбежались смельчаки с берегов толпой игривой
 И, празднуя зимы ожидаемый возврат,
 По льду свистящему кружатся и скользят.

* * *

Суровая красота зимы рождает особый характер человека — нравственно здорового, презирающего опасность, гнев и угрозы судьбы. Вяземский психологически тонко передаёт и молодой задор, и горячность, и восторженное приятие жизни. Даже самая грусть осмыслена национальным чувством.

Картины природы у Вяземского органично связаны с описанием любовного чувства. Восхищение стихийной красотой и силой природы сменяется восторгом и упоением любви.

Пушкин назвал слог Вяземского в «Первом снеге» «роскошным». И это была не только похвала. Вяземский — тут его бесспорная заслуга — рисовал реальный, а не идеальный пейзаж, создавал реальную, а не отвлечённую или воображаемую русскую зиму.

И всё-таки он не мог обойтись без привычных, устойчивых поэтических формул, без выражений, которые обычно называют поэтизмами.

Для Вяземского реальная зима в деревне недостаточно поэтична, и он считает нужным её расцветить. Отсюда в его творчестве возникают такие «картинные» сравнения: «В душе блеснула радость, // Как искры яркие на снежном хрустале»; «Воспоминание, как чародей богатый» и др.

Если сравнить описания зимы у Вяземского и Пушкина, то легко заметить, что Пушкин избегает метафор и поэтизмов. Слово у него прямо называет предмет:

...Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь, не вельет ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Надо, однако, сказать, что Вяземский впоследствии усвоил многие уроки Пушкина, и в его песнях зазвучали мотивы, переданные живым поэтическим языком большого русского поэта. Образец такой лирики — стихотворение «Ещё тройка»:

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьётся пыль из-под копыт,
Колокольчик звонко плачет,
И хохочет, и визжит.

Антон Антонович Дельвиг (1798—1831) — лицеист, ближайший друг А. С. Пушкина. Автор идиллий, элегий, романсов, русских песен и сонетов, основатель и издатель «Литературной газеты» и альманаха «Северные цветы».

Идиллия

Некогда Титир и Зоя, под тенью двух юных платанов,
Первые чувства познали любви и, полные счастья,
Острым кремнем на коре сих дерев имена начертали:
Титир — Зою, а Титира — Зоя, богу Эроту
Шумных свидетелей страсти своей посвятивши. Под старость
К двум заветным платанам они прибрели и видят

А. А. Дельвиг. Художник В. Лангер

Чудо: пни их, друг к другу склонясь, именами срослися. —
 Нимфы дерев сих, тайною силой имён сочетавшись,
 Ныне в древе двойном вожделеньем на путника веют;
 Ныне в тени их могила, в могиле той Титир и Зоя.

Элегия

Когда, душа, просилась ты
 Погибнуть иль любить,
 Когда желанья и мечты
 К тебе теснились жить,
 Когда ещё я не пил слёз
 Из чаши бытия, —
 Зачем тогда, в венке из роз,
 К теням не отбыл я!

Зачем вы начертались так
 На памяти моей,
 Единый молодости знак,
 Вы, песни прошлых дней!
 Я горько доли и леса
 И милый взгляд забыл, —
 Зачем же ваши голоса
 Мне слух мой сохранил!

Не возвратите счастья мне,
 Хоть дышит в вас оно!
 С ним в промелькнувшей старине
 Простился я давно.

Не нарушайте ж, я молю,
 Вы сна души моей
 И слова страшного: *люблю*
 Не повторяйте ей!

Вдохновение

Сонет

Не часто к нам слетает вдохновенье,
 И краткий миг в душе оно горит;
 Но этот миг любимец муз ценит,
 Как мученик с землёю разлученье.

В друзьях обман, в любви разуверенье
 И яд во всём, чем сердце дорожит,
 Забыты им: восторженный пиит
 Уж прочитал своё предназначенье.

И презренный, гонимый от людей,
 Блуждающий один под небесами,
 Он говорит с грядущими веками;

Он ставит честь превыше всех частей,
 Он клевете мстит славою своей
 И делится бессмертием с богами.

Романс

Только узнал я тебя —
 И трепетом сладким впервые
 Сердце забилось во мне.

Сжала ты руку мою —
 И жизнь, и все радости жизни
 В жертву тебе я принёс.

Ты мне сказала «люблю» —
 И чистая радость слетела
 В мрачную душу мою.

Молча гляжу на тебя, —
 Нет слова все муки, всё счастье
 Выразить страсти моей.

Каждую светлую мысль,
 Высокое каждое чувство
 Ты зарождаешь в душе.

Русская песня

Соловей мой, соловей,
 Голосистый соловей!
 Ты куда, куда летишь,
 Где всю ночку пропоёшь?
 Кто-то бедная, как я,
 Ночь прослушает тебя,
 Не смыкаячи очей,
 Утопаючи в слезах?
 Ты лети, мой соловей,
 Хоть за тридевять земель,
 Хоть за синие моря,
 На чужие берега;
 Побывай во всех странах,
 В деревнях и в городах:
 Не найти тебе нигде
 Горемышнее меня.
 У меня ли у молодой
 Дорог жемчуг на груди,
 У меня ли у молодой
 Жар-колечко на руке,
 У меня ли у молодой
 В сердце миленький дружок.
 В день осенний на груди
 Крупный жемчуг потускнел,
 В зимнюю ночку на руке
 Распаялося кольцо,
 А как нынешней весной
 Разлюбил меня милой.

* * *

В отличие от Вяземского Дельвиг воплотил свой романтизм в классицистических жанрах, или, что одно и то же, придал старым жанрам новое, романтическое звучание. Он стилизовал античные, древнегреческие и древнеримские стихотворные размеры и воссоздавал в своей лирике условный мир древности, где царствуют гармония и красота. Для своих античных зарисовок Дельвиг избрал жанр идиллий, действие которых развёртывается обычно под сенью деревьев, в прохладной тишине, у сверкающего источника. Состояние природы всегда умиротворённое, и это подчёркивает гармонию вне и внутри человека.

Герои идиллий Дельвига — цельные существа, никогда не изменяющие своим чувствам. В одном из лучших стихотворений поэта —

«Идиллия» («Некогда Титир и Зоя под сенью двух юных платанов...») — восхищённо рассказывается о прекрасной любви юноши и девушки, сохранённой ими навеки. В наивной и чистой пластической зарисовке поэт сумел передать благородство и возвышенность нежного и глубокого чувства. И природа, боги сочувствуют влюблённым, оберегая и после их смерти неугасимое пламя любви. Герои Дельвига не рассуждают о своём чувстве — они отдаются его власти, и это приносит им радость.

В другой идиллии — «Друзья» — весь народ от мала до велика живёт в согласии. Ничто не нарушает его безмятежного покоя. После трудового дня, когда «вечер осенний сходил на Аркадию», «вокруг двух старцев, друзей знаменитых» — Палемона и Дамета — собрался народ, чтобы ещё раз полюбоваться их искусством определять вкус вин и насладиться зрелищем верной дружбы. Привязанность друзей родилась в труде. Отношения любви и дружбы выступают в поэзии Дельвига мериллом ценности человека и всего общества. Не богатство, не знатность, не связи определяют достоинство человека, а простые личные чувства, их цельность и чистота.

Идиллии Дельвига могут навести на мысль, что он явился запоздалым классицистом в романтическое время: темы, стиль, жанры, размеры — всё это взято у классицистов. И всё-таки причислять к ним Дельвига было бы неверно. Дельвиг — романтик, который тоскует по утраченной Античности, по условному миру классической стройности и гармонии. Он разочарован в современном ему обществе, где нет ни настоящей дружбы, ни подлинной любви, где человек чувствует разлад и с людьми, и с самим собой. За мечтами о гармоничном, прекрасном и цельном мире Античности прячется лишённый цельности человек и поэт. Он озабочен разобщённостью, разорванностью, разрозненностью людей, страшится будущего и романтически переживает всё это в своей поэзии. Дельвиг внёс в жанр идиллии несвойственное ему содержание — скорбь о конце золотого века. Подтекст его восхитительных идиллий, наивных и трогательных в своей жизнерадостности, коренится в чувстве тоски по утраченной гармонии между людьми, между человеком и природой. В мире под покровом гармонии таится хаос, и потому прекрасное — хрупко и ненадёжно. Но потому и особенно дорого. Так в идиллию проникают элегические мотивы и настроения. Её содержание становится драматичным и печальным.

В такой же степени, как и в идиллиях, Дельвиг явился романтиком и в своих народных песнях. В духе романтизма он обращался к народным истокам и проявлял интерес к древней национальной культуре. Песни Дельвига наполнены тихими жалобами на жизнь, которая делает человека одиноким и отнимает у него законное право на счастье. Песни запечатлели мир страданий простых русских людей

в печальных и заунывных мелодиях («Ах ты, ночь ли. Ноченька...», «Голова ль моя, головушка...», «Скучно, девушки, весною жить одной...», «Пела, пела пташечка...», «Соловей мой, соловей...», «Как за реченькой слободушка стоит...», «И я выйду на крылечко...», «Я вечор в саду, младёшенька, гуляла...», «Не осенний частый дождичек...»).

Содержание лирических песен Дельвига всегда грустно: не сложилась судьба девицы, тоскующей о суженом, нет свободы у молодца, любовь никогда не приводит к счастью, но приносит лишь неизбывное горе. Русский человек в песнях Дельвига жалуется на судьбу даже в том случае, когда нет конкретной причины. Грусть и печаль как бы разлиты в воздухе, и потому этих чувств не избежать, как никогда не избавиться от одиночества.

Николай Михайлович Языков (1803—1846[1847]) — современник и друг А. С. Пушкина. Один из крупнейших поэтов пушкинского времени. С Пушкиным сблизился в Михайловском. Прославился «студенческими» застольными песнями. Широко раздвинул границы поэзии, овладев непрерывным стихотворным периодом и введя в лирику иронические и восторженные интонации.

Поэзия Н. М. Языкова была совсем иной по содержанию и по тону, чем поэзия Дельвига. Пафос лирики Языкова, её эмоционально-смысловое наполнение — это пафос романтической свободы личности, которая верила в достижение свободы, а потому радостно и даже порой бездумно, всем существом принимала жизнь. Языков радовался жизни, её кипению, её безграничным и многообразным проявлениям. И такое отношение к жизни зависело не от его политических или философских взглядов — оно было безоглядным. Поэт не анализировал, не пытался понять и выразить в стихах причины своего жизнелюбивого мирозерцания. В его лирике заговорила природа человека как свободного и суверенного существа. И это чувство свободы касалось в первую очередь его, Языкова, личности и ближайшего к нему окружения — родных, друзей, женщин. И хотя в стихотворениях Языкова нет-нет да и появятся ноты печали и сомнений, они всё-таки единичны. Они огорчают, но не пугают, не обессиливают и легко преодолеваются. Вот, например, знаменитое стихотворение «Пловец».

Пловец

Нелюдимо наше море,
 День и ночь шумит оно;
 В роковом его просторе
 Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный
 Парус мой направил я:
 Полетит на скользки волны
 Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
 Крепнет ветер, зыбь черней, —
 Будет буря: мы поспорим
 И помужествуем с ней.

Смело, братья! Туча грянет,
 Закипит громада вод,
 Выше вал сердитый встанет,
 Глубже бездна упадёт!

Там, за далью непогоды,
 Есть блаженная страна:
 Не темнеют неба своды,
 Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
 Только сильного душой!..
 Смело, братья, бурей полный,
 Прям и крепок парус мой.

* * *

Приподнятое настроение, жизнелюбие, восторженное состояние души выразились в поэтической речи Языкова торжественно и вместе с тем естественно. Это происходит потому, что восторг вызывают у Языкова любые предметы — «высокие» и «низкие» с точки зрения классицизма. Поэтический восторг Языкова «заземлён», лишён величавости, одического «парения» и выступает естественным чувством свободной личности. Отсюда понятно, что центральные жанры языковской лирики — гимн и дифирамб. При этом любой жанр — песня и элегия, романс и послание — могут стать у Языкова гимном и дифирамбом, потому что в них преобладает состояние восторга. Таким путём Языков достигает свободы от правил классицизма. Всем этим поэт обязан эпохе романтизма.

Главные достижения Языкова связаны с жанрами элегий и посланий. В них поэт создаёт образ мыслящего студента, который предпочитает свободу чувств и вольное поведение принятым в казённом обществе нормам поведения, религиозным запретам и официальной морали. Разгульное молодечество, кипение юных сил, студенческий задор, смелая шутка, избыток и буйство чувств — всё это было, конечно, открытым вызовом обществу, которое крепко опу-

тало личность целой системой условных правил поведения. Языков не находил, как и другие передовые дворяне, душевного простора. Ему было душно в атмосфере российской действительности, и этот естественный протест юной души вылился в своеобразной форме студенческих пирушек, в независимости мыслей и чувств, в ликующем гимне свободной жизни, в прославлении её чувственных радостей, живом и непосредственном приятии бытия. В этом упоении жизнью, в громкой похвальбе, в богатырском размахе чувств слышалось не бездумное веселье, а искреннее наслаждение молодостью, здоровьем, свободой. Здесь человек был сам собой, каков он есть по своей природе, без чинов и званий, отличий и титулов. Он представлялся целостным и гармоничным, в единстве чувств и мыслей. Ему были доступны и переживания любви, природы, искусства, и высокие гражданские чувства. В знаменитом цикле «Песни» Языков славит свободные устремления студента:

Свободой жизнь его красна,
Её питомец просвещенный —
Он капли милого вина
Не даст за скипетры вселенной!

То, что в поэзии XVIII века представлялось «низкими» темами и вызывало «низкие» чувства и слова, в лирике Языкова возвысилось: у него арфа соседствует с кружкой. Вера в свободу у Языкова никогда не исчезает. Силе стихии, роковой, изменчивой, коварной, прерватной, поэт противопоставляет силу души, твёрдость духа, личную волю.

Жанр элегии у Языкова неизмеримо расширяется и включает разнообразные интонации — грустные, торжественные; разнообразные стилевые пласты — от высоких слов до просторечных. Самые простые слова могут звучать торжественно, а высокие — шутливо и весело. Эта свобода поэтической речи воплощает вольную душу и передаёт ощущение широты, размаха, удали.

Следствием этого были смелость и неистощимость Языкова в оживлении поэтического словаря. В стихотворении «К халату» луна для него «ночного неба президент». Он может сказать: «очам возмутительным», «с природою пылкою», «с дешёвой красой», «откровенное вино». Для усиления чувств, для передачи избытка переживаний он нагнетает сравнения, используя анафорические обороты:

Как эта ночь, стыдлив и томен
Очаровательный твой взор;
Как эта ночь, прелестно тёмн
С тобою нежный разговор.

Е. А. Баратынский. Художник
Ж.-Е. Вивьен де Шатобрен

Евгений Абрамович Баратынский (1800—1844) — современник и друг А. С. Пушкина. Крупнейший поэт-философ и автор элегий 1820—1830-х годов, высоко ценимый Пушкиным. Основные жанры — любовно-психологическая и философская элегия. Автор нескольких романтических поэм, из которых поэма «Эда» написана в творческом соревновании с Пушкиным.

Если Языкова упрекали в скудости мыслей, то в поэзии Баратынского современников не удовлетворял, скорее, избыток мыслей.

Баратынский, бесспорно, великий и самый глубокий после Пушкина поэт поколения, пришедшего в литературу вслед за Жуковским и Батюшковым.

В поэтическом творчестве Баратынского преобладают элегии и поэмы. В его творчестве удивительно совпали содержательное наполнение элегии, её «поэтическая философия», сохранённая памятью жанра от давних веков до наших дней, и жизненная философия поэта, его понимание мира, истории, современности и себя.

Баратынский разочарован во всём: в устройстве бытия, в месте, отведённом человеку в мире (между землёй и небом), в любви, в дружбе. Он не верит ни в гармонию на земле, ни в гармонию на небе, он сомневается в возможности счастья «здесь» и в достижении счастья «там». Человек, по мысли Баратынского, изначально раздвоен, разорван. Он не находит гармонии ни в своей душе, ни с миром, окружающим его. Таков общий «закон» мироустройства. В самом деле, размышляет Баратынский, у человека есть тело и душа; тело привязано к земле, оно смертно, а душа рвётся к небу, она бессмертна. Но часто душа, живя повторениями, т. е. видя и переживая одно и то же, умирает как бы раньше тела, и тело становится бессмысленным, лишённым разума и чувств. Или нам даны страсти, благодаря которым мы можем жить полно и напряжённо, но сама жизнь заключена в узкие временные и прочие рамки (*«О, тягостна для нас // Жизнь, в сердце бьющая могучею волною // И в грани узкие втеснённая судьбою»*). Эта двойственность — разорванность в человеке тела с душой, с одной стороны, и человека и мира с другой, — изначально и вечна. Она не отменима. Противо-

речие не может исчезнуть и не может быть примирено, преодолено и разрешено. Таков закон бытия.

А раз закон нельзя отменить, то чувства по поводу того, хорош он или плох, неуместны. Отсюда господствующая эмоция — разочарование, над которым Баратынский не перестаёт размышлять. И это мучительное и холодное размышление, не допускающее громких возгласов, всплесков и разгула чувств, становится внешне спокойным, но таящим угадываемую за ним трагическую внутреннюю мощь. А размышляет Баратынский о жизни как о неизбежном страдании, выпавшем на долю человека и сопровождающем его от рождения до смерти.

В одной из лучших элегий «Признание» герой задумывается не только об утраченной любви, но о самой невозможности достижения счастья. «Не буду я дышать любви дыханьем!» — пишет поэт в стихотворении «Разлука». Он больше не может поверить в иллюзию любви, ибо высокие чувства всегда оказываются «сновиденьем». В элегии «Разуверение» герой Баратынского не верит не в конкретную любовь, а в любовь вообще.

Разуверение

Не искушай меня без нужды
 Возвратом нежности твоей:
 Разочарованному чужды
 Все обольщенья прежних дней!
 Уж я не верю увереньям,
 Уж я не верую в любовь
 И не могу предаться вновь
 Раз изменившим сновиденьям!
 Слепой тоски моей не множь,
 Не заводи о прежнем слова,
 И, друг заботливый, больного
 В его дремоте не тревожь!
 Я сплю, мне сладко усыпленье;
 Забудь бывалые мечты:
 В душе моей одно волненье,
 А не любовь пробудишь ты.

* * *

Понятно, что в этой и других элегиях речь идёт не только о любви, а о судьбе личности, чувства которой гибнут независимо от её воли. Никто не виноват — ни герой, ни его подруга — в том, что чувства остыли и что в браке с другой женщиной соединятся не «сердца», а «жребии». Над людьми стоит убивающий их чувства и порывы «закон», и они подвластны ему, а не самим себе:

Не властны мы в самих себе
 И, в молодые наши леты,
 Даём поспешные обеты,
 Смешные, может быть, всевидящей судьбе.

Мир, говорит Баратынский, лишён гармонии, он драматичен и трагичен. Но, чтобы об этой дисгармонии поведать всем, её нужно сначала победить, преобразить и превратить в гармонию. Это может сделать только поэт — сын гармонии. Он владеет искусством стиха, который сам есть гармония. Побеждая дисгармонию, поэт даёт миру надежду: он возвещает миру, что гармония всё-таки есть. Демонстрируя её в стихе, он исцеляет свою душу и освобождает от скорбей, от страданий души других людей, неся им духовное здоровье. Таким образом, с точки зрения Баратынского, исцеляющей от страданий мощью наделены поэзия и избранники-поэты, которые причастны её тайнам.

Об этом Баратынский сказал в стихотворении «Болящий дух врачует песнопенье...»:

Болящий дух врачует песнопенье.
 Гармонии таинственная власть
 Тяжёлое искупит заблужденье
 И укротит бунтующую страсть.
 Душа певца, согласно излитая,
 Разрешена от всех своих скорбей;
 И чистоту поэзия святая
 И мир отдаст причастнице своей.

Баратынский пишет о том, что действие поэзии на больную душу (больную, конечно, метафорически: страдающую, обременённую либо заблуждениями, либо страстями, не дающими душе покоя) подобно действию священника, который, исповедуя, искупает грехи грешника и отпускает их. Подобно тому, как священнику при религиозном обряде причащения Святых Тайн дана посвящением в сан таинственная власть прощения людских прегрешений, так и поэзия обладает «таинственной властью» освобождать, примирять страсти, приводить их в согласие, иными словами, «разрешать» их в душе певца. Поэт становится способным быть духовным врачом, целителем душ, а это означает, что он способен нести гармонию, покой, согласие, «мир» в души людей, которые через него становятся причастны тайнам бытия.

Пушкинская пора в русской поэзии заканчивается в конце 1830-х годов. В это время произошёл могучий творческий взлёт отечественной музыки, открывшей золотой век нашей литературы. Однако в широком

смысле и в более широкой перспективе пушкинская пора простирается на весь XIX век, прошедший под знаком великого поэта, а творчество Пушкина одухотворяет русскую литературу и ныне. Можно сказать, отнеся слова Гёте, сказанные о Шекспире, к Пушкину: «И несть ему конца».

Размышляем о прочитанном

1. Какие чувства рождает у поэта первый снег в одноимённом стихотворении Вяземского?
2. Какими метафорами награждает автор окружающий мир: окрестность, небеса, долины, поля, снег, ель, сосну, горы, солнце, пруд, лёд?
3. Как в стихотворении Вяземского «Первый снег» люди празднуют первый снег и приход зимы?
4. Как вы воспринимаете первый снег? Можете ли вы описать свои чувства, используя метафоры Вяземского, обновляя их или придумывая свои?
5. О чём сожалеет Дельвиг в первых стихах сонета «Вдохновение»?
6. Что происходит с поэтом, когда к нему приходит вдохновение? Сравните описание этого события с описаниями других поэтов, например Пушкина в стихотворении «Осень».
7. Какой приём используется Дельвигом в строках: «Он говорит с грядущими веками», «делится бессмертием с богами»?
8. Как воспринимает море Языков в стихотворении «Пловец»? Сравните стихотворение Языкова со стихотворениями Жуковского «Море» и Пушкина «К морю».
9. К чему призывает пловцов автор стихотворения: с кем поспорить и с кем помужествовать?
10. Выучите стихотворение Языкова «Пловец» наизусть и прочитайте его, интонационно выделив наиболее важные мысли поэта.
11. Что понимает Баратынский под словами «болящий дух»? В чём состоит врачующая миссия поэзии? Согласны ли вы с мнением поэта?

Опыт литературоведческого исследования

Публичное выступление. Подготовьте устный рассказ об одном из поэтов пушкинской плеяды. Обратите особое внимание на своеобразие его поэтического голоса, а также на темы, жанры, образы, характерные для творчества поэта.

Содержание

Введение	3
Древнерусская литература	
<i>О древнерусской литературе</i>	5
<i>О «Слове о полку Игореве»</i>	10
<i>Из истории рукописи</i>	11
Слово о полку Игореве. Перевод Н. А. Заболоцкого	13
Литература XVIII века	
Классицизм	37
Михаил Васильевич ЛОМОНОСОВ	42
Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния	48
Ода на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года	50
Гавриил Романович ДЕРЖАВИН	58
Властителям и судиям	60
Памятник	64
<i>В творческой лаборатории Г. Р. Державина</i>	—
Сентиментализм	67
Николай Михайлович КАРАМЗИН	68
Бедная Лиза	74
Литература первой половины XIX века	
Романтизм	89
Василий Андреевич ЖУКОВСКИЙ	95
Море	101
Невыразимое (<i>отрывок</i>)	103
<i>Жанр баллады в творчестве В. А. Жуковского</i>	108
<i>В творческой лаборатории В. А. Жуковского</i>	111
Светлана	112
Отечественная проза первой половины XIX века	
Антоний ПОГОРЕЛЬСКИЙ	122
Лафертовская маковница	123
Александр Сергеевич ГРИБОЕДОВ	143
Горе от ума (<i>в сокращении</i>)	148
<i>О комедии «Горе от ума»</i>	240
<i>И. А. Гончаров. «Мильон терзаний» (в сокращении)</i>	249
Александр Сергеевич ПУШКИН	257
<i>Биография А. С. Пушкина</i>	261
Лирика	262
К Морфею	—
Разлука	263

«Погасло дневное светило...»	265
«Кто, волны, вас остановил...»	267
«Свободы сеятель пустынный...»	268
К морю	270
Подражания Корану	274
К***	276
Пророк	278
Стансы	282
Осень (отрывок)	283
Поэт	288
Поэту	289
«Брожу ли я вдоль улиц шумных...»	291
«Я вас любил: любовь ещё, быть может...»	293
Мадонна	295
Бесы	299
Клеветникам России	302
«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...»	306
«...Вновь я посетил...»	307
«Отцы пустынноики и жены непорочны...»	312
Из Пиндемонти	314
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»	316
<i>О поэме «Медный Всадник»</i>	320
Реализм	326
<i>О романе в стихах «Евгений Онегин»</i>	328
Евгений Онегин (фрагменты)	355
<i>В творческой лаборатории А. С. Пушкина</i>	374
Поэты пушкинской эпохи	382
П. А. Вяземский	383
Первый снег (фрагмент)	385
А. А. Дельвиг	386
Идиллия	—
Элегия	387
Вдохновение	388
Романс	—
Русская песня	389
Н. М. Языков	391
Пловец	—
Е. А. Баратынский	394
Разуверение	395

Учебное издание

**Коровина Вера Яновна
Журавлев Виктор Петрович
Коровин Валентин Иванович
Збарский Исаак Семёнович**

ЛИТЕРАТУРА

9 класс

Учебник

В двух частях

ЧАСТЬ 1

Центр литературы

Ответственный за выпуск *А. С. Степанов*

Редакторы *Л. Б. Миронова, А. С. Степанов*

Художественный редактор *Е. В. Дьякова*

Художник *Ю. В. Христич*

Технический редактор *А. Е. Мажар*

Компьютерная вёрстка *И. Ю. Соколовой*

Корректоры *О. Н. Леонова, Н. А. Смирнова*

**Подписано в печать 08.11.2022. Формат 70 ×90/16. Гарнитура SchoolBook.
Уч.-изд. л. 17,03. Усл. печ. л. 29,17. Тираж экз. Заказ № .**

**Акционерное общество «Издательство «Просвещение».
Российская Федерация, 127473, г. Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16,
стр. 3, этаж 4, помещение I.**

Адрес электронной почты «Горячей линии» — voros@prosv.ru.